

Прутцков Г. В. Введение в мировую журналистику. Антология в двух томах. Т.1. М.: Омега-Л, 2003. - 416 с.

Аннотация: В первый том антологии вошли наиболее значительные произведения устной и письменной публицистики с IV века до Рождества Христова до начала V века нашей эры, созданные в Древней Греции, Риме, Восточном Средиземноморье и Византии.

Во второй том антологии вошли наиболее значительные произведения письменной публицистики с начала XVI до конца XVIII в., оказавшие существенное влияние на развитие журналистики в Германии, Англии, США и Франции.

Предисловие

Краткий очерк развития зарубежной журналистики с древнейших времён до конца XVIII века

Ораторское искусство Древней Греции

Горгий (485–380 гг. до Р.Х.)

Похвала Елене

Лисий (459–380 гг. до Р.Х.)

Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена

Исократ (436–338 гг. до Р.Х.)

Панегирик

Эсхин (389–314 гг. до Р.Х.)

Против Ктесифонта о венке

Демосфен (384–322 гг. до Р.Х.)

За Ктесифонта о венке

Ораторское искусство Древнего Рима

Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до Р.Х.)

Первая речь против Катилины

Вторая речь против Луция Сергия Катилины

Третья речь против Луция Сергия Катилины

Четвёртая речь против Луция Сергия Катилины

Публицистика Нового Завета

Апостол и Евангелист Матфей (?-60)

От Матфея Святое благовествование

Апостол и Евангелист Марк (?-63)

От Марка Святое благовествование

Апостол и Евангелист Лука (I в.)

Деяния святых апостолов

Апостол Павел (?-67)

Первое послание к Коринфянам

Послание К Ефессянам

Послание к Колоссянам

Первое послание к Тимофею

Латинская раннехристианская публицистика

Амвросий Медиоланский (340-397)

Письмо об алтаре Победы

Иероним Стридонский (340–420)

Письмо к Магну, великому оратору города Рима

Византийская раннехристианская публицистика

Василий Великий (329–379)

О пресмыкающихся

Иоанн Златоуст (344–407)

Слово огласительное

Письма к Олимпиаде

Предисловие

При подборе текстов для данной антологии составитель исходил из требований программы курса «Введение в мировую журналистику», предназначенной для студентов факультетов и отделений журналистики университетов. Многие тексты, представленные в антологии, давно не переиздавались и малодоступны студентам. Большинство произведений дано в полном объеме, без сокращений. В то же время составитель сознательно не включил в антологию тексты документов, определявших развитие журналистики в странах Запада (Билль о правах, поправки к Конституции США, Декларация прав человека и гражданина и т.д.).

Материал антологии расположен по хронологическому принципу. В первом томе представлены тексты, созданные в период с IV века до Рождества Христова до начала V века нашей эры. При составлении первого тома настоящего учебного пособия некоторые тексты речей древнегреческих ораторов были заимствованы из сборника «Ораторы Греции» (составитель М.Л. Гаспаров. М., 1985), письма Амвросия Медиоланского и Иеронима Стридонского – из сборника «Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков» (ответственные редакторы С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров. М., 1998).

Текстовый материал предваряется биографическими справками об авторах и сопровождается краткими комментариями.

Составитель выражает глубокую благодарность декану факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующему кафедрой зарубежной журналистики и литературы профессору Я.Н. Засурскому за постоянную помощь и поддержку.

Все замечания и предложения по содержанию настоящей антологии будут приняты с благодарностью и учтены в дальнейшей работе.

Краткий очерк развития зарубежной журналистики с древнейших времён до конца XVIII века

Зачатки коммуникации можно увидеть еще в первобытнообщинном обществе, задолго до появления письменности. Публицистика – своеобразная ступень между журналистикой и литературой, высший вид журналистики – зародилась в Древней Греции, вместе с публикой, которая умела самостоятельно мыслить и нуждалась в обсуждении насущных проблем общества и власти.

В античном мире появились и элементы пропаганды. В Средневековье термин пропаганда носил религиозный характер. Пропагандой называлось обращение в веру, и латинские христианские миссионеры именовались пропагандистами.

Использование письменности было одним из первых осознанных опытов коммуникации. О письменности мы говорим как о средстве закрепления речевой информации. Становление письменности тесно связано с потребностями формирующихся обществ и государств: нужна была точная фиксация управленческой, хозяйственной, статистической информации, а также записи правовых и религиозных ритуалов и т.д. В обществе, еще не знавшем алфавита, письмо носило предметный, знаковый характер. На разных этапах развития общества и цивилизаций практиковались также пиктограммы, узелковое письмо, логограммы, из которых впоследствии появились иероглифы и клинопись. Первые идеографические системы возникли в IV тысячелетии до Рождества Христова в Египте и Месопотамии. Клинописью пользовались даже те народы, которые использовали иероглифическое письмо. С древнегреческого языка слово иероглифы переводится как «священные письмена», что, безусловно, говорит о сакральном отношении древних людей к письменности.

На базе иероглифов появилась азбука. Первое буквенное письмо (где не было гласных букв) создали финикийцы примерно в середине II тысячелетия до Р.Х. К финикийскому

письму восходят все европейские системы письма, в том числе и кириллица, а также еврейское, арабское письмо, письменности Индии, Центральной Азии. Первый же алфавит создали древние греки в IX–VIII веках до Р.Х.

До появления стабильных способов письменной фиксации информации публицистика носила устный характер. В Древней Греции она нашла отражение прежде всего в ораторском искусстве, которое зародилось в V веке до Р.Х. и стало таким же почитаемым, как героический эпос и классическая драма. В греческом пантеоне богов была даже богиня красноречия Пейто. Обучение риторике, ораторскому мастерству являлось высшей ступенью античного образования. Аристотель в труде «Риторика» разделил речи на три вида: совещательные (или политические), судебные и торжественные (эпидиктические). Совещательные речи касались вопросов мира и войны, финансов, торговли, законодательства. Цель судебных речей была обвинить или оправдать. Торжественные речи сводились к похвале или порицанию.

Особым видом красноречия являлись судебные речи. В афинском суде, состоявшем из пятисот человек, не было института прокуроров и адвокатов: истец сам обвинял соперника, равно как и обвиняемый защищал себя сам. Всего суд присяжных, собиравшийся для решения наиболее важных и спорных вопросов, насчитывал шесть тысяч человек. Такое количество судей полагалось во избежание их подкупа заинтересованными лицами.

Но далеко не каждый умел грамотно написать судебную речь, и тогда приходил на помощь логограф, который за определенную плату составлял клиенту речь, а также обучал ораторским приемам и особенностям ее исполнения. Эту речь клиент заучивал наизусть и от первого лица произносил в суде.

Древнейшим оратором и крупнейшим для своей эпохи теоретиком и учителем красноречия был Горгий (485–380 годы до Р.Х.). Он приехал из Сицилии в Афины в 58 лет (этот возраст считался глубокой старостью) и всех поразил чистотой и красотой речи. За Олимпийскую речь он удостоился золотой статуи в Олимпии. До нас дошли только две речи Горгия, написанные на сюжеты мифов о «Троянской войне», – «Похвала Елене» и «Оправдание Паламеда». На примере первой речи, которая была для Горгия школьным риторическим упражнением, можно проследить как способы убеждения невинности

Елены, так и риторические фигуры, изобретенные Горгием и получившие название горгиевы (или горгианские) фигуры: антитезу, равночленность и созвучие окончаний.

Наибольшую известность в судебных речах снискал оратор Лисий (459–380 годы до Р.Х.). Из 425 его речей до нас дошло сорок две. Лисий преуспевал в торговле. Стать оратором ему «помогли» жизненные невзгоды. Первую речь Лисий произнес в 55 лет. Она называлась «Против Эратосфена, бывшего члена коллегии Тридцати», была направлена против виновника гибели брата Лисия и оказалась единственной речью, которую оратор произнес лично. Все остальные речи он писал для других. Лисий сознательно избегал вычурности Горгия, несколько изменив классическую композицию речи (например, эпилог у Лисия сдержанный, хотя по канонам здесь должен содержаться высший пафос негодования). Речи Лисия просты и безыскусны. Особенно ярко это видно в «Оправдательной речи по делу об убийстве Эратосфена», где дан великолепный образ обманутого, наивного «маленького» человека, в то же время законопослушного афинянина, для которого последняя надежда – справедливое решение судей.

Одним из самых известных представителей жанра торжественного красноречия был Исократ (436–338 годы до Р.Х.). Из всех античных ораторов именно его можно назвать первым публицистом. Исократ никогда не выступал устно, став зачинателем письменного красноречия. Своим творчеством он предвосхитил такие жанры, как трактат, статья, эссе, памфлет, воззвание, письмо. В дошедших до нас двадцати одной речи и девяти письмах Исократ разрабатывал и пропагандировал политическую программу спасения Эллады: объединение сил греков для борьбы против персов. Особенно ярко выражена эта программа в речи «Панегирик». Любопытно, что «Панегирик» – фиктивная речь, не предназначенная для реального произнесения, а лишь имитирующая выступление оратора. В других речах (например, «Ареопагитик », «Против софистов») Исократ стремился доказать, что лучшая форма правления – единоличная власть, идеальная тирания. Он также вывел качества, необходимые для государственного мужа, среди которых – наличие родословной, восходящей к потомкам Зевса.

Исократ создал школу красноречия, которая, по сути, являлась прообразом первого в мире университета. Там изучались не только предметы, непосредственно нужные будущему оратору, но и почти все гуманитарные и многие точные, естественные науки. Курс обучения длился три-четыре года и стоил тысячу драхм (1 драхма равняется 4,366 г

серебра), что было доступно только юношам из богатых аристократических семей и делало практически невозможным получение универсального образования политическими оппонентами Исократа – как правило, весьма небогатыми сторонниками афинской демократии.

Среди ораторов, приверженных афинской демократии, наибольшую известность получил Демосфен (384–322 годы до Р.Х.). Обделенный от природы ораторскими навыками, он долго и мучительно изживал физические недостатки, напряженно учился и в итоге снискал всеобщую славу. Оратор, дипломат, публицист, Демосфен яростно защищал демократию и слыл самым непримиримым антимонархистом. Из шестидесяти одной дошедшей до нас речи самые известные, безусловно, «Филиппики» – цикл политических речей, произнесенных против македонского царя Филиппа.

Из внутривнутриполитических речей особый интерес представляет полемика Демосфена со своим политическим оппонентом оратором Эсхином (390–314 годы до Р.Х.). В речи «О предательском посольстве», которая представляет собой синтез судебного и политического красноречия, Демосфен, стремясь разоблачить промакедонскую партию в Афинах, требовал казнить Эсхина. Исключительно любопытно, что все обвинения Демосфена носили моральный характер, так как фактов у него не было. Вместо них оратор то и дело бранил соперника, использовал выгодные ему прорицания богов, клялся и божился. Эсхин в ответной одноименной речи отошел от привычной риторической схемы и выиграл процесс небольшим количеством голосов.

С новой силой полемика Демосфена и Эсхина вспыхнула из-за награждения Демосфена золотым венком. Эсхин в обвинительной речи «Против Ктесифонта о венке» говорил о вопиющих, по его мнению, нарушениях процедуры награждения и стремился убедить судей, что Демосфен как человек и политик не достоин такой награды. Демосфен ответную оправдательную речь «За Ктесифонта о венке» начал с последнего пункта обвинения, то есть принялся восхвалять себя. В речи он допускал и сознательное переименование, и прямую подтасовку фактов, отвечал на брань Эсхина такою же бранью и в итоге уверенно выиграл процесс.

В отличие от древнегреческого римское красноречие утилитарно, его идеал тесно связан с политическим идеалом. Поэтому в Древнем Риме преобладало политическое

красноречие, расцвет которого пришелся на I век до Р.Х. – время падения республики, гражданской войны, установления империи. В эту эпоху прославились такие политики-ораторы, как Гай Гракх, Сервилий Сульпиций, Гортензий, Марк Антоний, Марк Порций Катон-младший. Самым знаменитым римским оратором являлся, безусловно, Марк Туллий Цицерон (106–43 годы до Р.Х.). Завершив обучение красноречию, как это было принято, на греческом острове Родос, он вернулся в Рим и вскоре приобрел всеобщую известность после цикла разоблачительных «Речей против Гая Верреса» – нечистого на руку наместника Сицилии.

Пик политической карьеры и ораторской деятельности Цицерона пришелся на 63 год до Р.Х., когда его избрали консулом. На этой должности Цицерон произнес четыре речи «Против Катилины», посвященные обвинению своего политического оппонента Катилины в заговоре. Этот цикл речей – шедевр мирового красноречия. Никаких доказательств обвинения у Цицерона не было. Главное доказательство замыслов Катилины – преступный характер обвиняемого. Цицерон пользовался такими приемами, как амплификация (преувеличение, раздувание фактов и событий), олицетворение или персонификация, инвектива (когда идея не отделена от ее носителя), патетические риторические вопросы, предсказания богов и божба.

На следующий день после первой же речи Цицерона, произнесенной 8 ноября 63 года до Р.Х., Катилина покинул Рим, не выступив даже с ответной речью. Цицерон, узнав об отъезде своего политического противника, сразу же выступил со второй речью против Катилины, а меньше чем через месяц – с третьей. В четвертой речи 5 декабря Цицерон потребовал решением консула казнить без суда сторонников Катилины, что и было исполнено.

В конце жизни Цицерон прославился речами против пришедшего к власти после убийства Цезаря в 44 году до Р.Х. Марка Антония. Эти речи по примеру Демосфена Цицерон именовал «Филиппиками». Всего было произнесено четырнадцать «Филиппик», наибольший успех из них имели первая и вторая.

Помимо устного красноречия в Риме получает развитие предвосхищенный еще Исократом жанр письма, который не практиковался в Элладе. Богатые римляне, уезжая в отдаленные провинции, оставляли в Риме своих рабов или нанимали свободных людей,

которые знали грамоту и регулярно сообщали в письмах своим хозяевам о том, что делается в столице. Это могли быть и политические, новости, и городские сплетни. Порой один такой человек работал на нескольких корреспондентов и был, по сути, прообразом информационного агентства, принцип работы которого строится на сборе информации и рассылке ее потребителям. Впрочем, письма древних римлян – не только и не столько источник и получатель информации. У авторов была возможность размышлять в своих письмах и доносить свои размышления не только до конкретных адресатов, но и до широкого круга читателей. Таким образом, сформировавшийся жанр письма говорит и о зарождении публицистики в Древнем Риме.

В пантеоне римских богов была Молва (Fama), которую можно назвать богиней информации. Если верить Вергилию, Молва имела сто глаз и сто ушей, она никогда не спала, все видела и разглашала как правду, так и ложь.

В Риме появляется и прообраз газеты. В 59 году до Р.Х. по указанию Цезаря на глиняных дощечках стали выходить «Acta diurna senatus ac populi» («Ежедневные протоколы сената и римского народа»), которые со временем разделились на два направления. В «Acta senatus», которые вывешивались в здании форума, сообщалось о выступлениях в сенате. Это был прообраз элитарной, качественной газеты. «Acta diurna populi romani» выставлялись на площадях, базарах. Там говорилось о городских новостях. С газеты снимали копии, значит, можно говорить о ее тираже. «Acta diurna» отличались лаконичностью и доступностью и явились прообразом современной массовой газеты. Люди, которые собирали материалы для «Acta diurna», предшественники современных репортеров, назывались диурналистами. Отсюда этимология слова «журналист».

Обе газеты не имели собственного названия, на глиняных дощечках присутствовал только текст. И «Acta senatus», и «Acta diurna» для римлян были не имена собственные, а характеристики.

Уже в Древнем Риме заинтересованные лица стремились использовать газеты в своих целях. Так, например, в официальную хронику включались предсказания, прогнозы погоды и описание уже происшедших атмосферных явлений. Это делалось из политических соображений: языческая религия запрещала начинать важные

государственные дела, принимать серьезные политические и военные решения в дни неблагоприятного состояния атмосферы.

Интересна судьба обеих газет. В 15 году от Р.Х. император Тиберий, возмущившись опубликованной критикой в свой адрес, запретил «Acta senatus». Это было первое в истории мировой журналистики запрещение периодического издания и одно из первых в мире проявлений цензуры. «Acta diurna» просуществовала еще много лет, после разделения в 395 году Римской империи на Восточную и Западную долгое время выходила в Константинополе.

В эпоху расцвета Римской империи возникло христианство. Сначала оно распространялось исключительно устно. Христианская публицистика, выраженная прежде всего в устной, а затем в письменной форме, является важной и наименее изученной частью античного публицистического наследия. В курсе мировой журналистики христианская проповедь рассматривается не в религиозном, а в публицистическом аспекте – как форма ораторского искусства. Точкой отсчета является начало длившегося три с лишним года общественного служения Иисуса Христа – 30 год. Особенность изучения ораторского мастерства Христа заключается прежде всего в том, что, в отличие от всех остальных изучаемых ораторов, Христос не написал собственноручно ни одной строчки. Его речи записаны ближайшими учениками и собраны в четырех Евангелиях: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна.

Главная цель проповеди Христа состояла в том, чтобы научить людей истинным и нелицемерным понятиям о Боге, воспитать любовь к ближнему, не только просветить ум, но и очистить сердце. В общем виде Христос излагает Свое учение в Нагорной проповеди (5–6 главы Евангелия от Матфея), где, помимо трансформации Ветхозаветных законов, предлагается идеальная модель поведения человека. В дальнейшем Христос развивает и конкретизирует высказанные здесь принципы. Его проповеди носят исключительно практический характер. Своим ученикам Иисус нередко говорит методические, долгие проповеди (например, прощальная речь в 14–16 главах Евангелия от Иоанна), в беседах с простыми людьми предпочитает краткие душевные речи (например, Евангелие от Матфея, 19, 16–21; от Луки, 7, 40–50).

Для лучшего и образного понимания Своих речей Христос использует притчи, которые отличаются простотой и наглядностью. Притчи были близки слушателям, поскольку имели местный характер, сообразный как с историей и обычаями иудейского народа, перед которым проповедовал Христос, так и с профессиональной деятельностью людей: земледелием, рыболовством, скотоводством, виноделием и т.д.

Речь Христа исключительно проста и доступна. Он никогда не стремился к внешней красоте речи, не использовал вспомогательные ораторские приемы, но говорил легко, непринужденно и даже безыскусно, несмотря на использование образных выражений и метафор. Многие свои проповеди Христос дополнял различными чудесами: исцелением больных, воскрешением умерших. Эти чудеса служили прежде всего доказательством одной из главных тем проповедей Иисуса – того, что с верой можно получить от Бога все просимое.

После окончания земного служения Христа (33 год) христианская публицистика приобретает не только устный характер (проповедь), но и письменный (послания). В Новом Завете мы видим развитие христианской публицистики в Деяниях святых апостолов, написанных евангелистом Лукой, и в Посланиях апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Иуды (тезки предателя), Павла.

Особую важность представляет публицистика апостола Павла. В Деяниях приводятся его важнейшие речи, среди которых – речь в афинском ареопаге (17, 22–31) и речь перед царем Агриппой (26, 2–29). В Афинах Павел выступает перед образованными и любознательными язычниками. Как в свое время Христос, апостол разговаривает с собеседниками, учитывая их интеллектуальный, социальный и религиозный уровень. Умело используя принцип «быть для всех всем», Павел ставит в начале своей речи афинянам в заслугу их благочестие, цитирует известного тогда в Афинах стихотворца Арата («мы Его и род»).

Апостола слушали, пока он изъяснял общие истины, но как только заговорил о важнейших принципах учения Христа, над ним стали смеяться и даже не дали договорить. И лишь несколько человек уверовали по слову Павла во Христа. Для языческого оратора такой результат речи был бы, безусловно, полнейшим провалом, но для христианского

проповедника важно не количество проголосовавших за него, а каждая обращенная ко Христу душа.

Послания апостола Павла делятся на миссионерские (обращенные к жителям определенных городов или регионов – Римлянам, Коринфянам, Эфесянам, Галатам и т.д.) и пастырские (обращенные к ученикам – Титу, Тимофею). Из миссионерских наиболее характерно Первое послание Коринфянам. Основная тема этого послания, как и многих других, – единство Церкви. Особый интерес представляют наставления Павла коринфским христианам, несколько не утратившие актуальности и спустя две тысячи лет: например, о свободе как основе нравственной жизни и умении ограничивать эту свободу (6, 12–14), о телесной чистоте (главы 5–7), о браке (глава 7).

Вопросам семьи, взаимоотношений мужа и жены, родителей и детей апостол Павел уделяет немало внимания и в других посланиях (например, Эфесянам, 5, 22–28; 6, 1–4; Колоссянам, 3, 18–21; 1-е Тимофею, 2, 11–14). Главный принцип, на котором должна строиться христианская семья, по мнению апостола Павла, – взаимная ответственность ее членов и любовь, причем не только плотская, но и духовная. 13-я глава первого послания Коринфянам – гимн любви, которая «никогда не перестает».

Падение Римской империи в 476 году надолго прервало поступательное развитие журналистики. Объем публицистического творчества резко уменьшился по сравнению с античными временами: во-первых, произошло сокращение грамотной аудитории, во-вторых, светская публицистика почти целиком вытесняется религиозной, христианской. В IV веке христианство становится государственной религией. Развитие христианской публицистики идет, как и в I–III веках, по двум важнейшим направлениям: устному и письменному.

К устной публицистике относится проповедь, которую, в свою очередь, можно разделить по охвату аудитории на приходскую (произносимую священником в церкви перед прихожанами-христианами) и миссионерскую (произносимую священником-миссионером в дальних землях перед язычниками с целью обратить их в христианство). По содержанию проповедь делится на четыре вида: омилия, или изъяснительная беседа, которая ставит своей задачей объяснение Священного Писания; слово, которое произносится по случаю церковного праздника или дня памяти какого-либо святого;

катехизическое поучение, которое излагает уроки веры, нравоучения и богослужения; публицистическая проповедь, которая отвечает на злободневные вопросы современности.

К письменной христианской публицистике относятся письма, послания, в том числе буллы – послания римских пап.

Отличительная особенность христианской публицистики Средневековья в том, что ее представители, как правило, не практиковались в одном направлении, а сочетали устное и письменное красноречие.

С первых веков складываются два центра христианской публицистики: западный (Рим) и восточный (Византия). К виднейшим представителям западной традиции относятся Иероним Стридонский (340–420), Амвросий Медиоланский (340–397) и Аврелий Августин (354–430).

Иероним предпочитал письменное красноречие. Он известен прежде всего переводом Библии на латинский язык. Этот перевод получил название Вульгата. Кроме того, Иероним вел обширную переписку. Известно около двух сотен его писем. В Риме он руководил кружком знатных и образованных женщин, которые стремились изучить Библию. Этим своим сподвижницам Иероним адресовал немало писем, среди которых наибольшей известностью пользовалось письмо к Евстохии, где критически изображаются различные слои римского общества, в том числе и духовенство.

Амвросий Медиоланский в юности получил блестящее образование и стал известным судебным оратором. Приняв христианство, Амвросий стал епископом города Медиолана (Милана) и там прославился проповедями нравственно-практического характера, надгробными речами и письмами. Интересен цикл писем Амвросия «Об алтаре Победы». Жертвенник с золотой статуей богини Победы, находящийся в курии сената, стал в IV веке яблоком раздора между язычниками и христианами, а отношение к нему императоров – показателем их религиозной политики. Амвросий в своих письмах говорит об упадке Рима, который не смогли предотвратить языческие идола, критикует языческие обряды и прославляет христианство как более высокую ступень развития человеческого

разума и верований. Аргументы Амвросия в итоге взяли верх, и статуя богини Победы была убрана из сената.

Августин также начинал судебным оратором и учителем красноречия. Он долго искал истину в различных философских системах, пока не пришел к христианству. Приняв сан, Августин прославился нравственно-практическими проповедями (их известно около 500), которые отличаются не столько тщательностью обработки, сколько живостью и доходчивостью. Августин известен и как христианский писатель. В его произведениях «Исповедь» и «О граде Божием» дается новое понимание человека, предлагаются новые духовные ценности и строится новая картина мира.

Восточную традицию христианской публицистики представляют в первую очередь Григорий Богослов (326–389), Василий Великий (329–379) и Иоанн Златоуст (344–407). Григорий Богослов, получив образование, работал в Афинах учителем красноречия, а затем возвратился на родину в город Назианз, принял крещение, а затем сан. Прославился он речами против еретиков, произнесенными в годы служения в Константинополе. Слушать прославленного оратора приходили не только христиане, но еретики, язычники, иудеи. По красноречию Григорий Богослов стоит выше всех церковных ораторов своего времени. Его творения разделяются на слова (догматические, нравоучительные, надгробные, похвальные), письма и стихотворения.

Василий Великий, воспитанный с детства в христианских идеалах, учился сначала в Константинополе у знаменитого языческого оратора и ритора Ливания, а затем в Афинах, занимаясь философией, астрономией, медициной, музыкой и особенно красноречием. Здесь же он подружился с Григорием Богословом и по возвращении в родную Кесарию работал адвокатом. Приняв сан, Василий Великий стал известен беседами и речами против еретиков-ариан. Его называли трубой, оглашающей вселенную, его слово сравнивали с громом, а жизнь – с молнией. Из проповеднических трудов Василия Великого до нас дошли девять бесед на шестоднев, тринадцать бесед на псалмы и двадцать пять бесед на разные случаи, а помимо того, слова и послания.

Иоанн Златоуст также получил блестящее языческое образование, в том числе у Ливания, и в двадцать лет стал адвокатом, но вскоре принял решение посвятить себя Богу. В Антиохии он проповедывал каждый день в течение двенадцати лет и за силу

проповеди был прозван Златоустом. Иоанн Златоуст во все времена считался и считается до сих пор совершеннейшим образцом для всех проповедников. До нас дошло более восьмисот его проповедей, в которых объясняется почти весь Новый Завет и многое из Ветхого Завета.

По содержанию проповеди Златоуста носят нравственно-практический характер. Они имеют целью исправление грешника и утверждение его в добродетели. Началом и концом добродетели проповедник считает любовь к Богу и ближнему. Проповеди Иоанна Златоуста очень просты, живы и убедительны. Большею частью они произносились экспромтом. Самые известные из его слов и творений – «Шесть слов о священстве», «Слово огласительное на Святую Пасху», которое до сих пор читается священником в каждой церкви на пасхальной утрени.

Иоанн Златоуст оставил около двухсот пятидесяти писем, которые были написаны им различным адресатам во время изгнания. Среди них самые известные «Письма к Олимпиаде» – цикл из семнадцати писем к своей духовной дочери диакониссе Олимпиаде. Кроме того, Златоуст составил «Чин Литургии» – важнейшей церковной службы, по которому служат все православные церкви, некоторые молитвы.

Из церковных публицистов последующих столетий наиболее известны братья-монахи Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885) Солунские. В 863 году они были приглашены из Византии князем Ростиславом в Моравию, где перевели с греческого языка основные богослужебные книги и на основе греческо-византийского письма создали славянскую азбуку, получившую по имени одного из братьев название кириллица.

Кириллица делилась на две части: правизну (буквы от аз до ферт) и левизну (буквы от хер до ижица). Сама последовательность букв не случайна, но представляет собою короткое, но очень информативное послание. В правизне дается образец поведения благочестивого человека, в левизне перечисляются недостатки, которые необходимо избегать. Таким образом азбука Кирилла и Мефодия являлась нравственным императивом добра и зла, служила посланием потомкам на много веков вперед. Обучаясь грамоте по кириллице, человек автоматически заучивал ее морально-этические установки – призыв и запрет, которые, войдя в сознание, становились нормами поведения и жизни.

В средние века очагами грамотности, культуры, информации были монастыри. Там для грамотных людей переписывали книги, а для неграмотных (*homo idioticus* – человек неграмотный) расписывали стены церквей на библейские сюжеты, чтобы можно было не читая знать Священное Писание. При монастырях существовали школы, колледжи и ордена, созданные первоначально для изучения, перевода и переписки Библии. На их базе со временем появились первые университеты (в Болонье – Италия, Оксфорде и Кембридже – Англия, Саламанке – Испания, Коимбре – Португалия, Париже – Франция).

Вместе с распространением грамотности появляется цензура. Ярким ее проявлением стала инквизиция. В 1233 году папа Иннокентий III издал соответствующую буллу. Наивысшего расцвета инквизиция достигла в Испании во второй половине XV века, когда папа Сикст IV в 1482 году учредил должность великого инквизитора и назначил на нее монаха Томасо Торквемаду (1420–1498), который на века прославился жестокостью. Торквемада разработал общие правила инквизиции, согласно которым строжайшей цензуре подвергались все книги, картины, эстампы, медали – вся печатная продукция. Был утвержден *Index Librorum* – список запрещенных книг, за хранение и чтение которых, равно как и за другие ослушания, устанавливалась казнь – как правило, на костре. За годы своего инквизиторства Торквемада сжег 11272 человека живьем, 7636 человек – фигурально, после смерти. В 1490 году на университетской площади в Саламанке им было сожжено за один день шесть тысяч книг. Инквизиция задушила свободомыслие в Испании, отодвинув страну на столетия назад. Официально инквизиция была отменена там только в 1834 году.

С наступлением эпохи Возрождения в Европе появились центры информации – торговые города, где регулярно проводились ярмарки, – Венеция, Лейпциг, Нюрнберг, Гамбург, Франкфурт, Страсбург, Париж, Амстердам, Лондон. В этих городах возникали рукописные газеты, посвященные сначала торговым, а затем другим новостям. В Венеции такие газеты продавались за мелкую монету, которая называлась *gazeta*, откуда пошло слово газета. Одна из древнейших дошедших до нас рукописных газет называлась «Новые известия, сколько получено их от 26 октября 1587 года по 26 октября 1588 года из Нюрнберга».

В торговых городах появилась профессия сборщика информации. Информация, как и в Средневековье, продолжала распространяться гонцами. Со временем росла потребность не в случайной, разовой, а в регулярной информации. Так появилась почта, основал которую на рубеже XV–XVI веков немец Франц фон Таксис, наладивший регулярную связь между Нюрнбергом и Венецией. Дилижанс Таксиса проходил это расстояние за двадцать два дня и получил название «таксистская почта», или «такси». Основными адресатами информации были: короли, князья и государственные люди, университеты и центры образования, священники, торговцы.

В 1445 году немец Иоганн Гутенберг (1399–1468) изобрел в городе Майнце литеру, в 1450 году – печатный станок, на котором в 1452 году выпустил первую в мире печатную книгу – 42-строчную Библию. При наборе этой Библии в типографии Гутенберга наборщику для набора одной страницы требовался целый день.

Изобретение книгопечатания оказало огромное влияние на процесс развития европейской цивилизации. Развитие книгоиздания находилось в тесной взаимосвязи с распространением грамотности и образования в государствах и землях Европы, что, в свою очередь, способствовало устойчивому интересу к печатному слову и в конечном итоге востребовало публицистику, а затем и периодическую печать. Книгопечатание быстро распространилось по Европе, вслед за ним усилилась и цензура. Цензура делилась на светскую и церковную, а также на предварительную и последующую (карающую).

Ужесточение церковной и появление светской цензуры вызвано широким распространением в Европе идей Реформации, которая началась в Германии в XVI веке. Виднейший деятель Реформации Мартин Лютер (1483–1546) выступал против католического авторитаризма, произвола инквизиции, жестокой цензуры. Его «95 тезисов» (1517), отвергавшие основные догматы католицизма, стали образцом публицистики той эпохи. Как метод борьбы с инакомыслием, которое распространялось через публицистическую и научную литературу, в 1512 году Латеранским собором была введена предварительная цензура. Обсуждение в публицистике проблемы происхождения и правомочности власти, тираноборческая публицистика вызвали к жизни светскую цензуру. В XVI веке римские папы Пий V и Григорий XIII издали специальные

буллы, которыми строжайше запрещалось, издание каких бы то ни было рукописных газет.

Непосредственным предшественником газеты был информационный бюллетень – сначала рукописный, затем печатный. Он не имел названия, периодичности, жанрового разнообразия и постоянной редакции. Первый сохранившийся до наших дней печатный бюллетень относится к 1493 году. В нем дается подробный отчет о похоронах германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха III. Окончательно информационные бюллетени были вытеснены газетами только в XVIII столетии.

Первые регулярные печатные газеты выходили в разных городах Европы уже в начале XVII века. Но ни одна из газет не оказывала в то время такого влияния на общество и не была столь значима, как «La Gazette». Ее первый номер вышел в Париже при дворе короля Людовика XIII 30 мая 1631 года. Идея создания газеты принадлежала кардиналу Ришелье, который преследовал политические, экономические и информационные цели. Первым главным редактором «La Gazette» был Теофраст Рендо (1583–1653). Ежедневная газета была призвана помочь королю управлять государством и стала рупором авторитарной власти. Сотрудником Рендо был не только Ришелье, но и сам король. Людовик XIII регулярно сам инкогнито писал в газету, в частности, о своих военных подвигах и был, по сути, первым военным журналистом.

С появлением «La Gazette» во Франции сложилась авторитарная концепция печати. В разное время эта концепция господствовала в журналистике почти всех стран мира. Для авторитарной концепции газета – рупор власти, через нее не только сообщаются новости, но и рассылаются директивы на места. Здесь обязательна предварительная цензура, отсутствуют сенсации, правдивая информация часто приносится в жертву интересам власти. Структура прессы – вертикальная.

«La Gazette» сначала выходила раз в неделю, затем дважды. Ежемесячно следовали приложения с новостями за прошедший месяц. После смерти Рендо газета издавалась его сыновьями и с 1762 года стала называться «La Gazette de France» («Газета Франции»).

В авторитарном государстве периодическое издание не может выпускаться без разрешения власти. Редактором должен быть человек, не просто лояльный к власти, но, как правило, специально подобранный на эту должность. Издание, служащее власти, обычно финансируется из государственных источников.

В Англии книгопечатание появилось в 1477 году, когда печатник Уильям Кэкстон (1422–1491) выпустил книгу «Изречения, или Высказывания философов». Вскоре, в 1487 году, король Генрих VII учредил Звездную палату – цензурное учреждение, существовавшее до 1641 года, целью которого была борьба с крамолой и королевскими врагами. Закон о цензуре был принят в Англии в 1509 году при короле Генрихе VIII. Согласно этому закону, книги разрешалось печатать в Лондоне, Оксфорде и Кембридже. Перед выходом их должны были просматривать университетские профессора (светская цензура) и епископ Кентерберийский (духовная цензура).

Первой английской газетой стала выходившая в 1622–1641 годы «Weekly News» («Еженедельные новости»). Ее издатель Натаниэль Бэттер не имел, как его французский современник Теофраст Ренодо, покровителей при дворе, к тому же король не придавал значения газете как помощнику в распространении своей политики. Бэттеру запрещалось писать о собраниях, прениях в парламенте и вообще касаться внутренних новостей. Авторитарная печать всегда в первую очередь контролировала внутреннюю информацию. Часто Бэттер, чтобы занять вырезанные цензурой места в газете, выдумывал новости или перепечатывал главы Библии.

Расцвет политической журналистики (и в первую очередь жанра памфлета) пришелся на 1640-е годы, когда в Англии началась гражданская война (1642–1646, 1648–1649), приведшая к казни короля Карла I в 1649 году и отмене цензуры. В 1644 году поэт, писатель и публицист Джон Мильтон (1608–1674) опубликовал без разрешения цензуры памфлет «О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика)». Взяв за основу форму античной речи и подражая прежде всего Исократу, Мильтон дал исторический обзор стеснений печати и подвел читателей к выводу, что все эти стеснения порождены инквизицией. Мильтон разбирает качества цензоров, выписывая абстрактный и недостижимый, по его мнению, образ идеального цензора. Цензура, считал Мильтон, – недоверие к народу и бесчестие для английского общества. Далее

автор писал о бессилии цензуры помешать распространению правды. Цензура бесполезна, вредна и унижает человеческое достоинство.

Интересно, что, будучи ярким противником цензуры, Мильтон впоследствии, когда была восстановлена цензура, работал цензором печати. Он считал, что за неимением идеального цензора лучше ему заниматься экспертизой книг и газет, нежели полуграмотному, невежественному и косному человеку, какими были большинство цензоров.

Во время революции Мильтон был сторонником индипендентов – радикального крыла крупных промышленников и дворян. В двух памфлетах «Защита английского народа» (1650, 1654) он выступил как активный поборник суверенитета английской республики и противник реакции и монархии.

Другими известными памфлетистами эпохи революции были Джон Лильберн (1614–1657) и Джерард Уинстенли (1609–1653). Лильберн был идеологом и руководителем левеллеров – радикальной политической партии, объединявшей мелких торговцев и собственников и выступавшей за республику, против ликвидации частной собственности. В 1649 году левеллеры потерпели поражение в борьбе с индипендентами. Лильберна выслали из Англии, а по возвращении – заключили в тюрьму.

Уинстенли был социалистом-утопистом, идеологом диггеров – самого левого движения, выражавшего интересы городской и деревенской бедноты. В своей публицистике Уинстенли приближался к идеалам и идеям нового общества, в котором все равны. В то же время представления Уинстенли об этом обществе облечены в религиозные формы. В своих памфлетах («Знамя, поднятое истинными левеллерами», «Декларация бедного угнетенного люда Англии» и других) Уинстенли активно использовал ветхозаветные и новозаветные образы.

После поражения революции английская журналистика пережила тяжелые времена. При короле Карле II был восстановлен прежний контроль над прессой. Началось издание правительственных и государственных газет, первой из которых стала учрежденная в 1665 году «Oxford Gazette» («Оксфордская газета»), переименованная вскоре в «London Gazette» («Лондонская газета»). Со временем все английские газеты обосновались на

Флит-стрит, недалеко от площади Святого Павла, которая издавна была местом сбора новостей.

В 1688 году в Англии произошла Славная революция, в результате которой утвердилась ныне существующая форма разделения властей. 13 февраля 1689 года парламент принял Билль о правах – документ, который до сих пор играет роль конституции и закона о печати. Первый параграф Билля гласит, что если парламент принял закон, король не вправе отменить его. Для журналистов был самым важным девятый параграф: «Свобода слова, прений и всего, что происходит в парламенте, не может быть поводом для преследования, быть предметом рассмотрения в суде и нигде кроме парламента».

Билль о правах лег в основу английской концепции свободы печати. Ее отличительные особенности в том, что, во-первых, только парламент может регулировать работу прессы; во-вторых, отвергается контроль со стороны государства и церкви; в-третьих, ее основа – экономическая свобода, то есть газету могут издавать все, у кого есть идеи и деньги, и решающий фактор – не политический, а экономический. Кроме того, именно в Билле о правах впервые появляется термин свобода слова.

В 1694 году был отменен принцип лицензирования прессы, парламент не возобновил закон о цензуре. Но далеко не сразу английская печать смогла воспользоваться реальными плодами свободы. Парламент еще более полувека пытался сдерживать рост и влияние прессы экономическими методами, вводя различные налоги (например, штемпельный налог, налог на бумагу, объявления).

После 1689 года в Англии появилось большое количество новых периодических изданий, среди которых особенное место занимала политическая пресса. В 1702 году начала выходить первая ежедневная газета «Daily Courant» («Ежедневные вести»), а к 1750 году в стране издавалось уже пять ежедневных газет. С начала XVIII века стали различать газеты и журналы, то есть постепенно сложилась типология прессы. Наступил расцвет еженедельных журналов. В 1704 году Даниэль Дефо (1660–1731), находясь в тюрьме за памфлет «Способ всего скорее покончить с диссидентами», за который ему также пришлось простоять у позорного столба, начал издавать журнал «Review» («Обозрение»).

В нем Дефо затрагивал политические вопросы, обсуждал государственные мероприятия, писал статьи против пороков (пьянства, дуэлей, распущенности общества), предлагал реформу нравов. Журнал издавался до 1713 года, пока Дефо снова не попал в тюрьму. Современники знали Дефо как автора многочисленных памфлетов на злобу дня (например, «Гимн позорному столбу»). Дефо, выступивший на арену политической журналистики честным борцом за правду, впоследствии неоднократно продавал свое перо партии, которая была у власти.

Одним из самых страстных оппонентов Дефо был Джонатан Свифт (1667–1745). Он издавал политическую газету «Examiner» («Обозреватель») – орган партии консерваторов (тори). В памфлете «Сказка бочки» (1704) Свифт в пародийном свете показал, прежде всего, борьбу католической, англиканской и пуританской церквей. Памфлеты «Письма суконщика» (1724) и «Скромное предложение» (1729) осуждали угнетение ирландского народа. Роман «Путешествие Гулливера» (1726), известный сейчас как детская сказка, был изначально памфлетом, высмеивавшим английскую политику и борьбу партий вигов и тори.

Помимо Дефо и Свифта известными английскими публицистами первой половины XVIII века были Ричард Стил (1672–1729), Джозеф Аддисон (1672–1719), Генри Филдинг (1707–1754). Стил и Аддисон при участии Свифта издавали журнал «Tatler» («Болтун») в 1709–1711 годах, газету «Spectator» («Зритель») в 1711–1714 годах. Кроме того, Стил издавал журнал «Englishman» («Англичанин»), вызвавший гнев королевы Анны. В тронной речи 1714 года перед парламентом Анна жаловалась на инсинуации, появившиеся в печати. Это касалось в первую очередь публицистики Стила, который, не стесняясь в выражениях, неоднократно писал о королеве. В парламенте над Стилом состоялся суд, который обвиняемый превратил в фарс.

Парламент стремился всячески препятствовать свободе прессы. Так, были приняты законы о клевете, о позорном столбе, с каждого издания стал взиматься штемпельный сбор. Парламент запрещал журналистам сообщать о том, что происходило в его стенах. Журналист Эдуард Кейв писал в своем журнале «Gentleman's Magazine» («Джентльменский журнал») о парламенте, подкупая как сторожей, уборщиц, швейцаров, так и некоторых членов парламента. В ответ на преследования Кейв открыл на страницах журнала рубрику «Прения в стране Лилипутии», где в аллегорической форме писал о

британском парламенте, присвоив каждому его члену имя того или иного лилипута. Борьба за свободное освещение политической жизни дала результаты только в 1771 году, когда парламент допустил в свои стены журналистов явочным порядком. Была построена специальная галерея прессы, возвышавшаяся над залом. Это дало повод философу и депутату парламента Эдмунду Берку сказать о том, что в парламенте присутствуют три сословия, но возвышается над ними и правит всеми четвертое сословие – пресса. С тех пор за прессой прочно закрепилось определение четвертая власть.

На протяжении всего XVIII века складывалась типология британской прессы. Газеты стали делиться на национальные, которые писали о жизни в стране и за границей, и провинциальные, сообщавшие о местных событиях. Первые провинциальные газеты появились в городах Лидс («Leads' Intelligent») и Йоркшир («Yorkshir Post»). В 1781 году начала выходить первая воскресная газета «British Gazette and Sunday Monitore» («Британская газета и воскресное обозрение»). Таким образом, газеты стали делиться на ежедневные и воскресные. В 1709 году с появлением первой вечерней газеты появилось деление на утреннюю и вечернюю прессу. В 1785 году Джон Уолтер выпустил в свет первый номер газеты «Daily Universal Register», которая спустя три года была переименована в «Times» («Времена») и является старейшей британской газетой, выходящей по сей день.

Таким образом почти весь XVIII век прошел под знаком борьбы за реальное воплощение в жизнь английской концепции свободы печати. Имея выраженную партийную окраску, пресса развивалась по просветительскому, а не коммерческому признаку.

В английских колониях на американском континенте, которые назывались Новой Англией, действовали законы метрополии: сначала авторитарные, а затем Билль о правах. В XVIII веке американская журналистика не оказывала практически никакого влияния на мировую журналистику и в целом носила местный характер. Важно, что она формировалась в условиях отмены предварительной цензуры.

Попытки издания газеты предпринимались в Америке с конца XVII века. Старейшая американская газета «Public Occurences» («Общественные события») вышла 25 сентября 1690 года, но ее первый номер оказался и последним.

Первая регулярная американская газета «The Boston News Letter» («Бостонские новостные письма») вышла в 1704 году.

Ее редактором был бывший британский почтмейстер Джон Кэмпбелл. В 1719 году появилась первая конкурирующая газета «Boston Gazette» («Бостонская газета»), а через два года вторая – «The New England Courant» («Вести Новой Англии»). Обе газеты редактировал Джеймс Франклин – старший брат одного из будущих отцов-основателей США Бенджамена Франклина (1706–1790). Франклин-младший работал у брата учеником в типографии. В 1730 году в Филадельфии он начал издавать «Pennsylvania Gazette» («Пенсильванскую газету»). Вообще, все отцы-основатели Соединенных Штатов были журналистами и публицистами.

В середине XVIII века типичная американская газета содержала новости, рекламу, политические статьи, публиковала нравственные очерки, письма читателей редактору, помещала отрывки из книг, памфлетов, стихи, а также обширные перепечатки из английских периодических изданий. Общей чертой американских газет был эклектизм. Печать в колониях развивалась очень быстро. В первой половине XVIII века любой автор мог получить доступ на газетные страницы за определенную плату. Такая практика у многих вызывала протест, однако Франклин в памфлете «Апология печатника» отстаивал право своих коллег предоставлять место в газете всем авторам, независимо от их взглядов, лишь бы они платили деньги.

Первые американские журналы создавались в подражание английским, но, в отличие от Англии, из-за своей безликости и массового плагиата сначала не имели успеха у читателей и быстро прогорали. Так, «American Journal, или Ежемесячный обзор политического состояния Британских колоний» Эндрю Брэдфорда и Джона Уэбба просуществовал в 1741 году три месяца, а «Всеобщий журнал и хроника событий британских поселений в Америке» Франклина закрылся в том же году через шесть месяцев.

Один из первых оригинальных американских журналов был «Pennsylvania Magazine» (1775–1776), который вскоре после открытия стал редактировать один из наиболее выдающихся американских публицистов, англичанин по рождению Томас Пейн (1737–

1809). Он довел тираж до 1500 экземпляров, что было невероятным успехом. Пейн сам писал в журнал патриотические статьи, заметки, стихотворения. Много внимания уделял «Pennsylvania Magazine» и материалам неполитического характера, например, вопросам брака. Так, Пейн опубликовал в рубрике «Старый холостяк» статью «Письмо о женском поле».

Особую известность Пейн получил в годы войны за независимость США (1776–1783). В памфлете «Здравый смысл» (1776), ясно и доступно внушая идею об абсолютной необходимости свободы, он впервые сформулировал призыв к независимости от Англии. В самый критический момент войны за независимость Вашингтон попросил Пейна срочно написать памфлет, чтобы поднять дух деморализованных поражением американских воинов и внушить им ненависть к врагу. Памфлет был написан у костра на барабанах и зачитан солдатам перед атакой. Он стал первым в серии созданных за годы войны памфлетов под общим названием «Американский кризис». В них использовались приемы эмоционального воздействия на читателя, в частности, элементы острой сатиры.

Пейн в своих памфлетах декларативен, он использует черно-белые краски, допускает резкие, беспощадные выпады против оппонентов. Форма изложения подразумевает активного слушателя, собеседника, оппонента. В обращении Пейна к «здравому смыслу» видна простота, убедительность, искренность автора. Популярности придавало памфлетам Пейна и то обстоятельство, что их автор, не будучи американцем по рождению и не принадлежа ни к каким группировкам, оставался над партийной борьбой.

После войны Пейн уехал в Англию, а оттуда, желая избежать уголовной ответственности за клевету, бежал в охваченную революцией Францию, где писал в газету «Республиканец», избирался в Конвент. В памфлете «Права человека» (1791–1792) Пейн встал на защиту революции и высказывался по мировоззренческим проблемам. Во Франции Пейн написал трактат «Век разума» (1794), в котором касался вопросов религии, церкви, морали. Пейн резко критиковал институт церкви и призывал искать мудрости не в Церкви, а у природы. «Мой собственный ум – моя церковь», – заявлял Пейн и, исполненный веры в познаваемость Вселенной, обрушивался с критикой на Священное Писание. Пейн с присущей ему беспощадностью силился доказать абсурдность, нелепость и безнравственность многих текстов Ветхого и особенно Нового Завета. В своем богохульстве Пейн отрицал богочеловечность Христа и считал Его лишь

исторической личностью, революционером и реформатором. Христианство признавалось Пейном, главным образом, как полезный источник правил поведения.

«Век разума» настолько возмутил американского читателя, жившего тогда еще по нормам христианской морали, что Пейн, возвратившись в Америку, оказался в одиночестве, умер в бедности, и его как богоотступника запретили хоронить на церковном кладбище.

В первое послевоенное десятилетие сформировалась американская концепция свободы печати. В ее основание легла первая поправка к Конституции США 1787 года – одна из десяти поправок, прозванных американским Биллем о правах, принятых 21 декабря 1791 года. Первая поправка гласит: «Конгресс не будет издавать законов, ограничивающих свободу слова, или печати, или права народа мирно собираться». Отличительная особенность американской концепции свободы печати в полном отделении печати от государства: печать и государство независимы друг от друга. Государство не может иметь свою прессу. В первой поправке впервые появляется термин свобода печати. Как и английская, американская концепция рассчитана на индивидуальную свободу.

Права и свободы, приобретенные американской печатью в конце XVIII века, начали воплощаться в жизнь сразу, без препятствий со стороны государства и привели к процветанию журналистики в последующие столетия.

Во Франции рост периодической печати в XVIII веке шел весьма медленно. Это объясняется не только малограмотностью населения, но и жестокими цензурными ограничениями. Так, декларация 1757 года угрожала смертной казнью всем, «кто будет изобличен в составлении и печатании сочинений, заключающих в себе нападки на религию или клонящихся к возбуждению умов, оскорблению королевской власти и колебанию порядка и спокойствия государства». Накануне революции, в 1788 году, в стране издавалось всего шестьдесят газет.

Свобода печати осуществилась во Франции без длительной борьбы. Предварительная цензура была отменена, и 4 мая 1789 года известный враг абсолютизма граф Оноре Габриэль Мирабо (1749–1791) начал выпускать газету «Les Etats Generaux» («Генеральные штаты»), первые номера которой имели невероятный по тем временам тираж 12 000 экземпляров. После скорого запрета газеты за нападки на министров

Мирабо сразу же основал новую газету – «Письма графа Мирабо к своим доверителям». 19 мая 1789 года последовал циркуляр короля Людовика XVI о политической свободе газет.

Фактическая свобода печати вскоре была оформлена законодательно. 24 августа 1789 года Национальное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, одиннадцатая статья которой гласит: «Свободное выражение мысли и мнений является одним из наиболее ценных прав человека. Каждый гражданин вправе, следовательно, свободно говорить, писать и печатать, отвечая за злоупотребления этой свободой в определенными законами случаях». Так начала складываться французская концепция свободы печати. Ее становление проходило болезненно, почти целое столетие после принятия Декларации шла борьба за реальное воплощение в жизнь ее принципов. Свобода печати, провозглашенная в 1789 году и подтвержденная декретом законодательного собрания в 1791 году, была отменена в 1800 году Наполеоном, затем неоднократно вновь декларировалась и отменялась и наконец 29 июля 1881 года окончательно утвердилась в законе о печати, одном из наиболее ярких законов в истории мировой журналистики, который в целом действует и по сей день.

Главная особенность французской концепции свободы печати – в наибольшей, в сравнении с английской и тем более американской концепцией, роли государства в журналистике. Французская журналистика регламентируется законодательством. В Декларации прав человека и гражданина впервые заявляется о правах человека.

В первые годы революции (1789–1791) свобода печати была безграничной. Часто журналисты – как ультрареволюционеры, так и сторонники монархии, – открыто призывали в своих газетах к насилию, убийствам, погромам. В 1789 году возникло 250 периодических изданий, а к 1791 году выходило более пятисот газет разной направленности. С наступлением якобинского террора свобода печати, несмотря на декларирование в конституции 1793 года, стала ограничена гильотиной. В марте 1793 года конвент дал право казнить каждого, кто будет «изобличен в составлении и печатании сочинений, которые провозглашают восстановление во Франции королевской власти или распускание Национального Конвента». Закон от 17 сентября 1793 года «О подозрительных» предусматривал беспощадно истреблять всех, кто каким бы то ни было способом показывал себя «партизаном тирании или федерализма и врагом свободы».

Эти акты давали широкую возможность расправляться с личными врагами. На эшафоте погибла масса журналистов, представлявших все политические течения. Господство кровавой революционной диктатуры кончилось 27 июля 1794 года, когда был арестован и казнен ее глава Максимилиан Робеспьер.

В годы революции наибольшей популярностью пользовались газеты, выходившие под редакцией или при непосредственном участии главных деятелей революции, таких как Жан Поль Марат, Камиль Демулен, Максимилиан Робеспьер и др.

Одним из первых был Элизе Лустало, издававший газету «Revolutions de Paris» («Парижские революции»), которую уже после смерти Лустало называли энциклопедией французской революции.

Левый якобинец Жан Рене Эбер (1757–1794) выпускал газету «Pere Duchene» («Папаша Дюшен»), названную по имени фольклорного персонажа – торговца и любителя выяснять отношения. Газета рассчитана была на низшие слои населения – безработных, бедняков, маргиналов. Эбер умел руководить толпой и считал необходимым опускаться в своей публицистике до уровня самого невзыскательного читателя. «Я понимаю по-латыни, но говорю с читателями на их языке», – говорил Эбер. Его газету называли наиболее самобытным изданием революции. За страстные выступления против произвола якобинской диктатуры Эбер был казнен.

Правый якобинец дантонист Камиль Демулен (1760–1794) издавал газеты «Revolutions de France et de Brabant» («Революции Франции и Брабанта») и «Le Vieux Cordellere» («Старый кордельер»). «Сегодня во Франции журналист сам себе и консул, и диктатор», – писал Демулен. За требования ослабления революционного террора и отмены системы принудительной таксации цен и зарплаты был казнен.

Самым известным журналистом эпохи революции был Жан Поль Марат (1743–1793). Он с детства хотел прославиться и впоследствии добивался известности всеми возможными способами: писал сентиментальный роман, философский трактат, занимался естественными науками, стремясь найти «электрическую жидкость» и доказать, что резина проводит электричество. Чтобы обратить на себя внимание современников, Марат анонимно публиковал хвалебные отзывы о собственных «открытиях», публично

пытался развенчать научные авторитеты. Впрочем, отдельные исследования Марата о природе огня были замечены. Так, Б. Франклин, изобретший громоотвод, состоял с Маратом в научной переписке.

От переутомления Марат заболел тяжелой нервной болезнью, и только начавшаяся революция вернула ему надежду и жизнь. Он принялся с неистовой энергией разрушать старый порядок. 12 сентября 1789 года Марат выпустил первый номер газеты «Publiciste parisien» («Парижский публицист»), которую вскоре переименовал в «Ami du peuple ou Publiciste parisien» («Друг народа, или Парижский публицист»). С сентября 1792 года название поменялось: «Газета Французской республики, издаваемая Маратом, другом народа». Слова «друг народа» из названия превратились в часть имени ее автора. Газета стала основным делом жизни Марата. С первых номеров она не имела себе равных в яростных призывах к самым крутым мерам против «врагов свободы». В число этих врагов Марат постепенно включал не только короля и его окружение, но и большинство крупнейших деятелей революции.

Лейтмотив брошюр, статей и памфлетов Марата, написанных после начала революции, – призыв к насилию и террору. Его обвинения носили исключительно политический характер, хотя иногда звучали чудовищно, поскольку изменниками назывались самые авторитетные политики революции. В то же время Марат не позволял себе сквернословия и цинизма, как это делали некоторые его коллеги, например Эбер. Публицистика Марата очень эмоциональна, однако по содержанию однообразна, его статьи написаны по одной и той же схеме.

Несомненен вклад Марата в разработку теории печати. В этом плане важны такие его работы, как «Цепи рабства», «Дар Отечеству». Дополнение к «Дару Отечеству» – «Основа уголовного законодательства» представляет собою целую программу развития печати.

Марат был убит жирондисткой Шарлоттой Кордэ и вскоре объявлен «мучеником свободы».

После поражения революции, в годы правления Директории (1794–1799) свобода печати была закреплена в конституции 1795 года, но, как и прежде, осталась пустой

декларацией. По ограничительному закону от 17 апреля 1796 года ни одно издание не могло выйти без обозначения на нем имени и адреса типографщика и автора. За нарушение закона предусматривалась тюрьма и ссылка. Впоследствии был принят закон о смертной казни журналистам, выступавшим за восстановление старых порядков. В 1799 году в Париже выходило 72 газеты.

Из публицистов этой эпохи наиболее известен Грахх Бабеф (1760–1797) – коммунист-утопист, один из руководителей движения «Во имя равенства», казненный за подготовку восстания против Директории.

Окончательно свободу печати во Франции упразднил Наполеон Бонапарт указом от 18 брюмера (17 января) 1800 года, когда были закрыты шестьдесят парижских газет.

Таким образом, к концу XVIII века журналистика проделала огромный путь от древней риторики и глиняных табличек с новостями до регулярных и авторитетных периодических изданий. Античные формы журналистики (языческое ораторское искусство, христианская проповедь) оказали основополагающее влияние на журналистику и публицистику нового времени. В XVII–XVIII веках сложились основные концепции печати: сначала авторитарная, затем демократические – английская, американская, французская. Все они в новых формах существуют и поныне и определяют развитие журналистики в своих странах. Система периодических изданий, которая начала складываться с развитием неавторитарных концепций печати, окончательно утвердилась уже в XIX веке.

Г.В. Прутцков

Горгий (485–380 гг. до Р.Х.)

- Похвала Елене

Горгий был одним из виднейших ораторов своей эпохи. Родом из Сицилии, он прибыл в Афины послом в возрасте 58 лет. Речи Горгия поразили греков чистотой и красотой. Никто из афинян не мог сравниться в ораторском искусстве с этим чужеземцем и никто не

владел так искусно аттическим (афинским) диалектом древнегреческого языка, как он. Наибольшую известность принесла Горгию Олимпийская речь, произнесенная в Олимпии, о необходимости совместных усилий в борьбе против варваров персов. К сожалению, эта речь, как и подавляющее большинство других речей Горгия, до нас не дошла. Полностью сохранились лишь две речи, написанные на сюжеты мифов о Троянской войне (1193–1184 гг. до Р.Х.): «Оправдание Паламеда» и «Похвала Елене».

Горгий был не только выдающимся практиком, но и крупнейшим теоретиком красноречия. Его стилистические и риторические приемы до сих пор называются горгиевыми (или горгианскими) фигурами. Кроме того, Горгий одним из первых создал в Афинах школу красноречия, где за солидную плату обучал ораторскому искусству юношей из богатых семей.

Похвала Елене

(1) Славой служит городу смелость, телу – красота, духу – разумность, речи приводимой – правдивость; все обратное этому – лишь бесславие¹. Должно нам мужчину и женщину, слово и дело, город и поступок, ежели похвальны они – хвалою почитать, ежели непохвальны – насмешкой сразить. И напротив, равно неумно и неверно достохвальное – порицать, осмеяния же достойное – восхвалять. (2) Предстоит мне здесь в одно и то же время и правду открыть, и порочащих уличить – порочащих ту Елену, о которой единогласно и единодушно до нас сохранилось и верное слово поэтов, и слава имени ее, и память о бедах. Я и вознамерился, в речи своей приведя разумные доводы, снять обвинение с той, которой довольно дурного пришлось услышать, порицателей ее лгущими вам показать, раскрыть правду и конец положить невежеству.

(3) Что по роду и породе первое место меж первейших жен и мужей занимает та, о ком наша речь, – нет никого, кто бы точно об этом не знал. Ведомо, что Леда была ее матерью, а отцом был бог, слыл же смертный, и были то Тиндарей и Зевс: один видом таков казался, другой молвою так назывался, один меж людей сильнейший, другой над мирозданием царь. (4) Рожденная ими, красотой была она равна богам, ее открыто

являя, не скрыто тая. Многие во многих страсти она возбудила, вокруг единой себя многих мужей соединила, полных гордости гордою мощью: кто богатства огромностью, кто рода древностью, кто врожденною силою, кто приобретенною мудростью; все, однако же, покорены были победной любовью и непобедимым честолюбьем. (5) Кто из них и чем и как утолил любовь свою, овладевши Еленою, говорить я не буду: известное у знающих доверье получит, восхищенья же не заслужит. Посему, прежние времена в нынешней моей речи миновав, перейду я к началу предпринятого похвального слова и для этого изложу те причины, в силу которых справедливо и пристойно было Елене отправиться в Трою.

(6) Случая ли изволением, богов ли велением, неизбежности ли узаконением совершила она то, что совершила? Была она или силой похищена, или речами улещена, или любовью охвачена? – Если примем мы первое, то не может быть виновна обвиняемая: божьему промыслу людские помыслы не помеха – от природы не слабое сильному препона, а сильное слабому власть и вождь: сильный ведет, а слабый следом идет. Бог сильнее человека и мощью и мудростью, как и всем остальным: если богу или случаю мы вину должны приписать, то Елену свободной от бесчестия должны признавать. (7) Если же она силой похищена, незаконно осилена, несправедливо обижена, то ясно, что виновен похитчик и обидчик, а похищенная и обиженная невиновна в своем несчастье. Какой варвар так по-варварски поступил, тот за то пусть и наказан будет словом, правом и делом: слово ему – обвинение, право – бесчестие, дело – отмщение. А Елена, насилию подвергшись, родины лишившись, сиркою оставшись, разве не заслуживает более сожаления, нежели поношения? Он свершил, она претерпела недостойное; право же, она достойна жалости, а он ненависти. (8) Если же это речь ее убедила и душу ее обманом захватила, то и здесь нетрудно ее защитить и от этой вины обелить. Ибо слово – величайший владыка: видом малое и незаметное, а дела творит чудесные – может страх прекратить и печаль отвратить, вызвать радость, усилить жалость. (9) А что это так, я докажу – ибо слушателю доказывать надобно всеми доказательствами.

Поэзию я считаю и называю речью, имеющей мерность; от нее исходит к слушателям и страх, полный трепета, и жалость, льющая слезы, и страсть, обильная печалью; на чужих делах и телах, на счастье их и несчастье собственным страданием страдает душа – по воле слов. (10) Но от этих речей перейду я к другим. Боговдохновенные заклинания напевом слов сильны и радость принести, и печаль отвести; сливаясь с души

представлением, мощь слов заклинаний своим волшебством ее чарует, убеждает, перерождает. Два есть средства у волшебства и волхвования: душевные заблуждения и ложные представления. (11) И сколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство! Если б во всем все имели о прошедших делах воспоминанье, и о настоящих пониманье, и о будущих предвиденье, то одни и те же слова одним и тем же образом нас бы не обманывали. Теперь же не так-то легко помнить прошедшее, разбирать настоящее, предвидеть грядущее, так что в очень многом очень многие берут руководителем души своей представление – то, что нам кажется. Но оно и обманчиво, и неустойчиво и своею обманностью и неустойчивостью навлекает на тех, кто им пользуется, всякие беды.

(12) Что же мешает и о Елене сказать, что ушла она, убежденная речью, ушла наподобие той, что не хочет идти, как незаконной если бы силе она подчинилась и была бы похищена силой. Убежденью она допустила собой овладеть; и убеждение, ей овладевшее, хотя не имеет вида насилия, принуждения, но силу имеет такую же. Ведь речь, убедившая душу, ее убедив, заставляет подчиниться сказанному, сочувствовать сделанному. Убедивший так же виновен, как и принудивший; она же, убежденная, как принужденная, напрасно в речах себе слышит поношение. (13) Что убежденье, использовав слово, может на душу такую печать наложить, какую ему будет угодно, – это можно узнать прежде всего из учения тех, кто учит о небе: они, мнением мнение сменяя, одно уничтожив, другое придумав, все неясное и неподтвержденное в глазах общего мнения заставляют ясным явиться; затем – из неизбежных споров в судебных делах, где одна речь, искусно написанная, не по правде сказанная, может, очаровавши толпу, заставить послушаться; а в-третьих – из прений философов, где открываются и мысли быстрота, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению! (14) Одинаковую мощь имеют и сила слова для состоянья души, и состав лекарства для ощущения тела. Подобно тому как из лекарств разные разно уводят соки из тела и одни прекращают болезни, другие же жизнь, – так же и речи: одни огорчают, те восхищают, эти пугают, иным же, кто слушает их, они храбрость внушают. Бывает, недобрым своим убеждением душу они очаровывают и заколдовывают. (15) Итак, этим сказано, что, если она послушалась речи, она не преступница, а страдальца.

Теперь четвертою речью четвертое я разберу ее обвинение. Если это свершила любовь, то нетрудно избежать ей обвинения в том преступлении, какое она, говорят, совершила.

Все то, что мы видим, имеет природу не такую, какую мы можем желать, а какую судьба решила им дать. При помощи зрения и характер души принимает иной себе облик. (16) Когда тело воина для войны прекрасно оденется военным оружием из железа и меди, одним чтоб себя защищать, другим чтоб врагов поражать, и узрит зрение зрелище это и само смутится и душу смутит, так что часто, когда никакой нет грозящей опасности, бегут от него люди, позорно испуганные: изгнана вера в законную правду страхом, проникшим в душу от зрелища: представ пред людьми, оно заставляет забыть о прекрасном, по закону так признаваемом, и о достоинстве, после победы часто бываемом. (17) Нередко, увидев ужасное, люди теряют сознание нужного в нужный момент: так страх разумные мысли и заглушает и изгоняет. Многие от него напрасно страдали, ужасно хворали и безнадежно разум теряли: так образ того, что глаза увидали, четко отпечатлевался в сознании. И много того, что страх вызывает, мною опущено, но то, что опущено, подобно тому, о чем сказано. (18) А вот и художники: когда многими красками из многих тел тело одно, совершенное формой, они создают, то зрение наше чаруют. Творенье кумиров богов, создание статуй людей – сколько они наслаждения нашим очам доставляют! Так через зрение обычно бывает: от одного мы страдаем, другого страстно желаем. Много у многих ко многим вещам и людям возгорается страсти, любви и желанья.

(19) Чего ж удивляться, ежели очи Елены, телом Париса плененные, страсти стремление, битвы любовной хотение в душу ее заронили! Если Эрос, будучи богом богов, божественной силой владеет, – как же может много слабейший от него и отбиться и защититься! А если любовь – болезней людских лишь страданье, чувств душевных затмение, то не как преступленье нужно ее порицать, но как несчастья явление считать. Приходит она, как только придет, судьбы уловленьем – не мысли веленьем, гнету любви уступить принужденная – не воли сознательной силой рожденная.

(20) Как же можно считать справедливым, если поносят Елену? Совершила ль она, что она совершила, силой любви побежденная, ложью ль речей убежденная или явным насилием вдаль увлеченная, иль принужденье богов принужденная, – во всех этих случаях нет на ней никакой вины.

(21) Речью своею я снял поношение с женщины. Закончу: что в речи сначала себе я поставил, тому верным остался; попытавшись разрушить поношения несправедливость,

общего мнения необдуманность, эту я речь захотел написать Елене во славу, себе же в забаву.

1 Речь «Похвала Елене» – образец школьного риторического упражнения. Многие греческие ораторы сочиняли вслед за Горгием речи – упражнения на тему мифа о Елене Прекрасной и Троянской войне.

Печатается по: Ораторы Греции. – Состав. М.Л. Гаспаров. – М., 1985. – Перевод с древнегреческого С. Кондратьева.

Лисий (459–380 гг. до Р.Х.)

- Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена

Лисий снискал непререкаемый авторитет в области судебных речей. Несмотря на учебу риторике в юности, Лисий стал профессиональным оратором только в старости, и то благодаря жизненным невзгодам. Первая речь Лисия «Против Эратосфена, бывшего члена коллегии Тридцати» была направлена против виновника казни брата и оказалась единственной речью, которую оратор произнес лично. Все остальные речи Лисий писал для других, работая логографом. Из более четырехсот его речей сохранилась только десятая часть.

Лисий избегал патетики Горгия, его речи просты и безыскусны, фразы кратки и симметричны. Впервые в ораторском искусстве Лисий создал галерею характеров, причем не только изображаемых лиц, но и говорящих. Ярким примером мастерства

Лисия-логографа является «Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена», произнесенная афинянином Евфилетом.

Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена

(1) Много дал бы я, судьи, за то, чтобы вы судили обо мне так же, как о себе, если бы нечто подобное произошло с вами; и если на мое дело вы посмотрите как на свое собственное, то, я уверен, каждого из вас случившееся возмутит настолько, что наказание, предусмотренное законом, вам покажется слишком мягким¹. (2) Да и не только у вас, но повсюду в Элладе с этим бы согласились, потому что это – единственное преступление, за которое в любом государстве, будь оно демократическим или олигархическим, даже последний бедняк может привлечь к ответу самых видных людей, так что самый ничтожный простолюдин в этом отношении имеет те же права, что и самый знатный человек: настолько тяжким всюду считается бесчестие, причиненное таким преступлением. (3) Поэтому приговор ваш, я полагаю, будет единодушным, и надеюсь, никто из вас не посмотрит на мое дело пренебрежительно, считая, что такого преступника можно было отпустить безнаказанным или наказать не слишком сурово. (4) А мне, судьи, остается только доказать, что Эратосфен соблазнил мою жену, развратил ее, опозорил моих детей и меня обесчестил тем, что пробрался в мой дом, что это было единственной причиной моей вражды к нему и что не ради денег, не ради обогащения или корысти я это сделал, а только затем, чтобы покарать его в соответствии с законом.

(5) Впрочем, расскажу обо всем по порядку, с самого начала, честно и правдиво, потому что сейчас для меня единственное спасение – описать все как было. (6) Когда я женился и привел жену в дом, поначалу я взял себе за правило не донимать ее чрезмерной строгостью, но и не давать ей слишком много воли – словом, присматривал за ней как положено. А когда родился ребенок, я целиком ей доверился, считая, что ребенок – самый прочный залог супружеской верности. (7) Так вот, афиняне, первое время не было жены лучше ее: она была превосходной хозяйкой, рачительной, бережливой, старательной. А все беды мои начались со смертью моей матери. (8) Во время похорон моя жена сопровождала тело покойной, и тут ее увидел этот человек. А спустя некоторое

время он и соблазнил ее: выследив служанку, ходившую на рынок за покупками, через нее он стал делать жене предложения и в конце концов погубил ее.

(9) А надо вам сказать, судьи, что домик у меня двухэтажный, причем наверху, в женской половине, и внизу, в мужской половине, комнаты расположены совершенно одинаково. Когда у нас появился ребенок, мать начала кормить его грудью, и, чтобы ей не подвергаться опасности, спускаясь вниз по крутой лестнице всякий раз, как нужно помыться, я переселился на верхний этаж, а женщины устроились внизу. (10) Так и повелось, что жена часто уходила вниз убаюкать ребенка или дать ему грудь, чтобы он не кричал. Так продолжалось долгое время, но мне и в голову не приходило заподозрить что-то неладное; я по-прежнему наивно считал свою жену самой честной женщиной в городе.

(11) Как-то раз я неожиданно вернулся домой из деревни. После ужина ребенок стал кричать и плакать: как выяснилось впоследствии, служанка нарочно дразнила его, потому что тот человек уже находился в доме. (12) Я велел жене спуститься вниз и дать ребенку грудь, чтобы он перестал плакать. Она сначала отказывалась, делая вид, что очень рада моему приезду и очень соскучилась по мне. Я уже начал сердиться и велел ей выполнять то, что приказано, а она говорит: «Это тебе для того нужно, чтобы с нашей служанкой побаловаться. Ты и раньше, подвыпив, к ней приставал». (13) Я засмеялся в ответ, а она встает и, уходя, запирает дверь; будто бы в шутку, а ключ вынимает и уносит с собой. Не придав этому значения и ничего не подозревая, я крепко заснул, потому что устал с дороги. (14) Утром жена вернулась и отперла дверь. Когда я спросил, почему ночью внизу скрипели двери, она ответила, что в комнате у ребенка погас светильник и ей пришлось попросить огня у соседей. Я промолчал, решив, что так оно и было. Однако мне показалось, что лицо у нее накрашено, хотя еще не прошло месяца после смерти ее брата. Но и на это я промолчал и ушел из дому.

(15) Спустя некоторое время, – а я все еще был в полном неведении о постигшей меня беде, – подходит ко мне незнакомая старуха. Уже потом до меня дошли слухи, что ее ко мне подослала другая женщина, соблазненная Эратосфеном: недовольная и даже оскорбленная тем, что он стал реже посещать ее, она устроила за ним слежку, пока не дозналась до причины. (16) Так вот, эта старуха, поджидавшая возле моего дома, подходит ко мне и говорит: «Евфилет, я не хотела бы сплетничать, но человек, который

позорит тебя и твою жену, вместе с тем враг мне и моей госпоже. Так вот, если ты хорошенько допросишь служанку, которая ходит за покупками на рынок и прислуживает вам за столом, то сам во всем убедишься. Я говорю об Эратосфене из Эй: это он соблазнил твою жену, а до нее еще и многих других. На эти дела он мастер». (17) Сказав это, она ушла, а меня, судьи, как громом поразило; я разом вспомнил все, что мне раньше казалось подозрительным, – и то, как меня заперли в спальне, и то, что в ту ночь скрипели обе двери, внутренняя и наружная, чего раньше никогда не случалось, и то, что лицо у жены было накрашено, – и чем больше я это припоминал, тем больше укреплялся в своих подозрениях.

(18) Вернувшись домой, я приказал служанке идти со мной на рынок, но вместо рынка повел ее к одному из моих приятелей и там ей напрямик объявил, что мне все известно о том, что творится у меня в доме. «Так вот, – сказал я, – выбирай одно из двух: или я тебя прикажу выпороть и отправлю на мельницу, где мучениям твоим не будет конца, или ты во всем честно признаешься и получишь прощение. Но берегись, если обманешь; лучше все расскажи по-честному». (19) Сперва она отпиралась: пусть, мол, с ней делают что угодно, только она ничего не знает, – но когда я назвал ей имя Эратосфена и сказал, что это он наведывается к моей жене, служанка насмерть перепугалась, решив, что я знаю не только это, но и все остальное. (20) Тут она мне бросилась в ноги и, получив от меня обещание, что с ней ничего не сделают, выложила все начистоту: как после похорон Эратосфен подошел к ней, как она в конце концов сообщила его просьбу госпоже, как та понемногу поддалась на его уговоры, как ухитрилась принимать его у себя, как на Фесмофории, пока я был в деревне, ходила с его матерью в храм – словом, рассказала все как было. (21) Выслушав ее, я сказал: «Смотри, никому об этом ни слова, если хочешь, чтобы я сдержал обещание. Теперь ты должна мне помочь схватить его с поличным: мне не слова нужны, а доказательства, если дело обстоит, как ты описала». (22) И служанка на это дала согласие.

Прошло четыре или пять дней²... как я неопровержимо докажу вам. Но сперва хочу рассказать о том, что произошло в последний день. Вечером, уже после захода солнца, я встретил на улице своего друга и товарища Сострата – он возвращался из деревни. Зная, что у себя дома в такой поздний час он не найдет ничего съестного, я пригласил его отужинать со мной. Мы пришли ко мне домой, поднялись наверх и поужинали. (23) Потом он поблагодарил за угощение и ушел, а я лег спать. В это время Эратосфен и явился:

служанка тут же разбудила меня и сказала, что он здесь. Приказав ей следить за дверью, чтобы не упустить его, я потихоньку спустился вниз и, выйдя на улицу, отправился созывать друзей и знакомых. Некоторых я дома не застал, некоторые вообще оказались в отъезде. (24) Ну, а всех, кого мог, я собрал и повел за собой. В лавочке близ моего дома мы запаслись факелами и вошли в дом всей толпой, благо наружная дверь была заранее отперта служанкой.

Вышибив дверь, ведущую в спальню, мы застигли его прямо в постели с моей женой: те, кто ворвался первым, его застали еще лежащим; подоспевшие чуть позже видели, как он голый стоял на кровати. (25) Ударом кулака я, судьи, сбил его с ног, скрутил и связал ему руки за спиной и стал допрашивать, как посмел он забраться ко мне в дом. Отрицать свою вину он даже не пытался и только слезно умолял не убивать его, а предлагал откупиться деньгами. (26) На это я отвечал: «Не я тебя убью, но закон, который ты преступил, поставив его ниже своих удовольствий. Ты сам предпочел совершить тяжкое преступление против моей жены, моих детей и меня самого, вместо того чтобы соблюдать законы и быть честным гражданином».

(27) Итак, судьи, он претерпел именно то, что велит делать с такими преступниками закон. Его не приволокли с улицы ко мне в дом, как утверждают мои обвинители, и он не просил защиты у моего очага. Да и как он мог это сделать, если в спальне я сбил его с ног и связал ему руки, если там было столько людей, что пробиться через них, не имея ни оружия, ни даже палки в руках, он не мог? (28) Вы и сами знаете, судьи: нарушители закона ни за что не признают, что их противники говорят правду, и лживые измышления такого рода им нужны для того, чтобы настроить слушателей против тех, кто действовал законно. Прочти же закон. [Читается закон.] (29) Он не отрицал, судьи, своей вины; он сам признал себя виновным и умолял не убивать его. Он даже предлагал откупиться деньгами, но на это я не согласился. Я считал, что закон важнее, и покарал его той карой, которую установили вы сами и которую вы сочли справедливой для такого рода преступников. Прошу свидетелей подняться сюда. [Читаются показания свидетелей.] (30) Прочти мне и тот закон, что вырезан на камне по указу Ареопага. [Читается закон.] Вы слышите, судьи, что сам Ареопаг, который исстари вершил суд по делам об убийстве, которому и в наши дни предоставлено это право, постановил в совершенно ясных и определенных выражениях, что неповинен в убийстве тот, кто покарает смертью прелюбодея, если застигнет его вместе с женой. (31) В справедливости этой кары

законодатель был уверен настолько, что ее же назначил за соращение наложниц, хотя они не так уважаемы, как законная жена. Ясно, что если бы имелось большее наказание, он бы его назначил за соращение супруги, и только потому в том и другом случае он установил смерть, что за соращение супруги не сумел найти кары более суровой. Теперь прочти мне вот этот закон. [Читается закон.] (32) Вы слышите, судьи: закон велит, чтобы всякий, кто совершит насилие над свободным – взрослым или ребенком, уплатил вдвое больше, чем за насилие над рабом, а ведь сюда относится и насилие над женщиной, в то время как ее соблазнение карается смертью. Вот, судьи, насколько снисходительнее законодатель к насильникам, нежели к соблазнителям! (33) Последних он приговорил к смерти, а первых – лишь к возмещению ущерба деньгами, исходя из того, что жертва насилия по крайней мере ненавидит насильника, а соблазнитель настолько развращает свою жертву, что жена к нему привязывается больше, чем к мужу, отдает ему в распоряжение весь дом, и даже на детей падает подозрение – то ли они от мужа, то ли от любовника. Вот почему таким людям законодатель назначил смерть.

(34) Меня же, судьи, законы не только оправдывают, но даже обязывают привести в исполнение положенный приговор, а уж от вас зависит, оставаться этим законам в силе или потерять всякое значение. (35) Я думаю, что для того государства и устанавливают законы, чтобы к ним обращаться в спорных случаях и выяснять, как следует поступить. Так вот, в моем случае закон велит потерпевшему наказывать виновных именно так. (36) Надеюсь, вы согласитесь со мной, иначе прелюбодеям вы обеспечите такую безнаказанность, что даже воры начнут себя выдавать за распутников, зная, что их не тронут, если они скажут, что проникли в чужой дом для встречи с любовницей: все будут знать, что с законами о распутстве можно не считаться, а бояться нужно только вашего приговора, потому что он все решает в этом государстве.

(37) Заметьте вот еще что, афиняне: меня обвиняют в том, что служанке я заранее велел пригласить в тот день Эратосфена. Вообще-то, судьи, я считаю, что вправе любым способом поймать соблазнителя своей жены. (38) Если бы я велел его пригласить, когда до дела еще не дошло, когда соблазнитель только начинал обхаживать мою жену, то был бы виноват. Но после того, как он добился своего, после того, как стал часто бывать в моем доме, поймать его с помощью какой-нибудь хитрости было бы с моей стороны только разумно. (39) Но и в этом, заметьте, они лгут. Посудите сами: как я уже сказал, мой друг и приятель Сострат, которого я повстречал после захода солнца, когда он

возвращался из деревни, ужинал вместе со мной и задержался у меня допоздна. (40) Так вот, подумайте, судьи: если в ту ночь я готовил Эратосфену западню, что для меня было удобнее – ужинать в гостях или, наоборот, привести гостя к себе? Ведь это могло бы отпугнуть Эратосфена от попытки проникнуть ко мне в дом. Кроме того, неужели я бы отпустил своего гостя, чтобы остаться одному, без поддержки? Скорее наоборот, я бы его попросил остаться и помочь мне наказать соблазнителя. (41) И разве не мог я созвать своих друзей заранее, еще днем, и попросить их собраться у кого-нибудь из знакомых поближе к моему дому, вместо того чтобы ночью бегать по всему городу, не зная, кого я застаю дома, а кого нет? А ведь я заходил и к Гармодию, и ко многим другим, понятия не имея о том, что они в отъезде. Некоторые же были в городе, но отлучились из дома, и я взял с собой только тех, кого смог застать. (42) Между тем, если бы я все знал заранее, неужели, по-вашему, я бы не вооружил слуг и не созвал бы друзей? Этим бы я и себя обезопасил, потому что преступник мог быть вооружен, и его покарал бы при наибольшем числе свидетелей. Но, повторяю, я ничего не знал о том, что произойдет в эту ночь, и созвал только тех, кого смог. Прошу свидетелей подняться сюда. [Читаются показания свидетелей.]

(43) Итак, судьи, вы слышали свидетелей. Теперь обратите внимание вот на что: была ли у меня хоть какая-нибудь другая причина враждовать с Эратосфеном? (44) Нет, такой причины вы не найдете. Он не пытался оклеветать меня, обвиняя в преступлении против государства, и не добивался моего изгнания из отечества. Он не судился со мной и по частному делу. Он не знал за мной никаких преступлений, и мне не было нужды убивать его, чтобы избежать разоблачения. И не потому я это сделал, что мне обещали за это заплатить, – а ведь некоторые берутся убить человека за деньги. (45) Не было между нами ни перебранки, ни пьяной драки, ни какой другой ссоры, потому что до той ночи я этого человека и в глаза не видал. Так чего ради я пошел бы на такой риск, если бы не претерпел от него самое тяжкое из оскорблений? (46) И неужели я бы совершил преступление при свидетелях, имея возможность убить его тайком?

(47) Я считаю, судьи, что покарал его не только за себя, но и за все государство. Если вы согласитесь со мной, подобные люди поостерегутся вредить своему ближнему, видя, какая награда их ждет за такого рода подвиги. (48) А если вы не согласны со мной, то отмените существующие законы и введите новые, которые будут карать тех, кто держит жен в строгости, а соблазнителей оправдывать. (49) Так, по крайней мере, будет честнее,

чем теперь, когда законы гражданам ставят ловушку, глася, что поймавший прелюбодея может сделать с ним что угодно, а суд потом грозит приговором скорее потерпевшему, чем тому, кто, попирая законы, позорит чужих жен. (50) Именно в таком положении я теперь и оказался: под угрозу поставлены моя жизнь и имущество только за то, что я повиновался законам.

1 «Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена» – признанный шедевр судебного красноречия. Эратосфен, убитый Евфилетом, был давним врагом Лисия, виновником смерти его брата. Против Эратосфена Лисий выступал лично в своей самой первой речи. Оратор с особой тщательностью подошел к составлению оправдательной речи для Евфилета.

Печатается по: Ораторы Греции. – Сост. М.Л. Гаспаров. – М., 1985. – Перевод Э. Юнца.

2 Полный текст этого отрывка не сохранился.

Исократ (436–338 гг. до Р.Х.)

- Панегирик

Исократ считается непревзойденным мастером торжественного красноречия. Он происходил из богатого рода и всю жизнь оставался противником демократии. В речах и письмах Исократа впервые появляются элементы публицистики, главная тема которой – политическая программа спасения Эллады: объединение греков для борьбы против персов. Эта программа особенно ярко выражена в речи «Панегирик», созданной в 380 году до Р.Х.

Исократ никогда не выступал с речами устно – он предпочитал распространять их в письменном виде. Таким образом было положено начало письменному красноречию. Своим творчеством Исократ предвосхитил многие жанры современной публицистики: например, письмо, памфлет, эссе.

В 392 году до Р.Х. Исократ создал школу красноречия, которая стала не только крупнейшим риторическим центром, но и явилась, по сути, прообразом первого университета. Из этой школы вышли выдающиеся ораторы, историки, полководцы, политические деятели.

Панегирик

(1) Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды, а тем, кто трудится на общее благо, стремясь быть полезным не только себе, ни наград, ни почестей не воздают, (2) хотя они более достойны уважения, ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем, кто желает приобщиться к плодам его мысли¹. (3) Но, решив с этим не считаться и полагая достаточной наградой славу, которую мне принесет эта речь, я пришел сюда, чтобы призвать Элладу к единству и к войне против варваров. Хотя многие, притязавшие на звание ораторов, уже выступали на эту тему, (4) я твердо намерен их превзойти, ибо лучшими речами считаю такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу, а моя речь, надеюсь, именно такова. (5) Да и время еще не настолько упущено, чтобы призывать к действиям было уже поздно. Только тогда должен молчать оратор, когда дело сделано и обсуждать его нет смысла или когда вопрос исчерпан и к нему нечего больше добавить. (6) Но если дело не сдвинулось с места, так как прежние выступления оказались неудачны, неужели не стоит потрудиться над речью, которая в случае своего успеха покончит с междоусобной войной и избавит нас от великих бедствий? (7) Если бы имелся только один способ высказаться по

существо предмета, было бы излишне докучать слушателям, повторяя сказанное другим; (8) но так как в речи можно по-разному истолковать одно и то же – великое сделать ничтожным, малое великим, по-новому взглянуть на события прошлого, а недавние пересмотреть в свете прежних, – значит, нужно не избегать предмета, о котором уже говорилось, а постараться его выразить еще лучше. (9) Дела минувшие знакомы нам всем, но только разумному человеку дано вовремя извлечь из них урок, правильно понять и ясно выразить их подлинный смысл. (10) Высокого совершенства достигнут искусства, и красноречие в их числе, если будет цениться не новизна, а мастерство и блеск исполнения, не своеобразие в выборе темы, а умение отличиться в ее разработке.

(11) Тем не менее некоторые порицают тонко отделанные речи, трудные для неискушенного слушателя, но они заблуждаются, так как речи, исключительные по своим задачам и потому требующие особой пышности, не отличают от судебных, которые не принято украшать, думают, что они одни знают надлежащую меру, а тот, кто говорит изобильно и пышно, не способен выражаться просто и точно. (12) Не стоит и доказывать, что эти люди хвалят только таких ораторов, которые недалеко ушли от них самих. Меня их мнение не заботит: я обращаюсь к знатокам, взыскательным, требовательным и суровым, которые будут искать в моей речи достоинства, каких не найти у другого, и для них я прибавлю еще несколько слов, прежде чем перейти непосредственно к делу. (13) Вначале выступающие обычно оправдываются, говоря, что не успели хорошо подготовиться или что трудно найти слова, соответствующие важности темы. (14) Так вот, если моя речь окажется недостойной своего предмета и моей славы, если она не оправдает потраченного на нее времени, и больше того – всей моей жизни, то пусть меня презируют и осыпают насмешками за то, что, не имея особых дарований, я взялся за такую задачу. Вот все, что я хотел сказать о себе.

(15) Теперь – о том, что касается всех. Ораторы, которые говорят, что пора нам прекратить взаимные распри и обратить оружие против варваров, перечисляя тяготы междоусобной войны и выгоды от будущего покорения Персии, совершенно правы, но забывают о главном. (16) Эллинские города большей частью подвластны либо Афинам, либо Спарте, и разобщенность эту усиливает разница в их государственном и общественном строе. Безрассудно поэтому думать, что удастся побудить эллинов к совместным действиям, не примирив два главенствующих над ними города. (17) Если оратор хочет не только блеснуть красноречием, но и добиться чего-то на деле, он должен

убедить Афины и Спарту признать друг за другом равные права в Элладе, а выгод искать в войне против персов. (18) Наш город склонить к этому нетрудно: гораздо труднее убедить спартанцев, ибо они унаследовали от предков необоснованные притязания на господство в Элладе. Но если доказать, что эта честь подобает скорее нам, они откажутся от мелочных препирательств и займутся тем, что для них по-настоящему выгодно. (19) Вот с чего следовало начинать ораторам: сперва разрешить спорный вопрос, а уж потом излагать общепризнанные истины. Я буду стремиться прежде всего убедить Афины и Спарту покончить с соперничеством и объявить войну персам, (20) а если эта цель недостижима, то по крайней мере я назову виновника нынешних бедствий Эллады и докажу, что Афины с полным правом добиваются в Элладе первого места.

(21) В любом деле почетное место принадлежит тем, у кого наибольший опыт и способности, и, несомненно, мы вправе вернуть себе былое могущество, ибо ни одно государство не имеет такого опыта сухопутных войн, каким Афины обладают в морских сражениях. (22) А если кто-то станет возражать и доказывать, что только древность происхождения или особые заслуги перед эллинами дают право на ведущее место в Элладе, он лишь подтвердит мою правоту, (23) ибо и в этом, как показывает история, мы не имеем себе равных. Все признают Афины самым древним, самым большим и знаменитым городом; уже одно это дает нам право гордиться, но у нас есть еще большие основания для гордости. (24) Мы не пришельцы в своей стране, прогнавшие местных жителей или заселившие пустошь, и свой род мы ведем не от разных племен. Нет происхождения благороднее нашего: мы всегда жили на земле, породившей нас, как древнейшие, исконные ее обитатели. (25) Из всех эллинов мы одни имеем право называть свою землю кормилицей, родиной, матерью. Вот каким должно быть родословие тех, кто законно гордится собою и по праву добивается, ссылаясь на своих предков, первого места среди городов Эллады. (26) Великие блага нам даровала судьба, а сколько благодеяний мы оказали другим, станет ясно, если дать самый краткий обзор древнейшей истории нашего города. Тогда мы увидим, что должны быть благодарны Афинам не только за их военные подвиги, но и за саму возможность существовать, имея свою землю и государственность. (27) Меньшие заслуги Афин, которых обычно не замечают и не помнят, я даже не стану упоминать и назову только самые важные, о которых говорят и знают всюду и везде.

(28) Прежде всего, наш город дал людям то, что составляет их первейшую потребность, и хотя это предание похоже на вымысел, напомнить его я считаю нелишним. Когда Деметра, странствуя в поисках Коры, пришла в Аттику, то, желая отблагодарить наших предков за услуги, о которых слышать можно только посвященным, она оставила им два величайших дара: хлебные злаки, благодаря которым мы перестали быть дикарями, и таинства, приобщение к которым дает надежду на вечную жизнь после смерти. (29) И город наш, оказалось, не только любим богами, но и человеколюбив: чудесными благами, дарованными ему одному, он щедро поделился со всеми. К таинствам мы и сейчас продолжаем ежегодно приобщать непосвященных, а сеять, выращивать и употреблять в пищу хлеб мы научили всех желающих сразу. (30) Чтобы никто в этом не сомневался, скажу только, что тот, кто отвергает это предание как слишком древнее, как раз в древности и должен видеть его лучшее подтверждение: если предание всюду знают и часто рассказывают, то оно – старинное и заслуживает доверия. Но у нас есть и более веские доказательства. (31) Почти все города в память о давнишнем благодеянии ежегодно нам присылают начатки урожая, а тем, кто пытается от этого уклониться, Пифия не раз приказывала соблюдать исконный обычай и прислать нам от урожая положенную часть. Так можно ли сомневаться в том, что изрекает божество и соблюдают почти все эллины, в чем сходятся древнее предание и нынешний обычай, сегодняшние порядки и сказания предков? (32) Но даже если отбросить предание и обратиться к истории, то мы увидим, что не могли все люди сразу достичь благоустроенной жизни, а пришли к ней постепенно. Кто же мог первым изобрести или получить от богов эти усовершенствования, (33) как не древнейшие обитатели земли, самые искусные в ремеслах и самые благочестивые? Нужно ли говорить о том, каких почестей достойны виновники стольких благ? Едва ли найдется награда, равная их заслугам.

(34) Вот что можно сказать о первом и величайшем благодеянии афинян всему человечеству. Тогда же, видя, что большую часть земли занимают варвары, а эллины теснятся на узком пространстве и гибнут от голода и взаимной резни, (35) афиняне, не желая с этим дольше мириться, разослали по городам предводителей, которые сплотили неимущих эллинов, повели их в бой против варваров и, разгромив врага, заселили все острова Эгейского моря, а частично и оба его побережья. Этим они спасли от гибели и тех, кого повели за собой, и тех, кто остался дома: (36) и у последних теперь было достаточно места, и переселенцы получили вдоволь земли, ибо захватили все то пространство, которое сейчас составляет Элладу. Больше того, Афины проложили дорогу

всем последующим переселенцам: им уже не приходилось с оружием в руках отвоевывать новые земли, а оставалось лишь разместиться на земле, освоенной нами. (37) Так кто же имеет право на ведущее место в Элладе, как не Афины, которые в ней первенствовали еще до того, как возникла большая часть эллинских городов, и которые варваров изгнали, а эллинов спасли от голодной смерти?

(38) Обеспечив первейшую их потребность, наш город не остановился на этом; то, что он их избавил от голода – а именно с этого разумные люди принимаются налаживать жизнь, – было только началом благодеяний. Считая, что жизнь, ограниченная самым необходимым, мало чего стоит, наш город постарался сделать ее еще лучше, и можно с уверенностью сказать, что ни одно из благ, которых человечество добилось своими силами, не было достигнуто без участия Афин, а многими достижениями оно обязано только нам. (39) В то время как эллины, не зная законов и правопорядка, страдали либо от произвола правителя, либо, наоборот, от безвластия, наш город и в этом пришел им на помощь: одних он взял под свое покровительство, а другим дал образец в виде своих законов и государственного устройства. (40) Что именно в Афинах возникли законы, видно из того, что когда-то все эллины судили по ним виновных в убийстве, если хотели решить дело судом, а не самовольной расправой. Искусства и ремесла, призванные украсить жизнь и обеспечить ее всем необходимым, наш город – изобрел ли он их сам или заимствовал у других – широко распространил и сделал общедоступными. (41) Гостеприимство и благожелательность афинян привлекают в Афины всех, кто желает разбогатеть или вволю пожить на свои деньги; бедняк, откуда бы он ни приехал, найдет здесь надежное пристанище, а богач – самые изысканные наслаждения. (42) Не всякая местность может себя обеспечить всем необходимым; нехватка в одном и избыток в другом принуждают эллинов к нелегкому делу сбывать излишки и ввозить то, чего им недостает. Но и здесь мы оказали неоценимую услугу: в сердце Эллады, а именно – в Пирее, афиняне устроили богатейший рынок, где можно легко приобрести любые самые редкостные товары.

(43) Заслуженно хвалят тех, кто учредил общеэллинские празднества, за установленный ими обычай заключать всеобщее перемирие и собираться вместе, чтобы, свершив обеты и жертвоприношения, мы могли вспомнить о связывающем нас кровном родстве, проникнуться друг к другу дружелюбными чувствами, возобновить старые и завязать новые договоры гостеприимства. (44) Собравшись вместе, эллины получают возможность

приятно и с пользой провести время, одни – показывая свои дарования, другие – глядя на их соперничество, причем все остаются довольны: зрители могут гордиться тем, что атлеты ради них не жалеют сил, а участники состязаний рады, что столько людей пришло на них посмотреть. Вот сколько пользы приносят нам празднества, а Афины в их устройстве не уступят никому. (45) Великолепных зрелищ, дорогостоящих и утонченных, в Афинах можно увидеть так много, а число приезжающих к нам так велико, что можно с уверенностью сказать: в нашем городе люди всегда могут воспользоваться благами общения друг с другом. В Афинах легче, чем где бы то ни было, завязать прочную дружбу и разнообразные связи. Здесь можно увидеть не только состязания в силе и ловкости: с не меньшим пылом у нас соревнуются в красноречии и остроумии. А награды поистине велики: (46) наш город не только вручает их сам, но и побуждает к этому других, ибо награда, полученная в Афинах, приносит обладателю великую славу и всеобщее признание. Наконец, в других местах общезллинские празднества справляются редко и длятся недолго, а в Афинах для приезжего всегда праздник, доступный каждому и в любое время.

(47) Философия, приохотившая нас к общественной жизни, сделавшая более дружелюбными друг к другу, научившая остерегаться зла невежества и стойко переносить неизбежное, в нашем городе укоренилась по-настоящему прочно. А красноречие у нас стало настолько почетным, что овладеть им стремится чуть ли не каждый, (48) понимая, что только дар речи возвышает человека над животными, что во всем остальном по прихоти судьбы неудачу терпят и умные люди, а успеха добиваются часто глупцы, зато искусство речей глупцам недоступно, являясь уделом лишь одаренных, (49) что оно – важнейший признак образованности, что не по мужеству и богатству, но по речам познается истинное благородство и настоящее воспитание, что владеющий словом уважаем не только у себя в городе, но и повсюду. (50) В уме и красноречии Афины своих соперников опередили настолько, что стали подлинной школой всего человечества, и благодаря именно нашему городу слово «эллин» теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение.

(51) Но чтобы не показалось, будто я задерживаюсь на мелочах, хотя обещал говорить только о важном, или что я восхваляю свой город за мудрость и красноречие лишь потому, что мне нечего сказать о его доблести на войне, позволю себе высказаться и об

этом для тех, кто чересчур кичится боевой славой, тем более что за военную доблесть наши предки достойны не меньших похвал, чем за прочие свои заслуги. (52) Много испытаний, суровых и тяжких, выпало на их долю, ибо они сражались не только за свою землю, но и за чужую свободу, так как наш город для угнетенных и притесняемых эллинов всегда был прибежищем и оплотом. (53) Некоторые осуждают нас за безрассудное стремление помогать беззащитным, не понимая, что такие упреки лучше похвал: не потому становились мы на сторону слабых, что не знали, насколько выгоднее союз с сильным, а сознательно предпочитали вступаться за них даже вопреки собственной пользе.

(54) О том, как наш город использует свою мощь, можно судить на примере тех, кто прибегал к его защите. Недавних случаев я приводить не стану, ибо еще до Троянской войны (вот где должны искать доводы те, кто хочет свои права доказать ссылками на предков) к нам обратились за помощью дети Геракла, а чуть раньше – аргосский царь Адраст, сын Талая. (55) Адраст, потерпев неудачу в походе на Фивы, когда ему не позволили даже похоронить его соратников, павших при осаде Кадмеи, явился в Афины, умоляя помочь ему в беде, которая может случиться с каждым, и не допустить, чтобы древний обычай был попран и павшие на войне остались без погребения. (56) А Гераклиды, спасаясь от жестокости Еврисфея и видя, что ни один город их защитить не способен, только Афины сочли достойным отплатить за благодеяния, которые их отец оказал человечеству. (57) Очевидно, уже тогда Афины имели все качества предводителя эллинов: никто не стал бы просить о помощи слабое или зависимое от других государство, да еще в деле, которое касается всех и защищать которое пристало лишь городу, стремящемуся возглавить Элладу. (58) И просители в своих надеждах не обманулись: взяв на себя тяжесть войны с обидчиками, афиняне всем ополчением двинулись на фиванцев и заставили их выдать тела погибших, а когда Еврисфей с целым войском пелопоннесцев вторгся в нашу страну, вышли ему навстречу и наголову разбили дерзкого царя. (59) Немало великих дел к тому времени было известно за афинянами, но этим подвигом они стяжали еще большую славу. Свой долг они исполнили так основательно, что Адраст, который явился в Афины просителем, вернулся домой, получив от врага все, чего добивался, а Еврисфей, который вторгся в нашу страну как завоеватель, был взят в плен и сам оказался в положении просителя. (60) Долго и безнаказанно он помыкал сыном Зевса, унижая того, кто силой превосходил любого из

смертных, но первая же дерзость по отношению к Афинам кончилась для Еврисфея жестокой расплатой: попавшись в руки Гераклидам, он принял вскоре позорную смерть.

(61) Многими благодеяниями нам обязаны спартанцы, но уже за одно это они перед нами в неоплатном долгу, ибо только афинская помощь дала возможность Гераклидам, предкам правящих ныне в Спарте царей, вернуться с победой в Пелопоннес, захватить Аргос, Лакедемон и Мессену, основать Спарту и заложить основы ее нынешнего могущества. (62) Вот о чем следовало помнить спартанцам, когда своими набегами они разоряли страну, положившую начало их процветанию, и угрожали городу, рискнувшему всем для Гераклидов. Справедливо ли потомков Геракла делать своими царями, а город, который спас весь их род, пытаться поработить? (63) Но, оставляя в стороне столь очевидную неблагодарность и возвращаясь к предметам более важным, скажу, что нигде еще не было видано, чтобы пришелец главенствовал над местным жителем, получивший услугу – над оказавшим ее, попросивший убежища – над тем, кто его предоставил. (64) Доказать это можно даже короче. Самыми сильными государствами Эллады, кроме нашего, всегда были Аргос, Фивы и Спарта, но фиванцев наши предки заставили выполнить требования побежденных ими аргивян, (65) самих аргивян позднее разбили в числе других пелопоннесцев, детей же Геракла, основателей Спарты, защитили от угроз Еврисфея, а значит, первое место в Элладе принадлежит, бесспорно, Афинам.

(66) Теперь – об афинских победах над варварами, тем более что главная цель моей речи – указать путь к господству над ними. Все войны и битвы перечислять было бы долго, поэтому я скажу лишь о главном. (67) Самые воинственные и могущественные варварские племена – это скифы, фракийцы и персы. Каждое из них на нас нападало, и каждому из них мы давали отпор. Что еще могут сказать наши недоброжелатели, если эллины в поисках справедливости обращаются за помощью именно к нам, а варвары, желая поработить эллинов, нападают прежде всего на нас? (68) Наиболее знаменита война против персов, но для тех, кто утверждает, что у него исконное право на первенство, не менее важны ссылки на древность. Когда Эллада была еще слаба, в наши владения вторглись фракийцы во главе с Евмолпом, сыном Посейдона, а позднее скифы во главе с амазонками, дочерьми Ареса. Стремясь установить свою власть над Европой и ненавидя эллинское племя, они бросили вызов именно Афинам, считая, что если справятся с этим городом, то разом покончат со всей Элладой. (69) Но цели своей они не достигли: имея противником лишь афинян, они потерпели такое поражение, словно

воевали против целого человечества. Что разгром был сокрушительным, видно из того, что предание об этом живо до сих пор, чего не случилось бы, если б это была мелкая неудача. (70) Амазонки, которые участвовали во вторжении, погибли, согласно преданию, все до одной, а те, что остались дома, лишились большей части своих владений и окончательно утратили былое могущество; фракийцы же, искони обитавшие в непосредственной близости от нас, после того поражения ушли с насиженных мест так далеко, что на пространстве, которое нас теперь разделяет, расселились десятки племен и народов и возникло множество городов.

(71) Это был поистине славный подвиг, подобающий тому, кто хочет быть первым в Элладе, но не меньший подвиг, достойный предков, совершили те, кто отразил нашествия Дария и Ксеркса. В величайшей из войн, в тяжелейших опасностях, в борьбе с противником, который считал себя непобедимым, чьей доблести страшились даже наши союзники, (72) афиняне выстояли и разбили врага, получив в награду не только славу, но и безраздельное господство на море, с полного согласия всей Эллады, в том числе и тех, кто пытается его теперь отобрать. (73) Пусть не думают, что я не знаю о заслугах в этой войне спартанцев, но тем большей похвалы достойны Афины, что сумели превзойти такого соперника. О тогдашних афинянах и спартанцах я хочу сказать немного подробнее, чтобы напомнить, какова была доблесть тех и других и сколь велика их ненависть к варварам. (74) Знаю, что трудно говорить о предмете, уже не раз бывшем темой речей видных граждан на погребении тех, кто пал смертью храбрых.

Все главное, конечно, уже было сказано, но кое-что все же осталось упущено, и нелишне будет о нем напомнить, так как это содействует нашей цели.

(75) Великой славы достойны те, кто, рискуя жизнью, защитил Элладу, но несправедливо забывать о людях предыдущего поколения, благодаря которым победа стала возможной. Это они вырастили достойную смену, воспитали в своих детях отвагу и доблесть и сделали их настоящими бойцами. (76) Превыше всего ставя общее благо, они не расточали, но пополняли казну и распоряжались ею так разумно, как если бы она была их собственной, и так честно, словно она была для них совершенно чужой. Деньги тогда не были мерилом счастья; самым надежным и честным богатством считалось доброе имя у современников и слава, оставляемая потомкам. (77) Они не соревновались в бесстыдстве, не упражнялись в своеволии и наглости; дурной славы среди

соотечественников они боялись больше, чем смерти за отчизну, и опозорить свой город боялись больше, чем теперь люди боятся опозорить самих себя. (78) Они соблюдали старинный обычай и заботились не столько о взыскании долгов, сколько о нравах и образе мысли, зная, что честным людям не нужно много законов, что и с немногими можно решать как частные, так и общественные дела. (79) Столь велика была их любовь к отечеству, что спорили они между собой не за власть, а о том, кто окажет отчизне услугу, и вступали между собой в союзы не в личных целях, а в интересах общества. (80) Так же они относились и к другим государствам: стремясь завоевать расположение эллинов, они были для них наставниками и предводителями, а не господами и тиранами; они не губили их, а спасали, не порабощали, а опекали. (81) Их слово было надежнее клятвы, а договоры они соблюдали так, словно вообще не представляли, что их можно нарушить. Они не кичились своей мощью, они были умеренны в своих притязаниях и относились к слабейшим так, как хотели бы, чтобы сильнейший относился к ним самим. В своих городах они видели свой дом, а общим отечеством считали Элладу.

(82) Вот каких убеждений держались тогдашние афиняне и спартанцы, и, воспитывая в том же духе своих детей, они вырастили таких бойцов против персов, что не нашелся еще ни поэт, ни оратор, который достойно воспел бы их подвиг. Винить их за это едва ли возможно, ибо восхвалять показавших высочайшую доблесть столь же трудно, как тех, кто ничего славного не совершил: тех вообще не за что хвалить, а для этих невозможно найти слова, соответствующие величию их деяний. (83) Какие слова будут достойны мужей, которые превзошли покорителей Трои? Те десять лет осаждали один-единственный город, а эти разом сокрушили мощь целой Азии и не только защитили свои города, но и спасли от порабощения всю Элладу. Перед какими же подвигами и трудами отступили бы они ради славы при жизни, если с готовностью шли на смерть, обещавшую им лишь посмертную славу? (84) Я думаю даже, что это испытание послали им боги ради них же самих, чтобы отвага их получила известность, чтоб не прожили они свою жизнь незаметно, а удостоились участия полубогов, которые не избежали смерти, но память о которых бессмертна вовек.

(85) Наши предки и спартанцы всегда соперничали, но тогда они состязались на поприще славы и не считали себя врагами. Свою доблесть они показали сначала на войске, которое против них выслал Дарий. (86) Как только это войско высадилось в Аттике, афиняне, не дожидаясь подхода спартанцев и взяв на себя тяжесть общей войны, в

одинокую встретили надменного врага, с немногими силами против бесчисленных полчищ, словно рисковали не своей жизнью, а чужой; спартанцы же, едва узнали об этом, бросились к ним на помощь так поспешно, словно враг разорял их собственную страну. (87) О быстроте их и рвении свидетельствует то, что афиняне в тот же день, как узнали о высадке персов, уже были на границе своей страны и, разбив врага, воздвигли трофей; спартанцы же за трое суток проделали путь в тысячу двести стадиев, – настолько одни спешили помочь, а другие – дать бой раньше, чем подоспеет помощь. (88) Следующее, второе нашествие персов возглавил уже лично Ксеркс: покинув царский дворец, он сам повел в поход свое войско, собрав в него людей со всей Азии. Даже при всем желании трудно преувеличить опасность этой войны. (89) Ксеркс настолько вознесся в своей гордыне, что ему уже мало казалось покорить Элладу. Желая оставить после себя памятник, который превзошел бы возможности человека, он не отступился, пока не исполнил свой замысел, ставший теперь почти легендарным: вместе с войском он переплыл сушу и пешком прошел по морю, связав мостом берега Геллеспонта и прорыв канал через Афон. (90) Вот насколько самоуверен и удачлив был враг, которому они выступили навстречу, поровну поделив между собой опасность: спартанцы с отрядом в тысячу воинов и с небольшим числом союзников двинулись к Фермопилам, чтобы занять этот горный проход и преградить путь пехоте врага, а наши предки с шестьюдесятью триерами отплыли к Артемисию, взяв на себя весь вражеский флот. (91) Такая смелость объясняется не столько презрением к врагу, сколько честолюбивым соперничеством: спартанцы, завидуя нашей победе при Марафоне, горели желанием сравняться с нами и опасались, как бы наш город опять не оказался спасителем Эллады, а наши больше всего хотели сохранить завоеванную славу, показать, что прежней победой они обязаны не прихоти случая, но отваге, приучить эллинов к морским сражениям, доказать, что и в морском бою, а не только на суше, побеждают доблестью, а не числом. (92) Одинаковую отвагу проявили соперники, но с различным исходом. Спартанцы погибли в неравном бою; сказать, что их победили, было бы кощунством, ибо никто из них не опозорил себя бегством. Афиняне же разгромили передовые части персидского флота, но, узнав о том, что враг завладел Фермопилами, отплыли обратно и повели войну таким образом, что, как ни велики были их предыдущие подвиги, в последующей борьбе они отличились еще больше. (93) Когда всех союзников охватило отчаяние, а пелопоннесцы начали укреплять Истмийский перешеек, заботясь уже только о собственном спасении, остальные же эллинские города открыто выступили на стороне персов, когда с моря к Афинам подплывал вражеский флот в тысячу двести триер, а с суши приближалось несметное

войско, когда гибель казалась неотвратимой, – покинутые союзниками и потерявшие надежду (94) афиняне не только сумели уцелеть, но даже удостоились почестей от царя, который рассчитывал с помощью их флота покорить Пелопоннес. Но они отвергли царские дары, хотя, негодуя на предательство эллинов, имели все основания заключить с персами мир. (95) Они не только приготовились сражаться за свободу, но и простили тех, кто избрал добровольное рабство, считая, что малым государствам можно прибегать к любому способу, чтобы выжить, а городу, который хочет быть первым в Элладе, отступать перед опасностью не к лицу. Для отважных мужей, считали они, доблестная смерть лучше, чем позорная жизнь, и великому городу лучше вовсе сгинуть, чем влачить рабство у всех на глазах. (96) Несомненно, они были настроены именно так. Не имея возможности сражаться одновременно и с флотом, и с сухопутным войском врага, они переправили на соседний остров все население города, чтобы дать врагу отпор на море. Можно ли найти более ясное доказательство благородства афинян и их преданности Элладе, чем та решимость, с которой ради общей свободы они пожертвовали родным городом, и самообладание, с которым они смотрели на то, как грабят их поля, разоряют святилища и сжигают храмы? (97) Но даже этого им было мало: они собирались в одиночку сражаться против тысячи двухсот персидских триер. Но этого сделать им не дали: пелопоннесцы, устыдившись своей трусости и сообразив, что если афиняне погибнут, то и они не спасутся, а если победят, то и они покроют себя позором, были вынуждены прийти афинянам на помощь. Я не стану расписывать подробности битвы, обычные для такого рода сражений. (98) Укажу лишь то, чем эта битва важна и почему она дает право Афинам на первое место среди эллинских государств. Военное преобладание нашего города еще в мирное время было так велико, что даже после его разорения афиняне выставили для битвы, в которой решалась судьба Эллады, больше кораблей, чем все их союзники, и даже самые злобные наши недоброжелатели признают, что Саламинская битва решила исход войны, а победили в ней эллины только благодаря Афинам. (99) Кто же достоин возглавить Элладу накануне похода против варваров? Разве не те, кто больше всех отличился в последней войне, кто не раз бился с персами один на один, а если и пользовался поддержкой союзников, то далеко превзошел их в доблести и отваге? Разве не те, кто обрек на разорение свою землю ради спасения остальных, кто основал еще в древности множество городов, а теперь их избавил от верной гибели? Справедливо ли будет лишить награды того, кто выстрадал больше всех, и оттеснить с почетного места того, кто сражался в передних рядах?

(100) В событиях, которые я назвал, всякий признает заслуги Афин и согласится, что первенство принадлежит им. Что же касается позднейших событий, то некоторые нас обвиняют в том, что, добившись господства на море, мы причинили эллинам много зла. В частности, нам ставят в вину продажу в рабство жителей Мелоса и уничтожение Скионы.

(101) Но в случае с Мелосом я не считаю, что мы злоупотребили полученной властью, если покарали противника, побежденного нами в ходе войны. Из этого следует только то, что с союзниками у нас прекрасные отношения, ибо ни один подвластный нам город ничего подобного не испытал. (102) А за Скиону нас упрекали бы справедливо, если бы известны были примеры более мягкого обращения с мятежниками, но так как примеров этих не существует, так как невозможно, не карая виновных, удержать в повиновении множество городов, нас, право же, следует похвалить за то, что, так долго владея державой, мы обошлись столь малым числом наказаний.

(103) Я думаю, все согласится с тем, что лучшими покровителями для Эллады будут те, чьи подданные в свое время достигли процветания. Так вот, наше владычество приведет к благоденствию и отдельные семьи, и целые государства, (104) ибо мы не завидовали растущим городам, не пытались ниспровержением существующего строя вызвать в них распри, чтобы враждующие стороны искали помощи и поддержки у нас. Полагая, что согласие на пользу всем, мы управляли союзниками на основе общих законов, обращались с ними не иначе как с равными, взяв в свои руки лишь руководство союзом, но не ущемляя свободы его участников. (105) Сочувствуя народовластию и будучи противниками владычества немногих, мы считали несправедливым, чтобы большинство подчинялось меньшинству, чтобы людей бедных, но в остальном ничуть не худших, отстраняли от государственных дел, чтобы в отечестве, общем для всех, одни себя чувствовали хозяевами, а другие – бесправными чужаками, чтобы те, кто по праву рождения является гражданином, по закону были лишены гражданских прав, (106) и потому мы установили во многих государствах тот же строй, что у нас самих. Его достоинства очевидны, и долго расписывать их нет нужды. Пользуясь благами этого строя, семьдесят лет наши союзники жили не зная тирании, свободные от варваров, без внутренних распрей и в мире со всеми. (107) Великой благодарностью платить нам за это должны были бы разумные люди, вместо того чтобы бранить нас за посылку поселенцев, которых мы расселяли в опустевших городах, не из алчности и стремления к захватам, а лишь для охраны этих мест. И вот доказательство: хотя земли у нас слишком мало, особенно если учесть число наших граждан, хотя властвовали мы над огромной

державой и располагали вдвое большим, чем остальные государства, числом боевых кораблей, да еще таких, каждый из которых стоит двух вражеских, хотя Евбея расположена совсем близко от Аттики (108) и обладание ею дает ключ к господству над морем, да и в прочих отношениях она ценнее любого другого из островов, хотя нам ничего не стоило ее захватить и удержать ее было бы даже проще, чем наши сухопутные владения, и к тому же мы по опыту знали, что всюду в почете именно те государства, которые сгоняют с земли соседей, чтобы обеспечить себе сытую, беззаботную жизнь, – ни одно из этих соображений, однако, не побудило нас к захвату Евбеи, (109) но мы были единственной великой державой, которая мирилась с тем, что живет в большей бедности, чем те, кого упрекают в покорности нам. Если бы мы искали чем поживиться, то, наверное, позарились бы не на земли Скионы, которые к тому же отдали платейским беженцам, а на такую обширную страну, как Евбея, которая обогатила бы каждого из нас.

(110) Но, несмотря на столь явные свидетельства нашего бескорыстия, нас имеют наглость обвинять бывшие члены декархий, мучители и палачи своих собственных городов, перед зверствами которых бледнеют все прошлые и будущие преступления, которые себя называют сторонниками Спарты, но действуют отнюдь не как спартанцы и, лицемерно оплакивая участь жителей Мелоса, без колебаний расправлялись с собственными согражданами. (111) Есть ли злодеяние, которого они не совершили, гнусность, которой не осуществили? В преступниках они видели свою верную опору, перед изменниками пресмыкались, как перед благодетелями и покровителями. Они добровольно прислуживали илоту, чтобы иметь возможность надругаться над родиной; убийц, запятнавших себя кровью сограждан, они почитали больше, чем мать и отца. (112) Даже нас они приучили к такой жестокости, что если раньше, во времена общего благоденствия, каждый в беде находил сочувствие, то при владычестве этих негодяев мы, угнетенные каждый своим горем, потеряли друг к другу всякое сострадание. Они никому не оставляли времени, чтобы сочувствовать другому. (113) Жестокость их не знала границ: даже люди, далекие от государственных дел, не избежали преследования этих чудовищ. И они-то, уничтожившие закон и право, обвиняют наш город в самоуправстве и недовольны приговорами, выносившимися в Афинах, хотя сами за три месяца казнили без суда больше людей, чем афиняне судили за все время своего господства. (114) А уж изгнания и мятежи, беззакония и перевороты, насилия над женщинами и детьми невозможно и перечислить. В общем, можно только сказать, что одного постановления оказалось достаточно, чтобы положить нашим

злоупотреблениям конец, а кровоточащие раны от их злодеяний не залечить никогда и ничем.

(115) Неужели мир, который мы имеем сейчас, и свобода городам, которая только числится в договоре, лучше, чем бывшее господство Афин?... <...> (131) А для Эллады в целом сделать то же самое не хотят. А ведь если бы они помирились с нами, то легко могли бы подчинить Элладе всех варваров, живущих по соседству с ней. (132) Для государства, гордого силой и мощью, это куда более достойная цель, чем собирать дань с островных эллинов, которых и без того можно лишь пожалеть, видя, как они из-за нехватки земли вынуждены распахивать горные склоны, в то время как у персов, живущих на материке, плодороднейшие земли большей частью пустуют.

(133) Если бы нашелся сторонний наблюдатель и взглянул на нынешнее положение вещей, он решил бы, что и мы, и спартанцы безумны, потому что враждуем из-за ничтожных выгод, хотя под рукой огромные богатства, и разоряем друг у друга наши собственные земли, хотя в Азии нас ждет обильная жатва. (134) Персидскому царю только и остается заботы – постоянно разжигать между нами распрю, не давая затихнуть междоусобной войне, а нам настолько не приходит в голову сеять смуту в его державе, что мы сами помогаем ему усмирять восстания, как это сейчас происходит на Кипре, где с помощью одного эллинского войска мы позволяем ему расправляться с другим. (135) Восставшие жители Кипра дружественны Афинам и готовы всецело подчиниться Спарте; что же касается сил Тирибаза, то самую боеспособную часть его пехоты составляют эллинские наемники, а моряки его – почти сплошь ионийцы. Насколько охотнее они бы объединились для совместного похода за богатствами Азии, чем сражаться друг с другом из-за ничтожной добычи! (136) Но нам не до этого: забыв обо всем, мы воюем друг с другом за Кикладские острова, а множество городов и многочисленные войска отдали варвару, по сути, даром. Одними городами он уже владеет, другими завладеет наверняка и готовится уже к захвату третьих, справедливо не ставя нас ни во что. (137) Ему удалось то, чего не сумели его предки: от нас и спартанцев он добился признания своего безраздельного господства над Азией, а ионийские города захватил так прочно, что одни уничтожает, сравнивая с землей, в других сооружает стены и укрепления. И все это – не столько благодаря своей силе, сколько из-за нашего безрассудства.

(138) Многие опасаются могущества царя и утверждают, что он очень грозный противник, напоминая о его большом влиянии на эллинские дела. Но этим, я полагаю, они лишь убеждают, что войну надо начинать как можно скорей: если даже при полном нашем единстве и при раздорах в стане врага война с ним будет трудна и опасна, тем опаснее, что может настать время, когда варвары будут выступать сплоченно, а мы все еще будем враждовать, как сейчас. (139) К тому же они совершенно неправы в том, как оценивают силы царя. Если б они назвали хоть один случай в прошлом, когда бы царь оказался сильнее Афин и Спарты, то нам было бы чего бояться, но такого ни разу еще не случилось. А что царь, поддерживая то афинян, то спартанцев, враждующих между собой, приносил то тем, то этим успех, еще не говорит о его могуществе. В таких случаях даже небольшая сила часто бывает очень весомой; сошлюсь для примера хотя бы на Хиос: как только он присоединялся к одной из сторон, она сразу получала перевес на море. (140) Чтобы правильно оценить возможности царя, нужно брать в расчет только те примеры, когда царь воевал не как чей-то союзник, а самостоятельно, сам по себе. Так вот, когда против него восстал Египет, что было сделано для подавления мятежа? Царь послал на войну своих лучших полководцев Аброкома, Тифравста и Фарнабаза, а те, протоптавшись на месте три года и испытав больше поражений, чем удач, отступили из Египта с таким позором, что восставшие, не довольствуясь добытой свободой, уже посягают на соседние земли. (141) Другой пример – война с Евагором, правителем одного из кипрских городов, который по условиям мирного договора отошел к владениям персидского царя. Хотя на море Евагор был разбит, а все его сухопутные силы состоят лишь из трех тысяч легковооруженных, даже такого слабого противника царь не может одолеть шестой год подряд, и, если позволительно предсказывать будущее, успеет подняться новый мятеж, прежде чем будет подавлен этот, – так медлителен в своих действиях царь. (142) В Родосской войне царю сочувствовали даже союзники Спарты, недовольные ее жестоким правлением; в его распоряжении были афинские моряки, а командовал его флотом не кто иной, как Конон, опытейший полководец, пользующийся огромным доверием эллинов. Но даже имея такого помощника, царь целых три года позволял сотне триер держать взаперти у малоазийского побережья весь свой флот; больше того, не выплатив войску жалованья за целых пятнадцать месяцев, царь привел его в состояние такого развала, что войско едва не разошлось по домам, и только благодаря своему полководцу, а также союзу, заключенному в Коринфе, оно выиграло морскую битву, и то еле-еле, с большим трудом. (143) Таковы самые крупные царские победы, о которых не умолкая твердят повсюду те, кто превозносит могущество царя.

Никто не может меня упрекнуть в том, что я привожу не те примеры и замалчиваю подлинные успехи царя. (144) Я назвал самые удачные для персов войны, но могу напомнить и другие примеры: как Деркилид с тысячью латников завладел Эолидой, как Драконт, заняв Атарней, с тремя тысячами легковооруженных опустошил Мисийскую равнину, как Фиброн с чуть большими силами разорил Лидию, как Агесилай с войском Кира захватил почти все земли по эту сторону реки Галис. (145) Не следует бояться ни отборных войск, составляющих личную охрану царя, ни пресловутой доблести чистокровных персов: и они, как показал поход Кира вглубь материка, не лучше тех войск, что имеются в приморье. Я не стану перечислять все поражения варваров, допуская, что они были нерасположены к Артаксерксу и неохотно сражались против брата царя. (146) Но после гибели Кира, когда в царском войске собрались бесчисленные племена азиатов, они проявили такую трусость, что отныне придется умолкнуть всем, кто привык восхвалять персидскую доблесть. Имея против себя шеститысячное войско, состоящее к тому же из всякого сброда, незнакомое с местностью, преданное союзниками и лишившееся полководца, (147) варвары оказались такими беспомощными, что царь, не зная, что делать дальше, и не полагаясь более на военную силу, вместо честного боя предпочел вероломство и, нарушив клятву, велел схватить полководцев, командовавших наемниками Кира, в надежде на то, что этим преступлением он повергнет в смятение эллинское войско. (148) А когда его замысел провалился, так как эллины стойко перенесли случившееся и начали пробивать себе путь к отступлению, царь послал им вдогонку конницу во главе с Тиссаферном, но эллины, не обращая на нее внимания, словно в сопровождении почетной охраны, спокойно и уверенно прошли свой путь, опасаясь не столько встречи с врагом, сколько пустынных и необитаемых мест. (149) Самое важное во всем этом то, что войско, которое вторглось в страну не для мелкого грабежа в какой-то пограничной деревне, а для того, чтобы свергнуть самого царя, вернулось из похода более невредимым, чем послы, которые к царю ездят с заверениями в дружбе. Итак, мы видим, что всюду персы ясно показали свою слабость: в азиатских областях, прилегающих к морю, они многократно терпели поражения, за вторжение в Европу они тоже поплатились бесславной гибелью и постыдным бегством и, наконец, покрыли себя позором в глубине страны, на пороге столицы.

(150) Ничего удивительного в этом нет; то, что случилось, вполне естественно. Не могут люди, выросшие в рабстве и никогда не знавшие свободы, доблестно сражаться и побеждать. Откуда взяться хорошему полководцу или храброму воину из нестройной

толпы, непривычной к опасностям, неспособной к войне, зато к рабству приученной как нельзя лучше. (151) Даже знатнейшие их вельможи не имеют понятия о достоинстве и чести: унижая одних и пресмыкаясь перед другими, они губят природные свои задатки: изнеженные телом и трусливые душой, каждый день во дворце они соревнуются в раболепии, валяются у смертного человека в ногах, называют его не иначе как богом и отбивают ему земные поклоны, оскорбляя тем самым бессмертных богов. (152) Не удивительно, что те из них, кто отправляется к морю в качестве так называемых сатрапов, оказываются достойны своего воспитания и полностью сохраняют усвоенные привычки: они вероломны с друзьями и трусливы с врагами, раболепны с одними и высокомерны с другими, пренебрегают союзниками и угождают противникам. (153) Войско Агесилая они, в сущности, кормили за свой счет целых восемь месяцев, а собственное войско оставили без жалованья на срок вдвое больший. Врагу, захватившему Кисфену, они уплатили сотню талантов, а своих воинов, воевавших на Кипре, содержали хуже, чем пленных рабов. (154) Каждый, кто идет на них войной, уходит с богатыми дарами, а те, кто у них состоит на службе, умирают от побоев и истязаний. Конона, который, обороняя Азию, сокрушил могущественную спартанскую державу, они вероломно схватили и казнили, а Фемистокла, который, защищая Элладу, наголову разбил их в морском бою, они неслыханно щедро вознаградили. (155) Можно ли полагаться на дружбу тех, кто казнит оказавших им услугу и заискивает перед своими врагами? Скольким уже эллинам они причинили зло! С каким упорством они строят козни Элладе! Им ненавистно у нас решительно все: даже изваяния и храмы наших богов они дерзнули сжечь и разграбить. (156) Воистину достойны похвал ионийцы за то, что запретили под угрозой проклятия заново отстраивать сожженные храмы, чтобы потомки, помня об этом кощунстве, впредь остереглись доверять святотатцам, которые воевали не только против нас, но подняли оружие и на наши святыни. (157) То же самое могу сказать и о моих согражданах. Стоит им заключить с противником мир, как они уже не питают к нему вражды, но к персам они не чувствуют благодарности даже за оказанные теми услуги – таким гневом против них пылают афиняне. Многих наши предки казнили за сочувствие мидийцам, и до сих пор в Народном собрании, прежде чем обсуждать любое дело, возглашают проклятие тому, кто предложит вступить с персами в переговоры, а при посвящении в таинства Евмолпиды и Керики из ненависти к персам не допускают к обрядам всех варваров наравне с убийцами. (158) Вражда наша к персам так велика, что нет для нас более приятных сказаний, чем о Троянской и Персидской войне, потому что в них говорится о поражениях варваров. Легко заметить, что о войне против персов у нас

слагают хвалебные песни, а о войнах против эллинов – только плачи; те поют на торжествах и праздниках, а эти вспоминают в горести и беде. (159) Думаю, что и творения Гомера славятся больше других за то, что он воспел войну против варваров. Именно потому наши предки сочли полезным исполнять их на состязаниях музыкантов и при обучении детей, чтобы, часто слушая эти поэмы, мы учились ненавидеть варваров и, подражая доблести воевавших с ними, стремились совершить такой же подвиг.

(160) Даже слишком многое, я считаю, нас побуждает к войне против персов, а сейчас для этого самое время. Позор упускать удобный случай и потом о нем с горечью вспоминать. А ведь лучших условий для войны с царем, чем теперешние, и пожелать нельзя. (161) Египет и Кипр против него восстали; Финикия и Сирия разорены войной; Тир, который для царя столь важен, захвачен его врагами; большая часть городов Киликии уже в руках наших союзников, остальные же будет легко покорить; а Ликия персам вообще неподвластна. (162) Наместник Карий Гекатомн, по сути, давно отложился от персов и открыто станет на нашу сторону, как только мы этого захотим. Побережье Малой Азии от Книда до Синопы населяют наши соплеменники, эллины, а их не нужно настраивать против персов, они сами горят желанием воевать. Имея в запасе столько союзников, окруживших Азию со всех сторон, нужно ли гадать об исходе войны? Если даже воюя с каждым в отдельности, персы не могут его одолеть, нетрудно представить, что с ними будет, когда мы пойдем на них все вместе. (163) Сейчас положение дел таково: если варвары укрепят приморские города, усилив размещенные там войска, не исключено, что соседние острова, такие как Родос, Самос и Хиос, перейдут на сторону персов; но если мы первые их захватим, то наверняка лидийцы, фригийцы и жители более отдаленных областей не выдержат нападения с моря. (164) Значит, надо спешить, не терять времени даром, чтобы избежать ошибки наших предков: они дали варварам опередить себя и, потеряв из-за этого многих союзников, были вынуждены сражаться против превосходящих сил врага, хотя могли первыми высадиться в Азии и объединенными силами всей Эллады покорять местные племена одно за другим. (165) Опыт учит, что в случае войны с разноплеменным противником следует не ждать, пока он соберет свои силы, а нападать, пока они разбросаны по разным местам. Наши предки допустили явный промах, но исправили его в тяжелых боях; а мы, если будем действовать умнее, подобной оплошности не повторим и постараемся внезапным ударом занять Лидию и Ионию, (166) зная, что жители этих областей давно тяготеют господством персов и лишь потому терпят их власть, что поодиночке не справятся с царским войском. И если мы туда

переправим большие силы – а это нетрудно, стоит лишь захотеть, – то без риска станем владыками Азии. Куда лучше отвоевывать у царя его державу, чем оспаривать друг у друга первенство в Элладе.

(167) Хорошо бы начать этот поход еще при нынешнем поколении, чтобы оно, перенесшее столько бед, смогло наконец насладиться счастьем. Слишком много ему пришлось выстрадать: хотя жизнь вообще неотделима от горя, к естественным страданиям, неизбежным от природы, мы сами прибавили войны и смуты, (168) из-за которых одни незаконно гибнут, другие скитаются с семьей по чужбине, многие ради заработка уходят в наемники и, сражаясь с друзьями, умирают за врагов. Никого это не трогает; люди плачут над вымыслами поэтов, а на подлинные страдания, порожденные войной, взирают спокойно и равнодушно. (169) Впрочем, смешно с моей стороны сокрушаться об отдельных людях, между тем как Италия опустошена, Сицилия в рабстве, ионийские города отданы персам, а судьба остальной Эллады на волоске.

(170) Как могут власти наших городов гордиться собой, когда они бездействуют, видя все это? Будь они достойны своего положения, им следовало давно отложить все дела и настойчиво предлагать войну против персов. Они могли бы хоть что-нибудь сделать, (171) а если бы даже и не достигли успеха, то по крайней мере оставили бы в назидание потомкам свои вдохновенные речи. А сейчас они заняты пустяками и оставили это важнейшее дело нам, далеким от государственных дел. (172) Но чем мелочнее заботы, в которых они погрязли, тем усерднее мы должны искать путей к единству Эллады. Сейчас наши мирные договоры бессмысленны: мы не прекращаем, а лишь откладываем войны, выжидая случая нанести друг другу смертельный удар. (173) Пора покончить с этим коварством и сделать так, чтобы мы могли жить спокойно и с доверием относиться друг к другу. А как это сделать, объяснить очень просто: не будет у нас прочного мира, пока варварам мы не объявим войну; не будет между нами согласия до тех пор, пока мы не найдем себе общего врага и общий источник обогащения. (174) А когда это осуществится и исчезнет у нас бедность, которая разрушает дружбу, родных делает врагами, вовлекает людей в мятежи и войны, тогда воцарится всеобщее согласие и мы станем по-настоящему доброжелательны друг к другу. Значит, надо как можно скорее перенести войну из Европы в Азию и извлечь из наших распрей хотя бы ту пользу, что опыт, накопленный в междоусобной войне, мы сможем применить в походе на персов.

(175) Мне могут возразить, что от объявления войны нас обязывает воздержаться мирный договор с Персией. Но из-за него города, получившие независимость, признательны царю как своему освободителю, а города, отданные под власть варварам, клянут как виновников своего рабства спартанцев и других подписавших мир. Неужели не следует порвать договор, создающий впечатление, будто варвар заботится об Элладе и потому охраняет мир, а некоторые из нас нарушают мир и тем причиняют Элладе зло?

(176) Нелепее всего то, что мы соблюдаем самые ненавистные положения договора: тот его раздел, где говорится о свободе островам и городам европейской части Эллады, уже давно и прочно забыт, а самая позорная для нас статья, отдавшая ионийцев в рабство персам, по-прежнему остается в полной силе. Мы признаем законным то, чего не должны были терпеть ни дня, считая это не договором, а основанным на грубой силе приказом.

(177) Виноваты также и наши послы, которые вели с персами переговоры и, вместо того чтобы отстаивать интересы Эллады, заключили выгодный варварам мир. Им следовало требовать, чтобы каждая сторона сохранила или только исконные свои земли, или еще и позднейшие приобретения, или то, чем она владела непосредственно перед заключением мира. Вот какие условия они должны были поставить, чтобы справедливость была обеспечена всем, и только тогда подписывать договор. (178) А они оставили ни с чем афинян и спартанцев, зато варвару целиком отдали Азию, словно мы воевали ради него или словно его держава существует издревле, а наши города возникли только что. Это персы лишь недавно достигли могущества, а мы искони были главной силой в Элладе.

(179) Чтобы яснее показать, в каком мы бесчестии и как непомерны владения царя, попробую выразиться по-другому. Из двух равных частей света, именуемых Азией и Европой, царь половину забрал себе, словно он делил власть с Зевсом, а не заключал договор с людьми. (180) И этот кощунственный договор он нас заставил высечь на камне и поставить в главнейших эллинских храмах как памятник своей победы, более почетный, чем те, что воздвигаются на поле брани. Те ставятся в честь мелких и единичных побед, а этот знаменует итог всей войны и означает победу над всей Элладой.

(181) Поэтому мы должны во что бы то ни стало отомстить за прошлое и обеспечить свое будущее. Позор, что у себя дома мы держим варваров на положении рабов, а в делах Эллады миримся с тем, что наши союзники в рабстве у них. Когда-то, во времена Троянской войны, из-за похищения одной женщины наши предки вознегодовали настолько, что родной город преступника сровняли с землей. (182) А сейчас, когда жертва

насилия – вся Эллада, мы не желаем отомстить за нее, хотя могли бы осуществить свои лучшие мечты. Это единственная война, которая лучше, чем мир. Похожая больше на легкую прогулку, чем на поход, она выгодна и тем, кто хочет мира, и тем, кто горит желанием воевать: те смогут открыто пользоваться своим богатством, а эти разбогатеют за чужой счет. (183) Во всех отношениях эта война необходима. Если нам дорога не пожива, а справедливость, мы должны сокрушить наших злейших врагов, которые всегда вредили Элладе. (184) Если есть в нас хоть капля мужества, мы должны отобрать у персов державу, владеть которой они недостойны. И честь и выгода требуют от нас отомстить нашим кровным врагам и отнять у варваров богатства, защищать которые они не способны. (185) Нам даже не придется обременять города воинскими наборами, столь тягостными сейчас, при междоусобных войнах: желающих отправиться в этот поход, несомненно, будет гораздо больше, чем тех, кто предпочтет остаться дома. Найдется ли кто-нибудь столь равнодушный, будь то юноша или старик, кто не захочет попасть в это войско с афинянами и спартамцами во главе, снаряженное от имени всей Эллады, чтобы союзников избавить от рабства, а персов заслуженно покарать? (186) А какую славу стяжают при жизни, какую посмертную память оставят те, кто отличится в этой войне! Если воевавших когда-то против Париса и взявших осадой один только город продолжают восхвалять до сих пор, то какая же слава ждет храбрецов, которые завоюют Азию целиком? Любой поэт и любой оратор не пожалеет ни сил, ни труда, чтобы навеки запечатлеть их доблесть.

(187) Я уже не чувствую той уверенности, с которой начинал свою речь: я думал, что речь будет достойна своего предмета, но вижу, что не сумел его охватить и многое не сказал из того, что хотел. Значит, вам остается самим подумать, какое нас ждет великое счастье, если войну, губящую нас, мы перенесем из Европы в Азию, а сокровища Азии доставим к себе. (188) Я хочу, чтобы вы ушли отсюда не просто слушателями. Пусть те из вас, кто сведущ в делах государства, добиваются примирения Афин и Спарты, а те, кто опытен в красноречии, пусть перестанут рассуждать о денежных залогах и прочих безделках, пусть лучше попробуют превзойти эту речь и поищут способа на эту же тему высказаться красноречивей, чем я, (189) помня, что настоящему мастеру слова следует не с пустяками возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что и их избавит от бедности, и другим принесет великие блага.

1 Исократ написал «Панегирик» к Олимпийским играм 380 года до Р. Х. и сознательно не произносил его, предпочтя разослать речь заинтересованным лицам. Письменный характер «Панегирика» подчеркивает и его стиль: здесь объединены торжественный и совещательный типы речей, чего в устной практике в эпоху Исократа не было.

Печатается по: Ораторы Греции. – Сост. М.Л. Гаспаров – М., 1985. – Перевод Э. Юнца.

Эсхин (389–314 гг. до Р.Х.)

- Против Ктесифонта о венке

Эсхин был политическим антиподом Демосфена. Он не получил специального риторического образования и стал оратором, оставив профессию трагического актера. И как оратор, и как политик, и как дипломат Эсхин постоянно сталкивался с Демосфеном. Из трех сохранившихся до наших дней речей Эсхина две – «О предательском посольстве» и «Против Ктесифонта о венке» – относятся к полемике с Демосфеном. Таким образом возможно восстановить ход живой полемики между двумя ораторами и сравнить их точки зрения на одни и те же события, проследить аргументацию каждого.

Процесс о предательском посольстве Эсхин выиграл небольшим количеством голосов, что в целом не изменило расстановки политических сил в Афинах. Полемика о венке была проиграна, и политической карьере Эсхина наступил конец. Оратор удалился в ссылку на далекий остров Родос.

Против Ктесифонта о венке

(1) Вы видите, афиняне, как иные здесь ведут происки, как смыкают ряды, как затевают уговоры по всей площади, чтобы все у нас в городе пошло не по заведенному порядку и обычаю, – и все-таки я иду к вам с верою прежде всего в богов, а потом в законы и в вас, ибо знаю: перед вашим лицом никакие происки не осият законности и справедливости.¹

(2) Как бы мне хотелось, афиняне, чтобы и Совет пятисот, и Народные собрания направлялись очередными председателями по верному пути, чтобы в силе были Солоновы законы о благочинии ораторов, чтобы первым мог по их велению чинно выступить на помост старейший из граждан и без шума и смуты подать гражданам лучшие советы своей опытности, а за ним чтобы и другие граждане по желанию высказывались обо всяком деле по очереди и в порядке возраста! Думаю, что тогда и город управлялся бы лучше, и судебных дел стало бы меньше. (3) Но с тех пор, как перевелось все, что прежде единодушно признавалось лучшим, и одни стали с легким сердцем вносить противозаконные предложения, а другие ставить их на голосование, сами получив председательство не справедливейшим жребием, но посредством происков, а если кто из других членов совета, честно председательствуя по жребию, правильно объявляет итоги вашего голосования, то все считающие государство не общим, а своим достоянием, грозят им чрезвычайными обвинениями и тем поработщают рядовых граждан, а себе присваивают деспотическую власть, (4) и когда суды по закону перевелись, а судить стали по злобе и по особым постановлениям, – с тех самых пор умолк в городе столь прекрасный и разумный клич глашатая: «Кто желает высказаться из достигших пятидесяти лет, а затем по очереди из прочих афинян?», и с тех пор уже ораторская разнузданность не подвластна ни законам, ни председателям, ни первоприсутствующим, ни председательствующей филе, хоть это и десятая часть нашего города.

(5) При таком-то положении государственных дел, при таких обстоятельствах, смысл которых вы сами понимаете, один лишь осколок, по разумению моему, остался от нашего государственного устройства, и этот осколок – обвинения в противозаконии. Ежели и их вы отмените или будете потворствовать стремящимся к отмене, то предрекаю вам, что, сами того не заметив, вы и все наше государство уступите кое-каким господам. (6) Вы ведь знаете, афиняне, что у всех людей есть только три способа государственного

устройства: власть единоличная, власть немногих и власть народная; при единоличной власти и власти немногих государство управляется по произволу начальствующих, и лишь при народной власти – по незыблемо установленным законам. Пусть же ясно знает и твердо помнит каждый из вас: всякий раз, как он входит в судилище судить дело о противозаконии, ему предстоит голосовать за собственную свободу слова. Потому ведь и законодатель поставил на первое место в судебской присяге такие слова: «я буду голосовать по закону...» – он понимал, что пока неприкосновенны в государстве законы, крепка в нем и народная власть. (7) Памятуя об этом, вы должны ненавистью встречать подателей противозаконных предложений, вы должны ни единое из них не считать незначительным, но каждое – чудовищным, вы должны никого не допускать отбить у вас это право, не поддаваясь ни ходатайствам военачальников, которые давно уже заодно с кое-какими краснобаями подтачивают наше государство, ни прошениям чужестранцев, которых иные из противозаконных заправил нашего правления приводят к нам, чтобы самим ускользнуть от суда, – нет: как на войне каждый из вас постыдился бы покинуть место в строю, куда его поставили, так и ныне да будет вам стыдно покинуть строй, куда сегодня законы поставили вас охранять народовластие. (8) А еще должны вы помнить о том, что сейчас все граждане – и те, что здесь и слушают суд, и те, что в отлучке по своим делам, – вверили вам наш город и его государственное устройство; и вы, афиняне, стыдясь этих граждан и памятуя о принесенной вами присяге и о наших законах, в ответ на мое изобличение Ктесифонта в подаче предложения противозаконного, неверного и пагубного государству пресеките это противозаконие, укрепите в городе народовластие, покарайте заправил, правящих наперекор законам и вашей пользе. И если вы с такими чувствами выслушаете предстоящую мою речь, то я уверен, что проголосуете вы так, как требуют законы, присяга и польза – ваша собственная и всего нашего города.

(9) Я надеюсь, что о смысле моего обвинения в целом предупредил я вас достаточно; а теперь я хочу коротко рассказать о тех законах относительно подотчетных лиц, которые нарушил Ктесифонт своим предложением.

В прежние времена бывало так, что некоторые люди, когда занимали высшие должности или распоряжались доходами и на этом наживались, заранее заручались для себя краснобаями в совете и в Народном собрании и задолго предвосхищали свой отчет всенародно возглашаемыми себе хвалами, так что потом при отчете оказывались в затруднении и обвинители, и особенно судьи. (10) Очень многие подотчетные лица,

схваченные с поличным на краже государственных средств, ускользали от суда, и недаром: судьям, видимо, было стыдно, что один и тот же человек в одном и том же городе и даже в одном и том же году оказывался сперва провозглашен на играх достойным венка и получал от народа золотой венок за доблесть и справедливость, а спустя немного времени выходил из судилища после отчета осужденный за казнокрадство, – и судьи поневоле голосовали не о наказании за преступление, а о том, чтоб оградить народ от стыда. (11) И вот, заметив это, некий законодатель установил закон, и отличный закон, прямо запрещающий награждать венками подотчетных лиц.

Правда, несмотря даже на столь мудрую предусмотрительность законодателя, нашлись слова сильнее законов, и если не сказать о них заранее, то вас обманут незаметно. Ведь среди тех, кто противозаконно награждает венками подотчетных лиц, есть и люди более умеренные по природе (если в нарушении закона можно остаться умеренным); во всяком случае, они прикрывают стыд, к своему предложению увенчать подотчетного добавляя слова «когда он даст ответ и отчет в исполнении должности». (12) Государству от этого вред не меньший, потому что отчет все равно предваряется похвалами и венками, но предлагающий хотя бы показывает слушателям, что предложение его противозаконно и он стыдится своего проступка. Однако Ктесифонт, афиняне, преступив закон о подотчетных лицах, не прибегнул даже к вышесказанной оговорке: он предложил наградить Демосфена венком до ответа, до отчета, когда тот еще исполняет должность.

(13) Вам, афиняне, против этих моих слов возразят еще вот что: если кто-то что-то делает, будучи избран по особому постановлению, то это-де не должность, а поручение и служба, – должности же суть только те, которые распределяются законоблустителями в храме Тесея по жребию и народом на выборах открытым голосованием, а все остальное – это поручения по особым постановлениям. (14) Но я в ответ этим господам приведу вам, афиняне, ваш собственный закон, нарочно вами установленный против таких оговорок. Здесь прямо сказано: «Должностные лица, избранные голосованием...» – то есть они все названы одним именем, и сказано, что все назначаемое народом по голосованию есть должность; «...и распорядители общественных работ...» – а Демосфен ведь распорядитель при постройке стен, самой большой из этих работ; «...и все, кто ведает любым государственным достоянием более тридцати дней и кто принимает руководство в судах...» – а ведь все производители работ получают руководство в судах! Что же закон велит им делать? (15) Не «отправлять служение», но «...пройдя проверку в

суде, исполнять свою должность...» – ибо в самом деле, даже к должностям, занимаемым по жребию, люди допускаются не без проверки, а лишь с проверкой; «...и давать ответ и письменный отчет писцу и проверщикам...» – то есть так же, как это ведено и для других должностей. А что я говорю правду, вам сейчас подтвердят эти самые законы. [Читаются законы.]

(16) Так-то, афиняне: если законодатель что-то прямо называет «должностью», а эти господа именуют «поручениями» и «занятиями», то уж это ваше дело – образумить их, и поставить закон преградою их бесстыдству, и внушить им, что вы не потерпите, чтобы какой-то зловредный умник болтовнёю подрывал бы законы, – напротив, чем кто красней говорит в пользу противозаконного предложения, тем тот большее встретит негодование. Нужно, афиняне, чтобы оратор и закон говорили одно; если же закон гласит одно, а оратор – другое, то голос следует подавать за правду закона, а не за бесстыдство говорящего.

(17) Далее я хочу наперед вкратце сказать вам еще об одном доводе, который Демосфен считает неоспоримым. Он вам скажет: «Я распорядитель при постройке стен, это так; но я от себя прибавил городу сто мин и сделал сооружение еще больше, – в чем же мне давать отчет? разве что в благотворительности!» Так вот, послушайте, что я отвечу на такую отговорку и во имя правды, и во имя пользы.

Во всем нашем городе, столь древнем и столь великом, ни единого нет человека, который, имея хоть какое-то отношение к общественным средствам, не был бы обязан отчетом. (18) Это я вам докажу сперва на самых неожиданных примерах. Так, закон велит отчитываться даже жрецам и жрицам, вместе и порознь, и не только поодиночке, но и целыми родами: Евмолпидам, Керикам и прочим, – а ведь они получают лишь почетные дары и молятся за вас богам! (19) Далее, закон велит отчитываться тем, кто строит на свои средства корабли, – а ведь они не распоряжаются общественными средствами, не присваивают из вашего добра помногу, уделяя вам из своего понемногу, не хвастаются щедротами, на самом деле лишь возвращая вам ваше; нет, они и вправду тратят свои наследственные состояния, чтобы только быть за это у вас в чести. Но не только строители кораблей, но и заседатели самых важных в городе собраний предстают в судилище для проверки голосованием! (20) Прежде всего, закон велит самому совету Ареопага давать проверщикам ответ и отчет, так что и он, столь суровый у себя и

ведающий столь важными делами, подчиняется вашим голосам. Стало быть, никто в нем не получит венка? Никто: таков отеческий обычай. Что же, в них нет и честолюбия? Конечно, есть: ведь им мало избегать беззаконий, они подвергают себя наказаниям даже за малейшую ошибку, – не то, что ваши краснобаи, которые так избаловались. Равным образом законодатель подчинил отчетности и самый Совет пятисот. (21) Да и к подотчетным лицам у него так мало доверия, что сразу же, в начале закона он говорит: «подотчетному должностному лицу из города не отлучаться!» Великий Геракл! – скажет кто-нибудь. – Если я занимал должность, значит, мне и отлучаться нельзя? Да, нельзя, чтобы ты не сбежал, взяв государственные деньги или не доделав дела. Кроме того, подотчетное лицо не имеет права ни жертвовать свое состояние богам, ни делать приношения в храмы, ни быть усыновленным, ни завещать свое имущество, ни многое другое – одним словом, законодатель смотрит на достояние подотчетного как на залог, пока тот не сдаст отчета государству. (22) А разве не бывает так, что человек ничего из государственных средств не брал и не тратил, а все-таки имел к ним доступ? Так нет же: закон и ему велит держать ответ перед проверщиками! Как же он будет держать ответ, ничего не взяв и не истратив? А это ему подсказывает и учит сам закон: так, мол, и напиши, что-де из государственных средств я ничего не взял и не истратил. Одним словом, в городе нет ничего, что не подлежало бы отчету, проверке и расследованию! А что я правду говорю, о том послушайте сами законы. [Читаются законы.]

(23) Вот; и если Демосфен еще осмелится говорить, будто благодаря своему пожертвованию свободен от отчета, то скажите ему так: «А не лучше ли тебе, Демосфен, не препятствовать глашатаю проверщиков возгласить по закону и обычаю: «кто желает выйти обвинителем? » И не препятствуй же любому, кто захочет возразить тебе, что вовсе ты ничего не жертвовал, а лишь отдал немного из многого, что получил ты на постройку стен, взял же ты на это у города целых десять талантов. Не захватывай же почести силой, не вырывай у судей из рук судейские камешки, в государственных делах не подчиняй себе законы, а подчиняйся им сам: только этим укрепляется народовластие».

(24) Сказанного довольно против тех пустых отговорок, которыми будут отговариваться эти господа. А что в то время, когда Ктесифонт выступил со своим предложением, Демосфен доподлинно был лицом подотчетным, заведующим зрелищными деньгами и заведующим постройкой стен, но ни по той, ни по другой должности не давши ответа и отчета,

– это я постараюсь доказать вам по государственным ведомостям. Прочитай-ка, в какой год, месяц и день и на каком народном собрании избран был Демосфен, чтобы ведать зрелищными деньгами! [Читается постановление.] Вот видите: если даже я больше ничего не докажу, все равно Ктесифонт попался, уличенный даже не моим обвинением, а государственною ведомостью. (25) Однако, господа афиняне, если в старину у нас в городе избирался голосованием особый надзиратель, который давал отчет о государственных доходах каждой смене председательствующих, то потом из-за вашего доверия к Евбулу эту должность вплоть до принятия Гегемонова закона отправляли именно те, кто был избран ведать зрелищными деньгами: они принимали доходы, начальствовали над верфями, возводили склады, строили дороги и распоряжались чуть ли не всем в городе. (26) Это я говорю не в порицание и не в осуждение им, а желая показать, что законодатель не позволил нам награждать венком никого, кто не даст ответ и отчет даже по одной ничтожной должности, – а Ктесифонт не зазрелся предложить венок для Демосфена, ведавшего сразу чуть не всеми должностями в Афинах! (27) В самом деле: что во время Ктесифонтова предложения Демосфен по должности и ведал постройкою стен, и распоряжался государственными деньгами, и налагал пени, как все остальные должностные лица, и брался руководить в судах, – свидетелем этого будет перед вами он сам. Ведь в архонтство Херонта, в предпоследний день месяца фаргелиона, не кто иной, как Демосфен предложил в Народном собрании созвать на второй и третий день месяца скирофориона сходки по филам, чтобы от каждой филы избрать надзирателей и казначеев по крепостным работам – и совершенно правильно, чтобы городу было с кого требовать отчета за истраченные деньги. Прочти мне это постановление! [Читается постановление.]

(28) Что ж; но теперь на это он исхитрится заявить, что народ не избирал-де его строителем стен ни по жребию, ни голосованием! И по этому поводу Демосфен и Ктесифонт поведут долгие разговоры; но закон краток, ясен и быстро положит конец их уловкам. Впрочем, об этом я сперва хочу сказать вам несколько слов. (29) Существует, афиняне, три рода должностных лиц: первый, самый очевидный, – это те, которых избирают по жребию или голосованием; второй – те, которые распоряжаются чем-либо из государственных средств дольше 30-ти дней и которые ведают общественными работами; а третий – тот, о котором в законе написано: ежели кто еще будет избран и допущен к руководству в суде, то и он, пройдя проверку, считается должностным лицом. (30) Итак, если не считать должностных лиц, избранных по жребию или народным

голосованием, остаются те, которых филы, триттии и демы избирают из своих людей распоряжаться государственными средствами; это бывает, когда, как и теперь, филам что-нибудь поручается: копать рвы или строить корабли. А что я говорю правду, вы убедитесь из самих законов. [Читаются законы.] (31) Вот теперь и вспомните, что было сказано: законодатель велит избранным от фил пройти проверку и исполнять должность, фила Пандионида назначает на должность строителя стен Демосфена, который получает на это дело из казны почти десять талантов; другой закон запрещает награждать венком подотчетное должностное лицо; вы же дали присягу решать дела по законам. И вот наш краснобай предлагает наградить венком подотчетное должностное лицо, не прибавивши: «когда он даст ответ и отчет»; а я изобличаю противозаконие, представляя вам свидетелями и законы, и постановления, и самих моих противников. Можно ли несомненное уличить человека в противозаконии?

(32) А теперь я вам докажу, что и объявлять-то о награждении венком так, как это сказано в его предложении, – тоже дело противозаконное. Закон указывает ясно: если кого-нибудь награждает совет, то об этом провозглашается в совете, если народ – то в Народном собрании, а больше нигде. Прочти-ка закон. [Читается закон.] (33) Вот каков закон, афиняне, и это отличный закон: видимо, законодатель полагал, что незачем оратору красоваться перед посторонними, а надобно довольствоваться почетом от народа в своем городе и не искать поживы в огласках. Так полагал законодатель; а Ктесифонт? Прочитай теперь, что он нам предлагает! [Читается предложение.] (34) Вы слышите, афиняне? Законодатель велит объявлять о награждении венком от народа пред самым народом в собрании на Пниксе и больше нигде; Ктесифонт же, в обход закона меняя место, велит сделать это в театре, и не во время Народного собрания, а на представлении новых трагедий, и не пред лицом народа, а пред лицом всех эллинов, чтобы и они вместе с нами знали, какого мужа мы чтим.

(35) После столь явно противозаконного предложения Ктесифонт, конечно, вкупе с Демосфеном начнет покушаться на закон всякими хитростями; но я эти хитрости обнаружу и заранее объясню вам, чтобы вы невольно не поддались на обман. Отрицать, что законы запрещают объявлять о награждении венком где-либо кроме Народного собрания, эти господа, конечно, не смогут. Однако они сошлются в оправдание на закон о Дионисиях, приводя его лишь частично, чтобы вкрась в ваше внимание; (36) они приплетут этот закон, не имеющий никакого касательства к нынешнему делу, и начнут

уверять, что-де в городе у нас действуют не один, а два закона об оглашениях: первый, о котором я сейчас говорил, ясно запрещает объявлять о награждении венком где-либо кроме Народного собрания, но еще-де будто бы есть и второй, который, наоборот, позволяет сделать объявление о венке в театре во время представлений, ежели о том постановит народ; в соответствии с этим-то законом и внес, мол, свое предложение Ктесифонт. (37) А я в защиту себе от таких уверток выставлю собственные ваши законы, о чем неизменно стараюсь во всем этом моем обличении. В самом деле, если это правда, что завелся у вас в государстве такой обычай, чтобы недействительные законы стояли вперемежку с действующими и об одном деле было по два противоположных закона, то что же это, спрашивается, за государство, где законы велят одно и то же и делать и не делать? (38) К счастью, это не так: ни вы не дошли до такой путаницы в законах, ни законодатель, установивший у нас народовластие, не оставил это без внимания, а, напротив, ясно предписал архонтам-законоблюстителям каждый год перед Народным собранием исправлять законы, тщательно их выверив и досмотрев, не вписан ли один закон вопреки другому, не попал ли недействительный в число действующих и не оказалось ли об одном предмете по несколько законов. (39) И ежели обнаружится что-нибудь подобное, то велено такие законы написать на досках и выставить перед статуями десяти фил, а очередным председателям созвать Народное собрание для назначения законоисправителей, а главному из первоприсутствующих поставить на голосование, какие законы отменить и какие оставить, чтобы на каждый предмет был один закон и не более. Прочитай-ка законы на этот счет! [Читаются законы..] (40) Стало быть, афиняне, если бы эти господа говорили правду и существовало бы два закона об оглашении наград, то архонты-законодатели непременно бы их обнаружили, а очередные председатели передали бы их законоисправителям, и один из законов был бы отменен: либо позволяющий такое оглашение, либо запрещающий. Но так как этого нет, то и ясно: эти господа не только лгут, но и утверждают вещи вовсе невозможные.

(41) Я объясню вам, откуда они выдумали свою ложь, а для этого расскажу, из-за чего был издан закон об оглашениях в театре. Когда в городе нашем давались трагедии, то некоторые пользовались этим, чтобы без народного разрешения провозгласить, что одни-де удостоены венка от сограждан по филе, а другие – от соседей по дему, а третьи отпускают на волю своих рабов, и чтобы свидетелями тому были все эллины. (42) А всего возмутительнее бывало, когда иные люди, завязавши дружбу с чужими городами, добивались, коли удавалось, объявления, что они-де за свою доблесть и добродетель

награждаются венком от Родоса, от Хиоса или еще от какого-нибудь города. И устраивали они себе это самовольно, без вашего о том решения, а не так, как те, которые получали венок от собственного вашего совета и народа в знак большой благодарности, по постановлению и с разрешения вашего. (43) Из-за такого обычая получалась немалая докука и зрителям, и устроителям, и исполнителям трагедий; а почестей доставалось больше оглашенным в театре, чем увенчанным от народа, потому что последним велено было венчаться с разрешения и по постановлению вашему только в Народном собрании, и более об этом не возвещалось нигде, а о первых провозглашение делалось пред лицом всех эллинов, причем без всякого постановления. (44) В рассуждении всего этого и издал законодатель тот второй закон; с законом о лицах, награждаемых венком от народа, он не имеет ничего общего, нимало не отменяет его (ведь докука была не Народному собранию, а театру!) и подавно не противоречит ему (что и недопустимо!). Закон этот говорит о лицах, без вашего постановления награжденных венком от филы или от дема, об отпускающих рабов на волю и о венках от чужих городов. В нем прямо запрещается объявлять в театре об отпуске раба или о венках, полученных от филы, от дема или еще от кого-нибудь, а не то глашатай будет лишен гражданских прав. (45) Так вот: если указано, чтобы о венках от совета объявлять в здании совета, от народа – в Народном собрании, а от демов и фил – никоим образом не на представлениях трагедий (чтобы никто, выклянчив венки и оглашения, не величался неподобающими почестями), и если в законе особо добавлено, чтобы и никто другой не делал таких провозглашений, – то за вычетом венков и от совета, и от народа, и от демов, и от фил что же остается, кроме как венки от чужих городов?

(46) Что это так, наилучшее тому доказательство – в ваших же законах. Ведь тот золотой венок, о котором делается оглашение в городском театре, закон велит считать посвященным Афине, отбирая его у награждаемого. Кто же осмелится заподозрить афинский народ в таком неблагородстве? Ведь не то что город, а и простой человек не дойдет до такой низости, чтобы присудить венок и тут же объявить о нем и отобрать его. Нет, я полагаю, венок потому и посвящается богине, что он – от чужого города, а никто не должен развращаться душой, ставя чужую приязнь выше благоволения отчизны. (47) Зато венок, о котором сделано оглашение в Народном собрании, никому не посвящается, и его можно держать у себя, чтобы не только награжденный, но и его потомки, имея в доме такое напоминание, никогда не озлоблялись душой против народа. Ради этого законодатель даже прибавил, что о венке от чужих городов нельзя объявлять в театре,

«ежели о том не будет особого народного постановления», – чтобы город, пожелавший увенчать кого-нибудь из вас, слал послов просить об этом у народа и чтобы тот, о ком кричит глашатай, был бы признательнее не им, увенчавшим, а вам, дозволившим возгласить об этом. А что я говорю правду, убедитесь, выслушавши законы. [Читаются законы.] (48) Так вот, ежели эти господа, обманывая вас, станут твердить, будто в законе прибавлено, что-де можно объявлять о венке, «ежели о том есть особое народное постановление», то не забудьте им на то ответить: «Да, если это венок от чужого города; если же это венок от афинского народа, то вот тебе Народное собрание, где об этом можно объявить, а кроме того – нигде». И хоть ты целый день рассуждай, что значит «кроме того – нигде», все равно ты не докажешь, что предложение Ктесифонта не противозаконно.

(49) А теперь мне остается та часть обвинения, на которой я настаиваю больше всего: это повод, по которому Ктесифонт считает Демосфена достойным венка. В предложении его говорится: «И пусть глашатай объявит в театре перед эллинами, что афинский народ награждает его венком за доблесть и добродетель», а главное, «что он словом и делом всегда стремится к вящему благу народа». (50) После этого и мне говорить совсем просто, и вам слушать и понимать и судить совсем легко. В самом деле, мне как обвинителю нужно теперь только доказать, что все эти похвалы Демосфену – ложь, что ни словом вначале, ни делом в конце не творил он народу ни пользы, ни блага. И если я это докажу, то Ктесифонт справедливо будет осужден по такому обвинению: ведь ни один закон не допускает, чтобы в государственных постановлениях значилась ложь. Защитнику нужно будет доказывать противное, а вам – судить о моих и его доводах.

(51) Дело обстоит так. Разбирать всю Демосфенову жизнь было бы, думается мне, непомерно долго. Для чего нам нынче рассказывать, как он жаловался Ареопагу на Демомела Пеанийского, двоюродного своего брата, за то, что тот проломил ему голову? Или о том, как при полководце Кефисодоте, когда наши корабли отплывали в Геллеспонт, Демосфен был начальником над одним из судов, (52) вез на нем полководца и делил с ним стол и жертвы и возлияния, удостоенный этого ради наследственной с ним дружбы, а потом не посовестился выступить против него по чрезвычайному обвинению, когда дело шло о жизни и смерти? Или о том, как Мидий избил его, начальника хора, прямо на оркестре, а он потом за тридцать мин продал и свою обиду, и волю народа, проголосовавшего против Мидия в театре Диониса? (53) Все это и многое подобное

можно, я полагаю, пропустить, не обманывая вас и не смягчая спора, а лишь избегая от вас упрека в том, что хоть все это и правда, но слишком уж старо и общеизвестно. Однако, Ктесифонт, ежели чей-нибудь великий позор столь заведомо достоверен слушателям, что слова обвинителя кажутся хоть и правдою, но слишком уж старой и общеизвестной, – что приличнее, разбранить его или увенчать золотым венком? А тебе с твоим лживым и противозаконным предложением что приличнее – насмехаться над судом или понести от народа наказание?

(54) Но о преступлениях Демосфена против государства я попробую сказать поподробнее. Как я слышал, Демосфен намерен, дождавшись своей очереди говорить, насчитать вам четыре срока времени с тех пор, как он служит государству. Первый срок, как я слышал, – это когда мы воевали с Филиппом из-за Амфиполя, а пределом этому сроку он считает мир и союз, принятые по предложению Филократа Гагнунтского (и его собственному, как я покажу). (55) Второй срок – это когда мы жили в мире, то есть до того самого дня, когда этот же краснобай нарушил царивший мир и предложил воевать. Третий – время войны вплоть до Херонеи; четвертый – нынешнее время. Перечислив все это, он намерен, как я слышал, воззвать ко мне и спросить: какой же срок из четырех я имею в виду, когда обвиняю, что служил он народу не к вящему благу народа? А ежели я уклонюсь, не захочу отвечать и закрою лицо, то он, мол, сам подступит ко мне, и откроет лицо, и втащит на помост, и принудит к ответу.

(56) Так вот, чтобы он так не разнуздывался и чтобы вы обо всем знали заранее, я сейчас перед лицом судей, перед лицом всех граждан, собравшихся вокруг, перед лицом всех эллинов, которым приспела охота услышать этот суд, – а их здесь, я вижу, немало; никто не упомнит, чтобы столько народу пришло на спор по государственному делу, – отвечаю тебе, Демосфен: я обвиняю тебя за все твои четыре срока времени, (57) и ежели боги будут благосклонны, а судьи выслушают меня беспристрастно, а сам я смогу припомнить все, что за тобою знаю, то я уверен, что докажу: спасением своим город наш обязан богам и тем людям, которые явили ему милость и кротость, а во всех его бедах виноват был Демосфен. И я буду следовать тому самому порядку речи, которого, как слышно, намерен держаться он сам: во-первых, скажу о первом сроке, во-вторых – о втором, в-третьих – о следующем, и в-четвертых – о нынешнем положении дел.

Итак, я возвращаюсь к тому мирному договору, который предложили ты и Филократ. (58) Тогда, афиняне, была у вас возможность заключить тот первый мир заодно с союзным советом эллинов, если бы некоторые господа не помешали вам дожидаться посольств, отправленных вами в ту пору по всей Греции с призывом против Филиппа. Тогда со временем эллины бы сами по доброй воле вернули вам первенство; но вы это упустили, а все из-за Демосфена с Филостратом и той mzды, которую получили эти мздоимцы, соединясь на погибель вам и государству!

(59) Ежели кому из вас от неожиданности такая речь покажется невероятной, то давайте все остальное слушать так, как будто мы заседаем по делу о растрате и разбираем давнишние счета: иногда ведь мы садимся за это с предвзятыми мнениями, но когда счета сверены, то никто не бывает столь упрям, чтобы уйти, не согласившись с истинностью того, что доказано счетом. (60) Вот так и вы слушайте меня сейчас. Если кто из вас пришел сюда, сохранив с прежнего времени мнение, что уж Демосфен-то никогда ничего не говорил в пользу Филиппа по сговору с Филократом, то пусть такие ничего не решают ни за, ни против, пока не выслушают меня, ибо это не по справедливости. Но когда я коротко напому вам все обстоятельства и приведу постановления, предложенные Демосфеном вместе с Филократом, когда самый истинный счет уличит Демосфена в том, что об этом мире и союзе он предлагал даже больше постановлений, чем Филократ, (61) что он льстил Филиппу и его послам, забывши всякий стыд, что это по его вине народ пошел на мир отдельно от союзного совета эллинов, что это он выдал Филиппу фракийского паря Керсоблепта, друга и союзника нашего города, – если все это я докажу вам с полной ясностью, то прошу у вас немногого: ради всех богов согласитесь со мной, что в первый из четырех своих сроков служил он государству отнюдь не хорошо. А начну я речь с того, откуда вы легко сможете за мной уследить.

(62) Филократ внес предложение разрешить Филиппу прислать сюда глашатая и послов для мирных переговоров. Предложение это было обжаловано как противозаконное. Настало время суда: обвинял подавший жалобу Ликин, Филократ оправдывался, Демосфен помогал ему в защите, и Филократ был оправдан. Вскоре потом архонтом стал Фемистокл. Демосфен входит в совет, не будучи по избранию ни действительным, ни запасным его членом, но купивши эту должность проискамы, чтобы заранее быть наготове словом и делом помочь Филократу, как и показали дальнейшие события.

(63) А именно, Филократ провел новое постановление – о том, чтобы избрать и отправить к Филиппу десять послов просить, чтобы он прислал сюда свое полномочное посольство для заключения мира. Одним из десятерых был Демосфен. Вернулся он оттуда рьяным хвалителем мира, докладывал то же, что остальные послы, и единственный из членов совета поддержал предложение Филократа обещать неприкосновенность глашатаю и послам Филиппа. Итак, один дал возможность послам и вестнику явиться, а другой – вступить в переговоры. (64) При этом обратите особое внимание вот на что: Филипп вел свои переговоры, понятным образом, не с остальными послами – теми, которых потом так оклеветал переметнувшийся Демосфен, – а с самими Филократом и Демосфеном, вместе державшимися в посольстве и вместе потом внесшими три предложения: во-первых – не ждать возвращения послов, разосланных вами с призывом против Филиппа, то есть заключить мир не заодно с эллинами, а отдельно; (65) во-вторых – заключить с Филиппом не только мир, но и союз, чтобы державшие вашу сторону совсем пали духом, видя, что вы их призываете к войне, а сами постановляете заключить не только мир, но и союз; в-третьих – фракийского царя Керсоблепта в клятвенный договор не включать и от мира и союза отлучить; против него даже был объявлен поход. (66) Тот, кто покупал у них все эти выгоды, ни в чем не виноват: пока не было клятв и договоров, он вправе был без упрека добиваться своей пользы; а вот те, кто предал и продал силу нашего города, заслужили величайшего вашего гнева. Посмотрите: вот Демосфен, величающий себя теперь врагом Александра, а тогда врагом Филиппа, попрекающий меня моей дружбой с Александром, этот самый Демосфен лишает нас выгоднейшего для нас времени и вносит предложение, (67) чтобы очередные председатели назначили Народное собрание на восьмое число месяца элафеболиона, то есть – слыханное ли дело? – на священный день жертвоприношений и начала игр в честь Асклепия! А под каким предлогом? Для того-де, чтобы если к тому времени придут послы Филиппа, то, как можно скорее обсудить свои с ним дела! То есть он, заранее назначает Народное собрание для еще не прибывших послов, оставляя вам времени в обрез и торопя решения, а все затем, чтобы вы заключили мир не по возвращении разосланных посольств, не заодно с остальными эллинами, а отдельно. (68) После этого, афиняне, послы от Филиппа и впрямь явились, а ваши посольства все еще по чужим городам поднимали эллинов против Филиппа. И тогда Демосфен проводит второе постановление: обсудить условия не только мира, но и союза восемнадцатого и девятнадцатого числа элафеболиона, тотчас после городских Дионисий, не дожидаясь возвращения ваших посольств. Что так оно и было, о том послушайте сами эти постановления. [Читаются постановления.]

(69) И вот, афиняне, миновали Дионисии и состоялись назначенные собрания. В первый же день нам было оглашено общее решение наших союзников. Главные его требования я коротко перечислю. Прежде всего, они писали, чтобы мы совещались только о мире; слово «союз» не упоминалось, и не по недосмотру, а потому что и мир-то они считали скорее вынужденным, чем почетным. (70) А затем они сделали добавление, отлично противостоявшее Демосфенову мздоимству и поправлявшее его последствия: дать три месяца на то, чтобы все желающие эллинские государства могли записать себя на том же камне, что и афиняне, и принять участие в клятвах и договорах. Этим достигались две большие выгоды: во-первых, выгадывались три месяца времени, достаточные для того, чтобы прибыли посольства от эллинов, а во-вторых, приобреталось благорасположение всех эллинов и общего их совета, чтобы в случае нарушения договоров не пришлось нам воевать в одиночку и без подготовки (а теперь из-за Демосфена так оно и вышло!). Что так это и было, вы убедитесь, выслушав это самое решение. [Читается решение союзников.] (71) Такое решение поддерживал и я, и все выступавшие в тот первый день, и народ тогда разошелся в уверенности, что будет заключен мир, и притом при участии всех эллинов, а о союзе нам лучше и не поминать после всех наших обращений к эллинам.

Но прошла ночь, на другой день мы опять явились в собрание, – и тут-то Демосфен, захвативши возвышение и никому не давая сказать слова, начал твердить, что все сказанное вчера бесполезно без согласия Филипповых послов и что никакого мира без союза быть не может. (72) Незачем, говорил он, «отрывать» мир от союза (я запомнил точно это выражение – так отвратительны были и слово и оратор), незачем ждать, пока соберутся остальные эллины, а нужно самим или воевать, или заключать отдельный мир. А потом он подозвал к возвышению Антипатра и стал задавать ему вопросы, о которых предупредил его заранее и на которые подсказал ответы на погибель нашему городу. И, в конце концов, так оно и сделалось: речью приневолил вас Демосфен, а предложение написал Филократ.

(73) После этого им осталось лишь выдать Керсobleпта и фракийские владения; это они и сделали двадцать пятого числа элафеболиона, перед тем как Демосфен отправился со вторым посольством скреплять договор присягою (да, да, этот враг Александра, враг Филиппа, призывающий нас теперь плевать на македонян, ездил туда послом дважды,

хотя мог бы не ездить ни единойжды!). Двадцать пятого числа элафеболиона, председательствуя в Народном собрании как член совета (куда втерся происками!), Демосфен вместе с Филократом предал Керсоблепта: (74) Филократ незаметно сделал лишнюю приписку к своему предложению, а Демосфен незаметно провел ее через голосование. В приписке было сказано: «представителям совета союзников в тот же день присягнуть перед послами Филиппа», – а от Керсоблепта в совете представителей не было; стало быть, указав присягать представителям совета, он отлучил от присяги не представленного там Керсоблепта. (75) Прочти-ка, во избежание сомнений, кто внес это предложение и кто поставил его на голосование! [Читается постановление.] Замечательно, право, замечательно, афиняне, что у вас сохраняются государственные записи: ведь слова их незыблемы, не меняются в угоду каждому политическому перебежчику и позволяют народу всякий раз узнать прежних негодяев в тех переменщиках, которые нынче притязают зваться честными людьми.

(76) Еще мне надобно рассказать и о его раболепстве. Ведь Демосфен, афиняне, год заседая в совете, ни разу ни для одного посольства не предлагал почетных мест в театре, а на этот раз впервые и места им назначил, и подушки им подкладывал, и ковры расстилал, и ни свет ни заря провожал послов в театр, так что даже был освистан за непристойную лесть. А когда послы отъезжали, он им нанял три запряжки мулов и провожал до самых Фив, выставляя наш город на посмешище. Но чтобы мне не отклоняться от предмета, возьми-ка постановление о почетных местах! [Читается постановление.]

(77) И при таком-то раболепном угодничестве, господа афиняне, этот самый Демосфен, первым узнав от Харидемовых лазутчиков о кончине Филиппа, сочинил себе вещее сновидение, будто бы узнал о случившемся не от Харидема, а прямо от Зевса и Афины, ими же днем поклявшись в том, что ночью они с ним разговаривают и предрекают ему будущее. То был седьмой день после смерти его дочери, – а он, не оплакав ее, не совершив всего, что положено, вопреки всем законам, в венке и белом одеянии заклал в праздничную жертву быка, хоть и потерял, несчастный человек, первое и единственное существо, назвавшее его отцом! (78) Я не попрекаю его несчастием, а только думаю о его характере: ведь дурной отец, враг собственных детей вряд ли годен в народные вожди – кто не любит самых родных и близких, тот и вас, чужих, не станет уважать, кто в своих

делах нехорош, тот не будет хорош и в государственных, кто дома низок, от того и в Македонии благородства не жди: он меняет лишь место, а не Душу!

(79) А с чего он оказался переметчиком (это у нас пошел второй уже срок его времени!) и как это получилось, что за одни и те же государственные дела Филократ оказался изгнанником по чрезвычайному обвинению, а Демосфен заделался общим обличителем, и как этот мерзавец вверх вас в беду, – обо всем этом стоит послушать поподробнее.

(80) Как только Филипп перешел Фермопилы, неожиданно разрушил фокидские города, а фиванцев так усилил, что это казалось несовместно ни с общим положением, ни с вашей пользой, – тогда вы тотчас начали в тревоге свозить добро из деревень в город, а послы ваши, ездившие для мирных переговоров, оказались под тягчайшими обвинениями, особенно же Филократ и Демосфен: не только как послы, но и как податели предложений.

(81) А как раз в это самое время между ними двумя случилась ссора, из-за чего – вы и сами догадываетесь; и тогда-то в том нежданном общем смятении Демосфен со всеми его пороками, врожденными и приобретенными, с трусостью и завистью к Филократовым взяткам задумался и рассудил вот как: ежели он открыто выступит против и Филиппа, и своих товарищей по посольству к нему, то Филократ заведомо погибнет, остальные послы окажутся в большой опасности, а он сам, вероломный предатель своих товарищей, возвеличится как верный друг народа.

(82) Когда увидели это враги нашего общественного спокойствия, они с радостью стали науськивать его к выступлениям, именуя неподкупнейшим человеком в городе; и он выступил, и с того пошла вся война и смута. Ведь это он, афиняне, первый выдумал и Серрийские укрепления, и Дориск, и Эргиску, и Миртиску, и Ган, и Ганиаду, которых мы раньше и названий-то не слыхивали. Это он довел дело до того, что утверждал: ежели Филипп не присылает послов, то это неуважение к нашему городу, а ежели присылает, то это не послы, а согладатаи. (83) Если же Филипп предлагал наши споры на третейский суд какого-нибудь города ничейного и беспристрастного, то Демосфен заявлял: «нет беспристрастного судьи между нами и Филиппом!». Филипп давал нам Галоннес; Демосфен приказывал не брать, если он «дает», а только если «отдает», – сколько спору из-за полуслова! А когда он наградил венками посольство Аристодема, вопреки мирному договору отправленное в Фессалию и Магнесию, то разрушил мир и уготовил нам несчастье и войну.

(84) Пусть так; но ведь он утверждает, будто медными и стальными стенами укрепил страну, заключив союз с евбейцами и фиванцами? Нет, афиняне: именно здесь были вы обижены больше всего и незаметнее всего. И хотя я очень спешу к рассказу об удивительном нашем союзе с фиванцами, однако, чтобы не сбиваться с порядка, я сперва напомню вам, как было дело с евбейцами.

(85) Вспомните, афиняне, как много тяжких обид претерпели вы от халкидянина Мнесарха, отца Каллия и Тавросфена (которым этот Демосфен теперь, взяв взятку, смеет предлагать афинское гражданство), сколько от эретрийца Фемисона, который в мирное время захватил у вас Ороп! Однако же, когда фиванцы, переправясь на Евбею, пытались поработить евбейские города, вы охотно позабыли обиды, через пять дней пришли им на помощь с кораблями и пехотой и через тридцать дней заставили фиванцев заключить перемирие и уйти, сделавшись господами над Евбеей; но все города с их образом правления вы честно и справедливо вернули вверившимся вам, полагая, что неправильно в ответ на доверие вспоминать злобу. (86) Однако за все эти услуги халкидяне не ответили вам добром. Нет: когда вы потом явились в Евбею на помощь Плутарху, то поначалу они притворялись вам друзьями, но потом, когда вы достигли Тамин и переваливали через так называемый Котилейский хребет, то этот самый халкидянин Каллий (которого так нахваливает взяточник Демосфен), (87) как увидел войско нашего государства запертым в страшном бездорожье, откуда не выйти без большой победы и куда не подать помощи ни с суши, ни с моря, так скорей собрал войска со всей Евбеи да выпросил подкрепление от Филиппа, да брат его Тавросфен (который нынче ко всем так приветлив и улыбочив) переправил к нему фокидских наемников, и все они двинулись, чтобы нас уничтожить. (88) И если бы, самое главное, тут не спас наше войско некий бог и если бы, кроме того, наши воины, пешие и конные, не явили свою доблесть и не одержали бы победы в открытом бою при Таминском ристалище, заставив неприятеля заключить перемирие и отступить, то великий позор грозил бы нашему государству: ведь не худшая беда – потерпеть поражение, но двойная беда – потерпеть его от недостойных противников.

Но и после этих всех испытаний вы опять примирились с евбейцами. (89) И тогда этот халкидянин Каллий, получив от вас прощение, по недолгом времени вновь вернулся к природному своему праву: для виду стал созывать в Халкиду всеевбейский совет, а на

деле укреплять против вас евбейские силы, а себе приготавливать исключительную тираническую власть. Надеясь в этом заполучить себе помощь Филиппа, он отправился в Македонию, обхаживал царя, звался одним из ближних его товарищей; (90) потом, обидевши Филиппа, сбежал оттуда и предался фиванцам; а потом покинул и их, и вот так-то, переменчивей, чем Еврип, над которым он живет, оказался между враждой фиванцев и враждой Филиппа. Не зная, что делать, и слыша, что на него уже готовится поход, он увидел, что единственная оставшаяся надежда на спасение – это заключить клятвенный союз с афинским народом на условии, что ему помогут, если кто ополчится на него (и, конечно, ополчились бы, если бы вы не воспрепятствовали).

(91) Рассудивши таким образом, он отправляет к нам послами Главкета, Эмпедона и бегуна Диодора – с праздными надеждами для народа, с серебряными деньгами для Демосфена и его приспешников. Выторговать себе он хотел три выгоды: во-первых, безобманного союза с вами (ибо если бы народ припомнил ему прежние обиды и отказал в союзе, то ему лишь оставалось бы или бежать из Халкиды, или попасться и погибнуть, – такие мощные силы шли на него и от Филиппа и от фиванцев); во-вторых, ходатаю об этом союзе сулил он мзду за то, чтобы не заседали в Афинах представители от его Халкиды; а в-третьих, чтобы халкидяне не платили союзных взносов. (92) И ни в одном из этих расчетов Каллий не обманулся. В самом деле: этот Демосфен, который представляет себя тираноборцем и который, по словам Ктесифонта, печется лишь о вящем народном благе, продал нашу государственную пользу и написал в предложении о союзе: «помогать халкидянам», уравнив это ради приличия пустою добавкою, «чтобы и халкидяне помогали, ежели кто ополчится на афинян». (93) А представительство халкидян в совете и союзные их взносы, которыми должна была крепиться наша военная сила, Демосфен продал еще того пуще, не жалея красивых слов для позорных дел и убеждая вас речами, будто наше государство так и должно всякий раз первым помогать всем нуждающимся эллинам, чтоб сперва была услуга, а потом – союз. А чтобы вы не сомневались, что это правда, возьми-ка мне договор о союзе с Каллием и прочитай постановление. [Читается постановление.]

(94) Но и то не страшно, что преданы оказались столь важные для нас вещи – представительство и взносы; куда страшнее то, о чем мне сейчас предстоит говорить. До такой наглости и алчности дошел Каллий, до такой продажности – Ктесифонтов хваленый Демосфен, что на глазах у вас, живых, здравых, зрячих, они выкрали десять талантов

союзных взносов от Орея и от Эретрии, что от вас увели они представителей этих городов и вернули их в Халкиду, в этот так называемый всеевбейский совет! А какими это сделано происками и кознями, о том не мешает вам послушать.

(95) Появляется однажды перед нами этот Каллий, не посланцы его, а самолично, и, представши в Народное собрание, произносит речь, сочиненную ему Демосфеном. Говорит, будто он только что из Пелопоннеса, где он сделал-де раскладку взносов против Филиппа, и перечисляет, от кого сколько: от мегарцев и всех ахейцев 60 талантов да от всех евбейских городов 40 талантов, а всего 100 талантов, чтобы эти деньги шли на пешую и морскую силу; (96) а немало-де есть и других эллинов, которые хотят участвовать во взносах, так что ни в деньгах, ни в воинах недостатка не будет. Это, говорит он, дела гласные, а еще он делал дела негласные, о которых он может представить свидетелей из наших граждан, – и тут он называет по имени Демосфена и просит подтвердить его слова. (97) Демосфен величаво выступает и восхваляет Каллия с таким видом, словно и впрямь знает дела негласные. Он говорит, что хочет доложить о посольстве, с которым он вернулся из Пелопоннеса и Акарнании. И смысл его речи был такой: все пелопоннесцы уже наготове, все акарнанцы уже вносят взносы против Филиппа (а все благодаря ему!), собранных взносов достанет снарядить сотню быстроходных кораблей, десять тысяч пехоты и тысячу конницы, (98) наготове будут и гражданские ополчения, более двух тысяч латников из Пелопоннеса и столько же из Акарнании, а начальствовать над всеми над ними будете вы; и начнется это дело в самой скорости, шестнадцатого числа анфестериона, потому что он объявил по городам, чтобы всем явиться на совет в Афины к полнолунию.

(99) Даже здесь этот Демосфен ведет себя не по-людски, а по-особенному! Ведь когда другие хвастуны принимаются лгать, то стараются говорить неопределенно и неясно, опасаясь изобличения; а Демосфен когда хвастается, то прежде всего ложь свою подкрепляет клятвою, призывая погибель на свою голову, а потом в глаза говорит, когда будет то, чему заведомо не быть, поименно называет людей, которых отродясь не видывал, и так вкрадывается в ваш слух, притворяясь говорящим правду. И поэтому он ненавистен еще сильнее: из-за него, негодяя, теперь не опознать и людей порядочных.

(100) Кончив этакий рассказ, Демосфен дает письмоводителю прочесть постановление – длинней «Илиады», пустопорожней собственных его речей и собственной его жизни, и

все про надежды, которым не сбыться, и про войска, которым не собраться. А отведя вам глаза от обмана и обольстив вас этими надеждами, он уже в немногих словах предлагает назначить послов в Эретрию просить эретрийцев (очень надо было их просить!) платить свои пять талантов взноса уж не вам, а Каллию, и назначить других послов в Орей просить, чтобы были у нас общие и друзья и враги. (101) Тут-то и видно, что постановлением своим он только хочет вас обокрасть: ведь и орейцев он предлагает послам просить, чтобы они платили свои пять талантов не вам, а опять-таки Каллию! А что это так, ты прочти постановление, только пропусти и пустословие, и триеры, и похвалы, а начни прямо с этой кражи, которую затеял этот безбожник и мерзавец, по словам Ктесифонтова предложения будто бы всю жизнь трудившийся словом и делом для вящего блага афинского народа! [Читается постановление.] (102) Вот так-то на словах вы слышали и о кораблях, и о пехоте, и о полнолунии, и о союзном совете, а на деле лишились десяти талантов союзных взносов.

(103) Остается только сказать, что за предложение свое Демосфен получил мзду в три таланта: талант из Халкиды от Каллия, талант из Эретрии от тирана Клитарха и талант из Орея. Через Орей-то это все и раскрылось, потому что власть в этом городе народная и дела решаются народными постановлениями. Орейцы, издержавшись на войну и оказавшись в бедственном положении, посылают к Демосфену послом Гносидема, сына бывшего орейского тирана Харигена, умоляя простить им этот талант и обещая ему за это поставить медную статую; (104) но Демосфен ему ответил, что медь ему нисколько не надобна, и стал взыскивать свой талант через Каллия. И орейцы на своем безденежье были вынуждены заложить ему за этот талант государственные доходы и выплачивали Демосфену по драхме с мины каждый месяц, пока не погасили всего капитала. Все это было сделано по народному постановлению; прочти нам это орейское постановление в знак того, что я не лгу! [Читается постановление.] (105) Такое постановление, афиняне, для города нашего – позор, для Демосфена – разоблачение его пронырства в государственных делах, а для Ктесифонта – прямое обвинение: ведь такой подлый взяточник никак не может быть тем достойным мужем, какого изображает нам Ктесифонт в предложении о венке!

(106) Вот мы и дошли до третьего срока времени, а вернее сказать – наихудшего: именно здесь погубил Демосфен и наш город, и всех эллинов, явив свое нечестие пред

дельфийскою святынею и свою несправедливость в неравном нашем союзе с фиванцами. Я начну с его прегрешений против богов.

(107) Есть, афиняне, в Кирре равнина и пристань, ныне именуемая не иначе как окаянною и проклятою. Насельниками этих мест были некогда киррейцы и крагалиды, беззаконнейшие племена, против Дельфов и дельфийских приношений чинившие нечестия, а против окрестных амфикионов – обиды. Негодуя на происходящее, ваши предки (так гласит предание), а за ними и остальные амфикионы испросили божие вещание, какому наказанию обречь этих людей? (108) И бог повелевает: воевать против киррейцев и крагалидов вседневно и всенощно, народ поработить, а землю и город, разорив, посвятить Аполлону Пифийскому, Артемиде, Латоне и Афине Промыслительнице, чтобы больше этих мест никогда не возделывать. Вняв такому вещанию, окрестные амфикионы по почину Солона Афинского, мужа и в законодательстве сильного, и в стихотворстве и любомудрии искушенного, порешили по воле божией идти войной против этих окаянных. (109) И, собрав со своих окрестностей сильное войско, они поработили народ, срыли город и пристань, а землю по божьему слову объявили заповедною и о том поклялись великою клятвою, что заповедную ту землю ни сами не будут возделывать, ни другим не попустят, а заступаться будут за бога и заповедную ту землю и руками, и ногами, и всеми силами. (110) Но, не удовольствовавшись и этою клятвою, они добавили к этому мольбу и страшное отлучение; а в отлучении этом сказано: «ежели кто нарушит запрет, будь то город, народ или человек, то да будет он отлучен от Аполлона, и Артемиды, и Латоны, и Афины Промыслительницы»; (111) и далее, чтобы земля им не давала урожая, а скотина приплода, а жены чтобы рождали уродов вместо детей, похожих на родителей, и чтобы на войне, в суде и в совете им терпеть лишь неудачи, и чтобы сгинули вконец и сами они, и дома их, и роды их; «и да не приносят они, – сказано, – угодных жертв ни Аполлону, ни Артемиде, ни Латоне, ни Афине Промыслительнице, и те да не приемлют их жертв!» (112) В подтверждение сказанного прочти нам божие веление; выслушайте и отлучение; припомните и те клятвы, которыми ваши предки поклялись вместе со всеми амфикионами. [Читаются оракул, клятвы и отлучение.]

(113) Но вот, несмотря на то что и отлучение, и вещание, и клятвы до сих пор стоят там начертаны, локрийцы из Амфиссы (а вернее – те беззаконники, которые встали во главе их) вновь начали ту равнину возделывать, а проклятую и окаянную пристань заселять,

обносить стенами и даже взыскивать пошлины с приплывающих; а когда в Дельфы приходили заседатели на собор амфикионов, то иных они подкупали деньгами; и конечно, среди них был и Демосфен. (114) Избранный вами в заседатели совета амфикионов, он принял от амфиссейцев две тысячи драхм за то, чтобы меж амфикионов не было об Амфиссе ни слова; а на будущее ему было обещано и в Афины посылать по двадцать мин в год из этих проклятых и окаянных денег, чтобы и в Афинах он всячески заступался за амфиссейцев. Тут и получилось еще видней, чем прежде: с кем ни свяжется Демосфен, будь то частный человек или правитель или даже город с народной властью, всем он приносит лишь непоправимые несчастья. (115) Посмотрите же, как судьба и божество превысили нечестие амфиссейцев.

В архонтство Феофраста вы избрали священнопредстоятелем в совет амфикионов Диогнета Анафлистийского, а заседателями при нем – Мидия из Анагиррунта (жалко мне, и небеспричинно жалко, что его уже нет в живых!), Фрасикла из Эя и третьим меня. Только мы пришли в Дельфы, как священнопредстоятель Диогнет заболел горячкою, вслед за ним – и Мидий; а остальные амфикионы уже заседали. (116) Между тем благожелатели нашего города донесли нам, что амфиссейцы, которые тогда подчинялись и рабски прислуживались к фиванцам, предложили против нашего города постановление: взыскать с афинского народа пятьдесят талантов за то, что мы пожертвовали в новый храм еще до его освящения золотые щиты с приличной надписью: «Афиняне из добычи от мидян и фиванцев, когда те воевали против эллинов». Наш священнопредстоятель послал за мною и попросил выступить в совете перед амфикионами в защиту нашего города; да я уже и сам так хотел.

(117) Когда я пришел в совет и начал говорить с особенным пылом, потому что другие заседатели уже разошлись, то один из амфиссейцев, большой наглец, видимый невежда, а быть может, даже неким демоном побуждаемый к такому вздору, закричал: «Эллины! да если бы вы были в здравом уме, вы бы даже имени афинского народа не стали произносить в такие дни, а сразу бы изгнали их из храма как отверженных!» – (118) и напомнил о союзе нашем с фокидянами, который предложил когда-то этот наш Хохлатый, и много еще говорил поносного для нашего города, что я и тогда едва вытерпел, и теперь вспоминать не хочу. Услыхав такое, я разозлился, как никогда в жизни. Не стану пересказывать, что я там отповедал ему, скажу только, что захотелось мне напомнить, как сами амфиссейцы осквернили ту заповедную землю; и вот, вставши перед

амфикионами, показал я на эту землю – ведь Киррейская равнина лежит ниже храма и вся оттуда видна – и сказал им так: (119) «Смотрите, амфикионы: вся равнина возделана амфиссейцами, и гончарни на ней построены, и дворы; пристань их, окаянная и проклятая, на глазах у вас обнесена стеною; и что с пристани этой, посвященной богу, получают они доход и дают его на откуп, это вы знаете сами и без свидетелей». И велел прочесть им божье вещание, и клятву предков, и объявленное отлучение, и возгласил: (120) «За афинский мой народ, за себя, за дом мой и детей моих я по давней той клятве заступаюсь за бога и священную ту землю и руками, и ногами, и голосом, и всеми силами, избавляя наш город от скверны перед богами. Вы же, амфикионы, решайте сами за себя. Корзины с освященною мукою приготовлены, жертвенные животные стоят у алтарей, вы намерены молить богов о благе, частном и общем; (121) так подумайте же, каким голосом, с каким чувством, с какими глазами, с какою наглостью вознесете вы такие мольбы, ежели оставите безнаказанными этих отлученных нечестивцев! Ведь не загадками, а прямыми словами сказано в отлучении, что падет на тех, кто нарушит запрет и кто другим попустит, особенно в самом конце: «кто не отметит за Аполлона, и Артемиду, и Латону, и Афину Промыслительницу, те да не приносят угодных жертв и боги да не прием лют тех жертв!»

(122) Высказавши все это и многое другое, я умолк и вышел из совета, а среди амфикионов поднялся великий крик и шум, но уже не о щитах, которые мы посвятили, а только о наказании амфиссейцев. Наконец, уже на исходе дня выступил глашатай и объявил: всем дельфийцам старше восемнадцати лет, будь они рабы или свободные, явиться на рассвете с заступами и лопатами к месту, называемому Жертвенным; и еще объявил: всем священнопредстоятелям и заседателям тоже прийти туда же в помощь богу и священной земле, а какой город не явится, тому быть прокляту, окаянну и отвержену от храма. (123) И на следующее утро мы сошлись к назначенному месту, спустились в Киррейскую равнину, срыли пристань, пожгли строения и пустились обратно. Тут локрийцы из Амфиссы, что живут за шестьдесят стадиев от Дельфов, всем людом пошли на нас с оружием, так что мы погибли бы, если бы бегом не укрылись в Дельфы.

(124) На следующий день Коттиф, ставивший в совете дела на голосование, созывает собрание амфикионов; а собраниями у них называются такие сходки, к которым созывают не только священнопредстоятелей с заседателями, но и всех, кто приносит богу жертвы или спрашивает у него вещания. В том собрании было сказано много

обвинений против амфиссейцев, много похвал нашему городу, а в конце прений было постановлено, чтобы перед следующим собранием священнопредстоятели явились в Фермопилы заранее, имея решения о том, какое наказание наложить на амфиссейцев за их проступки перед священной землею, богами и амфикионами. В доказательство того, что я не лгу, прочитай нам то постановление. [Читается постановление.]

(125) Когда мы доложили это постановление совету и потом Народному собранию, то народ одобрил наше поведение, весь город встал за благочестие, и только Демосфен, льстясь на посулы амфиссейцев, выступал против. Я изобличил его на ваших глазах; и тогда он, не имея возможности обманывать государство открыто, отправляется в совет, удаляет оттуда посторонних и, воспользовавшись неопытностью письмоводителя, наговаривает предварительное решение для Народного собрания, (126) а потом проводит его и через собрание, чтобы оно стало народным постановлением, – собрание тогда уже кончалось, многие уже разошлись, не было и меня, потому что я-то уж этого бы не допустил. Смысл постановления был такой: «Священнопредстоятелю афинского народа и заседателям, находящимся в должности, всякий раз отправляться в Фермопилы и Дельфы в те сроки, какие установлены были предками». На словах это было благолепно, а на деле отвратительно, потому что не позволило нам явиться на то собрание в Фермопилах, которое по необходимости должно было состояться раньше обычного срока. (127) Но еще того откровеннее и хуже, что в том же его постановлении указано: «Священнопредстоятелю афинского народа и заседателям ни словом, ни делом, ни решением, ни иным деянием не соучаствовать с собравшимися там». Что значит «не соучаствовать»? Сказать вам льстиво или сказать вам правдиво? Скажу правдиво, потому что именно вечная льстивость и довела наш город до нынешнего положения. Это значит: нельзя напоминать о клятвах наших предков, нельзя напоминать об отлучении, нельзя напоминать о вещании божьем!

(128) Вот, афиняне, из-за какого постановления мы остались дома. Остальные же амфикионы собрались в Фермопилах все, – кроме одного лишь города, которого не назову, чтобы бедствия его не коснулись никого из эллинов, – и, собравшись, постановили идти войной на амфиссейцев, а полководцем выбрали Коттифа Фарсальского, который тогда ставил у них дела на голосование. Филиппа тогда не было ни в Македонии, ни в Элладе, он воевал далеко у скифов (хотя Демосфен непременно скажет, будто это я привел его на эллинов!). (129) И при этом первом походе амфикионы

обошлись с амфиссейцами очень кротко: за все их великие преступления наложили на них лишь денежную пеню, чтобы выплатить богу в установленный срок, нечестивцев и виновников случившегося отправили в изгнание, а изгнанников, пострадавших за благочестие, вернули. Лишь когда оказалось, что пеню богу амфиссейцы не платят, нечестивцев вернули, а благочестивцев, возвращенных амфикионами, изгнали, то был назначен второй поход на Амфиссу, – но прошло уже много времени, и из скифской войны вернулся Филипп. Сами боги, можно сказать, вручали нам начальство в благочестивом подвиге – и вот из-за Демосфенова издоимства все сорвалось!

(130) И разве боги не давали вещаний, не давали знамений, не остерегали нас чуть ли не человеческим языком? Ввек я не видывал другого государства, которое боги бы так спасали, а иные собственные болтуны так губили! Разве мало было нам знаменья при таинствах, когда погибали посвященные? Разве не советовал тогда Аминиад остеречься и спросить в Дельфах, что нужно делать, и разве Демосфен не возражал ему, что-де пифия держит сторону Филиппа, – Демосфен, этот неуч, которому вы дали и отведать и пресытиться властью! (131) А когда после всего этого и жертвы оказались недобрыми и неблагоприятными, разве не послал он воинов на верную смерть? И еще он смел недавно напоминать, что-де Филипп оттого не пошел на нашу землю, что жертвы вещали ему недоброе! Какой же казни после этого достоин ты сам, пагуба всей Эллады? Да ведь ежели Филипп, уже победив, не пошел на землю побежденных оттого лишь, что недобрыми были жертвы, а ты, еще не зная будущего, отправляешь войско, сам не дождавшись добрых жертв, то венчать тебя следует или изгнать за все несчастья нашего города?

(132) Ах, есть ли что нежданное и негаданное, что миновало бы нас! Не обычную мы прожили людскую жизнь, а словно родились затем, чтобы потомки о нас рассказывали невероятности! Разве персидский царь, прокопавший Афон, замостивший Геллеспонт, требовавший от эллинов земли и воды, в посланиях дерзавший величать себя владыкою всех народов от востока до заката, разве он теперь не бьется не за власть, а за собственную жизнь? А ведь славы предводительства в войне против персов удостоились те самые [македоняне], которые освободили Дельфийский храм! (133) А Фивы, Фивы, соседний нам город, в единый день исторгнутый из самой сердцевины Эллады, – пусть поделом, пусть все их решения были неправильны, но безумие их и одержимость все же были не от людей, а от божества! А несчастные лакедемоняне, лишь в самом начале, при

захвате храма прикоснувшиеся к этому худому делу, – они, некогда притязавшие первенствовать над всеми эллинами, теперь посылают к Александру заложников во свидетельство своих бедствий и должны будут верить себя и отечество любому его решению, уповая лишь на сдержанность оскорбленного ими победителя! (134) А наш собственный город, общее прибежище эллинов, куда прежде сходились посольства со всей Эллады, где каждый город надеялся найти у вас спасение? Теперь он борется уже не за первенство среди эллинов, а за родные свои очаги. И все это постигло нас с тех пор, как к государственным нашим делам пробрался Демосфен!

Именно о таких, как Демосфен, превосходно сказано в стихах Гесиода – там, где он поучает народ и советует городам не верить худшим из народоводцев. (135) Я напому вам эти стихи: мы ведь затем и заучиваем детьми изречения поэтов, чтобы потом взрослыми применять их к делу.

Часто немалый град за единого платится мужа,

Мужа, который творит грехи и вершит безрассудство:

Оному граду с высоких небес наказатель Кронион

Рушит глад и мор, от которых погибель народу;

Или ввергает в разор обширное войско и стены;

Или морские суда рассыпает Зевес-громовержец.

(136) Отвлечитесь от стихотворного размера и вдумайтесь в мысль – и, верно, вам покажется, что это не стихи Гесиода, а божье пророчество о Демосфеновом правлении: ведь и впрямь его правлением погублены и корабли, и пешее войско, и целые города!

(137) Но я уверен: никакой Фринонд, никакой Еврибат, ни иной мерзавец былого времени

не дошел до такого обмана и коварства, чтобы нагло утверждать, глядя вам в глаза, – слушайте, земля, и боги, и демоны, и вы, коли хотите слышать правду! – что фиванцы-де заключили с вами союз не под давлением обстоятельств, не из-за теснящего их страха, не ради вашей доброй славы, а только из-за силы Демосфеновых речей! (138) Ведь и раньше в Фивы не раз снаряжались самые угодные фиванцам послы: сначала Фрасибул из Коллита, которому фиванцы доверяли, как никому, потом Фрасон из Эрхия, который был им гостеприимней, и Леодамант Ахарнский, умевший говорить не хуже Демосфена (а по мне, так и слаще), (139) и Архедем из Пелеки, тоже мастер говорить и немалым ради фиванцев подвергшийся у нас опасностям, и Аристофонт из Азении, столько лет живший под обвинением в потворстве беотийцам, и Пиррандр из Анафлиста, который и сейчас в живых. Но и из них никто никогда не мог склонить фиванцев к дружбе с вами. Причину тому я знаю, но не скажу – Фивы и так достаточно пострадали. (140) И только тут, когда Филипп отбил и передал фессалийцам Никею, когда эту самую войну, им же когда-то отстраненную от беотийской земли, он двинул через Фокиду на самые Фивы, когда, наконец, он взял Элатею, укрепил ее и занял войском, – только тут, почувствовав, что опасность уже рядом, фиванцы отправили к вам послов, а вы выступили и вошли в Фивы пехотой и конницею с оружием в руках раньше, чем Демосфен звуком успел обмолвиться о союзе!

(141) Обстоятельства, страх и нужда фиванцев в вашем союзе – вот что привело вас в Фивы, а вовсе не Демосфен. Больше того: именно в деле об этом союзе Демосфен трижды тягчайшим образом провинился перед вами.

Во-первых, хотя Филипп на словах воевал и с вами, настоящую вражду он питал не к вам, а к фиванцам: это настолько видно из событий, что об этом нечего и говорить. Демосфен же, уверяя, будто к союзу привели не обстоятельства, а его посольства, утаил от вас это важнейшее из обстоятельств. (142) Этим он, прежде всего, убедил народ не обсуждать условий союза, а радоваться любым условиям, лишь бы состоялся союз; между тем при этом он головой выдал Фивам всю Беотию, написав в своем предложении: «Если какой город отложится от фиванских беотийцев, то афиняне должны им помочь». На словах он опять плутовал и все запутывал, но на деле-то беотийцы, попав под гнет, ведь не будут любоваться на Демосфеновы хитросплетения, а обратят ненависть против вас, из-за которых этот гнет. (143) Этим он, далее, возложил две трети военных издержек на вас и только треть на фиванцев, хоть вы и дальше находились от войны (и то и другое,

конечно, за взятку); начальство на море сделал совместным, а издержки взвалил на вас одних; начальство же на суше, говоря без громких слов, целиком вручил фиванцам, так что во время военных действий ваш же полководец Стратокл оказался не вправе позаботиться о спасении ваших воинов. (144) Вы даже не можете сказать, будто я один говорю против него, а другие молчат: нет, и я обвиняю, и другие бранятся, и вы сами все понимаете, а гневу никакого. Таково уж ваше отношение к Демосфену: вы настолько привыкли слышать о его подлостях, что уже не удивляетесь. А надо не так: надо негодовать и карать, ежели вы хотите, чтобы городу нашему хоть впредь было хорошо!

(145) Во-вторых – и эта подлость еще того подлее, – он договорился с беотархами о соучастии их во всех делах и этим, ни много ни мало, перенес и совет ваш, и народную власть в Фивы, на Кадмею, а вы и не заметили! Для себя же он добился такого самовластия, что, всходя на помост, говорил, что пойдет послом туда, куда сам захочет, далее против вашей воли, (146) а если кто из военачальников перечил ему, то приводил их к рабской покорности и отучал перечить, говоря, что затеет тяжбу между ораторским помостом и военным советом, потому что вам-де куда больше было пользы от него с помоста, чем от военачальников из совета. Получая от вас военные деньги на наемников, он обкрадывал вас, нанимая их меньше нужного; а когда он отдал десять тысяч наемников в службу амфиссейцам, – хоть уж я ли клятвенно не корил его во всех собраниях! – то этим лишил город наемной защиты и оставил открытым перед опасностью. (147) В самом деле: сразиться отдельно в Амфиссе с вашими наемниками, а потом отдельно с вашим гражданским ополчением и под впечатлением такого разгрома взять отчаявшихся эллинов голыми руками – да чего еще Филиппу было и желать! А Демосфен, виновник всех этих бедствий, не только не доволен, что избежал расплаты, а еще и гневается, если ему не дадут золотого венка; не доволен, что о венке объявят перед вами, а еще и гневается, если не пред всеми эллинами. Как видно, это и значит: дурной нрав, дорвавшись до большой власти, творит бедствия целому народу.

(148) В-третьих же, я должен сказать и о таком деле, которое еще важнее первых двух. Филипп был умный человек, эллинов не недооценивал и понимал, что за несколько часов должна решиться судьба всех уже достигнутых им преимуществ; поэтому он был готов к миру и собирался послать в Фивы посольство. Фиванские правители тоже опасались близящейся опасности – и понятно, потому что наставником их был не краснобай, непривычный к оружию и бросающий свое место в строю, а сама десятилетняя Фокидская

война дала им приснопамятный урок. (149) Демосфен заметил такие настроения и заподозрил, что беотархи без него получили от Филиппа взятку, чтобы заключить отдельный мир. Упустить взятку – этого уж он пережить не мог; и вот он вскакивает в фиванском собрании, где тогда и разговору не было ни о мире, ни о размирье с Филиппом, и, словно подавая знак беотархам поделиться с ним частью прибыли, начинает клясться Афиною, – (150) видно, Фидий нарочно ее выделал ради Демосфеновой наживы и лживых клятв! – начинает клясться Афиною, что ежели кто заикнется о мире с Филиппом, то он-де того своею рукою за волосы потащит в тюрьму: ни дать ни взять как тот Клеофонт, который, говорят, во время войны с лакедемонянами так и погубил наше государство. Но когда фиванские правители и на это не обратили внимания, а даже отослали обратно уже выступивших ваших воинов, чтобы вы порассудили о мире, (151) тогда Демосфен, вконец обезумевши, выскочил на помост, стал обзывать беотархов предателями эллинов и грозиться, что предложит послать в Фивы послов, чтобы фиванцы пропустили наше войско на бой с Филиппом (это он-то, никогда не глядевший врагу в глаза!). Тут уж фиванские правители, устыдившись и впрямь показаться предателями эллинов, отказались от мысли о мире и принялись готовиться к войне.

(152) Как мне здесь не вспомнить о тех наших доблестных мужах, которых этот Демосфен вопреки недобрым и неблагоприятным жертвам сам отправил на верную смерть, а теперь еще смеет, взойдя на их курган теми же стопами, какими бежал с поля боя и с места в строю, прославлять хвалою их мужество! Ты, который на деле не способен ни к чему великому и хорошему, на словах же удивительно смел, – неужели ты посмеешь, глядя этим гражданам в глаза, объявить, что за все бедствия нашего отечества тебе причитается венок? А ежели он и посмеет, то неужели вы, граждане, это потерпите, неужели ваша память впрямь умерла вместе с этими павшими? (153) Представьте на мгновение, что вы не в судилище, а в театре, и подумайте, что вот к вам выходит глашатай и возглашает то, о чем речь в Ктесифонтовом постановлении, и потом скажите, о чем больше прольют слез родственники павших: о страданиях героев в последующих трагедиях или о несправедливости отечества? (154) Какой эллин, воспитанный как свободный человек, не загрустит, припомнив хотя бы о том, как когда-то, когда в городе законы были лучше и вожди достойнее, в этот самый день, перед началом таких же трагических представлений, как нынче, глашатай выводил к народу во всеоружии достигших совершеннолетия сыновей тех, кто пал на поле боя, и возглашал

прекраснейшие и вдохновляющие к доблести слова: этих-де юношей, чьи отцы пали в битве смертью доблестных, сам народ вскормил до зрелой младости, а теперь наделяет их всеоружием и предоставляет в добрый час самим избирать себе дело и приглашает на лучшие в театре места. (155) Так бывало прежде, но не теперь: ибо что сказать, что крикнуть глашатаю, выведя к народу виновника их сиротства? Да ведь если он и повторит, что сказано в Ктесифонтовом предложении, то сам голос истины не смолчит о позоре, и послышатся нам слова, противозначные глашатаевым: этого-де мужа, коли он – муж, награждает венком афинский народ: порочнейшего – за добродетель, малодушнейшего беглеца – за доблесть! (156) Нет, афиняне, во имя Зевса и всех богов, не воздвигайте в Дионисовом театре трофея в честь собственного поражения, не уличайте афинский народ в безумстве пред всеми эллинами, не напоминайте о непоправимых и неисцелимых бедствиях несчастным этим фиванцам, которых Демосфен обрек на изгнание, а вы дали им убежище, чьи погублены святыни, гробницы, отпрыски Демосфеновым мздоимством и золотом персидского царя! (157) Вас там не было, но представьте их бедствия хоть мысленно: вообразите воочию, как гибнет город, рушатся стены, горят дома, влачатся в рабство женщины и дети, а те старцы и старухи, которым поздно уж отвыкать от свободы, плачутся, взывают к вам, негодуют не на тех, кто казнит, а на тех, кто виновник такой казни, и наказывают вам не венчать венком этого губителя всей Эллады, а беречься того злого божества и злого рока, которые всюду спешат за ним вслед! (158) Ведь и впрямь ни городу, ни частным лицам никогда не случилось добра от советов Демосфена. Не стыдно ли вам, афиняне? У вас есть закон о перевозчиках на Саламин: у кого-де при перевозе нечаянно перевернется лодка, того более не допускать к перевозу, чтобы неповадно было беспечничать жизнью эллинов; так вы ли позволите вновь заправлять общественными делами этому человеку, вконец перевернувшему вверх дном и ваш город, и всю Элладу?

(159) Перехожу, наконец, к четвертому сроку времени и к нынешнему положению дел. Прежде всего хочу напомнить вам: Демосфен покинул свое место не только в ратном строю, но и в государственном – он взял у вас корабль и отправился собирать деньги с эллинов. А когда после нашего нежданного спасения он вернулся в город, то весь трясся, на помост взошел еле жив и предложил вам себя на должность «мироблюстителя», вы же отказывались даже имя его упоминать при предложениях и называли вместо него Навсикла. А теперь он еще и требует венка!

(160) Но Филипп скончался, власть принял Александр, и Демосфен снова пустился вздорить: Павсанию воздвиг святилище, совет наш поставил в опасность благодарственными жертвами за добрую весть, Александра обзывал «Маргитом» и имел нахальство уверять, что он-де и не двинется из своей Македонии, ему-де милей прохаживаться по Пелле и рассматривать животные потроха, и это-де не догадка, а заведомость, потому что доблесть добывается ценой крови. И это говорил он, сам не имея крови в жилах, а царя Александра мера не его нравом, а собственным безнравием!

(161) Но когда уже и фессалийцы постановили выступить против вас, и юный царь впервые вспыхнул законной яростью, и войска уже были возле Фив, то этот Демосфен, выбранный от вас к нему послом, с полпути, от Киферона, удрал обратно: впрямь не было никакого от него толку ни в мирное время, ни в военное! И вы его не выдали, не отдали на суд всеэллинского совета, тогда как он – и это самое страшное – выдал вас Александру головой, если только правду о том рассказывают. (162) А рассказывают моряки с «Парала» и послы, ходившие к Александру, вот какую историю, очень похожую на правду. Есть такой Аристион из платейского рода, сын Аристобула, торговца зельями, которого, может быть, и из вас кто-нибудь знает. В юности своей он отличался красотой и долго жил в Демосфеновом доме; что он там делал или что с ним делали – это дело темное, и мне о том непристойно говорить. Вот о нем и говорят, будто он вкрался в доверие к Александру и стал с ним близок (благо там не знали, кто он есть и какого поведения) и будто через него-то Демосфен отправил Александру письмо, полное всяческой лести и снискавшее ему прощение и мир.

(163) Посмотрите сами, разве такое обвинение не подтверждается на деле? Ведь если Демосфен и впрямь к Александру так враждебен, как он уверяет, то у него были три прекрасных случая проявить эту вражду, а он ни одним не воспользовался. Первый – это когда Александр, только что приняв власть и еще не управив собственных дел, двинулся в Азию: персидский царь был тогда в полной своей силе, пешей, конной и морской, и перед лицом надвигающейся опасности охотно бы принял вас в союзники, – но скажи, Демосфен, молвил ли ты тогда об этом хоть слово, сделал ли хоть какое предложение? Не вернее ли сказать, что, по обычаю своему, ты был тогда в смертном страхе? Что ж: выгодный народу случай не станет дожидаться трусливого ходатая. (164) Далее – когда Дарий со всеми силами вышел к морю, и Александр оказался заперт в Киликии и терпел-де крайнюю нужду, и вот-вот-де был бы растоптан персидскими копытами, – тогда наш город не мог вместить твоей заносчивости, ты расхаживал, держа напоказ по письму под

каждым пальцем, говорил, что в лице у меня страх и отчаянье, издевался, что мне уже вызолотили рога и надели жертвенный венок на случай Александра поражения, – но и тут ничего ты не предпринял, а все откладывал до лучших времен. (165) Пропускаю остальное подобное – скажу лишь о делах сегодняшних: вот лакедемоняне с наемниками одержали победу, разгромили войско Коррага, к ним пристали элидяне с ахейцами, кроме лишь Пеллены, и аркадяне, кроме лишь Мегалополя, да и тот был в осаде и со дня на день должен был пасть; Александр уже по ту сторону севера и едва ли не за краем света, Антипатр долго-долго собирает свои силы, будущее покрыто неизвестностью; и что же, Демосфен, что ты тогда сделал, что ты хотя бы сказал? Если хочешь – вот тебе помост, скажи сам.

(166) Молчишь? не знаешь? Так и быть, повторю твои слова вместо тебя. Неужели вы не помните, каковы были мерзкие и непонятные его словечки, которые и выслушать-то нужно было иметь железные силы? Он еще говорил: «Иные обирают наш град, как вертоград, обрезают молодые лозы народа, подрубают жилы наших сил, нас сшивают, как плетенки, нас втыкают, как иголки, в самые стесненные обстоятельства!» (167) Что это такое? словоблудие? слова или чудовища? А в другой раз ты кричал, вертясь волчком на помосте, будто борешься с Александром: «Да, это я поднял лаконян, это я заставил отложиться фессалийцев и перребов!» Это ты-то заставил отложиться фессалийцев? Да как будто ты можешь хоть деревушку заставить отложиться, как будто ты на шаг подойдешь не то что к городу, а к дому, где есть хоть малая опасность! Вот где деньги раздают, там ты неотлучен; но мужское дело никакое не по тебе. Случись что само собою, ты присвоишь это и припишешь себя к событию; случись страшное, ты удерешь; а случись народу вздохнуть свободно, ты требуешь наград и золотых венков.

(168) «Пусть так; но он друг народа!» На этот счет коли будете вы слушать лишь его красивые слова, то останетесь обмануты, как и прежде, но коли посмотрите на истинный характер его, то сумеете не дать в обман. Потребуйте же с него отчета вот каким образом. Я вместе с вами буду перечислять, какие черты характера должны быть у человека здравомыслящего и преданного народу, а какие, наоборот, у человека злонамеренного и приверженного к власти немногих. Вы же, сопоставляя то и другое, сами посмотрите, каков этот Демосфен не на словах, а в жизни.

(169) Все вы, наверное, согласитесь, что у друга народа должны быть вот какие качества. Во-первых, он должен быть свободнорожденным как по отцу, так и по матери, чтобы вследствие неблагополучного происхождения не встала в нем обида на законы, которыми держится народная власть. Во-вторых, предки его должны иметь заслуги перед народом или по крайней мере никакой вражды с народом, чтобы месть за невзгоды предков не толкнула его против нашего государства. (170) В-третьих, он должен быть умерен и здравомыслен в повседневном образе жизни, чтобы из-за разнузданного расточительства не поддаться подкупу во вред народу. В-четвертых, он должен быть благомыслящим и красноречивым: хорошо, когда силою ума человек может выбрать наилучшее решение, а силою образования и красноречия убедить в нем слушателей; если же этого не дано, то благомыслие в любом случае важнее красноречия. В-пятых, наконец, он должен быть мужествен духом, чтобы не покинуть народ в час беды и опасности. А у человека, приверженного к власти немногих, все свойства должны быть противоположны этим, так что их не надобно и перечислять. Рассмотрите же теперь, какими из этих качеств обладает Демосфен, и ведите вашу проверку по всей справедливости.

(171) Отец этого Демосфена, Демосфен Пеанийский, был человек свободнорожденный, тут ничего не скажешь. Зато о матери, о ее отце и прочей родне я кое-что скажу. Был у нас такой Гилон Керамейский; он когда-то предал врагам Нимфей на Понте, принадлежавший в то время нашему городу, и бежал из-под чрезвычайного обвинения, грозившего смертью, не дожидаясь суда; он является в Боспор, получает в подарок от боспорских тиранов так называемые Сады, (172) и тут-то он женится на женщине, которая была богата (еще бы!) и много принесла ему золота в приданое, но роду-то она была скифского. От нее у него были две дочери, которых он прислал в Афины с богатым приданым: за кого он выдал первую, не скажу, чтобы не завести лишних врагов, а вторую взял за себя, не считаясь с афинскими законами, тот самый Демосфен Пеанийский, и от нее-то родился вот этот хлопотун и сутяга Демосфен. Стало быть, по деду он – враг народа, так как предка его вы приговорили к смертной казни; по матери же он – скиф, то есть варвар, лишь говорящий эллинским языком. От этого чуждого происхождения и пороки его.

(173) А каков его повседневный образ жизни? Он был снарядителем кораблей – а оказался наемным сочинителем судебных речей, потому что смехотворно расточил все отцовское имущество. Лишась доверия и здесь – за то, что он выдавал противникам

доводы защиты, – выскочил он на помост Народного собрания. Заправляя государственными делами, брал он вдоволь, но осталась при нем самая малость. Нынче он покрыл свои расходы царским золотом, но и это ненадолго: дурному нраву никакого золота неостанет. Самое же главное, что живет он за счет не своих доходов, а ваших, афиняне, бедствий.

(174) А благомыслие и красноречие? Говорит красно, живет гнусно: с кем он сходится сам и от кого рождает детей, я и говорить не хочу, – кто слишком ясно говорит о чужом позоре, тому не миновать чужой злобы. Что же остается государству? Пышные слова и скверные дела.

(175) Наконец, о мужестве его мне довольно немногих слов. Если бы он сам не признавал, что он – трус, или если бы вы сами о том не знали, то я бы многое должен был сказать; но так как и вам это небезведомо, и он не раз соглашался с этим при всем народе, то я лишь напомним, какие на этот случай есть законы. Древний наш законодатель Солон почел нужным назначить равные наказания за уклонение от воинской службы, за оставление места в строю и за трусость: в самом деле, ведь привлечь к суду можно и за трусость! Иные удивятся, что к суду привлекают за свойство характера. Но для чего это делается? Для того чтобы каждый из вас пуще врагов боялся кары собственных законов и поэтому отважней сражался за отечество. (176) Стало быть, и уклоняющегося, и беглеца, и труса наш законодатель отлучает от площади, окропляемой жертвенною кровью, от венчания венком, от участия во всенародных жертвоприношениях; ты же, Ктесифонт, велишь нам увенчать того, кого отлучают законы, призываешь на трагические зрелища того, кто к ним не допущен, вводишь в святилище Диониса того, кто предал своею трусостью все святыни.

Я не стану долго отвлекаться от предмета; но когда Демосфен начнет твердить, что он друг народа, то припомните все, что я сказал, и судите его не по словам, а по делам, и не по тому, каким он представляет себя, а по тому, каков он есть.

(177) Но коли уж зашла речь о наградах и венках, то, пока я не забыл, позвольте предостеречь вас, афиняне: если вы не перестанете так щедро дарить награды и так бездумно жаловать венки, то ни от награждаемых не ждите благодарности, ни для государства – поправления дел: потому что подлецов вы не переделаете к лучшему, а

хороших людей только вгоните в крайнюю тоску. Что я правду говорю, тому можно привести убедительные примеры. (178) Так, если бы вас спросили, когда была больше слава нашего города, нынче или в прежние времена, все бы, конечно, ответили, что в прежние. А люди когда были лучше, тогда или теперь? Тогда – отличные, теперь – гораздо хуже. А наград, венков, провозглашений, пританейских угощений когда было больше, тогда или теперь? Тогда все это было редкостью, и само имя добродетели уже было почетно; ныне же все это обесценилось, и венки вы назначаете по привычке, а не подумавши. (179) Не странно ли это, по-вашему: наград было меньше, а город был крепче, и люди тогда были лучше, а теперь хуже? Я попробую вам это объяснить. Как по-вашему, афиняне, захотел бы кто-нибудь упражнять себя в разномыслии или ином тяжелом состязании ради олимпийского или другого подобного венка, если бы венки эти давались не самому сильному, а самому сговорчивому? Конечно, никто бы не захотел. (180) Если люди отваживаются на великие лишения, чтобы только укрепить и закалить себя, то это оттого, что награды эти – редкие, добываются в бою и остаются прекрасны и приснопамятны благодаря победе. Вообразите же себя самих распорядителями состязаний в гражданской доблести и рассудите: ежели награды вы будете раздавать лишь немногим, лишь достойным и лишь по правилам, то состязателей в доблести у вас окажется множество, если же вы станете их жаловать каждому желающему и по договоренности с ним, то и у честных людей развратится нрав.

(181) Что это так, я сейчас покажу вам еще нагляднее. Кто, по-вашему, лучше: Фемистокл, начальствовавший при Саламине, когда вы в море разбили персов, или этот Демосфен, нынче бросивший строй? Мильтиад, одолевший варваров при Марафоне, или этот господин? Он или те, кто из Филы воротили в Афины народовластие? Он или Аристид, чье прозвище, в отличие от Демосфенова, – Справедливый? (182) Клянусь олимпийскими богами, грешно кажется и упоминать-то рядом об этих мужах и о нашем чуде! А вот пусть Демосфен покажет, было ли постановлено хоть одного из них наградить венком. Нет? неужели народ так неблагодарен? Напротив, народ наш высокодушен, и мужи эти вполне его достойны: они полагали, что слава – не в писанных постановлениях, а в памяти облагодетельствованных, и память эта остается жива с тех давних пор и до нынешнего дня.

Какие все же получили они награды, об этом тоже стоит напомнить. (183) Были, например, тогда воины, которые ценою тяжких трудов и больших опасностей одержали

победу над мидянами на реке Стримоне, а потом вернулись и просили народ о награде; и народ назначил им великую по тому времени почесть – позволил поставить три гермы в Портике Герм, но не надписывая никаких имен, чтобы видно было, что надпись эта не от полководцев, а от народа.

(184) Что я правду говорю, видно из самих стихов. Вот что написано на первой герме:

Много пришлось претерпеть и тем, что, с сынами мидийцев

Встретясь в Эйонском краю, их у Стримона-реки

Голодом жгучим терзали и в схватках Ареса кровавых

Первыми ввергли врагов в горе и злую нужду.

На второй:

Здесь в награду вождям афинский народ благодарный

В память великих заслуг им эту герму дарит;

Пусть же, взглянув на нее, стремится каждый потомок,

Общему благу служа, смело на битву идти.

(185) И на третьей:

Некогда царь Менесфей отсюда с Атридами вместе

К Трои священной полям мощное войско повел.

Был он, Гомер говорит, среди крепкобронных данайцев

Славен искусством своим воинов строить на бой.

Вот почему и теперь подобает афинянам зваться

Славными в ратных делах, доблесть являя свою.

Названы ли здесь по именам полководцы? Нет, но только народ.

(186) Перенеситесь мысленно в Пестрый портик на ту площадь, где стоят памятники всех ваших лучших подвигов. Что в нем запечатлено? Марафонская битва. Кто был в ней военачальником? На такой вопрос всякий ответит: Мильтиад. А ведь имя его там не надписано; почему? Может быть, он об этом не просил? Просил, но народ отказал, а вместо этого позволил изобразить его шагающим впереди и воодушевляющим воинов.

(187) А в храме Матери богов можно видеть награду, данную вами тем, кто из Филы воротил вам народную власть. Предложение об этом внес тогда Архин из Келы, сам один из восстановителей народовластия. И предложил он, во-первых, отпустить на жертвы и священные приношения всего тысячу драхм, то есть меньше, чем по десяти драхм на человека; во-вторых, венчать каждого венком, но не золотым, а оливковым, – тогда и оливковый венок был в почете, а теперь и золотой в презрении; в-третьих же, даже это делать не без разбора, а лишь тщательно рассмотрев в совете, кто именно находился в Филе и осаждался там лакедемонянами и тридцатью тиранами (это не то, что «кто покинул строй при Херонее перед натиском врага»!). Что это так, вам подтвердит само постановление. [Читается постановление о наградах тем, кто был в Филе.] (188) А теперь

прочти для сравнения постановление Ктесифонта о Демосфене, виновнике худших наших бед! [Читается постановление.] Разве нынешнее постановление не отменяет всех наград восстановителям народовластия? Если здесь все хорошо, то там нехорошо; и напротив, если те награждены по заслугам, то этот господин нипочем не достоин венка.

(189) Но он, кажется, собирается возражать, что я нечестно сравниваю его дела с делами предков: ведь и в Олимпии-де борец Филаммон получил венок за борьбу со сверстниками, а не с Главком, знаменитым борцом древности! Как будто вы не знаете, что простые борцы и впрямь борются друг с другом, но взыскующие венка борются с той самой доблестью, за которую они ищут венка. Глашатай не должен лгать, когда делает оглашение в театре перед эллинами! Поэтому не доказывай нам, что ты лучше управляешь, чем какой-нибудь Патэкион, а сумей достигнуть добродетели и тогда уже требуй от народа наград.

(190) Но чтобы не отвлекаться от предмета, пусть лучше писец прочтет нам надпись, начертанную в честь тех, кто из Филы воротили в Афины народовластие:

Некогда этих мужей наградил за доблесть венками

Древний афинский народ, в этой живущий земле:

Жизни своей не щадя, они первыми встали в защиту

Города против владык, правый поправших закон.

(191) Стихотворец говорит, что эти герои удостоились почестей за то, что ниспровергли власть, правившую противозаконно. Ведь у всех еще живо было в памяти, что народное правление пало тотчас после того, как кое-кто отменил судебные дела о противозаконии. Я сам об этом слышал от моего отца, который прожил девяносто пять лет, разделяя все невзгоды государства, и не раз мне рассказывал об этом на досуге. Когда воротилась

народная власть, говорил он, то самые слова «обвинение в противозаконии» звучали в судилище как доказанное дело: ибо что может быть преступнее, чем говорить или действовать против законов? (192) И слушались такие дела, говорил он, совсем не так, как сейчас: к обвиняемому в противозаконии судьи были еще круче, чем обвинитель, они по многу раз поднимали на ноги письмоводителя и заставляли перечитывать законы и новое предложение, и даже если предложение шло не поперек всех законов, а лишь на словечко отклонялось от какого-нибудь одного, все равно внесший осуждался за противозаконие. А теперь это делается словно на смех: писец зачитывает противозаконную статью, судьи слушают, словно это какое-то заклинание, к делу не относящееся, а сами думают о чем попало. (193) Этот скверный обычай укоренился в наших судах из-за плутней того же Демосфена: вся законность в государстве выворочена наизнанку, обвинитель оправдывается, обвиняемый напирает, а судьи подчас забывают, о чем суд, и должны голосовать о том, что их и не касается. Если же обвиняемый и заговорит по существу, то не о том, что предложение его не противозаконно, а о том, что кто-то уже предлагал такое и был оправдан; говорят, и сейчас Ктесифонт надеется на то же самое. (194) Помните, Аристофонт Азанийский имел нахальство хвастаться перед вами, что семьдесят пять раз привлекался за противозаконие и всегда уходил оправдан? То ли дело в старину, когда Кефал, этот истиннейший друг народа, вменял себе в заслугу как раз противоположное: что предложений он вносил больше всех, а в противозаконии не обвинялся ни разу. Справедливая гордость! Ведь в противозаконии тогда обвиняли друг друга не только противники, но и друзья, если видели ущерб государству. (195) Да вот и пример: Архин из Келы обвинил в противозаконии самого Фрасибула Стирийского, с которым они вместе были в Филе, и добился его осуждения, несмотря на недавние его заслуги перед государством, – и судьи не возражали, рассудив, что тогда Фрасибул воротил их из Фил в Афины, а теперь своим противозаконным предложением словно изгоняет из Афин. (196) Нынче же все наоборот: отменные наши полководцы и пританейские застольники сами вымаливают прощение обвиняемым в противозаконии! Право же, это неблагодарность: кто достиг почестей при народной власти, хранимой богами и законами, и еще смеет помогать противозаконникам, тот губит ту самую власть, от которой принял почести. (197) А как следует вести защиту по справедливости, об этом я сейчас скажу. Когда судится дело о противозаконии, то день разделяется на три части. Первая часть предоставляется обвинителю, законам и народной власти; вторая – обвиняемому и тем, кто говорит за него; а затем, если первое голосование не отвергло обвинения в противозаконии, то назначается третья часть времени для определения

наказания и меры вашего гнева. (198) Кто приступает к вам с просьбою здесь, при определении наказания, тот лишь молит вас умерить гнев; но кто приступает с просьбою при первом голосовании, тот молит вас поправить клятву, поправить закон, поправить народовластие, а этого и просить никому нельзя, и удовлетворить никому нельзя. Повелите же этим заступникам: пусть они не мешают вам вершить первое голосование по закону, а потом уже просят о смягчении наказания.

(199) Да и вообще, афиняне, я почти готов предложить для дел о противозаконии принять особый закон: чтобы ни обвинителю, ни обвиняемому не дозволялось приводить с собою совыступателей. Ведь здесь нет спора о том, где правда: правда бесспорно определена вашими законами. Как в строительстве, ежели мы хотим узнать, что стоит прямо, а что нет, то прикладываем отвес, и все становится ясно, – (200) так и в делах о противозаконии, чтобы узнать, где правда, мы прикладываем вместо отвеса вот эту дощечку, где записаны рядом новое предложение и старые законы. Докажи, что они между собой согласны, и можешь удалиться: никакой Демосфен тебе не надобен. Если же вместо справедливой защиты ты зовешь на помощь негодяя и сутягу, то этим ты обманываешь слушателей, развращаешь государство, губишь народную власть.

(201) Как же отвратить эти негодные речи? Я скажу вам. Когда сюда выйдет Ктесифонт, перескажет вам сочиненное для него вступление, а потом вместо оправданий начнет попусту тянуть время, то спокойно напомним ему взять эту дощечку и сравнить новое предложение и старые законы. А ежели он притворится, что не слышит, то и вы его не слушайте: вы пришли слушать защиту по существу, а не увиливание от защиты. (202) Если же он, отмахнувшись от защиты по существу, призовет на помощь Демосфена, то не допускайте сюда этого мудрователя, словами подрывающего законы, и пусть никто не хвастается, первый закричав на вопрос Ктесифонта, позвать ли Демосфена, «зови, зови!»: зовешь ты его себе же во вред, законам во вред, народу во вред. А коли уж захотите его выслушать, то хотя бы потребуйте, чтобы он вел защиту в том же порядке, как я обвинение.

А в каком порядке вел я обвинение, об этом я сейчас напомним. (203) Я не начал вам рассказывать ни о частной жизни Демосфена, ни об отдельных его выходках против государства, хотя примеров и тут у меня было вдоволь, иначе куда же бы я годился? Вместо этого я, во-первых, указал вам на законы, запрещающие награждать венками

подотчетных лиц; потом уличил Ктесифонта в том, что он предложил наградить Демосфена венком, пока тот был подотчетным лицом, и даже не добавил «когда он представит отчеты», а лишь отмахнулся свысока и от вас, и от ваших законов; я предупредил и о том, какие отговорки начнут они на это выставлять, не забудьте о них. (204) Во-вторых, я рассказал вам, каковы наши законы об оглашениях, прямо запрещающие объявлять о награде народным венком где-нибудь, кроме как в Народном собрании; а обвиняемый в противозаконии Ктесифонт нарушил не только закон, но и место и время, предложив сделать оглашение не в Народном собрании, а в театре, и не во время заседания, а перед представлением трагедий. И лишь после этого я сказал вам кое-что и о частной жизни Демосфена, и особенно о его проступках против государства. (205) Вот так потребуйте, чтобы и Демосфен вел свою защиту: сперва о законах относительно подотчетных лиц, во-вторых, о законах относительно провозглашений, а в-третьих и в-главных, о том, заслужена ли им награда. Если же он начнет проситься нарушить этот порядок, обещая, что уже в конце он ответит все обвинения в противозаконии, то не позволяйте ему этого и помните, что это лишь крючкотворская уловка: вовсе он не собирается оправдываться в противозаконии, потому что и нечего ему сказать по существу, а хочет лишь посторонними вопросами заставить вас забыть о главном обвинении. (206) Как борцы во время состязаний стараются друг друга столкнуть, а сами устоять, так и вы в борьбе за государственное дело не давайте ему себя сбить и отойти от вопроса о противозаконии: будьте наготове, прислушивайтесь настороже, пресекайте его вылазки и загоняйте его вновь и вновь в вопрос о противозаконии.

(207) Если же вы не так будете его слушать, то я заранее вам скажу, что из этого получится. Ктесифонт к вам выведет этого мошенника, хищника, смутьяна, которому легче прослезиться, чем иному рассмеяться, а нарушить клятву и вовсе пустяк; и я не удивлюсь, если он, переменив голос, сам пойдет бранить стоящих вокруг, восклицая, что вот-де сама правда развела поборников власти немногих к помосту обвинителя, а поборников власти народа – к помосту обвиняемого. (208) Но на такие поджигательные речи отвечайте ему вот как: «Послушай, Демосфен, если бы те, кто из Филы восстановили у нас народную власть, вели себя по-твоему, то не бывать бы в Афинах народовластию! Они произнесли прекраснейшее слово, плод благородного воспитания, «не поминать худого», и этим спасли отечество от великих бед; а ты лишь бередишь нам раны и больше думаешь о мгновенном своем успехе, чем о спасении государства». Если

же он опять начнет втираться в доверие лживыми клятвами, то вы лишь напомните ему: кто часто клятвопреступничает, а все же хочет, чтобы ему верили, тот должен или клясться все новыми богами, или слушателей иметь перед собою всякий раз иных; у него же, Демосфена, нет ни того, ни другого.

(209) Когда же он дойдет и до слез, и до дрожи в голосе и начнет вопрошать: «Куда же мне бежать, афиняне? куда лететь? я зажат со всех сторон!» – то вы отвечайте ему так: «А народу афинскому куда бежать, Демосфен? где найти союзников? откуда взять средства? что ты сделал для народа, заправляя государством? Что ты сделал для себя самого, это мы видим: из города ты скрылся, в Пирее тоже не живешь, а готов бежать куда глаза глядят, прихватив от трусости на дорогу царское золото да взятки от граждан».

(210) Да с какой, собственно, стати все эти слезы, и крики, и дрожь в голосе? Обвиняется ведь сейчас Ктесифонт; наказание даже ему заранее не назначено; ничто не грозит ни твоей жизни, ни имуществу, ни гражданским правам; о чем же ты так стараешься? Да о золотом венке и о провозглашении в театре, вопреки всем законам! (211) А между тем если бы и впрямь наш народ, обезумев или обеспамятев, пожелал бы столь не вовремя наградить Демосфена венком, то ему бы следовало выйти пред собрание и сказать: «Афиняне, венок ваш я принимаю, но повод для оглашения награды отклоняю: не пристало мне венчаться за то, от чего город в горе и скорби». Но так мог сказать бы лишь подлинно добродетельный человек; ты же будешь говорить, как подонок, притворяющийся порядочным. (212) Клянусь Гераклом, нечего вам опасаться, что этот Демосфен, столь высокодушный и воинственный, отлучась от такой награды, уйдет домой да наложит на себя руки. Ваши чествования настолько ему смешны, что эту окаянную свою подотчетную голову, которую Ктесифонт вопреки всем законам предлагает венчать венком, он сто раз сам рассекал и брал пеню по суду за предумышленное увечье, а уж били его так, что на нем и посейчас должны быть видны побои Мидия: видит бог, у него не голова, а доходная статья!

(213) Что же до обвиняемого Ктесифонта, то здесь довольно немногих слов, а о прочем промолчу: смотрите сами, сумеете ли вы без подсказки опознать мерзавцев. Я скажу только то, что присуще им обоим и что по правде надо высказать против них обоих. Ибо расхаживают они по площади, имея друг о друге самые верные мысли и говоря самые дельные речи. (214) А именно, Ктесифонт говорит, что за себя-то он не боится, суд увидит, что он человек простой, а вот как бы не попало Демосфену за мздоимство,

безрассудство и трусость; Демосфен же говорит, что за себя он совершенно спокоен, а в тревоге за Ктесифонтову подлость и разврат. Коли сами они так судят друг о друге, то уж вы, судя обоих, не оспаривайте этих обвинений!

(215) Наконец, я хочу коротко предупредить и те упреки, которые будут высказаны мне самому. Слышал я, будто Демосфен собирается говорить, что городу нашему от него была одна польза, а от меня один вред, и взваливать на меня все, что идет от Филиппа и Александра. Он так ловок на словах, что ему мало обвинять меня за то, что я говорил перед народом или делал для государства: (216) нет, он напускается и на то, как я жил спокойно и молчал вдали от дел, чтобы ничего уж не оставить необолганным.

Он меня попрекнет и за то, что в гимназиях я занимаюсь вместе с молодыми, и еще того первее – за то, что не затем-де я затеял весь этот суд, чтобы заступиться за государство, а затем-де, чтобы угодить Александру, который Демосфена терпеть не может. (217) Клянусь Зевсом, я даже слышал, что он хочет меня спросить: почему это я осуждаю общее направление его государственных дел, а порознь не выступал ни против какого, а лишь теперь, хоть и редко занимаюсь делами города, взял да и привлек его к суду?

Я на это скажу, что ни Демосфенову образу жизни я не завидую, ни своего не стыжусь; я не жалею, что сказал те речи, которые сказал, а вот если бы мне пришлось говорить такое, как Демосфен, то лучше было бы и не жить. (218) Если я молчалив, то этому, Демосфен, причиною мой умеренный образ жизни: я довольствуюсь немногим, не гоняюсь, потерявши стыд, за большим и потому говорю и молчу по своему усмотрению, а не под давлением природной расточительности. Ты же, взяв деньги, молчишь, а истратив их, кричишь, говоришь не когда хочешь и не что хочешь, а по приказанию твоих наемщиков; и тебе не стыдно похваляться ложью, которая вот-вот будет изобличена.

(219) Это самое мое обвинение против Ктесифонтова предложения, затеянное будто бы не для блага нашего города, а в угоду царю Александру, представлено было еще при жизни Филиппа, когда Александр еще не стоял у власти, и тебе еще не снился сон о Павсании, и ни о чем тебе ночью не говорили Афина и Гера. Как же я мог тут угодничать перед Александром? разве что увидев тот же сон, что и ты?

(220) Ты упрекаешь меня за то, что я выступаю перед народом не почасту, а изредка, и думаешь, что мы не видим: сам упрек этот – в духе не народной власти, а совсем другой. Ведь это при власти немногих выступать может не тот, кто хочет, а тот, кто в силе; при народной же власти – всякий, кто хочет, и тогда, когда он сочтет нужным. Поэтому выступать изредка свойственно человеку, занимающемуся государственными делами по обстоятельствам и для народной пользы, выступать же каждодневно – это дело наемника и ремесленника.

(221) Если же ты утверждаешь, будто я тебя до сих пор никогда не привлекал к суду и ты не расплачивался за свои преступления, то ты или сам сбился со счета, или нас считаешь вовсе беспмятными. Может быть, ты надеешься, что за давностью времени народ забыл, как я вывел на чистую воду и кощунственный твой сговор с амфиссейцами, и мздоимство твое вокруг Евбеи? (222) А когда было дело о твоих хищениях от судостроительства и ты провел закон о Трехстах и убедил афинян поставить тебя начальником над флотом, а я уличил тебя в том, что, сократив число судостроителей, ты урезал наш флот на шестьдесят пять быстроходных кораблей – больше, чем у нас было, когда мы при Наксосу разбили Поллида с лакедемонянами, – ты думаешь, и это с годами могло позабыться? (223) Когда тебе грозили наказанием, ты выворачивал обвинение наизнанку, так что в опасности оказывался не ты, виновный, а твой обвинитель: то ты поминал в своих наветах и Александра и Филиппа, то бранился, что кто-то не умеет пользоваться обстоятельствами на благо государства, а сам только и умел, что портить настоящее и сулить будущее. А когда тебе грозило от меня чрезвычайное обвинение, разве ты не приказал схватить Анаксина Орейского, приехавшего за покупками для Олимпиады? (224) И ты дважды собственноручно пытал его и предлагал на смертную казнь, хоть когда-то сам гостил у него в Орее, ел и пил и творил возлияния у него за столом, дружески жал руку и заключал гостеприимственный союз. И этого человека ты убил! а когда я изобличил тебя пред всеми афинянами и назвал гостеубийцею, ты не отрекся от преступления, а сказал такое, от чего вскрикнул и народ, и все чужестранцы, которые были в собрании: сказал, что соль родины тебе дороже, чем стол гостеприимства. (225) А о подметных письмах, о твоих соглядателях, которые под допросами и пытками должны были лгать, будто я с друзьями замышляю-де государственный переворот, – об этом я и говорить не хочу. И вот после всего этого он, как слышно, хочет спросить меня, что же это за врач, который, пока человек болен, ничем ему не поможет, а когда человек помрет, то приходит на поминки и объясняет домашним,

что бы надо сделать, чтобы выздороветь. (226) А не спросишь ли ты самого себя, что же это за народоводец, который умеет льстить народу, а сам готов продать всякий случай к его спадению; который клеветой не допускает к совету людей благомыслящих, а сам, укрывшись от опасности и ввергнув город в непоправимую беду, требует себе венка за доблесть, хоть и ничего не сделал доброго, а лишь был виновником всяческого зла; который выживал совместников из государственных дел, пока те были еще поправимы, а потом их же и вопрошает, почему они не препятствовали его ошибкам; (227) который словно не понимает, что после херонейского сражения всем нам только потому было не до его наказания, что мы заняты были в посольстве для спасения государства! Но тебе мало было уйти от расплаты, ты еще потребовал награды, выставляя наш город на потеху всей Элладе, – и тогда-то я выступил вот с этим моим обвинением.

(228) Но всего для меня возмутительнее, клянусь олимпийцами, то предвидимое Демосфеново злословие, о котором мне придется говорить теперь. Он, как слышно, скажет, что я похож на тех Сирен, которые пением губят своих слушателей, и за это у них такая дурная слава: так, мол, и мои речи текут не на благо слушающим. Но я таких слов о себе никому не собираюсь дозволить. Стыдно обвинять, когда нечем подкрепить обвинение; (229) а уж если говорить такое, то это к лицу не Демосфену, а какому-нибудь полководцу, который совершил для народа великие подвиги, но в речах не силен и поэтому завидует своим противникам: сам он не в силах выразить все, что сделал, а те готовы расписать слушателям даже то, чего они не сделали. Но когда такое простодушие и видимость славных дел напускает на себя человек, в котором нет ничего, кроме слов, высокопарных и язвительных, то можно ли это стерпеть? Да отними у него язычок, как у флейты, и что от него останется!

(230) Я же, афиняне, не могу взять в толк, на каком основании могли бы вы отвергнуть мое обвинение? Оттого, что обвиняемое постановление законно? Нет, никогда не бывало постановления противозаконнее! Оттого, что предложивший не заслуживает наказания? Но уж если вы его отпустите, значит, никто у вас не отвечает за свой образ жизни. А не печально ли, что когда-то этот день нарочно был назначен для принятия венков от чужих городов, и театр ломился от венков, подносимых народу от всех эллинов, ныне же из-за Демосфенова хозяйничанья ни венков у вас не видно, ни глашатая не слышно, а единственная честь – самому Демосфену?! (231) Право, если бы кто-нибудь из сочинителей трагедий, которые будут ставиться вслед за этим, взял бы да представил

Ферсита, которому эллины подносят венок, то никто бы из вас этого не стерпел, ибо сказано у Гомера, что Ферсит был трус и вздорщик; а когда вы сами увенчиваете такого господина, то неужели, по-вашему, эллины мысленно не освистывают вас? Отцы ваши лучшие и славнейшие деяния относили на счет народа, а низкие и подлые – на счет площадных краснобаев, – Ктесифонт, напротив, предлагает вам перевалить все бесчестия с Демосфеновой головы на народную! (232) Вы радуетесь, что вы счастливы и судьба к вам благосклонна, – и хотите постановить, что судьба вас обездолила, а Демосфен облагодетельствовал? Что может быть нелепее: в одном и том же судилище вы отъемлете гражданские права у тех, кто уличен во мздоимстве, и вы же предлагаете наградить венком того, кто у вас на глазах брал взятки за государственные дела! Если судьи на празднике Дионисий несправедливо присуждают награду дифирамбическому хору, вы их наказываете; неужели же вы сами, ставши судьями не над дифирамбическими хорами, а над законами и гражданской доблестью, предназначите награду не немногим достойным, как положено, а тому, кто сумеет ее выхлопотать? (233) Кто так будет судить, тот выйдет из судилища, сам себя ослабив, а пустослова усиливши. В городе, где народная власть, простой человек царствует благодаря закону и праву голоса; если же он передаст их другому, то сам подорвет свою силу. Кроме того, судебская его присяга всегда при нем и не дает ему покоя, ибо именно ее он нарушил; услуга же, оказываемая подсудимому, остается тому неизвестна, потому что голосование – тайное.

(234) Все же мне кажется, афиняне, что по вашему неразумию у нас случаются в государственных делах как удачи, так и бедствия. Что при нынешних обстоятельствах вы, многочисленные, предаете всю силу народной власти меньшинству – этого я никак не могу одобрить; но что у нас еще не народились во множестве дерзкие и злонравные краснобаи – в этом нам очень повезло. Ведь когда-то наш народ и впрямь произвел такую породу, которая потом без труда свалила народную власть: народ слушал да слушал лесть, а потом и оказался в руках не у тех, кого боялся, а у тех, кому сам себя вверил, – (235) иные из них даже оказались в числе тех тридцати, которые без суда казнили полторы с лишним тысячи граждан, не сказав им даже, за что они гибнут, а потом не позволили родным их присутствовать на похоронах. Неужели же вы дадите волю этим господам, хозяйничающим в государстве? неужели не осадите зарвавшихся? неужели не припомните, что кто бы ни посягал на народную власть, начинал он с того, что осиливал судилища?

(236) Я бы с радостью, афиняне, у вас на глазах сверил с этим Ктесифонтом весь тот счет благодеяний, за которые Демосфену предлагается венок! Ежели ты скажешь, как сказал в начале постановления, что Демосфен отлично вырыл рвы вокруг городских стен, то я изумляюсь тебе: хоть бы ты отлично их вырыл, разве не важней, что ты – виновник того, что пришлось их рыть? Не за то должен требовать наград хороший государственный деятель, что обнес город стенами и поснимал для них плиты с народных могил, а за то, что от него государству вышла польза. (237) Если же ты посмеешь продолжать, как во второй части твоего постановления, будто Демосфен – достойный человек, словом и делом труждающийся на вящее благо афинского народа, то отбрось, прошу, похвальбу и пустословие, приступи к делу, докажи нам, что это так! Я уж и не говорю о мздоимстве его от евбейцев и от амфиссейцев; но когда ты и союз с фиванцами ставишь в заслугу Демосфену, то этим ты несведущих обманываешь, а знающих и понимающих оскорбляешь, – ведь причиной союза были обстоятельства фиванцев и слава вот этих афинян, ты же об этом умалчиваешь и тем самым отнимаешь честь у города, чтобы придать Демосфену.

(238) Всю меру такой похвальбы я попробую вам показать на отличном примере. Незадолго до похода Александра в Азию царь персидский прислал афинскому народу варварски высокомерное письмо, полное всяких грубостей, а в конце там было сказано: «золота я вам не дам, не просите: не получите». (239) А недавно тот же царь, теснимый новыми опасностями, сам по своей воле отправил афинскому народу триста талантов денег, но народ благоразумно их не принял. Причиной этого золотого дара были трудные обстоятельства, страх и нужда в союзниках. Вот точно то же самое побудило к союзу и фиванцев. Ты же, Демосфен, твердишь нам до изнеможения о фиванцах и злосчастном с ними союзе, – а нет чтобы сказать о тех семидесяти талантах, которые ты успел присвоить себе из царского золота! (240) Между тем разве не из-за нехватки пяти талантов не смогли фиванцы отобрать свою крепость у наемников? разве не из-за девяти талантов сорвалось дело, когда к нам выступили все аркадяне и предводители их были готовы помочь? Ты же богат, как хорег, а тратишься только на собственные удовольствия! Вот и получается: царское золото – при Демосфене, а все несчастья – при вас.

(241) Обратите внимание и на бесстыдство этих господ. Ежели Ктесифонт не постесняется вызвать говорить перед вами Демосфена, а тот выйдет и начнет сам себя расхваливать, то сносить его слова будет нам тяжелее, чем его дела. Нам досадно слышать, когда хвалят себя даже истинно доблестные мужи, чьи многие подвиги нам известны; кто же в силах вытерпеть, когда хвалит себя сущий позор для нашего города?

(242) Нет, Ктесифонт, если есть в тебе здравый смысл, ты откажешься от такого бесстыдства и будешь защищать себя сам. Не станешь же ты уверять, будто неискусен в речах!

Нелепо ведь, если совсем недавно ты позволил выбрать себя послом к Клеопатре, дочери Филиппа, с соболезнованием о смерти Александра, царя молосского, а теперь заявишь, что не умеешь говорить: что же, значит, утешать чужую жену в ее горе ты можешь, а защищать постановление, предложенное тобою самим за хорошие деньги, – никак?

(243) Или, может быть, этот человек, которого ты предлагаешь венчать венком, таков, что даже благодетельствованный им народ ничего о нем не знает, пока ты не найдешь себе сорассказчика? Но спроси-ка судей, знают ли они Хабрия, Ификрата, Тимофея и за что им были даны награды и поставлены статуи, – и все тебе ответят: Хабрию за морскую победу при Наксосе, Ификрату за уничтожение целого спартанского полка, Тимофею за поход на Керкиру и всем остальным за такие же военные подвиги. (244) А Демосфену? За то, что он взяточник, за то, что он трус, за то, что он покинул строй. Неужели же вы воздадите ему эти почести? неужели оставите без отмщения и себя и тех, кто погиб за вас в бою? Вы представьте лишь, как ропщут эти павшие, увидав Демосфена с золотым венком! Не страшно ли, афиняне: камни, дерево, железо, бездушные и бессловесные предметы, если они упали и убили человека, мы выбрасываем за пределы страны; если кто наложит на себя руку, мы эту руку хороним отдельно от тела; (245) а Демосфена, который предложил этот последний поход и погубил все наше войско, вы собираетесь, афиняне, венчать? Право, павшим это – оскорбление, а уцелевшим – отчаяние, ибо они видят, что награда за доблесть есть смерть и забвение.

Самое же главное: от вас ждет ответа молодое поколение: по какому образцу строить ему жизнь? (246) Вы ведь знаете, что воспитывают молодых людей не столько палестры, и школы, и мусическое образование, сколько то, что слышат они от народа. Возглашается

ли в театре, что за добродетель, доблесть и благонамеренность награждается венком такой-то человек, гнусный и бесстыдный, – юноша видит и разворачивается. Подвергается ли наказанию человек дурной и распутный, как, например, Ктесифонт, – остальные смотрят и поучаются. А вот кто-то подал голос против прекрасного и справедливого, а потом приходит домой и принимается воспитывать сына, – понятно, что тот его не слушает и бранится, что отцовы поучения – одна доука.

(247) Поэтому помните, что вы не только судьи, но люди, на которых все смотрят, и голосуйте так, чтобы оправдаться потом перед теми, кого здесь нет, но которые еще спросят вас, каково же было ваше решение. Вы ведь знаете, афиняне, что кого в городе славят, такова и о городе слава; так не стыдно ли, что о вас будут судить не по вашим предкам, а по этому трусу Демосфену? Как же избежать такого позора? (248) Прежде всего, остерегайтесь тех, кто легок на слова о добре и общей пользе, а душою этого не подтверждает. Ведь и «благонамеренность», и «народная воля» – слова общедоступные, и в речах за них первыми хватаются те, кто на деле от них куда как далек. (249) Так вот, ежели встретится вам краснобай, охочий до венков и до провозглашений своего имени пред всеми эллинами, то как в делах об имуществе закон требует представления поручителей, так и здесь потребуите от него залогом слов достойную жизнь и целомудренный нрав. А кто не представит такого залога, тому не доверяйте своих похвал и лучше позаботьтесь о народной власти: ведь она уже уходит у вас из рук! (250) Не страшно ли, что на совет и народ никто уже не смотрит, что письма и посольства приходят в частные дома, и не от случайных людей, а от первых лиц в Азии и в Европе! Есть такие дела, за которые по закону полагается смерть, а у нас от них не отпираются, всенародно признаются, передают друг другу письма для прочтения, и одни еще требуют, чтобы все взирали на них как на столпы народовластия, а другие – чтобы им несли награды как спасителям отечества. (251) А народ, от всего случившегося павши духом, разом то ли одряхлел, то ли выжил из ума и уже держится только за имя народовластия, а дела предоставляет кому попало. Вот вы и расходитесь с народных собраний словно не с совета, а с складчинного пира, где вам достаются лишь остатки. (252) А что я не попусту это говорю, вот тому доказательство. Над нашим городом разразилось несчастье (мне больно это повторять) – и вот один простой человек, попытавшийся было уехать на Самос, в тот же день был приговорен на Ареопаге к смертной казни как изменник отечеству; а другой простой человек, от страха струсивший и уехавший на Родос, был обвинен чрезвычайным обвинением, и случись против него одним лишь голосом больше,

не миновать бы ему изгнания. (253) А что происходит теперь? Этот пустослов, виновник всех наших бед, покинувший битвенный строй, бежавший из нашего города, вдруг требует себе венка и всенародного о том оглашения! И вы не прогоните от себя эту общую пагубу всех эллинов? и вы не бросите его на казнь, как разбойника, рыскающего по морю государственных дел на корабле своих слов? (254) И не забываете, в какое время вы призваны голосовать: через несколько дней наступят Пифийские празднества, соберется всеэллинский собор; государство наше из-за Демосфенова хозяйничанья и без того нынче не в чести; так вот, если вы дадите ему венок, то прослывете пособниками нарушителей общего спокойствия, если же откажете, избавите народ от таких попреков. (255) Помните же, что вы решаете судьбу не чужого, а собственного города; честолобцев не вскармливайте, а рассуживайте; награды присуждайте тем, кто лучше и достойнее; полагайтесь не на слух, а и на глаза свои. Осмотритесь, например, кто из вас встанет в помощь Демосфену? может быть, его товарищи юных лет по охоте или по палестре? да нет, видит Зевс, не на кабанов он тогда охотился и не тело закалял, а упражнялся в кознях против тех, кто побогаче.

(256) Посмотрите, как он будет похваляться, что своим посольством он вырвал Византию из рук Филиппа, что поднял на него Акарнанию, что речами своими потряс Фивы: он ведь думает, будто вы уже до такой дошли простоты, что и этому поверите, словно вы себе взрастили в нем не пошлого сутягу, а саму богиню Убеждения.

(257) А когда под конец речи он призовет к себе на помощь сообщников по взяткам, то вы представьте, что против нахальства этих господ вот на этом камне, где я сейчас стою и говорю к вам, вам явились благодетели вашего отечества. Вот Солон, прекраснейшими законами нам устроивший народную власть, любомудр и славный стихотворец, с подобающей пристойностью просит вас нипочем не ставить Демосфеновых слов выше ваших присяг и законов. (258) Вот Аристид, распределитель податей между эллинами, после смерти которого сам народ выдал замуж его дочерей: как он ропщет, что справедливость попорана в грязь, как он вопрошает, не стыдно ли вам, что отцы ваши изгнали из города и всех подвластных земель и чуть не казнили Артмия Зелейского, хоть и гостеприимца афинского народа, потому что он пришел в наш город, везя в Элладу золото мидийского царя, (259) а вы после этого намерены венчать золотым венком Демосфена, который хоть и не привез индийское золото, но принял его мздой и держит посейчас! А Фемистокл, а павшие при Марафоне и Платеях, а самые гробницы ваших

предков неужели не застонут, если дастся венок тому, кто сам говорит, что он вместе с варварами был против эллинов?

(260) Пусть же будут свидетелями земля, солнце, добродетель, разум и людская просвещенность, дающая нам различать прекрасное и постыдное: вот я высказался, чтобы вам это было в помощь. Если я обличил несправедливость хорошо и достойно – значит, я сказал, как хотел; если недостаточно – значит, сказал, как мог. Вы же, приняв к сведению все сказанное и не сказанное, теперь сами произнесите приговор, справедливый и полезный для государства.

1 Процесс по делу о присуждении Демосфену золотого венка состоялся в 330 году до Р.Х. Эсхин оспаривает законность присуждения этой награды. Подавляющее большинство судей (более 4/5) поддержало Демосфена. Такое соотношение голосов означало конец политической карьеры Эсхина. Отказавшись уплатить штраф в 1000 драхм, он отправился в изгнание на далекий остров Родос.

Печатается по: Ораторы Греции. – Состав. М.Л. Гаспаров. – М., 1985. – Перевод с древнегреческого С. Ошера и М. Гаспарова.

Демосфен (384–322 гг. до Р.Х.)

- За Ктесифонта о венке

Демосфен в глазах потомков стал величайшим древнегреческим оратором. Обделенный от природы ораторскими навыками, он упорным трудом, длительными упражнениями изживал физические недостатки и в итоге снискал всеобщую популярность. Будучи оратором, дипломатом, публицистом, Демосфен всю жизнь оставался самым непримиримым антимонархистом и яростным защитником демократии.

Из внешнеполитических выступлений наибольшую известность получили «Филиппики» – цикл речей, произнесенных против македонского царя Филиппа. Из внутривнутриполитических речей Демосфена особый интерес представляет его полемика с оратором и политическим деятелем Эсхином: речи «О предательском посольстве» (343 год до Р.Х.) и «За Ктесифонта о венке» (330 год до Р.Х.).

Речи Демосфена отличались не только убедительностью, последовательностью изложения, но и страстностью. Оратор покончил с собой.

За Ктесифонта о венке

(1) Во первых словах, мужи афинские, молю я всех богов и богинь, да будет ваша ко мне благосклонность в этом прении не меньшею, чем неизменная моя благонамеренность к государству и ко всем вам; а во вторых словах молю я наипаче ради вас, ради благочестия вашего и славы, да внушат вам боги не внимать советам обвинителя о том, как надобно вам меня слушать – воистину сие возмутительно! – (2) но следовать законам и присяге; а в присяге рядом с прочими справедливыми уставами записано, чтобы в слушании дела не оказывать предпочтения ни одной стороне.¹ А это значит, что должны вы не только без всякой предвзятости оказывать сторонам равную благосклонность, но еще и должны позволять каждому говорить в таком порядке, в каком ему желательнее и удобнее.

(3) Что до меня, господа афиняне, то в этом прении многие у меня невыгоды перед Эсхином, а из них две великие. Во-первых, судимся мы с ним не о равном, ибо не равный будет урон, если я лишусь нынешней вашей благосклонности или если он не выиграет дела. Я-то – нет, не хочу начинать речь свою с неуместных слов! – но вот он обвиняет меня корысти ради. Да притом такова уж природа человеческая, что брань и ругань людям слушать сладко, а если кто сам себя примется хвалить, так это им досадно, (4) и вот ему досталось именно услаждать, а мне остается то, что всем, как я сказал, не по нраву. Если я, избегая вашего неудовольствия, не стану говорить о своих делах,

покажется, будто я не могу опровергнуть обвинения и назвать заслуги, за которые желаю себе награды, – ну а если все-таки возьмусь я говорить о своих делах и государственных предприятиях, то непременно придется часто поминать и себя самого. Итак, я постараюсь говорить о себе поменьше, но если буду вынужден к тому обстоятельствами, тогда по справедливости пусть винят за это обвинителя, ибо именно он затеял такое вот разбирательство.

(5) Наверно, все вы, господа афиняне, согласитесь, что в деле этом мы с Ктесифонтом заодно и от меня тут требуется ничуть не меньшее усердие, ибо всякое лишение для человека печально и тягостно, а особенно если виною тому зложелатель, но горше всего лишиться вашей благосклонности и приязни, добиться которых есть превеликая удача.

(6) А поскольку об этом-то и ведется прение, я настоятельно прошу вас всех и каждого по отдельности: выслушайте мой ответ обвинителю вполне беспристрастно, точно так, как велят законы, установленные еще Солоном, который в преданности своей народу и ради вашего блага от начала положил, что законам для могущества их мало быть записанными, а надобно еще и обязать судей присягою. (7) Решил он так, конечно же, не из недоверия к вам, а потому, что, по всей очевидности, у обвинителя больше силы, ибо говорит он первый, и подсудимому никак не оправдаться от обвинений его и наветов, если каждый из вас, судей, не соблюдет обета своего богам – не станет благосклонно внимать справедливому возражению, не выслушает с равным вниманием обе стороны и таким образом не вникнет во все обстоятельства дела.

(8) Похоже, что сегодня мне предстоит отчитаться во всей своей частной жизни и во всех своих государственных предприятиях, а потому хочу я снова призвать богов и снова пред лицом вашим молю их, да будет ваша ко мне благосклонность в этом деле не меньшею, чем неизменная моя благонамеренность к государству, и еще молю богов, да помогут они вам вынести в этом деле такой приговор, чтобы был он на пользу общей вашей славе и благочестию.

(9) Если бы Эсхин обвинял меня тут только по статьям своей же жалобы, тогда бы и я теперь в оправдание себя говорил только о самом законопредложении. Однако же больше половины речи он потратил на посторонние рассуждения и столько взвел на меня всяческой напраслины, что я полагаю непременно и справедливым своим делом сначала кратко возразить на эту его клевету, чтобы никто из вас, господа афиняне, не

поддался этим сторонним разговорам и не был заранее предубежден, слушая честный мой ответ по существу обвинения.

(10) Вот и касательно личных моих обстоятельств уж сколько набрехал он тут на меня дурного, а глядите, как просто и прямо я отвечаю. Если знаете вы меня таким, каким изобразил обвинитель, – право, я же не на чужбине жил и живу, но среди вас! – тогда и рта мне открыть не давайте, и как бы отлично ни исполнял я государственные должности, а вы хоть сейчас поднимайтесь с мест и выносите против меня приговор! Но если вы знаете и помните, что я сам и род мой куда как честнее его и его рода и что я – никому не в обиду будь сказано – ничуть не хуже любого скромного гражданина, то не верьте и прочим его наветам, ибо самоочевидно, что как эту клевету он измыслил, точно так же измыслил и все остальное; а мне теперь явите ту же благосклонность, какую неизменно выказывали во многих прежних тяжбах.

(11) Уж до чего ты, Эсхин, в злонравии своем хитер, но тут попал впросак, решивши, что соглашусь я смолчать о должностных и частных моих делах и стану разбираться во вздорной твоей брани! Нет, не будет такого – не настолько я ополоумел! О государственных своих предприятиях, которые ты облыжно оклеветал, я расскажу подробно, а после – если только судьям угодно будет слушать – припомню тебе эту твою наглую болтовню.

(12) Итак, обвинений много, и даже обвинений в таких деяниях, за которые по закону положены строгие и наистрожайшие кары. Поэтому, хотя причину нынешнего прения явились враждебная поперечность, да еще и дерзость, и обида, и злоречие, и прочее тому подобное, однако если бы все обвинения и наветы, высказанные обвинителем, оказались и правдивы, то все-таки по заслугам покарать виновного город не может – то есть не может покарать сразу, ибо (13) всякому дано неотъемлемое право обратиться к народу и высказаться. Нельзя, чтобы зависть и злоба отняли это право – клянусь богами, господа афиняне, это было бы нечестно и несправедливо и вопреки гражданскому нашему устройению! Уж если обвинитель замечал, что я совершаю государственные преступления, да еще столь тяжкие – а именно о таких говорил он сейчас пространно и выпендренно, словно с подмостков, – уж если он сам видел такое, то пусть бы сразу и требовал наказать меня по закону за эти преступления; если он видел, что содеянное мною заслуживает чрезвычайного обвинения, то пусть бы сразу и доложил вам обо всем

и так призвал бы меня на ваш суд, а если он видел, что я предлагаю совету противозаконные постановления, то пусть бы сразу и объявлял их противозаконными. Право, если он может из-за меня преследовать Ктесифонта, то никак невозможно, чтобы нельзя ему было изобличить и привлечь к суду меня самого! (14) Притом, если замечал он, что я совершал преступления против вас – те, о которых говорил он сейчас столь лживо и многословно, или иные какие, – так ведь на все есть закон, на все есть наказание, затевай тяжбу, обвиняй, а у суда есть средства взыскать и наказать по всей строгости. Все это он мог сделать, и если бы взаправду сделал все, что мог, то нынешнее обвинение согласовалось бы с прежними его предприятиями. (15) Но это не так! Свернув с прямого и честного пути, уклонившись от немедленных изобличений, он лишь теперь – по прошествии столь долгого времени – собрал в кучу все обвинения, наветы и ругательства и принялся скоморошествовать. Да к тому же, хотя обвиняет он меня, но к ответу привлекает Ктесифонта; и хотя главным основанием для возбуждения дела явилась ненависть ко мне, однако же против меня он так и не выступил, но открыто хлопчет лишь о том, как бы обесчестить совсем другого человека. (16) Помимо всего прочего, что можно сказать в защиту Ктесифонта, сам я, о мужи афинские, полагаю необходимым оговорить нижеследующее: в нашей с Эксином вражде по чести пристало нам самим друг с другом разбираться, а не избегать прямого спора и не стараться вместо этого повредить никакому третьему лицу, ибо ничего нет несправедливее подобной несправедливости.

(17) Уже из сказанного видно, что и все прочие его обвинения окажутся столь же бесчестными и лживыми, однако же я намерен разобрать их все по отдельности, а особенно клевету о мирном договоре и посольстве – тут он свалил на меня то, что сам же и сделал вместе с Филократом. Поэтому, господа афиняне, необходимо и, пожалуй, своевременно припомнить, как обстояли дела в те годы, – тогда, имея в виду прежнее положение вещей, вы вполне уясните себе и нынешнее.

(18) Итак, едва началась Фокидская война – и началась не из-за меня, ибо я в то время в государственных делах не участвовал, – то первое наше намерение было таково, чтобы фокидяне, хотя вина их была для вас очевидна, остались целы, а вот фиванцам вы желали иного, заранее радуясь любому их несчастью, ибо справедливо и верно гневались вы на них за то, что после удаи своей при Левктрах забыли они всякую меру. Да притом и повсюду в Пелопоннесе начался разброд: у тех, кто ненавидел лакедемонян,

недоставало силы их одолеть, а у тех, кто прежде с помощью лакедемонян заполучил власть над городами, недоставало силы удерживаться у власти, и потому между всеми – и теми и этими – настали распри и раздоры, которым не было никакого разрешения. (19) Видя такое – а такого не скрыть! – Филипп еще пуще стравливал противников и сеял смуту, расточая деньги на предателей, которых везде хватало: вот так-то, благодаря чужим ошибкам и глупостям, сумел он загодя набрать силы и взрасти на всеобщей слабости. А поскольку фиванцы, некогда гордые, но ныне несчастные, устали от нескончаемой войны, и всем было ясно, что придется им просить вас о помощи, то он, желая воспрепятствовать этому или иному союзу вашему с фиванцами, предложил вам мир, а им помощь. (20) Что же споспешествовало ему в этом? Как же вышло, что вы едва ли не добровольно позволили себя обмануть? Называть ли причину трусость всех прочих эллинов или их безрассудство, или то и другое сразу? Вы без отдыха бились в ту пору в великой войне, и бились, как стало ясно, ради общего блага, а остальные эллины не помогали вам ни деньгами, ни людьми, вообще ничем. За это вы справедливо и верно на них осердились и с охотой вняли зову Филиппа – именно по этой причине и был тогда заключен мир, а вовсе не из-за меня, как клеветает теперь обвинитель, ибо происходящее ныне произошло от тогдашней подлости и продажности моих противников, в чем может убедиться всякий, кто без предвзятости вникнет в дело.

(21) Обо всем этом я говорю столь пространно и подробно единственно истины ради, ибо если и можно усмотреть в описанных событиях чье-то преступление, то, уж конечно, преступление это не мое: первым помянул и заговорил о мире актер Аристодем, а вторым был тот, кто поддержал его, представил вопрос к обсуждению и вместе с Аристодемом был подкуплен – и это был Филократ Гагнунтский, который с тобою в дружбе, Эсхин; с тобою, а не со мною, хотя бы ты тут лопнул от своего вранья! Заодно с Филократом были – почему, об этом я пока умолчу – Евбул и Кефисофонт, а я тут был совершенно ни при чем. (22) Но хотя все это точно так и было и хотя по правде иначе и быть не могло, однако же Эсхин до того бесстыден, что дерзает объявлять, будто именно из-за меня оказался заключен мир и будто я еще и помешал согражданам прежде обсудить это предприятие на всеэллинском съезде. Ну а ты – уж и не знаю, как тебя именовать! – ну а ты-то при всем этом присутствовал, ты видел, как я не позволял согражданам ни устроить съезд, ни обрести союзников, и ты столько сейчас об этом наговорил – но почему же ты не излил своего негодования тогда? Почему ты вовремя не явился, чтобы толково и подробно рассказать о том, в чем лишь ныне обвиняешь меня? (23) Уж если я и вправду

продался Филиппу и сделался помехой эллинскому единению, то непременно надобно было тебе не молчать, но кричать и свидетельствовать и объяснять вот им, как обстоят дела! Однако ты ничего подобного не сделал, и никто не слышал от тебя ни слова, ибо и никакого посольства ни к каким эллинам никто не посылал – все эллины давным-давно успели сказать, что думали по сему поводу, а ты и вовсе ничего разумного сказать не сумел. (24) Мало того, своею клеветой он тут позорит еще и государство, ибо если бы вы подстрекали эллинов к войне, а сами в это время посылали бы к Филиппу послов для заключения мира, то такое дело было бы достойно Еврибата, а граждане и честные люди так не поступают. Однако же такого не было и не бывало! Да и зачем бы вам при тогдашних обстоятельствах созывать эллинов? Ради мира? Но повсюду и без того наступил мир! Ради войны? Но вы-то сговаривались о мире! Из всего сказанного ясно, что вовсе не я затеял этот мирный договор и вовсе не я в нем виноват; да и в прочей клевете, которую возводит на меня обвинитель, не обнаруживается ни слова правды.

(25) Итак, город наш заключил мир – ну а теперь поглядите, чем в ту пору предпочитал заниматься я, а чем вот он, и, право же, из этого вам станет ясно, который из нас тогда споспешествовал Филиппу, а который старался ради вас и радел о благе государства. Итак, я, быв в то время членом совета, предложил поскорее отправить послов в те края, где предположительно обретался Филипп, чтобы на месте принять от него присягу. Предложение мое было письменным, и все-таки вот они последовать ему не пожелали. (26) Что же это значило, господа афиняне? Сейчас объясню. Филиппу было выгодно сколь возможно долго медлить с присягою, а вам, напротив, выгодно было поспешить. Почему? А вот почему. Еще не успев присягнуть, вы с того самого дня, когда явилась у вас надежда заключить мир, совершенно перестали заботиться о военных делах, а Филипп, напротив, все время только ими и был занят, понимая – да так взаправду и вышло! – что сколько успеет захватить у города прежде присяги, столько ему и достанется в вечное владение, ибо по такому поводу никто мира нарушать не станет. (27) А я, господа афиняне, все это предвидел и в рассуждении сказанного предложил постановление, чтобы плыть к Филиппу, где бы он ни обретался, и как можно скорее принимать от него присягу. Надобно было успеть с присягой, пока союзные нам фракияне еще держали местности, которые сейчас без толку поминал обвинитель – я разумею Серрий, Миртен и Эргиску, – и пока Филипп еще не овладел этими важными крепостями и не сделался таким образом хозяином всей Фракии, не запасся там великою казною и великим войском и после – уже без труда – не прибрал к рукам и всего остального.

(28) Так вот, об этом постановлении обвинитель ничего не говорит и не оглашает его, а корит меня тем, что я, заседаю в совете, стоял за то, что пришедших послов надобно допустить. Но что же мне оставалось? Уж не предложить ли не пускать к вам послов, которые явились договариваться с вами же? Или приказать театральному откупщику, чтобы он не давал им даровых мест на представлении? Но если бы их даже и не пригласили, то они так и сяк могли посмотреть все за два обола! Уж не должен ли я был сберечь для города такую малость, а великое продать – как сделали вот они? Нет, ни за что! Итак, письмоводитель, бери и читай постановление, о котором обвинитель умолчал, хотя знает его наизусть.

[(29) Постановление Демосфена. Дано при архонте Мнесифиле в последний день гекатомбеона в председательство Пандионовой филы по объявлению Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова. Поелику Филипп, приславши посольство ради мира, заключил с обоюдного согласия помянутый мир, Совет и народ Афинский постановили нижеследующее: для утверждения мирного договора, принятого в предыдущем Народном собрании, немедленно избрать открытым голосованием пятерых послов из числа всех афинских граждан и оным послам, едва будут избраны, тотчас же отправиться туда, где предполагают они найти Филиппа, и там со всею возможною скоростью принять от него присягу и самим присягнуть ему в согласии с договором, заключенным между ним и афинским народом, а равно и между союзниками обеих договаривающихся сторон. Послами избраны Евбул Анафлистийский, Эсхин Кофокидский, Кефисофонт Рамнунтийский, Демократ Флиейский, Клеон Кофокидский.]

(30) Я предложил тогда это постановление, стараясь не ради Филиппа, но единственно ради блага государства, однако эти почтенные послы оказались не слишком расторопны и целых три месяца просидели в Македонии, пока не воротился из Фракии Филипп, уже прибравший все, что желал. А можно было за десять дней – а то и за три или четыре! – добраться до Геллеспонта и спасти крепости, приняв присягу прежде, чем он их захватил, ибо в присутствии наших послов он бы их не тронул – иначе мы не приняли бы от него присяги, мир не был бы заключен, и тогда он остался бы без договора и без крепостей, то есть не получил бы вообще ничего.

(31) Итак, в деле с посольством Филипп впервые обманул, а эти вот преступники впервые ему продались, – и я снова подтверждаю, что и тогда, и теперь не переставал спорить и препираться с ними по этому поводу. Но глядите, какую подлость учинили они вскоре – подлость похуже первой! (32) Когда Филипп присягою скрепил мир, прежде захватив Фракию благодаря этим вот людям, не послушавшимся моего постановления, он снова подкупил их, чтобы помешать нам покинуть Македонию, пока он не будет вполне готов к походу на фокидян, то есть чтобы мы не успели оповестить вас о его военных затеях и намерениях. И чтобы вы не выступили первыми и не повели триеры кружным путем к Фермопилам, заперев проход, как уже делали прежде, – а ему было желательно, чтобы о наших новостях вы узнали не ранее, чем он займет Фермопилы, и потому ничего уже не могли бы предпринять. (33) И все-таки Филипп очень боялся: он боялся, что даже при стольких его преимуществах вы проголосуете за помощь гибнущим фокидянам, и тогда он снова перестанет быть хозяином положения. Потому-то он и купил вот этого паскуду – на сей раз не оптом, заодно с прочими послами, а штучно, его одного – и велел ему так оповещать вас и держать перед вами такие речи, что от этих-то речей и вышла всем гибель.

(34) Я вправе просить вас, господа афиняне, чтобы вы до самого конца прений помнили: если бы Эсхин в своей речи не отступил от сути обвинения, то и я ни слова бы не сказал не по делу; однако же он говорил, постоянно уклоняясь в брань и клевету, а потому и мне надобно хотя бы кратко ответить на все его наветы. (35) Каковы же были эти его речи, от которых вышла всем гибель? А вот каковы. Он твердил, что хотя Филипп и прошел уже внутрь страны через Фермопилы, но тревожиться-де не надо, ибо все-де будет по-вашему, только бы вы сидели тихо, а уже дня через три-четыре вы узнаете, что Филипп – истинный друг тем самым людям, на которых идет войной, а прежним-де своим друзьям он, напротив, вскорости будет враг. И еще он говорил – да притом с превеликою выпренностью! – что не словами-де крепнет дружественность, но общею пользою, а польза-де хоть Филиппу, хоть фокидянам, хоть вам сейчас в одном – избавиться от жестокого фиванского утеснения. (36) Кое-кто слушал эти речи с удовольствием, ибо много накопилось тогда злобы против фиванцев, но каковы же были последствия? Очень скоро оказалось, что фокидяне разбиты и города их лежат во прахе, а чуть позже и вам – из-за того, что послушались и сидели тихо, – пришлось вывозить свое имущество из деревень. Итак, ему досталось золото, вам – ненависть, прежде обращавшаяся на фиванцев и фессалийцев, а Филиппу – успех от содеянного. (37) Чтобы показать, что

точно так и обстояли дела, огласи, письмоводитель, постановление Каллисфена и послание Филиппа – из того и другого вам все станет ясно. Читай.

[Постановление. Дано при архонте Мнесифиле в чрезвычайном Народном собрании, созванном по предложению совета полководцами и очередными председателями, 21 мемактериона, по объявлению Каллисфена Фалерского, сына Этеоника: «Никто из афинян ни под каким видом да не ночует вне стен, но лишь в городе или в Пирее, кроме тех, кому назначено охранять крепости, а эти должны, постоянно пребывать, где каждому ведено, отнюдь не отлучаясь ни днем, ни ночью. (38) Нарушители настоящего постановления, ежели не будет у них удовлетворительных извинений, да понесут кару наравне с изменниками. Извинения об отлучках будут рассматриваться начальником пеших латников, а также хранителем казны и письмоводителем совета. Надлежит без промедлений вывезти имущество, оставшееся вне стен: то, которое находится не далее 120 стадиев, вывозится в город или в Пирей; то, которое далее 120 стадиев, – в Элевсин, Филу, Афидну, Рамнунт и Суний». Дано по объявлению Каллисфена Фалерского.]

Разве на такое вы надеялись, когда заключали мир? Разве такое сулил вам этот вот продажный лихоимец? (39) А теперь читай письмо, присланное Филиппом после всего, что случилось.

[Послание Филиппа. Филипп, царь македонян, Совету и народу Афинскому – радуйтесь! Как вам известно, мы прошли через Фермопилы и заняли страну фокидян, и в тех городах, которые добровольно нам предались, стоят наши сторожевые посты и отряды, а которые города не покорились, те мы взяли силою и разрушили и горожан продали в рабство. Прослышав, что вы собираетесь к ним на помощь, пишу к вам, чтобы вы не беспокоились более по сему поводу. По чести сдается мне, что вы забыли меру: сначала заключили мир, а ныне готовитесь воевать, да притом из-за фокидян, о коих в договоре нашем нет ни слова. Посему, ежели не станете вы соблюдать соглашение, то не будет вам оттого иной выгоды, кроме первенства в клятвопреступлении.]

(40) Слышите, как прямо и просто изъясняет он в этом послании, как относится к вам, к своим же союзникам? «Я все сделал, как сделал, хотя афиняне несогласны и недовольны, так что ежели вы, фиванцы и фессалийцы, умеете соображать, то лучше вам афинян почитать врагами, а доверять только мне». Пусть не точно такими словами

он все это выразил, но хотел-то выразить именно это! Таким-то способом он до того заморочил фиванцев и фессалийцев, что, когда уходил он от них, они уже совершенно утратили способность что-то понимать и предвидеть, а потому и позволили ему распоряжаться всем по своему усмотрению – вот где причина бедствий, постигнувших ныне эти злосчастные народы.

(41) А кто помогал и способствовал Филиппу снискать такое доверие? Кто обманывал вас тут лживыми известиями? Это был он, вот он, проливающий ныне слезы над горестями фиванцев и разглагольствующий о плачевной их участи, хотя именно он повинен и в этих бедах, и в бедах фокидян, и в прочих бедах, которые довелось претерпеть всем эллинам! Право же, Эсхин, всякому ясно, что ты причитаешь о свершившемся и жалеешь фиванцев потому, что у тебя в Беотии имение и ты хозяйствуешь на их земле, а я, напротив, радуюсь, хотя меня-то разоритель этих самых фиванцев чуть ли не сразу требовал выдать головой. (42) Однако я уклонился к предмету, о котором уместнее будет сказать позже, а потому сейчас вернусь к прежнему и еще раз объясню, как вышло, что подлость этих вот людей оказалась причиною нынешнего положения дел.

Итак, что же случилось после того, как Филипп обманул вас с помощью продажных послов, от которых не услыхали вы ни одного правдивого слова, и после того, как злосчастные фокидяне также были обмануты и города их пали? (43) А случилось то, что эти фессалийские подонки и фиванские тупицы почли Филиппа первым своим другом, благодетелем и спасителем – он сделался для них всем, а если кто хотел сказать иное, они к таким речам оставались глухи. Что до вас, то вы, отчасти уже сознавая свершившееся, были недовольны, однако блюли мир – да и что еще вам оставалось? Равно и прочие эллины, вместе с вами обмороченные и разуверившиеся в своих надеждах, рады были хранить мир, ибо издавна отовсюду грозили им войны. (44) Так вот, уже тогда, пока Филипп там и сям побивал то иллирийцев и трибаллов, а то и кое-кого из эллинов, собирая под свою власть многие и великие силы, и пока ездили к нему, пользуясь миром, гости из городов, а приехавши, тут же ему и продавались – и этот тоже! – так вот уже в ту пору Филипп воевал против всех, с кем и задумал воевать, а если они того не замечали, так это другой разговор, и я тут ни при чем. (45) Право, уж я-то без передышки твердил и изъяснял именно это и вам, и всем, к кому ездил послом, однако не было в городах здравомыслия: кто занимался государственными и прочими делами, те успели разлакомиться на взятках и продались, а что до простых граждан и прочих обывателей,

так эти то ли не думали о будущем, то ли надеялись хоть денек да прожить без забот и печалей – да и все вообще испытывали точно такие чувства, воображая, будто беда грянет на кого угодно, только не на них, а уж у них-то водворится желанное благополучие, пусть и за счет чужих несчастий.

(46) По-моему, в эту самую пору и случилось так, что почти повсюду граждане из-за своей неумеренной и неуместной беспечности совершенно лишились свободы, а их предводители, прежде думавшие, будто торгуют всеми, но не собою, – поняли, что себя продали еще в самом почине торга. Теперь-то не величают их друзьями и гостями, как в былое время, когда наживались они на взятках! Теперь-то они зовутся и подхалимами, и клятвопреступниками, и еще по-всякому – слушают, что заслужили! (47) И вправду, господа афиняне, неужто кто-нибудь станет тратиться ради предателя? Неужто кто-нибудь, купивши то, что покупал, станет советоваться с продавшим, как обращаться с покупкой? Будь так, предатель был бы счастливейшим из людей, но это не так. Да и с чего бы? Ничего подобного, и даже совсем наоборот! Сделавшись наконец хозяином положения, властолюбец становится хозяином еще и над продажными своими помощниками и тогда – именно тогда! – начинает питать к ним ненависть, презрение и подозрение, ибо подлость их заранее ему известна. (48) Времена, о которых я говорю, давно миновали, однако же людям здравомыслящим всегда полезно вспомнить о подобных случаях, так что глядите сами. Вот Ласфен – звался Филипповым другом, пока не продал ему Олинфа. Вот Тимолай – тоже ходил в друзьях, пока не погубил Фивы. Точно так же было с Евдиком и Симом Ларисейским, пока не продали они Филиппу Фессалию. Теперь-то они бродят по всему свету, и отовсюду их гонят и повсюду позорят – чего только не пришлось им натерпеться! А каково было с Аристратом в Сикионе и с Перил-лом в Мегарах? Изгнание и позор! (49) Из этого всякому яснее ясного, что верный сын отечества и враг предателей доставляет вам, Эсхин, – вам, продажным изменникам, – возможность наживаться на взятках и что благодаря вот этим гражданам и всем тем, кто противится вашим затеям, вы живы, здоровы и при доходе, а если бы остались сами по себе, то давно бы пропали.

(50) Многое еще мог бы я порассказать о тогдашних делах, однако полагаю, что и сказанного более чем достаточно. А говорить об этом пришлось из-за него, потому что он окатил меня тут своими лживыми гнусными помоями – вот и надобно было отмыться перед вами, ибо вы моложе и тех времен не застали. Наверно, иным из вас, еще прежде

знавшим о его продажности, рассказ мой надоел, (51) но он-то называет свою торговлю дружбой и гостеприимством, так что даже и в сегодняшней своей речи помянул «человека, попрекавшего меня гостеприимством Александра». Это я-то тебя попрекал Александровым гостеприимством? Да где же ты это гостеприимство добыл и чем заслужил? Никак не мог я назвать тебя ни гостем Филиппа, ни другом Александра – не настолько я ополоумел! – разве что станем мы именовать жнецов и прочих подобных поденщиков друзьями и гостями тех, кто платит им за поденщину. (52) Однако это не так, да и с чего бы? Совсем наоборот: прежде я говорил, что ты продался Филиппу, теперь говорю, что ты продался Александру, и это же самое говорят все, а если не веришь, так спроси. Нет, лучше я сам за тебя спрошу. Как по-вашему, господа афиняне, кем приходится Александр Эсхину – наемным слугою или гостем? Ну как, слышишь, что они отвечают?

(53) А теперь пора мне оправдаться во взводимом на меня обвинении и отчитаться в своих делах, чтобы Эсхин, хотя он и так это знает, все же услышал, почему я утверждаю, что и взаправду заслужил не только предложенную в постановлении награду, но еще и куда большие почести. Возьми-ка, письмоводитель, жалобу и читай.

(54) [Жалоба. Дана при архонте Херонде 6 элафеболиона по представлению Эсхина Кофокидского, сына Атрометова, каковой Эсхин доносит архонту на Ктесифонта Анафлистийского, сына Леосфенова, что тот представил противозаконное постановление, будто надобно увенчать Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова, золотым венком и объявить в театре в Великие Дионисии, когда играют новые трагедии, что венчает-де народ Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова, золотым венком за добродетель его и верность, кои неизменно являет он всем эллинам и народу Афинскому, а еще за доблесть и за все честное и благородное, что делает он и говорит ради народа, а еще за то, что готов он служить народу как может лучше. (55) Представленное постановление от слова до слова лживо и противозаконно, ибо, во-первых, закон не позволяет отступать от истины в государственных записях, во-вторых, закон не позволяет венчать тех, кто на подотчетной должности, а Демосфен заведует строительством стен и театральною казною, и, наконец, в-третьих, закон не позволяет объявлять об увенчании в театре, да еще в Великие Дионисии, когда играют новые трагедии, но надлежит, если венчает совет, объявлять о том в заседании совета, а если венчает народ, объявлять о том в Народном собрании. Затребована пеня в пятьдесят

талантов. Понятые: Кефисофонт Рамнунтский, сын Кефисофонтов, и Клеон Кофокидский, сын Клеонов.]

(56) Вы видите, господа афиняне, на какие главы постановления нападает обвинитель, а что до меня, то я намерен как раз на основании этих самых глав показать вам со всею очевидностью, сколь честно оправдываюсь. Отвечать я стану в таком же порядке, в каком он обвиняет, и скажу обо всем по очереди, ничего не пропуская, разве что по нечаянности. (57) Итак, если в представлении сказано обо всем честном и благородном, что делаю я и говорю ради народа, и о том, что готов я служить народу как могу лучше и что надобно меня за это почитать, то я не сомневаюсь, что заслужил такое постановление своими государственными предприятиями. С этих предприятий я и начну свой рассказ, а вы уж сами глядите, правду или ложь объявил обо мне Ктесифонт. (58) То же и с увенчанием и оглашением в театре: если Ктесифонт не добавил к этому «когда отчитается», то, стало быть, как я полагаю, опять-таки имел в виду мои государственные предприятия, за которые я заслужил или не заслужил упомянутого венка и оглашения – и тут, по-моему, надобно указать законы, дозволившие ему предложить такое постановление, какое он и предложил. Вот в этом порядке, господа афиняне, намерен я честно и просто отвечать обвинению, а теперь уже без отлагательств обращаюсь к рассказу о своих делах, (59) и пусть никто не подумает, будто я уклоняюсь от прямого ответа, если речь пойдет еще и о делах всей Эллады. Право же, если обвинитель возражает против той главы постановления, в которой говорится, что я честен и благороден в речах и делах, и если он утверждает, что все это вовсе не так, то он сам таким своим обвинением естественно вынуждает меня рассказать обо всех моих государственных предприятиях. Да притом из всех, какие есть, государственных дел я избрал для себя именно общеэллинские, а значит, имею полное право на них ссылаться.

(60) Итак, не стану говорить о том, сколько успел отхватить себе Филипп прежде, чем я вступил на государственное поприще и получил слово на сходках, ибо это, как я понимаю, не вменяется мне в вину, однако напомним и расскажу, сколько раз – уже при мне – удавалось Филиппа осадить. Впрочем, кое о чем я хочу предупредить заранее. У Филиппа, господа афиняне, с самого начала было великое преимущество, (61) ибо в Элладе в ту пору – да не где-то в одном месте, а повсюду – взошел такой урожай предателей, взяточников и прочих святотатцев, что подобного изобилия никому не припомнить, сколько ни вспоминай. Вот с этими-то союзниками и помощниками он

ввергнул эллинов, издавна не ладивших и враждовавших друг с другом, в еще злейшие несчастья: иных обманул, иных одурачил подачками, иных прельстил всяческими посулами, и этим способом совершенно разобщи́л всех, хотя на деле для всех было самым лучшим лишь одно – не давать ему такой силы. Тем не менее (62) вся Эллада пребывала в совершенном неведении, не помышляя об уже народившейся и растущей беде. Глядите сами, господа афиняне, какой выбор был в ту пору перед нашим городом. Что должны мы были делать? Как поступать? Тут отвечать надобно мне, потому что именно я взялся тогда за эти дела. (63) Неужто, по-твоему, Эсхин, следовало нам тогда, забывши гордость и честь, презрев заветы и уставы предков, смешаться в единую ораву с фессалийцами и долопами, чтобы вместе с ними помогать Филиппу утвердиться над всеми эллинами? А если не так, ибо о таком и подумать страшно, то не следовало ли нам равнодушно взи́рать, как все идет к такому концу, заранее вполне сознавая, что – если только никто не воспротивится Филиппу – конец этот неизбежен? (64) И теперь я снова хочу с пристрастием спросить того, кто больше всех бранит сделанное в ту пору: ну, а он-то чего желал? К которой стороне должен был, по его понятиям, примкнуть наш город? К тем, кто прямо повинен в беде и позоре эллинов, то есть к фессалийцам и их союзникам? Или к тем, кто равнодушно глядел на происходящее, стараясь лишь о собственном благополучии, то есть к аркадянам, мессенянам и аргосцам? (65) Однако же почти все – а вернее сказать, что все! – названные народы кончили еще хуже нашего. Действительно, если бы Филипп всякий раз, одержав победу, немедленно удалялся и потом сидел в покое, никак и ничем не ущемляя ни своих союзников, ни прочих эллинов, тогда можно было бы хоть с некоторым основанием попрекать и бранить его противников, – но ведь выходило не так! Всех он бесчестил, всех порабощал и у кого мог отнимал главенство, а у иных даже и государственное их устройство – так неужто не было единственно благородным то решение, которое и приняли вы, вняв моему совету?

(66) Но вернусь к сказанному ранее. Что же, по-твоему, Эсхин, следовало делать нашему городу, глядя, как Филипп готовится стать господином и тираном над всеми эллинами? Что должен был говорить и предлагать я, член государственного совета, да не какого-нибудь, а именно афинского – и это притом, что я всегда, вплоть до того самого дня, когда наконец взошел на этот вот помост, отлично знал, что отечество наше неизменно стремится к первенству, к чести, к славе и что ради чести и общего блага потратило оно денег и людей столько, сколько иные из прочих эллинов и на себя-то не потратили? (67) Да притом я видел, что у этого самого Филиппа, у соперника нашего, пока боролся он за

власть и главенство, уже и глаз выбит, и ключица поломана, и нога вывихнута – а он готов лишиться всех членов, какие пожелает отнять у него случай, лишь бы уцелевшие огрызки пребывали в чести и славе! (68) Вряд ли кто-нибудь посмел бы согласиться, что вот этот уроженец Пеллы, захолустного в те времена местечка, наделен столь величавым духом, что мечтает стать господином над эллинами и от намерения своего не отказывается, а вот вы, афиняне, которым все, что вы каждый день видите и слышите, напоминает о доблести предков, вдруг пали до столь подлой трусости, что охотно и добровольно отдаете свободу свою Филиппу. (69) Да никто не посмел бы даже вымолвить подобное! А если так, то неизбежно оставалось только одно – по справедливости противиться всем несправедливостям, которые творил он против вас, и именно это вы делали с самого начала всеми уместными и подходящими способами. В ту пору уже и я, приобщившись к государственным делам, давал вам советы устно и письменно – да, давал, это я подтверждаю. Но как еще должен был я поступать, спрашиваю я тебя? Отвлечемся сейчас от всего, не станем поминать Амфиполь, Пидну, Потидею и Галоннес, (70) а тем более Серрий, Дориск, разорение Пепарефа и весь прочий ущерб, нанесенный нашему городу, – пусть считается, что этого я не знаю. Впрочем, ты-то твердил, будто как раз я своими разговорами об этом перессорил сограждан, хотя на самом деле особые постановления были изданы по представлениям Евбула, Аристофонта и Диопифа, а вовсе не по моим – но уж тут ты просто болтаешь что в голову взбредет.

(71) Ладно, не стану говорить теперь об этом, скажу о Филиппе. Если он старался завладеть Евбеей, чтобы укрепиться там и напасть на Аттику, если он стремился прибрать к рукам Мегары, захватить Орей, сокрушить Порфм, и если он уже успел поставить Филистида тираном в Орее, а Клитарха в Эретрии, и если он угнетал Геллеспонт, осаждал Византии, иные эллинские города разорял, в иные возвращал изгнанников, – итак, совершая все это, неужто не преступал он клятву, не расторгал договора, не нарушал мира? Неужто нет? И неужто никому из эллинов не следовало наконец подняться и воспротивиться ему? Неужто опять нет? (72) Если не следовало, а вместо этого нужно было, чтобы Эллада со всею несомненностью оказалась, как говорится, мисийскою добычей – и это при живых и здоровых афинянах! – тогда, конечно, я попусту суетился, речами этими увлеченный. Если так, то пусть все свершившееся зовется моим преступлением и вменяется мне в вину! Но если все-таки нужно было подняться и воспротивиться Филиппу, то кому же это пристало, как не афинскому народу? Вот об этом-то я и старался, будучи на государственном поприще, и потому-то, видя в

Филиппе всеобщего поработорителя, воспротивился ему, предупреждая и убеждая не уступать. И все-таки, Эсхин, мир оказался нарушен не нами, но Филиппом, когда захватил он наши суда. (73) Неси сюда, письмоводитель, эти самые постановления и письмо Филиппа и читай их по порядку, потому что тогда станет ясно, кто и в чем виноват.

[Особое постановление. Дано при архонте Неокле в месяце боздромионе в чрезвычайном Народном собрании, созванном полководцами, по представлению Евбула Копрейского, сына Мнесифеева. Поелику полководцы донесли на сходке, что флотоводца Леодаманта с двадцатью судами, посланными за хлебом в Геллеспонт, Аминта, Филиппов военачальник, полонил и угнал в Македонию и там держит под стражей, то надлежит поручить очередным председателям и полководцам, чтобы они совместно озаботились устроить заседание совета и избрать посольство к Филиппу. (74) Назначенные послы пусть отправятся к Филиппу, дабы сговориться об освобождении флотоводца, судов и воинов. Если Аминта совершил дело свое по неведению, то надлежит послам объявить, что афинский народ обиды на него не держит; а если полонил он флотоводца за нарушение установленных правил, то надлежит объявить, что нарушение будет рассмотрено и нарушитель за свой проступок будет наказан; а если ни того, ни другого не было, но дело совершилось по собственному усмотрению пославшего или посланного, то пусть о том будет сказано, дабы народ, разобравшись в обстоятельствах, решил, как надобно действовать далее.]

(75) Итак, это постановление представил вовсе не я, но Евбул, а следующее представил Аристофонт, а следующее Гегесипп, а следующее опять Аристофонт, затем Филократ, затем Ктесифонт и еще разные, но я тут ни при чем. Читай дальше.

[Особое постановление. Дано при архонте Неокле в двадцать девятый день боздромиона по указу совета. Полководцы и очередные председатели доносят и предлагают обсуждению особое постановление Народного собрания, а именно, что народ велит избрать послов к Филиппу для переговоров о возвращении судов и поручить оным послам исполнять свою должность, руководствуясь особыми постановлениями, принятыми в собрании. Послами избраны: Кефисофонт Анафлистийский, сын Клеонов, Демокрит Анагирасийский, сын Демофонтов, Поликрит Кофокидский, сын Алемантов. Постановлено в очередное председательство Гиппофонтийской филы по представлению первоприсутствующего Аристофонта Коллитского.]

(76) Гляди, Эсхин, я предъявляю эти постановления – вот так же и ты предъяви-ка то постановление, из-за которого ты именуешь меня виновником войны. Однако предъявлять тебе нечего, а было бы, так ты бы сейчас только об этом и твердил! Впрочем, даже Филипп попрекает войной вовсе не меня, а других. Читай, письмоводитель, послание самого Филиппа.

[Послание Филиппа. (77) Царь македонян Филипп Совету и народу Афинскому – радуйтесь! Явившиеся ко мне от вас послами Кефисофонт, Демокрит и Поликрит говорили со мною об освобождении судов, над которыми начальствовал Леодамант. Вообще-то лично мне сдается, что вы впадаете в превеликую глупость, воображая, будто я не понял, что эти суда лишь для видимости были посланы отвезти хлеб из Геллеспонта на Лемнос, а на самом деле шли на помощь к осажденным мною селимбрианам, о которых в заключенном между нами мирном договоре не сказано ни слова. (78) Такое поручение было дано флотоводцу, конечно, не решением народа, но произволом кое-кого из архонтов и еще других лиц, которые уже не занимают теперь государственных должностей, однако всячески стараются, чтобы народ афинский, прервав нынешнюю нашу дружбу, снова затеял войну. Добиться этого для них гораздо важнее, чем помочь селимбрианам, и они надеются таковым способом стяжать себе честь и корысть, да только, по-моему, от подобного оборота дела не будет пользы ни вам, ни мне. Вот почему ваши суда, ныне содержащиеся у нас, я отпускаю, а что до дальнейшего, то если вы согласитесь не поощрять своих заводил в их преступных умыслах, тогда и я постараюсь соблюсти мир. Желаю удачи!]

(79) Нигде тут не пишет он ни слова о Демосфене и ни в чем меня не винит. Почему же, попрекая прочих, о моих делах он даже не поминает? Да потому, что если бы помянул он обо мне, то пришлось бы ему вспомнить и о собственных своих преступлениях, о которых я отнюдь не забывал и которым всячески противился. Сначала я представил постановление о посольстве в Пелопоннес – это когда он впервые попробовал туда пролезть; затем о посольстве на Евбею – это когда он стал прибирать к рукам Евбею; затем уже не о посольстве, но о военном походе в Орей и в Эретрию – это когда он посадил в этих городах своих тиранов. (80) А уж затем все вообще посольства и всю военную помощь назначал и отправлял я, и так был спасен Византий, да и остальные союзники. Этими делами стяжали вы блистательные награды: хвалу, и славу, и почести, и

венки, и благодарность благодетельствованных вами народов! Если обиженные слушались ваших советов, то бывали спасены, а кому случалось советами этими пренебречь, тем частенько потом приходилось вспоминать, о чем вы их заранее предупреждали, и убедиться не только в вашей дружественности, но и в том, сколь вы разумны и прозорливы, потому что все предсказанное сбывалось в точности. (81) Всякому ясно, что Филистид не пожалел бы любых денег, лишь бы владеть Ореем, да и Клитарх не поскупился бы ради Эретрии, да и Филипп дорого бы заплатил, чтобы укрепиться в этих городах против вас, и чтобы прочие его затеи оставались в тайне, и чтобы никто и нигде не выволакивал на свет преступные его деяния, – все это известно всем, а уж тебе, Эсхин, лучше всех! (82) У кого в ту пору стояли постоем приезжавшие от Клитарха и Филистида послы? У тебя они стояли, ибо ты был их законным гостеприимцем, так что в друзьях у тебя были именно те люди, которых как врагов изгнали из нашего города за их коварные и злонамеренные умыслы, хотя из их затей так ничего и не вышло. Ты тут меня поносишь и бранишься, что о полученном-де я молчу, а о потраченном кричу – но ты-то не таков! Ты берешь и кричишь и будешь кричать без передышки, если только вот они сегодня не лишат тебя гражданской чести и тем не заткнут тебе рот!

(83) Итак, в ту пору вы почтили меня венком за перечисленные мои дела, постановив это по представлению Аристоника в точно таких же словах, в каких составлено нынешнее постановление Ктесифонта. О том увенчании было объявлено в театре, а значит, нынешнее объявление будет уже вторичным, однако в первый раз Эсхин, хотя все это было при нем, никак не возражал и не писал жалоб на Аристоника. Возьми и прочитай тогдашнее постановление.

(84) [Особое постановление. Дано при архонте Херонде, сыне Гегемоновом, в 24-й день гамелиона, в очередное председательство Леонтийской филы, по представлению Аристоника Фреаррийского. Поелику Демосфен Пеанийский, сын Демосфенов, оказал многие и великие услуги афинскому народу и помогал многим союзникам, как прежде, так и теперь, гласно заступаясь за них в особых постановлениях и освободив иные из Евбейских городов, и поелику он неизменно являет афинскому народу свою благонамеренность в словах и делах, радея в меру сил о благе афинян и прочих эллинов, Совет и народ Афинский постановили: почтить Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова, увенчав его золотым венком, и объявить об увенчании в театре во время

Дионисий, когда играют новые трагедии. Объявление об увенчании поручить очередным председателям и устройству состязаний. Дано по представлению Аристоника Фреаррийского.]

(85) Неужто хоть кто-нибудь из вас слышал, чтобы из-за этого постановления государству пришлось стыдиться или терпеть брань и насмешки, которые предсказывает вам обвинитель в случае, если меня теперь увенчают снова? Ясно, что недавно совершенные и всем еще памятные дела если сделаны хорошо, то достойны награждения, а если плохо – наказания, но тогда ясно, что я в тот раз заслужил именно награду, а не взыскания и попреки.

(86) Стало быть, вплоть до того времени, когда случились обсуждаемые события, я, по общему мнению, приносил городу только пользу: мои устные и письменные советы оказывались для вас убедительны, предлагавшиеся мною постановления принимались, да еще за них и городу, и мне, и другим доставались венки, так что вы, почитая все это для себя благом, на радостях сообща приносили богам праздничные жертвы. (87) Затем, когда вы прогнали Филиппа с Евбеи вашим оружием, но также и моими – да, моими, хоть бы кое-кто тут и лопнул от злости! – постановлениями и с моим государственным участием, то принялся он искать, где бы еще укрепиться против нашего города. Итак, видя, что привозного хлеба мы расходует гораздо больше, чем все прочие, решил он сделаться хозяином хлебного пути, а для того явился во Фракию и потребовал от союзных ему византийцев, чтобы они воевали против нас вместе с ним. Те воевать не хотели и отговаривались, что такого условия в договоре не было: говорили они чистую правду, однако он перекрыл дороги, пригнал стенобитные машины и осадил Византий. (88) Что следовало вам делать в подобных обстоятельствах, этого я даже спрашивать не стану – тут все ясно и так. Но кто помог тогда византийцам и вызволил их из осады? И кто помешал Геллеспонту отложиться к неприятелю? Да, господа афиняне, все это сделали вы! Однако когда я говорю о вас, то разумею все государство; а кто направлял государство? Кто говорил, писал, действовал и прямо-таки всего себя не пожалел ради этого дела? Я! (89) Насколько полезно оказалось это предприятие для всех, вы можете судить уже не по моим словам, но по событиям, очевидцами и участниками которых стали. Едва началась та война, как принесла она вам не только громкую славу, но еще и достаток – жить стало сытнее и дешевле, чем возможно при нынешнем мире, который эти вот наши благодетели так берегут, что готовы обездолжить собственное отечество. Они

надеются на какое-то грядущее процветание, но наверняка ошибутся – пусть же достанется им то, о чем в лучших своих мечтах молитесь вы богам, и пусть не сумеют они отплатить вам тем, что уже успели избрать для самих себя. Читай же, письмоводитель, постановления византийцев и перинфийцев о венках, которыми венчали они наш город за дела его.

(90) [Постановление византийцев. При святом местоблюстителстве Боспориха Дамагет по указу старейшин возвестил на вече нижеследующее. Поелику народ Афинский исстари являл дружество свое византиянам, а равно и союзным сородичам их перинфянам, доставляя им премногие и превеликие выгоды, и поелику при нынешних обстоятельствах, когда Филипп-македонец пошел на нас, на страну и город, сожигая нивы и вырубая деревья, дабы вовсе сгубить византиян и перинфян, то народ Афинский прислал нам сто и двадцать кораблей с хлебом, и с лучниками, и с латниками и тем избавил нас от великих бедствий и охранил исконное наше устройство и отеческие законы и могилы, то (91) народы Византийский и Перинфийский постановили: да будет даровано от нас афинянам брачное право, и гражданское право, и право землевладения и домовладения, и первоприсутствие на ристаниях, и прямой доступ к старейшинам и к вечу, а наипаче по праздникам; и ежели какие из афинян пожелают поселиться в нашем городе, то совершенно освободить их от всех повинностей; и еще водрузить в Боспорее три изваяния, каждое в шестнадцать локтей высотой, кои да представят венчание Афинского народа народами Византийским и Перинфийским; и еще послать святые лады на всеэллинские соборы, а именно на Истмийские, и Немейские, и Олимпийские, и Пифийские игры, дабы там объявить о том, что увенчали мы народ Афинский, – да будет ведома всем эллинам доблесть афинян и благодарность византиян и перинфян.]

(92) Теперь читай о венке от херсонесцев.

[Постановление херсонесцев. Граждане херсонесские, обитающие в Сеете, и в Элеунте, и в Мадите, и на Лисьем острове венчают Совет и народ Афинский золотым венком в шестьдесят талантов и благодарно водружают алтарь народу Афинскому, ибо явил он гражданам херсонесским величайшую милость, избавив их от Филиппа и воротив им отечество, и законы, и свободу, и святилища, а потому во веки вечные не иссякнет благодарность граждан херсонесских, и все, что могут, готовы они сделать ради афинян. Дано в общем заседании Совета.]

(93) Итак, с помощью моей государственной дальновидности мы тогда не только спасли Херсонес и Византии, не только помешали Геллеспонту отложиться к Филиппу и не только стяжали славу отечеству, но еще и доказали всему человечеству собственную честность и Филиппову подлость. Действительно, все видели, как он осаждал византийцев, которые ему же были союзниками, – неужто возможно совершить мерзость гнуснее этой? (94) А вы, напротив, хотя могли и имели право припомнить, сколько плохого сделали вам византийцы в прежние времена, однако же не только не отплатили злом за зло и не стали усугублять их беды, но еще и явились к ним спасителями, тем приобретая всеобщую приязнь и уважение. И снова скажу: все знают, что вам и раньше случалось награждать венками многих государственных людей, но чтобы стараниями одного человека, то есть благодаря советам его и речам, целому народу доставались венки – другого такого человека никто назвать не может, таков лишь я!

(95) Теперь скажу об обвинениях, которые Эсхин возводит на евбейцев и византийцев, с пристрастием припоминая, сколько неприятностей успели они вам причинить, и объясню, почему обвинения эти достойны наемного доносчика. Причина тут не только в их лживости – об этом-то вы наверняка знали с самого начала! – а еще и в том, что если бы даже говорил он чистую правду, то все равно единственный правильный способ вести дела был именно мой способ. В доказательство хочу рассказать вам – разумеется, вкратце – об одном или двух удачных государственных предприятиях уже ваших времен, ибо и отдельным гражданам, и всему обществу граждан всегда следует, затевая дела, учесть в расчетах своих прошлые удачи. (96) Итак, в ту пору, когда спартанцы владели землею и морем, со всех сторон окружив Аттику подначальными им крепостями и сторожевыми отрядами, – стояли они и на Евбее, и в Танагре, и повсюду в Беотии, и в Мегарах, и на Эгине, и на Кеосе, и на других островах, а у нас еще не было тогда ни кораблей, ни стен, – то все-таки афиняне пошли походом к Галиарту, а несколько дней спустя снова пошли, на сей раз к Коринфу, хотя уж тогда-то много чего можно было припомнить и коринфянам, и фиванцам из того, что понатворили они в Декелейскую войну; но нет, ничего афиняне им припоминать не стали. (97) Заметь, Эсхин, в обоих случаях старались они отнюдь не ради своих благодетелей и вполне сознавали опасность предприятия, однако же при всем при том не бросали просителей в беде, но ради чести и славы соглашались подвергнуть себя великим тяготам – и такое решение было верным и наилучшим! Жизнь человеческая непременно кончается смертью, и никто

от нее не убережется, хоть бы и весь век прятался в своем углу, так что добрым гражданам подобает неизменно стремиться к прекрасным подвигам и надеяться на хорошее, снося с благородною стойкостью все, что ниспошлет им бог. (98) Таковы были ваши предки, таковы и те из вас, кто постарше и помогал спартанцам. Уж спартанцы-то не были нам ни друзьями, ни благодетелями, но, напротив, нанесли нашему городу множество тяжких обид – и все-таки, когда фиванцы после победы при Левктрах вознамерились совсем уничтожить Спарту, то вы им воспрепятствовали, не убоявшись тогдашней их силы и славы и не торгуясь о прошлом с теми, ради кого шли на опасное дело. (99) Вот так вы показали всем эллинам, что даже если кто перед вами и виноват, вы гневаетесь лишь до тех пор, пока жизни и свободе этих самых людей не станет грозить опасность, а уж тут вы не поминаете былого и не считаетесь обидами. Отношения ваши к спартанцам – не единственный тому пример. Когда фиванцы стали зариться на Евбею, вы опять не остались равнодушны и тем более не начали припоминать, сколько несправедливостей претерпели от Фемисона и Феодора из-за Оропа, но явились на помощь также и к евбейцам – именно тогда впервые над нашими боевыми кораблями начальствовали добровольцы, в том числе я. (100) Впрочем, не о них теперь речь. Спасши остров, вы поступили благородно, однако еще благороднее поступили потом, когда, уже сделавшись господами городов и людей, по справедливости вернули все прежним своим обидчикам и решали все дела, об обидах этих отнюдь не поминая. Я мог бы привести великое множество таких примеров, но не буду; я не буду говорить ни о прошлых, ни о нынешних – уже вашего времени! – морских битвах, сухопутных набегах и военных походах, которые наш город предпринимал единственно ради жизни и свободы эллинов. (101) Итак, памятуя о столь многих и великих делах отечества, всегда готового сразиться ради чужого блага, что же должен был я советовать и говорить гражданам, когда речь зашла некоторым образом об их собственной пользе? Что им следовало делать? Свидетель Зевс! Неужто следовало им считаться обидами с теми, кто желал лишь выжить? Неужто следовало им искать повода остаться в стороне? Да, всякий мог бы по праву убить меня на месте, если бы я вознамерился хоть единым словом уязвить благородство отечественных наших заветов! Впрочем, я уверен, что убивать меня вы бы все-таки не стали, потому что если бы вам этого хотелось, то никакой помехи для такого дела не было, не так ли? Ведь всегда под рукой вот эти заводицы, готовые требовать для меня смертного приговора!

(102) Однако хочу вернуться к рассказу о моих государственных предприятиях, а вы снова сами судите, что именно было тогда для города наипервейшим благом. Итак, я видел, господа афиняне, что кораблестроение у нас в упадке: богачи уваливают от повинностей, отделяваясь мелочами, а между тем люди среднего или вовсе малого достатка вконец разоряются, и оттого город упускает многие благоприятные для себя возможности, – поэтому я провел закон, посредством которого принудил богачей честно исполнять свои обязанности, бедняков освободил от несправедливых утеснений, а больше всего пользы принес городу, добившись, чтобы суда снаряжались к положенному сроку.

(103) За это я был притянут в суд, явился к вам, и вы меня оправдали, а обвинитель и камешков-то не собрал сколько нужно. А как по-вашему, сколько давали мне старшины податных отделений и их товарищи и сотоварищи, лишь бы я вовсе не предлагал этого закона, но уж если он пройдет, то хотя бы не настаивал на этом после присяги? Столько они мне давали, господа афиняне, что и сказать страшно! (104) С их стороны это было вполне естественно, потому что по прежним законам они несли повинность, объединяясь в общества по шестнадцать человек, и так сами тратили мало или ничего, но все тяготы взваливали на неимущих, а по моему закону каждый взнос назначался в соответствии с имением – вот и вышло, что тот, кто прежде вместе с еще пятнадцатью другими пайщиками строил один корабль, теперь в одиночку должен был строить два. Они-то уже привыкли называть себя не судостроителями, а просто пайщиками! Конечно, ради того, чтобы так и осталось и чтобы не пришлось им честно исполнять свои обязанности, они были готовы дать какую угодно взятку. (105) Прочитай-ка, письмоводитель, сначала особое постановление о привлечении меня к суду, а после читай, какой расчет полагался в прежнем законе и какой в моем.

[Особое постановление. Дано при архонте Поликле в 16-й день месяца боэдромиона в очередное председательство Гиппофонтийской филы. Демосфен Пеанийский, сын Демосфенов, предложил новый закон о судостроении вместо прежнего, по которому судостроители объединялись на паях. Принято Советом и народом при открытом голосовании. Вслед за этим Патрокл Флиейский обвинил Демосфена в противозаконии и, поелику не собрал положенной доли судебных камешков, уплатил пеню в пятьсот драхм.]

(106) Теперь неси тот пресловутый список.

[Список. Судостроителей призывать для каждого боевого корабля по шестнадцать человек из окружных податных обществ. Возраст от двадцати пяти до сорока лет. Расходы по исполнению повинности пусть несут в равных долях.]

Теперь для сравнения прочитай список, составленный по моему закону.

[Список. Судостроителей избирать для каждого боевого корабля таких, у кого имение ценится в десять талантов, а у кого имение оценено дороже, тот пусть несет расходы вплоть до оплаты трех боевых судов и одного вспомогательного. Соответственно рассчитав повинность граждан, у которых имение оценено меньше, чем в десять талантов, следует объединять их в общества, совместное имение которых составит десять талантов.]

(107) Как по-вашему, неужто мало я помог беднякам и неужто мало сулили мне богачи, лишь бы не исполнять законных своих обязанностей? Стало быть, я могу гордиться не только тем, что не поддался посулам, не только тем, что оправдался в суде, но еще и тем, что провел полезный закон и доказал полезность его на деле. Действительно, в течение всей войны корабли снаряжались в поход по моему закону, однако никто из судостроителей ни разу не подавал вам прошений с жалобами на обиды, никто из судостроителей не укрывался в Мунихии и не сидел в тюрьме по приказу заведующего снаряжением, ни один из наших боевых кораблей не пропал, брошенный на чужбине, и ни один не остался тут как негодный для похода. (108) Между тем при прежних законах все это случалось, и случалось потому, что повинность возлагалась на бедняков, которым такое бремя было не по силам. А вот я перенес судовую повинность с неимущих граждан на зажиточных – и тут же все пошло как положено. Впрочем, я заслуживаю похвалы еще и за то, что всегда стоял за такие предприятия, от которых государству нашему доставались сразу и честь, и слава, и сила, – никогда не совершал я ничего унижительного и постыдного для города. (109) Из дальнейшего будет ясно, что в делах городских и общеэллинских я держался одних и тех же правил: ни в городских делах я не предпочитал приязнь богачей правам большинства граждан, ни в делах эллинских не променивал блага Эллады на Филипповы подарки и гостеприимство.

(110) Теперь, как я понимаю, мне осталось сказать об оглашении в театре и об отчете, потому что честность моих дел, моя неизменная благонамеренность и готовность стараться ради вас, как умею, – все это, по-моему, ясно из уже изложенного. Правда, я не стал пока говорить о самых главных своих государственных предприятиях в рассуждении того, что, во-первых, я должен без отлагательств ответить на обвинение в беззаконии, а во-вторых, если я ничего больше и не скажу о своих делах, то все равно каждый из вас доволен о них осведомлен.

(111) Итак, сначала о нарушении законов. Обвинитель в своей речи вертел и крутил этими законами во все стороны, однако – клянусь богами! – мне кажется, что вы так и не уразумели его рассуждений, да и я сам почти ничего не сумел понять. Скажу, однако же, прямо и попросту, как по справедливости обстоит дело.

Я не только не отрицаю своей подотчетности, хотя он тут и взводит на меня эту клевету, но всю свою жизнь признавал и признаю, что подотчетен вам во всех государственных и прочих должностных делах. (112) Но когда речь идет о моих собственных деньгах, которые я по своей же воле отдал народу, – тут я не признаю себя подотчетным ни на единый день! Слышишь, Эсхин! Да и никто в таком деле не подотчетен, будь то хотя бы и кто-нибудь из девяти архонтов! Неужто бывает закон, столь несправедливый и жестокий, чтобы человека, отдавшего свое и сделавшего человеколюбивое и щедрое дело, не только никак не поблагодарить, но еще и предать доносчикам, чтобы они надзирали за его отчетом о собственных его дарах? Нет и не бывало такого закона! Если обвинитель на него ссылается, то пусть предъявит, а я тогда соглашусь и словом не возражу. (113) Но такого закона не существует, господа афиняне, хотя этот продажный лжец и твердит, будто я отдал свои деньги в то время, когда заведовал театральной казною, и будто Ктесифонт поэтому расхваливает меня прежде отчета. Однако пойми, наемный клеветник, что Ктесифонт хвалит меня не за исполнение подотчетной должности, а за неподотчетную щедрость! Ты скажешь, что я заведовал также строительством стен. Заведовал, но потому-то и заслужил похвалу, что тратил собственные деньги и не ставил их в счет казне. Да, подотчетного положено проверять, и для того назначаются особые проверщики, но дарителя по справедливости положено благодарить и хвалить – именно потому подсудимый и представил меня к награде. (114) Представление его не только законно, но и подкреплено вашими обычаями, что я с легкостью докажу во многих примерах. Вот Навсикл – в бытность свою полководцем не раз награждался венками за

расходование на общие нужды собственных средств. То же с Диотимом и с Харидемом – оба увенчаны за подаренные ими щиты. Неоптолем – вот он сидит! – заведовал многими работами, тратил на них свои деньги и за это награжден. Право же, выйдет сущая нелепость, если никаким должностным лицам по чину не будет дозволено тратить на общее дело собственные средства или если дарителей, вместо того чтобы поблагодарить, заставят отчитываться в расходах! (115) А в доказательство, что я говорю о невымышленных событиях, возьми и прочитай, что было постановлено о помянутых мною награждениях. Читай.

[Особое постановление. Дано при архонте Демонике Флиейском в 26-й день боэдромиона по указу Совета и народа, каковой указ представлен Каллием Фреаррийским. Совет и народ постановили увенчать Навсикла, начальника латников, за то, что, когда афинские латники числом две тысячи пребывали на Имбре ради помощи афинским поселенцам, живущим на этом острове, и когда Филон, избранный заведовать казною, по причине зимней бури не мог отплыть на Имбр и уплатить латникам жалованье, то Навсикл уплатил жалованье из собственных средств и не востребовал их затем у народа. Об увенчании объявить в Дионисии, когда играют новые трагедии.]

(116) Еще одно особое постановление:

[Представлено Каллием Фреаррийским по решению очередных председателей и по указу Совета. Поелику Харидем, начальник латников, и Диотим, начальник конницы, будучи посланы на Саламин и после того, как доспехи некоторого числа воинов, павших в бою у реки, были сняты врагами, на собственные средства снарядили новобранцев восьмьюстами щитами, Совет и народ постановили увенчать Харидема и Диотима золотыми венками и объявить о том в Великие Панафинеи во время ристаний, а также в Дионисии, когда играют новые трагедии. Об оглашении должны позаботиться законоблюстители, очередные председатели и устроители состязаний.]

(117) Все эти награжденные, Эсхин, были обязаны отчетом об исполнении должности, однако не отчитывались в том, за что их венчали – почему же я должен отчитываться? Очевидно, что тут права у меня такие же, как и у прочих: если я подарил, то за это меня награждают, но в подарках своих я не подотчетен, а если я занимал должность, то и отчитываюсь в исполнении должности, но опять же не в подарках. Ладно, свидетель Зевс!

предположим даже, что я совершил должностное преступление! Почему же ты, быв тому свидетелем, не уличил меня, когда я сдавал дела проверщикам?

(118) Впрочем, он и сам свидетельствует перед вами о том, что венчали меня за неподотчетные дела. Возьми-ка, письмоводитель, и прочитай целиком это постановление обо мне – тогда по тем главам представления, о которых он ничего не сказал, станет ясно, что обвиняет он меня точно как наемный доносчик. Читай.

[Особое постановление. Дано при архонте Евфикле в 22-й день месяца пианепсиона в очередное председательство Ойнейской филы по представлению Ктесифонта Анафлистийского, сына Леосфенова. Поелику Демосфен Пеанийский, сын Демосфенов, заведующим исправлением стен, истратил сверх отпущенных денег три таланта из собственных средств, каковые подарил народу, и поелику он, заведующим театральной казною, добавил к ней от себя ради зрителей из всех фил сто мин на жертвоприношения, Совет и народ Афинский постановили: похвалить Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова, за доблесть его и добродетель, кои неизменно являет он народу Афинскому, и увенчать его золотым венком, а объявить об увенчании в театре во время Дионисий, когда играют новые трагедии. Оглашение поручить устройству состязаний.]

(119) Вот каковы были мои подарки, хотя ты о них даже не помянул в своих обвинениях, а вместо того жалуешься тут на те награды, которые присудил мне совет как раз за эти дары. Стало быть, по-твоему, взять, что дают, вполне законно, а поблагодарить – это уже повод для обвинения в противозаконности! Остается лишь спросить богов: есть ли на свете сущий негодяй, святотатец и завистник? А если есть, то не ты ли?

(120) Теперь касательно оглашения в театре. Уж и не стану говорить, что таких оглашений было без счета и что о бесчисленном множестве людей да и обо мне самом уже не раз вот так объявляли, но – ради богов! – неужто ты, Эсхин, настолько туп и глуп, чтобы не уметь догадаться, что венчаемому венок всегда в радость, где бы о том ни объявляли, и что оглашение в театре устраивается ради венчающих? Действительно, услышав такое, всякий постарается услужить отечеству, да и сама благодарность еще достохвальнее заслуг венчаемого, так что не зря у нас имеется соответственный закон! Ну-ка, письмоводитель, возьми и прочитай этот закон.

[Закон. Если кого венчает округ, то объявлять о венчании только в том округе, к коему принадлежит венчаемый. Исключение составляют те, кого венчают Совет и народ Афинский, а о таковых дозволяется объявлять в театре во время Дионисий...]

(121) Слыхал, Эсхин? В законе ясно сказано: «Кроме тех, кого венчают по постановлению Совета и народа, а этим положено оглашение». Зачем же ты, горемыка, сочиняешь облыжные доносы? Зачем измышляешь, чего не бывало? Почему не лечишься чемерицею? Неужто не стыдно тебе тащить человека в суд не за преступление, но единственно из зависти, да притом еще вывертывать наизнанку и дергать по клочкам законы, которые по чести следовало оглашать полностью хотя бы перед теми, кто присягнул судить в согласии с этими законами? (122) Мало того, что ты так поступаешь, но ты еще твердишь, каков должен быть истинный друг народа, – будто ты сговорился о его портрете и теперь принимаешь работу, а работа исполнена не по заказу. Или, по-твоему, друг народа узнается по речам, а не по делам и государственным предприятиям? Ты тут орешь всякие слова, какие надо и не надо, словно бродячий лицедей, – тебе и твоим сородичам такое позволительно, но мне не пристало. Впрочем, господа афиняне, скажу и об этом. (123) По-моему, обвинения отличны от ругательств тем, что обвинитель говорит о наказуемых по закону преступлениях, а ругатель бранится соответственно собственному своему нраву – потому-то врагам случается взводить друг на друга какую угодно клевету. Однако я полагаю, что предки наши воздвигли эти судилища отнюдь не для того, чтобы мы собирали вас сюда слушать, как мы непотребно бранимся из-за частных наших дел, но для того, чтобы уличали мы здесь тех, кто провинится перед городом, – (124) а вот Эсхин, хотя и знает все это не хуже меня, предпочел не обвинять, но скоморошничать. Если так, то неправильно будет, если он уйдет отсюда, не получив и на этот предмет достойной отповеди, – и он сейчас ее получит, но прежде я хочу задать ему вопрос. Скажи, Эсхин, чьим врагом надобно тебя почитать, врагом государства или только моим? У тебя выходит, что только моим. Но тогда почему же обо всех моих делах, за которые – будь они преступны – меня можно было покарать по закону и ради общей пользы, ты никогда и слова не сказал? Сколько я ни отчитывался, ни обвинял, ни судился – ты молчал. (125) Теперь, напротив, никаким законам управы на меня нет; время прошло, сроки истекли, по всем делам многократно вынесены приговоры, никто никогда не уличил меня в государственном преступлении, а городу за всякое мое дело ради общего блага почти непременно доставалась слава – и вот тут-то ты встал на дыбы. Уж не прикидываешься ли ты только моим врагом, а на деле враждебен вот им!

(126) Итак, хотя всем уже очевиден справедливый и благочестивый приговор, однако, по обычаю, мне надобно ответить на всю ту ложь и клевету, которую он обо мне наговорил. Я-то ругани не люблю, а потому скажу лишь самое необходимое, чтобы объяснить, кто таков обвинитель, и какого он рода, и почему с такой легкостью начинает ругаться и цепляться к словам, хотя сам успел употребить выражения, каких скромный человек и вымолвить не осмелится. (127) Когда бы обвинителем был Эак или Радаманф, или Минос, а не этот пустозвон, этот рыночный пройдоха, этот пропащий сутяга, то такой обвинитель, конечно, не только не стал бы браниться, но и не стал бы тут разглагольствовать, завывая, словно с подмостков: «О Земля! О Солнце! О Доблесть!» – и прочее в этом роде, а равно не стал бы призывать к «совести и просвещенности, кои помогают различить прекрасное и постыдное», – вы сами слышали, как он давеча разливался в таких вот речах!

(128) Да откуда же, мерзавец, ты и тебе подобные могут знать о доблести? Да откуда бы тебе уметь различать, что прекрасно и что нет? Откуда взялись у тебя такие полномочия? И по какому праву смеешь ты даже помянуть о просвещенности? Никакой из людей истинно просвещенных ни по чем бы о себе такого не сказал, да еще и покраснел бы, услышав, что другие его так именуют, – а вот невежам вроде тебя только и остается изводить слушателей разговорами о просвещенности, на которую вы по невежеству своему притязаете, хотя даже видимости воспитания у вас нет!

(129) Я отлично знаю, что надобно сказать о тебе и твоих родичах, хотя затрудняюсь, с чего начать. Начать ли с того, что отец твой Тромет был в рабстве у Елпия, державшего начальную школу при Тесеевом храме, и что ходил он в тяжелых кандалах, да еще и в ошейнике? Или с того, что мать твоя среди бела дня торговала собою в притоне близ Каламитова капища и что ее попечением вырос ты хорошенький-прехорошенький и вознесся до третьеразрядного лицедея? Нет, это все знают, даже и говорить не стоит. Или рассказать, как корабельный флейтист Формион, раб Диона Феррарийского, помог твоей матушке подняться с ее благородной подстилки? Нет, клянусь Зевсом и всеми богами, как бы не показалось, что для подобающего рассказа о тебе выбираю я слова, мне самому отнюдь не подобающие. (130) Итак, обо всех этих обстоятельствах я умолчу, а начну прямо с рассказа о его собственной жизни. Человек он не простой, но произошел из наипроклятущего рода и, наконец, долгое время спустя – да куда там, прямо-таки

вчера! – вдруг явился афинским гражданином и государственным мужем, добавив слог к имени отца своего и сделав его из Тромета Атрометом, а мать с превеликою пышностью назвавши Главкофеей, хотя все знают, что прозвание ей было Эмпуса – наверно, за то, что она все делала и все позволяла, а иначе с чего бы?

(131) Однако ты по самой природе своей столь низок и подл, что, сделавшись с помощью этих вот людей из раба свободным и из голодранца богатым, отнюдь не питаешь к ним благодарности, но, напротив, сам себя запродавши, все делаешь во вред согражданам. Умолчу о тех случаях, когда возможно спорить, насколько злонамеренны были его речи, а напомним лишь о тех, когда со всею очевидностью обнаруживалось, что старается он ради наших врагов.

(132) Кто не знает Антифонта – Антифонта, которого отлучили от гражданства? Этот Антифонт пообещал Филиппу сжечь наши верфи, явился сюда исполнить обещанное и укрылся в Пирее, а когда я его там изловил и доставил в Народное собрание, то этот вот клеветник принялся орать и вопить, что я-де жестоко оскорбляю народоправство, ибо нагло позорю бедствующих граждан и ломлюсь к ним в дома, не имея на то особого постановления, – и так он добился, что Антифонта отпустили. (133) Если бы все это дело не стало известно совету Ареопага, который, понимая, что ваша неосведомленность обращается вам же во вред, отыскал преступника, схватил и опять доставил его к вам, – если бы не это, тогда Антифонт ускользнул бы из ваших рук и – благодаря вот этому краснобаю! – избежал бы законной кары, а так вы приговорили его к пытке и смертной казни, да и этому его заступнику, по правде, полагалось то же. (134) Именно по этой причине совет Ареопага, отлично знавший все обстоятельства дела, воспротивился, когда вы открытым голосованием избрали его представлять вас в тяжбе о Делосском святилище, – а вышло это опять-таки из-за вашей неосведомленности, уже столько навредившей вам в общих делах, – итак, когда вы обратились к совету, поручая утвердить или отвести избранного, то совет сразу же дал ему отвод как предателю и говорить за вас в суде назначил Гиперида. Камешки для суда своего совет взял со святого алтаря, и ни единого камешка не оказалось брошено за этого негодяя! (135) А в доказательство истинности моих слов пусть будут призваны свидетели из членов совета.

[Свидетельства. Со стороны Демосфена за всех членов совета Ареопага выступают свидетелями Каллий Сунийский, Зенон Флиейский, Клеон Фалерский и Демоник

Марафонский, каковые свидетели объявляют: «Когда народ открытым голосованием избрал Эсхина, дабы Эсхин представлял народ на соборе амфикионов по случаю тяжбы, о Делосском святилище, то мы, собравшись и рассудив дело, почли Гиперида более достойным представителем города и послали Гиперида».]

(136) Вот так совет Ареопага не допустил его представлять город и препоручил должность другому, тем выказав свое мнение о его предательстве и злонамеренности. Это одно предприятие нашего молодчика – и очень похожее на то, в чем он меня же винит, не так ли? Однако пора нам припомнить еще одно его дело. Когда Филипп прислал сюда византийца Пифона, а вместе с ним еще и послов от всех своих союзников, чтобы срамить наш город и доказывать, какие мы клятвопреступники, то именно я не отступил тогда перед изобильным потоком Пифоновых дерзостей, но возразил и ответил, не предав государственной нашей правоты и столь очевидно изобличив преступность Филиппа, что собственные его союзники открыто со мною согласились, – и только этот вот негодяй ему помогал, свидетельствуя, а вернее сказать, лжесвидетельствуя против своего же отечества.

(137) Но и этого оказалось мало; и вот некоторое время спустя он снова попался, когда пришел домой к Фрасону, навестить соглядатая Анаксина, а уж кто встречается и сговаривается со вражеским соглядатаем с глазу на глаз, тот и сам не иначе как сущий соглядатай и враг отечества. В доказательство истинности моих слов пусть будут призваны свидетелями очевидцы.

[Свидетельство. Теледем, сын Клеонов, и Гиперид, сын Каллесхров, и Никомах, сын Диофантов, свидетельствуют за Демосфена и клятвенно подтверждают, что достаточно знают о том, как Эсхин Кофокидский, сын Атрометов, приходил ночью в дом Фрасона и беседовал там с Анаксином, каковой Анаксин по суду объявлен Филипповым лазутчиком. Настоящее свидетельство дано при архонте Никии в 3-й день гекатомбеона.]

(138) Я мог бы еще многое порассказать об этом деле, но не стану, и вот почему. Сколько бы ни приводил я тут примеров того, как он тогда у всех на глазах поддерживал наших врагов и оскорблял меня, все такие случаи ни в памяти у вас не застревают, ни даже не будят в вас заслуженного гнева. У вас появилась дурная привычка предоставлять всякому желающему любые возможности коварно и облыжно порочить людей, радеющих

о ва-шем же благе, – вот так вы готовы пренебречь общею пользою, лишь бы только услаждала ваш слух прелесть площадной перебранки! Потому-то получать постоянное жалованье за службу врагам теперь куда как легче и безопаснее, чем выступать в строю ваших защитников на государственном поприще.

(139) Конечно, если он еще прежде явной войны помогал Филиппу, то это чудовищно. О Земля, о боги, неужто не так? Ведь он старался во вред отечеству! Но если вам угодно простить ему это, простите ему. Однако, когда ваши суда были захвачены – уже явно! – и когда был разорен Херсонес, а Филипп собирался в поход на Аттику, и когда из положения дел со всею несомненностью было ясно, что войны не миновать, – в ту пору постарался ли ради вас хоть как-то этот клеветник, этот жалкий виршеплет? Ничего Эсхин не сделал, так что не может предъявить теперь ни единого, даже и невеликого, постановления, представленного им тогда ради блага государства. А если он возражает, то пусть предъявит – я уступлю ему время! Но нет, сказать ему нечего, да притом по необходимости выбирал он одно из двух: если видел он дурное в моих тогдашних предприятиях, то следовало ему их обжаловать, а если ревновал он о пользе наших врагов, то и вправду незачем ему было мешаться со своими улучшениями.

(140) Впрочем, если не предлагал он постановлений, значит ли это, будто он молчал, когда было возможно хоть как-то напакостить? Нет, он говорил, он перекричал всех! Пожалуй, другие дела его город еще мог стерпеть или оставить без внимания, но под конец он совершил, господа афиняне, такое, что самого себя обогнал, – именно об этом своем деле он особенно много разглагольствовал, когда твердил тут об указах касательно Амфиссейских локов. Конечно, он всячески извращал истину, но истины не скроешь – да и как ее скрыть? Сколько бы ты тут ни рассуждал, а того, что натворил ты тогда, утаить невозможно.

(141) Я призываю здесь перед вами, господа афиняне, всех богов и всех богинь, владеющих аттической землею, и призываю Аполлона Пифийского, исстари родного нашему городу, – да сделают по молитве моей! Если я теперь говорю вам правду и если уже тогда сказал я правду народу сразу, едва увидел, какое дело затевает этот вот мерзавец, – а распознал я затею его сразу! – если так, да ниспошлют мне боги счастье и спасение, а если я по злобе или зависти взвожу на него облыжный навет, да отлучат меня боги от всякого блага!

(142) Почему же я твержу это со столь необычным волнением и упорством? А потому, что хотя могу я все достоверно доказать имеющимися у меня записями из государственного хранилища и хотя я отлично знаю, что и сами вы помните, как было дело, однако же боюсь, как бы не представились вам совершенные им злодеяния меньшими, чем были. Случилось-то все это еще в самом начале, когда лживыми своими донесениями сгубил он бедных фокидян, а случилось то, (143) что Амфиссейскую войну, из-за которой Филипп занял Элатею, оказался избран главой совета амфикионов и стал ворочать по-своему всеми эллинами, – эту войну подстроил он, и именно он один повинен в воспоследовавших великих бедствиях! Я-то сразу выступил против и прямо-таки вопил перед народом: «Ты ввергаешь Аттику в войну, Эсхин! Из-за тебя на нас пойдут амфикионы!» – но в собрании хватало твоих приспешников, которые не пустили меня говорить, а прочие только удивлялись и думали, будто я из личной вражды взвожу на тебя пустопорожние наветы. (144) Итак, господа афиняне, если тогда вам помешали, то хоть теперь послушайте, каково происхождение тех событий, и зачем они были подстроены, и каким образом осуществились. Право, вы увидите, что затея была отменная, и это очень поможет вам разобраться во всей череде дальнейших дел, а кстати уразуметь, насколько хитер был Филипп.

(145) Война ваша с Филиппом никак не кончалась, и он не мог прекратить ее иначе, чем натравив на наш город фиванцев и фессалийцев; хотя полководцы ваши воевали плохо и не было им удачи, однако же и ему приходилось терпеть от самой войны и еще от разбоя. Никаких товаров, какие производились у него в стране, невозможно было оттуда вывезти, а к нему невозможно было доставить ничего необходимого, (146) да притом одолеть вас на море у него недоставало силы, а в Аттику тоже нельзя ему было вторгнуться, если фессалийцы не помогут, а фиванцы не дадут прохода. Вот и получалось, что хотя он побеждал в бою всех посланных вами полководцев, – а каких, об этом умолчу! – но терпел урон от самой природы местности и от исконного стечения обстоятельств. (147) Было ясно, что если он примется уговаривать фиванцев или фессалийцев вместе идти на вас войной ради собственной его к вам вражды, то от таких уговоров толку не будет, а вот если он будет избран их предводителем ради общей их безопасности, то тут уж легче ему надеяться иных убедить, а иных заморочить. Что же он затеял? Затеял ловко! Смотрите сами: он решил вовлечь в войну амфикионов и устроить смуту на Пилейском соборе, предполагая, что в этом случае его сразу попросят помочь. (148) При этом он понимал,

что если зачинщиком смуты явится какой-нибудь из присланных от него или от его союзников святоблуститель, то затея покажется подозрительной, и фиванцы, фессалийцы, да и все другие насторожатся, а если зачинщиком явится афинянин, то есть представитель враждебного государства, тогда хитрость останется незамеченной. Так оно и вышло. Что же сделал Филипп? Он нанял вот этого предателя, (149) чего никто, конечно, не ожидал, а потому никто и не остерегся, как водится у вас в подобных делах, и этого негодяя предложили в товарищи святоблустителю – трое или четверо за него проголосовали, и так он оказался избран. Приняв от города эту почетную должность, он отправился на собор амфикионов, где все прочие дела совершенно презрел и забросил, а старался лишь о том, ради чего был нанят. Он насочинял умильных слов, начал со сказок о Киррейской земле и как объявили ее заповедной, говорил, рассуждал и наконец убедил святоблустителей – а они к таким речам непривычны и дальновидностью не отличены, – (150) итак, он убедил их обойти и проверить землю, которую амфиссейцы возделывали и объявляли своей, а между тем он уличал их, что земля-де эта заповедная. Никаких обвинений локры на нас не возводили, и все, что он теперь твердит, – сущая неправда, а почему – о том судите сами. Ясно, что локры никак не могли затеять тяжбу с нашим городом, прежде не вчинив иска, но кто призывал нас к ответу? и какие власти были уведомлены об этом вызове? Ты покажи и назови хоть одного, кто бы об этом знал! Нет, не можешь, потому что для тебя эта ложь – только пустой предлог! (151) Итак, когда амфикионы во главе вот с ним обходили упомянутую землю, накинулись на них локры с копьями и едва всех не перебили, а иных святоблустителей еще и уволокли с собой, и тут уж сразу пошла на амфиссейцев жалоба и затеялась с ними война. Сперва над собственным войском амфикионов начальствовал Коттиф, однако вскоре, когда иные отряды вовсе к нему не явились, а иные, явившись, бездействовали, то нашлись у фессалийцев и у прочих заранее приготовленные для такого случая негодяи, которые стали вести к тому, чтобы на следующем соборе назначить верховным начальником Филиппа. (152) Благовидных объяснений у них хватало: они говорили, что если не избрать именно его, то придется вкладывать собственные средства, кормить наемников, а кто не уплатит, с тех взыскивать, – да что толку все пересказывать? Вот так Филипп был избран в начальники. После этого он без промедления собрал войско и явился якобы ради Киррейской земли, а уж тут только помахал ручкой киррейцам и локрам да и занял Элатею. (153) Если бы фиванцы, увидав такое, не переменили сразу же своих намерений и не взяли нашу сторону, то этот поход горною лавиною обрушился бы на наш город, однако фиванцы тогда – хоть на первых порах – сдержали этот напор, а вышло так,

господа афиняне, более всего от благосклонности к нам некоего бога, а еще – если такое посильно одному человеку – и от моих стараний. Подай мне, письмоводитель, указы и записи о сроках, когда что случилось, – пусть вам будет ведомо, какую смуту затеял этот негодяй, никак за это не наказанный. (154) Читай указы.

[Указ амфикионов. Дано в жречество Клинагора на весеннем соборе по постановлению советников, заседателей и всего собрания амфикионов. Поелику амфиссейцы вторгаются на заповедную землю, сеют там хлеб и пасут стада, то надлежит советникам и заседателям явиться туда, водрузить на границах оной земли межевые камни и объявить амфиссейцам, да не вторгаются впредь в указанные пределы.] (155) [Другой указ. Дано в жречество Клинагора на весеннем соборе по представлению советников, заседателей и всего собрания амфикионов. Поелику жители Амфиссы, поделив между собою заповедную землю, устроили на ней пашни и пастбища, а когда было это им воспрещено, взялись за оружие и воспротивились всеэллинскому собору, применив силу вплоть до пролития крови, то избранному полководцем амфикионов Коттифу-аркадянину надлежит отправиться послом к Филиппу-македонцу и просить его, да поможет он Аполлону и амфикионам, дабы неповадно было нечестивым амфиссейцам оскорблять бога, по каковой причине эллины, заседающие в соборе амфикионов, избирают Филиппа полномочным полководцем.]

А теперь читай, когда все это случилось, потому что именно тогда этот негодяй был в совете заседателем. Читай. [Указание времени. При архонте Мнесифиде в шестнадцатый день месяца анфестериона.]

(156) А теперь давай сюда письмо, которое Филипп послал своим союзникам в Пелопоннесе, когда фиванцы отказались ему подчиняться, – из этого письма вы уясните себе со всею очевидностью, что он скрывал свои истинные намерения, то есть скрывал, что снаряжается против Эллады, и против фиванцев, и против вас, а вместо этого прикидывался, будто по поручению амфикионов старается ради общей пользы. А помог ему со всеми этими поводами и отговорками вот он. Читай.

(157) [Послание Филиппа. Царь македонян Филипп союзным правителям и советникам и всем прочим союзникам – радуйтесь! Поелику так называемые озольские локры, обитающие в Амфиссе, вторгаются в священные пределы Аполлона Дельфийского и с

оружием в руках разбойно грабят заповедную землю, я намерен вместе с вами идти на помощь к богу, дабы оборонять от посягновений всякую святыню, какую ни чтят люди. Потому вооружайтесь и идите ко мне навстречу в Фокиду, взявши с собою припасов на сорок дней, а выступать вам надобно в наступающем месяце, который у нас зовется лой, у афинян боздромион, а у коринфян панем. А кто не пойдет ко мне со всем, какое есть, ополчением, тех мы накажем, как было договорено. Желаю удачи.]

(158) Видите, он обходит молчанием собственные свои намерения, а ссылается на амфикионов! Кто же приготовил ему такую возможность? Кто подарил ему такие отговорки? Кто более всех повинен в приключившихся бедствиях? Неужто не он, который теперь перед вами? Впрочем, господа афиняне, не стоит вам распускать слухи, будто по вине одного человека столько довелось Элладе претерпеть. Тут вина не одного негодяя, но многих, а негодяев – клянусь Землей и богами! – хватало повсюду, (159) и этот – лишь один из них. Но если позволено мне безо всяких опасений говорить правду, то сам я не усомнюсь назвать его главным виновником гибели всего, что потом погибло – людей, и стран, и городов, – ибо кто бросил семя, от того и пошел урожай. Я только удивляюсь, почему вы, едва увидев его, сразу же от него не отвернулись, – разве что некая густая мгла застит от вас истину!

(160) Однако если уж заговорил я о преступлениях его против отечества, то пора мне обратиться к собственным моим делам, которые я предпринимал, чтобы помешать ему. По многим причинам следует вам выслушать меня, господа афиняне, но более всего потому, что стыдно будет, если мне, столь тяжко ради вас потрудившемуся, вы и слова сказать не позволите об этих моих трудах. (161) Итак, я видел, что фиванцы, да и вы тоже, заморочены наемными приспешниками Филиппа, которых довольно и там и тут, а потому не замечаете, сколь опасно для обоих городов усиление Филиппа и сколь осторожными надо вам быть, а вместо того враждуете друг с другом и постоянно готовы к новым стычкам. Я старался этому воспрепятствовать, не только по собственному своему разумению полагая мир полезным для обеих сторон, но и (162) отлично зная, что многие годы такой дружбы желали сначала Аристофонт, затем Евбул и что хотя о прочих предметах им часто случалось спорить, зато уж тут они были всегда вполне согласны. Да и ты, угодливый лис, пресмыкался перед ними, пока они были живы, а теперь, сам того не сознавая, порочишь их мертвых! Право, если ты теперь попрекаешь меня фиванцами, то винишь не столько меня, сколько этих усопших, ибо именно они еще прежде меня стояли

за такой союз. (163) Но вернусь к рассказу. Итак, когда он устроил Амфиссейскую войну, а приспешники его ему в помощь разожгли вражду к фиванцам, тут-то Филипп на нас и пошел, и случилось наконец то, ради чего они затеяли всю эту свару между городами, так что не спохватись мы чуть раньше, то и приготовиться не успели бы – вот до чего едва не довели вас эти негодяи! А каковы были у вас в ту пору отношения с Филиппом и фиванцами, вы можете узнать, послушав соответствующие постановления и ответы Филиппа. Ну-ка, письмоводитель, бери их и читай.

[Особое постановление. (164) Дано при архонте Геропифе в 25-й день месяца елафеболиона в очередное председательство Ереxfеевой филы по представлению Совета и полководцев. Поелику Филипп иные из соседних городов занимает, иные разоряет и со всей очевидностью готовится идти походом на Аттику, отнюдь не считаясь с нашими договорами, намереваясь нарушить присягу и мир и преступая взаимные наши заверения, то надлежит Совету и народу отправить к нему послов, каковые послы пусть прежде всего требуют от него не нарушать договоров и хранить согласие с нами, а если откажет, то пусть просят для города отсрочки на обсуждение дела и заключают перемирие до месяца фаргелиона. Из членов Совета послами избраны Сим Анагирасийский, Евфидем Филасийский и Булагор из Алопеки.]

[Другое постановление. (165) Дано при архонте Гиеропифе в последний день месяца мунихиона по представлению верховного военачальника. Поелику Филипп восстанавливает против нас фиванцев и готов вместе со всем своим войском вторгнуться в пограничные с Аттикой области, тем самым нарушая прежние с нами соглашения, то Совету и народу следует отправить к нему глашатая и послов, каковые пусть попросят и уговорят его заключить перемирие, дабы дать народу рассудить дело, а пока решено против Филиппа никому не помогать, если только будет он умерен в своих условиях. Из членов Совета послами избраны Неарх, сын Сосиномов, и Поликрат, сын Епифронов; глашатаем избран из числа всех граждан Евном Анафлистийский.]

(166) Теперь читай ответы. [Ответ Филиппа афинянам. Царь Македонский Филипп Совету и народу Афинскому – радуйтесь! Я отлично знаю, каково было с самого начала ваше к нам расположение и с каким усердием старались вы переманить на свою сторону фессалийцев и фиванцев с беотийцами. Однако они рассудили лучше и не хотят подчиняться вам в своих решениях, но сообразуются с собственной пользой, меж тем

как вы, вопреки здравому смыслу, шлете ко мне послов и глашатая, напоминаете о договорах и просите перемирия, хотя не претерпели от нас ни малейшего ущерба. Что до меня, то я все-таки выслушал ваших послов и, в снисхождение к их просьбе, готов заключить перемирие, но только если вы прогоните от себя неправых советчиков и лишите их гражданской чести, как они того заслужили. Будьте здоровы.]

[Ответ Филиппа фиванцам. (167) Царь Македонский Филипп Совету и народу Фиванскому – радуйтесь! Я получил от вас послание, посредством которого вы желаете восстановить между нами согласие и мир. Конечно, мне известно, что афиняне стараются завлечь вас всеми средствами, лишь бы вы согласились на их предложения. Хотя прежде я порицал вас за готовность верить их обещаниям и споспешествовать их замыслам, но теперь вижу, что быть в мире с нами для вас желательнее, чем слушаться чужих мнений, и это меня радует. За многое могу я вас похвалить, но более всего за то, что в таковых обстоятельствах предпочли вы для себя безопасность и остались к нам благонамеренны. Все это, как я надеюсь, принесет вам немалую выгоду, если только и в дальнейшем вы пребудете в таком же расположении. Будьте здоровы.]

(168) Вот так, с помощью своих приспешников Филипп перессорил города и, ободренный упомянутыми постановлениями и перепиской, явился со своим войском и занял Элатею в уверенности, что между нами и фиванцами никакое единодушие невозможно. Все вы, конечно, знаете, какой переполох поднялся тогда у нас в городе, однако же немного послушайте об этом снова – я скажу лишь самое необходимое. (169) В тот день уже смеркалось, когда явился к очередным председателям гонец и доложил о захвате Элатеи, а было это как раз когда они обедали. Тут иные сразу повскакали с мест и принялись гнать рыночных торговцев из их лавок, чтобы набрать досок для костра, а иные кинулись за полководцами и уже призывали трубача, – по всему городу началась суматоха. Назавтра чуть свет председатели устроили заседание совета, а вы отправились на вечернюю площадь, так что прежде, чем совет успел обсудить дело и вынести предварительное решение, народ уже собрался на холме. (170) После туда же явились советники и очередные председатели доложили о новостях, представив вам прибывшего гонца. Гонец сказал свое, а затем глашатай спросил: «Кто хочет говорить?» – и никто не отозвался. Глашатай спрашивал снова и снова, но никто так и не поднялся на помост, хотя были там и полководцы, и витии, а взывало к ним о совете к спасению само отечество гласом народным, ибо голос глашатая, звучащий в согласии с законами, по

праву почитается голосом всего отечества! (171) Если бы надобно было взойти на помост тем, кто желает спасения городу, то вы все – да и все прочие афиняне! – встали бы и пошли к лестнице, ибо я уверен, что все вы желали городу спасения. Если бы для этого годились лишь богатейшие – что ж, их было тут три сотни. Если бы нужны были такие, кто сразу и богат, и городу предан, то и тогда нашлись бы граждане, давшие затем так много на общее дело, ибо для таких пожертвований требовались и благонамеренность, и богатство. (172) Однако по обстоятельствам того дня нужен был, видимо, гражданин не только богатый и благонамеренный – этого было мало! – а еще и наблюдавший события с самого начала и потому умеющий верно распознать цели и намерения Филиппа, ибо, не зная этого и не помня прошлых дел, нельзя было понять, как следует поступить, и ничего путного невозможно было вам посоветовать. (173) Именно поэтому подходящим к такому случаю человеком оказался я, и вот я выступил и обратился к вам с речью. Теперь выслушайте меня с особым вниманием по двум причинам: во-первых, чтобы убедиться, что из всех тогдашних советчиков и государственных людей я единственный в страшный миг не покинул своего места в гражданском строю, но устно и письменно помогал вам, как было должно в тех жестоких обстоятельствах; а во-вторых, если вы согласитесь потратить это малое время, то потом вам будет гораздо легче разобраться в дальнейшем моем рассказе о наших государственных делах. (174) Итак, я сказал тогда вот что: «Кто думает, будто фиванцы помогают Филиппу, тот, по-моему, поднимает излишний переполох, не вникнув в действительное положение дел, – я вполне уверен, что будь это взаправду так, то к нам бы теперь пришла весть не о том, что Филипп в Элатее, но о том, что он стоит у нас на границе.

Конечно, он явился в Фивы, чтобы обеспечить себе преимущество, – это для меня очевидно. Зачем же? (175) А вот послушайте. Тех фиванцев, которых возможно было обмануть или прельстить деньгами, он уже перетаскил на свою сторону, но те, которые с самого начала ему противились, продолжают противиться и теперь, и ему никак не удастся их переманить. Чего же он хочет и ради чего занял Элатею? А хочет он показать силу свою изблизии и, приступив к Фивам с оружием, друзей своих поддержать и взбодрить, а противников напугать, чтобы они со страху сами приняли нежелательные для себя условия, а иначе их к тому принудят. (176) Поэтому, если при настоящем положении дел мы предпочтем вспоминать, как и чем не угождали нам фиванцы, и будем подозревать их, ибо они-де враги и из вражьего стана, то, во-первых, мы сотворим точно по молитве Филипповой, а во-вторых, я опасаясь, как бы иные из нынешних его

противников не переметнулись к нему и в единодушном своем филиппстве не двинулись вместе с ним на Аттику. Если вы послушаетесь меня и, не придираясь к словам, обдумаете мое предложение, тогда вы наверняка признаете мою правоту и отвратите грозящую нашему городу опасность.

(177) Что же я предлагаю? Прежде всего оставить одолевающие вас страхи, переменить привычные мнения и побеспокоиться лучше о фиванцах, ибо опасность к ним ближе и на них первых грянет беда. Затем я предлагаю гражданам призывного возраста вместе с конницей идти в Элевсин, чтобы все видели, что вы и сами готовы к бою, – так вы поможете своим сторонникам в Фивах быть на равных в их спорах за правое дело, ибо они будут знать, что не только у продавшихся Филиппу изменников имеется в помощь элательское войско, но что точно так же и у борцов за свободу есть помощники – вы – и что в случае нападения вы готовы вступиться. (178) Наконец, я предлагаю избрать открытым голосованием десятерых послов и уполномочить их вместе с полководцами определить сроки, когда отбывать посольству и когда выступать ополчению. Теперь о том, как надлежит послам вести себя в Фивах, – и к этому моему мнению вы будьте особенно внимательны. Требовать у фиванцев нельзя ничего, ибо нынешний случай для того не годится, но надобно, если попросят, обещать им помощь, потому что обстоятельства их самые бедственные, а мы куда как лучше можем о себе позаботиться. Если они поверят нам и примут наше предложение, то мы достигнем желаемой цели и совершим подвиг, достойный отечественных наших обычаев, а если не удастся нам преуспеть, то пусть они потом пеняют самим себе за таковое упущение – нас-то никто тогда не уличит ни в подлости, ни в трусости. (179) Так я сказал и, еще кое-что добавив, спустился с помоста. Все были речью моею довольны и никто даже словом не возражал не только когда я говорил, но и потом, когда я подал письменное предложение, и потом, когда я отправился послом, и не только отправился послом, но и склонил на нашу сторону фиванцев – все я прошел, себя не жалея, от самого начала и до самого конца, среди всех опасностей, обступивших тогда наш город, и все ради вас. Подай-ка, письмоводитель, принятое тогда постановление.

(180) Но скажи, Эсхин, какими угодно тебе представить себя и меня в тот самый день? Хочешь, представь меня таким Батталом, над которым ты уже не раз издевался и насмехался, а себя представь героем, да не первым попавшимся, но из тех, кого играют в театре – таким Кресфонтом, или Креонтом, или даже Эномаем, с которым ты некогда

провалился на коллитских подмостках? Ну что ж! В ту пору я, пеанийский Баттал, оказался достойнее своего отечества, чем ты, кофокидский Эномай, ибо от тебя не было никакого толку, а я делал все, что положено доброму гражданину. Читай постановление.

[Особое постановление. (181) Дано при архонте Навсикле в очередное председательство Эантийской филы в 16-й день месяца скирофориона по представлению Демосфена Пеанийского, сына Демосфенова. Филипп Македонец в последнее время явно нарушает мирные соглашения, заключенные между ним и народом Афинским, пренебрегая присягою и общепринятыми у эллинов понятиями о правозаконности: он занимает города, отнюдь ему не подчиненные, да притом иные из завоеванных им городов подвластны, афинянам, хотя ничем его народ Афинский не обидел, а теперь жестокость его и насилие сделались злее прежнего, ибо (182) в иных эллинских городах он держит свои сторожевые отряды и вмешивается в государственное устройство, иные разрушает и жителей обращает в рабство, а в иные вместо эллинов поселяет варваров, допуская их попираť святыни и могилы. Все это вполне согласно с отечественными его обычаями, хотя он и злоупотребляет нынешнею своею удачей, позабывши, как сам, против всяких ожиданий, возвеличился из низости и ничтожества. (183) Покуда он брал города хотя и подвластные афинянам, однако варварские, народ Афинский оставлял без особого внимания таковые против себя преступления, но теперь, видя, как он оскорбляет и разоряет эллинские государства, народ почитает для себя позорным и недостойным славы предков равнодушно взирать на порабощение эллинов, (184) а потому Совету и народу Афинскому надлежит постановить нижеследующее. Помолившись и принеся жертвы богам и героям, блюдущим город и страну афинян, и одушевившись доблестью предков, предпочитавших свободу эллинов обороне собственного своего отечества, спустить на море двести кораблей, чтобы во главе с флотоводцем плыть к Фермопилам, а полководец и начальник конницы пусть тем временем ведут пехоту и конницу в Элевсин. Далее надлежит отрядить посольства ко всем эллинам и в первую очередь к фиванцам, ибо к их стране Филипп теперь ближе всего, (185) и пусть послы призовут фиванцев отнюдь не бояться Филиппа, но оборонять от него как собственную свою свободу, так и свободу всех эллинов, а еще пусть изъяснят им, что хотя и случались прежде между нашими городами раздоры, но афинский народ зла не помнит и готов помочь и людьми, и деньгами, и оружием дальнего боя, и оружием ближнего боя, ибо народ Афинский сознает, что спорить друг с другом о главенстве пристало природным эллинам, но вручить главенство инородцу и подчиниться ему будет недостойно исконной эллинской

доблести и славы. (186) И еще пусть скажут, что афинский народ не почитает фиванский народ чуждым ни по родству, ни по племени и помнит о благодеяниях, которые его предки оказали предкам фиванцев. Воистину, когда Геракловы чада были лишены жителями Пелопоннеса наследственной своей державы, то мы взяли за оружие и воротили отечество отпрыскам Геракловым, победив их недругов в бою, а после приняли мы к себе изгнанного Эдипа со спутниками, и еще множество других человеколюбивых и славных подвигов совершили мы ради фиванцев, (187) а потому и ныне афинский народ не предаст блага фиванцев и прочих эллинов. И пусть заключат с фиванцами договор и военный союз и брачное соглашение и пусть принесут присягу и примут присягу. Послами избраны: Демосфен Пеанийский, сын Демосфенов, Гиперид Сфеттийский, сын Клеандров, Мнесифид Фреаррийский, сын Антифанов, Демократ Флиейский, сын Софилов, Каллесхр Кофокидский, сын Диотимов.]

(188) Вот так начали у нас устанавливаться союзные отношения с Фивами – вместо прежних вражды, ненависти и взаимного недоверия, рознивших оба города по вине всех тех же негодяев. Это постановление отвело тогда нависшую над городом беду так, словно тучу развеяло – а долгом всякого честного гражданина было в ту пору предложить, если знает, что-нибудь получше, но теперь-то попрекать поздно. (189) Главное различие между советчиком и доносчиком, и без того во всем несходных, такое, что советчик предупреждает своим мнением события и отвечает за тех, кого убедил, перед случаем и перед случайностями и перед всяким, кто спросит, а доносчик, напротив, в нужное время промолчит, зато если что-нибудь не заладится, изрыгает свою клевету. (190) Однако хотя я уже не раз говорил, что человек, радеющий о благе государства, должен был честно высказаться именно тогда, но я соглашусь даже с такой крайностью, что если вот теперь найдется кто-нибудь, кто сумеет предложить нечто лучшее или докажет, что вообще возможно было избрать решение, отличное от моего, то я признаю себя преступником. Да, я подтверждаю: если хотя бы теперь кто-нибудь заметит, что в ту пору полезнее было иное средство, то и я тогда обязан был знать о такой возможности! Но если других возможностей нет и не бывало и если никто вплоть до сего дня не может их назвать, то что же было делать советчику при тогдашних обстоятельствах? Разве не должен он был избрать лучшую из наличных возможностей? (191) Вот это самое я и сделал, Эсхин, и сделал тогда, когда глашатай спрашивал: «Кто хочет говорить?», а не «Кто хочет попрекать прошлым?» или «Кто хочет поручиться за будущее?». Ты-то в ответ отсиживался и отмалчивался, а я поднимался и обращался к народу – но если тогда ты

ничего не высказал, так хотя бы теперь выскажись! Объясни, как следовало мне поступать: чего я недоучел, и чего недоглядел, и какого союзника должен был присоветовать согражданам, и на какое дело торопить?

(192) Конечно, прошлое для всех и всегда уже отжило, и никто нигде не подает советов задним числом, однако будущему непременно надобен неотступный советчик. Так же и в ту пору кое-что явно лишь предстояло, а кое-что уже наличествовало – с этих оснований ты и суди о государственных моих намерениях, но избегай попусту хаять свершившееся, ибо исход всякому делу назначается волею божества, а о честности советчика свидетельствуют самые намерения его. (193) Итак, не вини меня за то, что Филипп вышел победителем в бою, – такой конец не от меня, но от бога, – а вот если сумел я учесть не все, что по силам учесть разуму человеческому, и если не все, что исполнял, исполнял честно, старательно и прямо-таки надрываясь в трудах, и если затевал я дела ненужные, нехорошие и недостойные нашего города – если так, то скажи об этом и уж после обвиняй! (194) Ну, а если перун или смерч оказались сильнее не только нас, но всех вообще эллинов – что ж тут поделаешь? Это точно, как если бы корабельщик все сделал для безопасности корабля и снарядил его всеми спасательными снастями, а потом попал в бурю, от которой повредилось или вовсе пропало все судовое снаряжение – и тут его вдруг призвали бы к ответу как виновника кораблекрушения. Он бы и ответил, что не он был кормчим – как и я не был полководцем! – и что не он властвует над случаем, но, напротив, случай правит миром. (195) Подумай и рассуди сам: если суждено нам было поражение даже при союзе с фиванцами, то чего можно было ожидать, останься мы и без этих союзников? И тем паче если бы они примкнули к Филиппу, который только об этом и твердил? Нынешнее сражение случилось за три дневных перехода от Аттики, а под какую беду подвело наш город и как напугало! Чего же можно было ожидать, когда бы такая беда случилась здесь, в нашей стране? Тебе ли не знать, как много значит для спасения города отсрочка – пусть на день, пусть на два, пусть на три, но все-таки возможно остановиться, собраться с силами, передохнуть, а иначе – нет, не стоит говорить о том, чего так и не довелось изведать нашему городу не только по милости некоего божества, но и благодаря охранительному союзу, который ты теперь так бранишь.

(196) Все это я говорю для вас, господа судьи, и для собравшихся тут слушателей, а этому паскуде хватит короткого и ясного ответа: если тебе, Эсхин, единственному из

всех, было открыто грядущее, то ты должен был возвестить его своевременно, когда у граждан именно об этом шел совет; ну, а если ты тоже ничего не знал заранее, то наравне с прочими ответствен за свое неведение, – почему же тебе обвинять меня, а не мне тебя? (197) Право, я оказался настолько же лучшим гражданином, чем ты – даже и в упоминавшихся обстоятельствах, не говоря о прочих, – насколько более был готов не жалеть себя ради общего блага: я не боялся и не прикидывал, что для меня самого опаснее, а ты не только не предлагал ничего лучшего – иначе и вышло бы потвоему, – но и вообще не приносил делу никакой пользы, а вместо того, как оказалось, затевал пакости, на которые способен лишь самый последний мерзавец и предатель отечества. Да и теперь, в то самое время, когда злейшие наши враги Аристрат и Аристолей на Наксосе и на Фасосе тащат людей в суд за дружбу с афинянами, здесь, в Афинах, Эсхин обвиняет Демосфена! (198) По чести говоря, не обвинять, а сгнуть пристало тому, кто вознамерился стяжать себе славу бедствиями эллинов, ибо не бывает предан благу отечества человек, извлекающий для себя пользу из вражеской пользы, а явное тому доказательство – вся твоя жизнь, и все твои труды, и все, что сделал ты для города, и даже все, чего не сделал. Совершается нечто, признаваемое вами полезным, – Эсхин безмолвствует. Дело не ладится и успеха ему нет – Эсхин тут как тут. Вот точно так, стоит занемочь, сразу занеют все прежние ушибы и болячки!

(199) Впрочем, раз уж он так много твердит о случившемся, я хочу сказать нечто необычное, а вы ради Зевса и богов не удивляйтесь преувеличению, но выслушайте слова мои благосклонно. Итак, даже если бы всем открылось грядущее и все бы знали судьбу свою наперед, и если бы ты кричал об этом и вопил, и прорицал, и предупреждал – хотя на деле ты и рта не раскрыл! – итак, даже и тогда нам нельзя было отступаться от начатого, если только не позабыть вконец о славе, и о предках, и о грядущих веках. (200) Теперь ясно, что нас постигла неудача, однако таков удел человеческий, ибо все в божьей воле, но тогда-то город наш еще желал первенствовать среди эллинов и если бы отступился от этого ради Филиппа, то навлек бы на себя общее обвинение в предательстве. Право, если бы город наш, даже не запылясь, бросил дело, ради которого предки наши готовы были ко всем опасностям, неужто хоть кто-нибудь не оплевал бы тебя? Да, тебя, ибо ни город, ни я того не заслужили! (201) А какими глазами, скажи ради Зевса, глядели бы мы тут на заезжих людей, если бы дела обстояли по-нынешнему и Филипп был бы назначен верховным хозяином всех народов, а вся борьба с ним прошла бы чужими силами без нашего участия – и это при том, что никогда прежде город наш не

предпочитал бесславного покоя тяготам благородных трудов? (202) Неужто хоть кто-нибудь, будь то эллин или варвар, не знает, что все – и фиванцы, и прежде могущественные лакедемоняне, и персидский царь – с превеликою охотою и удовольствием позволили бы городу нашему сохранить его владения и добавить к ним что угодно, лишь бы подчинились мы их воле и уступили им главенство над эллинами? (203) Но нет, не таков у афинян отеческий обычай: такое им не присуще, такое им нестерпимо, и никогда еще во все времена никто не мог склонить граждан афинских примкнуть к несправедливой силе и рабствовать в безопасности, но всегда и во все века готовы были они встретить любые опасности в борьбе за первенство, честь и славу! (204) Обычай этот доныне столь для вас драгоценен и столь согласен с вашими нравами, что и среди предков своих вы более всего чтите тех, которые ему прилежали. Да и как иначе? Возможно ли не восторгаться доблестью тех самых мужей, которые согласились покинуть родную страну и родной город и уйти на кораблях, лишь бы не подчиняться чужой воле? Тех самых мужей, которые Фемистокла, звавшего их на корабли, избрали полководцем, а Мир-сила, звавшего подчиниться, побили камнями – и не одного его, но еще и жены ваши побили его жену?

(205) Воистину не только не надобно было тогдашним афинянам ни советчиков, ни полководцев, которые стяжали бы им счастливое рабство, но и жить-то они не хотели, когда становилась свобода несовместна с жизнью, ибо всякий из них полагал, что рожден не только ради отца с матерью, а еще и ради отечества. В чем же тут различие? А в том, что если кто почитает себя рожденным лишь для родителей, тот ожидает смерти, предначертанной естеством, а кто почитает себя рожденным также и для отечества, тот готов умереть, лишь бы не видеть его поработленным, и пуще смерти боится позора и бесчестия, которые непременно постигают поработленных граждан.

(206) Конечно, если бы я пытался утверждать, будто именно я заставил вас удостоиться предков разумением, то всякий по праву мог бы меня за это осудить. Я лишь объясняю, что намерения у меня с вами одинаковые и что и прежде меня город наш стремился к тому же, хотя в исполнении всего, что исполнялось, я неизменно соучаствовал и в том признаюсь. (207) А вот он, обвиняя меня огулом за все сделанное и внушая вам ненависть ко мне как к виновнику грозящих городу опасностей и бедствий, старается не только отнять у меня нынешнюю мою награду, но и лишить вас славы на вечные времена. Право же, если вы не согласитесь признать в государственных моих предприятиях ничего

хорошего и объявите подсудимого виновным, то этим докажете, что претерпели все свершившееся не по прихоти случая, а по собственной вашей ошибке, – (208) но нет! Нет, не ошиблись вы, граждане афинские, пойдя на опасное дело ради общей свободы и спасения, – да будут свидетелями тому предки ваши, не утраившиеся при Марафоне, державшие строй при Платеях, бившиеся на кораблях при Саламине и Артемисии и во многих иных битвах испытанные! Прах этих доблестных мужей покоится на городском нашем кладбище, и всех их удостоил город равно почетного погребения, – да, Эсхин, всех, а не только тех, кто преуспел и победил, и это справедливо, ибо все они делали свое дело честно, а удачи каждому досталось столько, сколько назначено от бога. (209) И после этого ты, мерзкий сутяга, желая лишить меня уважения и приязни сограждан, еще посмел твердить тут о битвах, и о трофеях, и о былых подвигах! Да какое они имеют касательство к нынешнему нашему прению? И от кого, по-твоему, жалкий скоморох, должен был признаться ума я, когда поднимался на помост, чтобы дать городу совет, как достигнуть первенства? Уж не у того ли, чьи речи недостойны этого собрания? (210) Нет, за такое меня бы, по чести, следовало убить! Так же и вам, господа афиняне, не подобает выносить приговоры по делам частным и по делам общественным на одинаковых основаниях, но пристало разбирать повседневные тяжбы, руководствуясь частными законами и житейскими примерами, дела же государственного значения надобно судить, сообразуясь с заслугами предков, – и если вправду хотите вы быть достойны этих заслуг, то пусть, когда приходите вы судить дело государственной важности, будут при каждом из вас не только посох и расчетная бирка, но еще и государственное разумение.

(211) Однако, увлеченный подвигами ваших предков, я не успел сказать о некоторых постановлениях и предприятиях, а потому вернусь к предмету, от коего отклонился.

Итак, явившись в Фивы, мы обнаружили, что послы от Филиппа и от фессалийцев и от прочих его союзников уже там и что его друзья осмелели, а наши напуганы. Это я говорю теперь не ради собственной пользы, и в доказательство пусть будет оглашено письмо, которое мы, послы, отправили домой сразу по прибытии. (212) Этот доносчик до того доклеветался, что, если дела ладятся, твердит, будто не я тому причиною, но единственно случай, а если выходит по-другому, то тут уж виноват именно я с моей неудачливостью. Послушать его, так получается, что я, столько говоривший и советовавший, не имею никакого касательства к делам, предпринятым в согласии с этими

речами и советами, но зато уж во всех неудачных походах и битвах виноват я, и только я! Ну, возможно ли клеветать подлее и гнуснее? Читай письмо. [Читается письмо послов.]

(213) Затем, когда фиванцы созвали Народное собрание, то сначала они дали слово нашим противникам, ибо числились с ними в союзе, а те, обращаясь к народу, всячески превозносили Филиппа и всячески обвиняли вас, да еще и припоминали все, что вы когда-нибудь сделали наперекор фиванцам. Главное их требование было такое, чтобы фиванцы отблагодарили Филиппа за все содеянное для них добро, вам бы отомстили за обиды, давши проход идущему на Аттику войску или присоединившись к вторжению, – это уж как больше нравится. Еще они доказывали сколько умели, что если фиванцы согласятся с ними, то повалят из Аттики в Беотию стада скотов и рабов и прочие богатства, а если с нами, то вся земля беотийская будет разорена войною. И еще много другого они говорили, все о том же и для того же. (214) Как же мы им возражали? Я бы ничего на свете не пожалел, лишь бы рассказать вам об этом в подробностях, однако не решаюсь, ибо все уже в прошлом, так что вам эти события могут показаться допотопными, а пересказ речей – излишней доукою. Послушайте, однако, в чем мы сумели убедить фиванцев и что они нам ответили. Письмоводитель, читай! [Читается ответ фиванцев.]

(215) Вот после этого-то фиванцы и обратились к вам, призывая вас к себе. Вы двинулись в поход и явились к ним на помощь – тут я могу опустить подробности, – а потом они приняли вас настолько по-родственному, что собственную свою пехоту и конницу оставили в поле, а наших воинов пригласили в город и в собственные дома, где дети, и жены, и все самое сокровенное. В тот день стяжали вы от фиванцев три прекраснейшие награды: одну за храбрость, другую за честность, а третью за скромность, ибо когда предпочли они биться не против вас, но вместе с вами, то этим выразили, что почитают вас храбрее и честнее Филиппа, а когда препоручили они вам то, что все люди более всего берегут – детей своих и жен, – то этим изъявили свое доверие к вашей скромности. (216) А вскоре стало очевидно, что понятие у них о вас, господа афиняне, самое правильное. Когда ваше войско вступило в город, то держались вы так скромно, что никому из жителей жаловаться на вас – хотя бы попусту – не пришлось. Да и после, дважды сражавшись рядом с фиванцами в первых схватках – один раз у реки и другой раз в зимнюю непогоду, – вы явили себя воинами не просто безупречными, но достойными восхищения за ваш строй, и выучку, и отвагу. Вот почему все вас

восхваляли, а сами вы благодарили богов жертвами и праздниками. (217) Тут-то я был бы очень рад спросить Эсхина: что же делал он все это время, пока город полнился радостью, и славословиями, и рвением к делу? Может быть, он тоже приносил жертвы и радовался вместе со всеми? Или наоборот – сидел дома в слезах и скорби, досадуя на общее счастье? Если он праздновал тогда вместе со всеми, то не гнусно ли – хуже того, не кощунственно ли – поступает теперь, требуя от вас, присягнувших на алтаре, чтобы вы не объявляли честными и благородными те самые дела, которые он же сам пред лицом богов признавал честными и благородными? А если не праздновал он тогда вместе с народом и скорбел, глядя на общую радость, то неужто не заслужил он за это многих смертей? Огласи-ка, письмоводитель, вот эти постановления. [Читаются постановления о жертвоприношениях.] (218) Итак, мы приносили в ту пору благодарственные жертвы, а фиванцы сознавали, что обязаны своим спасением нам. Дела обернулись так, что вам не только не пришлось зазывать себе помощников по указке этих вот предателей, но еще и сами вы сумели помочь другим, а все потому, что послушались меня. Какие слова расточал в ту пору Филипп и в каком он был смятении от происшедшего, вы можете понять из его посланий в Пелопоннес – пусть письмоводитель их огласит, чтобы вы знали, чего удалось мне достигнуть моей непреклонностью, моими разъездами, моими непрерывными трудами и, наконец, теми многочисленными постановлениями, над которыми давеча так издевался этот негодяй. (219) Что ж, господа афиняне, много у вас бывало и до меня славных и превосходных советчиков – и великий Каллистрат, и Аристофонт, и Кефал, и Фрасибул, и еще без счета других, – однако никто из них не отдавал себя без остатка никакому государственному предприятию, так что, например, кто назначал посольство, тот сам с ним не ехал, а кто ехал послом, тот назначений не предлагал, ибо каждый оставлял за собой возможность передохнуть да кстати и ускользнуть от ответа в случае неудачи. (220) «Ну, и что же? – спросит меня кто-нибудь. – Неужто ты настолько сильнее и смелее прочих, чтобы все делать самому?» Нет, этого я не говорю, однако я был уверен, что городу грозит великая беда, уже не оставляющая места для помыслов о личной безопасности, а потому, как я полагал, надобно было исполнять свой долг безо всяких для себя поблажек. (221) Что же до меня самого, то я опять же был уверен – а если и заблуждался, то искренне, – итак, я был уверен, что ни постановления никто лучше меня не сочинит, ни дела лучше не сделает, ни посольской должности не исполнит усерднее и честнее. Потому-то я и брал на себя все назначения. Прочитай-ка письма Филиппа. [Читаются письма.] (222) Слышишь, Эсхин? Вот куда загнал я Филиппа, вот каким голосом он заговорил – а ведь до того произнес столько,

дерзких речей против нашего города! За такие дела сограждане по справедливости наградили меня венком, и ты был тут, но не возражал, а Дионд, обжаловавший постановление, не собрал положенной доли судейских камешков. Прочитай-ка, письмоводитель, эти подтвержденные судом постановления, которые вот он даже не обжаловал. [Читаются постановления.]

(223) Эти постановления, господа афиняне, слог в слог и слово в слово тождественны прежним Аристониковым постановлениям и нынешнему Ктесифонтову, однако же Эсхин тогда ни сам не обжаловал их по суду, ни чужих обжалований не поддержал, – а между тем уж если обвиняет он меня справедливо, то куда как правильнее было бы еще тогда обвинить Демомела и Гиперида, представивших прежние постановления, а не преследовать теперь Ктесифонта. (224) Теперь-то подсудимый может сослаться и на упомянутых лиц, и на судебные приговоры, и на то, что этот самый обвинитель тогда никого не обвинял, хотя постановления были точно такие же, как нынешнее, и на то, что законы не позволяют затевать обвинение по делу, о котором уже вынесен приговор, и еще на многое может он сослаться теперь. А вот тогда дело разбиралось бы само по себе, без оглядки на прошлые примеры и решения. (225) Впрочем, тогда, насколько я знаю, еще нельзя было сделать по-нынешнему – надергать из древних времен и давних постановлений такого, о чем в ту пору никто ни предвидеть, ни даже помыслить не мог, что вот сегодня об этом пойдет речь! Нельзя было тогда ни клеветать, ни врать о сроках, что после чего было, ни подменять действительные события собственными лживыми домыслами, да еще и представляться, будто говоришь толково! (226) Да, в ту пору такое было невозможно, ибо тогда все речи имели бы подлинное обоснование, будучи подтверждены недавними событиями, памятными для каждого из вас настолько, что хоть руками пощупай. Потому-то он и уклонился тогда от разбирательства, а вместо этого пришел к вам теперь, полагая – иного объяснения я не вижу, – что вы тут поставлены судьями не над государственными делами, но над состязаниями в витийстве и что судить вы будете не о государственном благе, но о словах.

(227) Мало того, он еще и мудрствует и объявляет, что надобно-де вам пренебречь добрым мнением о нас, с которым вы пришли сюда из дому, а вот-де точно как при проверке отчета, когда вы подозреваете задолженность, однако если все счетные камешки сходятся и остатка нет, то приходится вам с отчетом согласиться, – вот точно так и теперь надобно-де вам судить по окончательному итогу. Глядите же, сколь

порочной по самой сути своей непременно становится всякая бесчестная затея! (228) Право же, он сам изъясняет этим своим премудрым примером, что о нас уже сложились определенные мнения – именно, что я говорю ради отечества, а он ради Филиппа, ибо зачем же иначе он старается вас переубедить, как не затем, что таковы ваши привычные мнения о нем и обо мне? (229) Впрочем, я с легкостью докажу вам, сколь бесчестно с его стороны требовать от вас перемены мнений, и не стану для того выкладывать никаких камешков, ибо подобные дела по камешкам не расчислить, а напомним вам вкратце о каждом предприятии, вы же слушайте меня сразу как свидетели и как проверщики.

Да, теми самыми государственными предприятиями, которые он тут бранит, я достигнул того, что фиванцы, вопреки всем ожиданиям, не пошли на нас вместе с Филиппом, но вместе с нами пошли на него и преградили ему путь, (230) а потому решающее сражение случилось не в Аттике, но в стране беотийцев и в семистах стадиях от нашего города. Еще я сделал так, что евбейские разбойники прекратили свои набеги и все время войны у Аттики было мирное море; а еще я сделал так, что не только Филиппу не удалось овладеть Византией и заодно всем Геллеспонтом, но византийцы воевали против него и в союзе с нами. (231) Неужто расчеты в таких делах похожи на пересчет камешков? Или надобно, по-твоему, вовсе закрыть счет, чтобы не думать о его достопамятности для будущих веков? Не стану добавлять к сказанному, что Филиппову жестокость, являемую им всегда при всяком новом завоевании, довелось испытать другим, а вот плоды притворного его человеколюбия, которым прикрывал он свои посягательства, по счастью, достались вам. Но умолчу об этом.

(232) Зато не побоюсь сказать, что если кто хочет честно проверить народного советчика, а не сочинять на него лживые доносы, тот не станет винить его в таких делах, о которых ты давеча разглагольствовал, не станет измышлять пустых сравнений и уж тем более не станет передразнивать его выговор и повадку. Ну конечно – неужто еще непонятно? – эллинские дела приняли бы совершенно иной оборот, если бы вот это слово я произнес не так, а этак и если бы протянул руку не сюда, а вон туда! (233) Нет, честный человек понял бы по действительному порядку событий, какие силы и средства были у нашего города, когда я только вступал на государственное поприще, и какие силы и средства приобрел для города я, когда взялся за дело, и каковы были в ту пору обстоятельства наших противников. А уж после, если бы оказалось, что я убавил городу силы, он стал бы

меня за это винить, но если бы оказалось, что силы наши я приумножил, то не стал бы взводить на меня лживую клевету. Если ты уклоняешься от такого разбирательства, я разберусь сам, а вы проверяйте, честно ли я говорю.

(234) Итак, что до военной силы нашего государства, ее составляли жители островов, и то не всех, но лишь самых захудалых, ибо ни Хиос, ни Родос, ни Керкира в союзе с нами не состояли. Союзных взносов нам причиталось лишь сорок пять талантов, да и эти деньги были собраны вперед, а латников и всадников, кроме как из собственного ополчения, не было совсем. Однако страшнее всего для нас и выгоднее всего для врагов было то, что эти вот негодяи не столько привлекали к нам всех ближайших соседей, сколько отталкивали, возбудив вражду против нас в Мегарах, в Фивах и на Евбее. (235) В таких обстоятельствах пребывал наш город к началу событий, и этого никто оспорить не может. Теперь глядите, каковы были дела у соперника нашего Филиппа. Прежде всего, он самодержавно правил своими подначальными, а это для войны самое главное. Кроме того, его люди всегда были в полной боевой готовности. Ну, а кроме того, денег у него была предостаточно, и поступал он так, как сам решит, не объявляя о делах своих заранее в особых постановлениях, не обсуждая их на виду у всего света, не таскаясь в суды по облыжным доносам, не отвечая на обвинения в беззаконии и никому ни в чем не отчитываясь, – во всех своих делах был он сам себе повелитель и хозяин и самый главный начальник. (236) Ну, а я? Я противостоял ему один на один, и справедливости ради об этом тоже надобно теперь сказать, но чем я мог распоряжаться по собственному усмотрению? Ничем и никем! Даже самая возможность говорить перед народом не была моим преимущественным правом, но делилась вами поровну между мною и его наемными слугами, так что когда случалось им меня переспорить – а случалось часто и по многим поводам! – то вы уходили домой, проголосовав за предложения своих же врагов. (237) Однако при стольких моих слабостях я сделал вашими союзниками и евбейцев, и ахейцев, и коринфян, и фиванцев, и мегарян, и жителей Левкады и Керкиры, от которых мы завербовали в общей сложности пятнадцать тысяч пеших наемников и две тысячи конных, и это не считая гражданского ополчения. Тоже и денег я собрал столько, сколько можно было собрать. (238) А если ты, Эсхин, твердишь тут теперь о справедливом дележе и о равенстве обязанностей в отношениях с фиванцами, византийцами и евбейцами, то ты не знаешь даже и того, что и в былое время из трехсот боевых кораблей союзного эллинского флота двести выставил наш город и что афиняне тогда не почитали это для себя унижением, не таскали по судам тех, кто это посоветовал,

и не выказывали чрезмерных сожалений – это было бы совсем стыдно! – но благодарили богов, что в бедственную для всех эллинов пору могут сделать для общего спасения вдвое больше остальных. (239) Да к тому же ты попусту заискиваешь перед судом, стараясь оклеветать меня. Зачем же ты теперь говоришь, как надобно было поступать? Ты был тогда тут – почему же ты не обжаловал принятых в твоём присутствии решений? Решений, которые соответствовали тогдашним обстоятельствам, ибо решали мы не так, как хотели, а так, как позволяло положение вещей, потому что наготове был перекупщик, который сразу принял бы к себе всех, кого мы прогнали, да еще и приплатил бы им!

(240) Но если теперь меня винят даже за исполненное, то, как по-вашему, что стали бы делать и говорить эти вот мерзавцы, когда бы в ту пору из-за такой моей придирчивости упомянутые города отложились от нас и примкнули к Филиппу, и он разом прибрал бы к рукам и Евбею, и Фивы, и Византии? (241) Неужто не принялись бы они твердить, что эти города стали жертвою предательства, что они жаждали союза с нами, а мы их отвергли, что из-за византийцев Филипп утвердился над Геллеспонтом и так завладел подвозом питающего эллинов хлеба, что из-за фиванцев на Аттику обрушились тяготы пограничной войны, что из-за разбойничьих набегов с Евбеи прекратилось мореплавание? Неужто не твердили бы они всего этого, а кстати и многого другого? (242) Подлая тварь, да, господа афиняне, подлая тварь – вот что такое всякий доносчик, и всегда-то эта тварь все разбранит и оклеветает! А этот лисий ублюдок – и вовсе ничтожество, отроду не творившее ничего толкового и ничего пристойного, суцная театральная мартышка, деревенский Эномай, лживый пустозвон! Что пользы отечеству от этих твоих витийственных вывертов? (243) Зачем ты разглагольствуешь тут перед нами о минувших делах? Право же, это точно как если бы врач, посещая страждущих от недуга, ничего бы им не советовал и не указывал никаких лечебных средств, а потом, после смерти какого-нибудь больного явившись на тризну, принялся бы прямо на могиле объяснять, что, если бы усопший вел себя так-то и так-то, он бы остался жив. Сумасшедший дурень, что теперь толку в твоих разговорах?

(244) Скажу и о поражении, которым ты, мерзавец, тут хвастаешься, хотя подобало бы плакать, и которое, как вы сами увидите, наш город потерпел вовсе не по моей вине. Итак, примите во внимание, что сколько раз ни бывал я назначен вашим послом, никогда и ниоткуда не уходил, побежденный послами Филиппа: ни из Фессалии, ни из Амбракии, ни из Иллирии, ни от фракийских царей, ни из Византия, ни даже из самых Фив, – никогда

и ниоткуда. Однако заметьте, что Филипп покорял оружием именно те государства, где послы его были побеждены в словесной схватке. (245) Так зачем же ты спрашиваешь за это с меня? Неужто тебе не стыдно, издеваясь над моей слабосильностью, требовать от меня, чтобы я в одиночку и одними речами одолел Филиппово войско? Ведь я был господином только над собственными словами, но не над душою и счастьем каждого воина, да и вообще никаким военачальником я не был, а ты в скудоумном своем невежестве требуешь с меня отчета еще и за эту должность! (246) Вот за те дела, по которым подотчетен советчик, вы с меня спрашивайте – тут я не стану отказываться от ответа. Каковы же обязанности советчика? А таковы, чтобы с самого начала замечать и распознавать, как складываются обстоятельства, и предупреждать об этом других. Это я исполнил. Еще советчик обязан стараться, чтобы поменьше было промедления, замешательства, недомыслия и соперничества, ибо в такие заблуждения непременно впадают все государства, где правят граждане, а вместо этого обязан он внушать соотечественникам согласие и дружбу и рвение к правому делу. Это я тоже исполнил так, что никому не найти ни малейшего упущения. (247) У кого бы вы ни спросили, какими средствами Филипп достигнул почти всех своих успехов, всякий в ответ назовет военную силу, взятки и подкуп должностных лиц. Но у меня-то войска не было ни своего, ни подначального, так что ни за какие военные дела я никакой ответственности не несу, а что касается взяток, то тут я Филиппа одолел, ибо точно как подкупающий побеждает подкупаемого, едва тот примет деньги, так же и тот, кто не прельстился деньгами, неподкупностью своею побеждает подкупающего. Стало быть, в том, что зависело от меня, наш город побежден не был.

(248) Эти сведения я представил, чтобы оправдать предложенное подсудимым постановление обо мне, – и подобных свидетельств его правоты наберется еще множество, – а теперь сообщу те свидетельства, которые представили вы сами. Итак, сразу после битвы сограждане, знавшие и видевшие все, что я делал, и оказавшиеся вдруг в такой беде и в такой опасности, когда немудрено было и ошибиться касательно меня, итак, сограждане тогда открытым голосованием утверждали предложенные мною меры для спасения города и все, что устраивалось ради обороны, – когда размещали сторожевые отряды, когда рыли рвы, когда собирали деньги на стены, – все делалось по моим постановлениям, да к тому же, избирая заведующего хлебной поставкой, народ опять же открыто предпочел меня всем остальным. (249) Вот после этого-то мои зложелатели и объединили силы, и тут уж посыпались против меня жалобы, иски, особые

доклады и прочее в таком же роде, но сначала не от них самих, а от подставных лиц, за которыми надеялись укрыться заводи́лы. Вы помните, конечно, как в первое время не бывало дня, чтобы меня не вызывали в суд. Против меня были испытаны все средства – глупость Сосикла, коварство Филократа, юродство Дионда и Меланта и еще многое, однако всякий раз мне удавалось спастись, потому что мне помогали, во-первых, боги, а во-вторых, вы и прочие афиняне, (250) и это было справедливо, ибо согласовалось с истиною и с долгом присяжных, коим по присяге положено судить честно. Стало быть, когда на меня подавались особые доклады, и обвинители не получали от вас даже и обязательной доли камешков, то этими своими судейскими камешками вы признавали дела мои отличными и благородными, а когда бывал я вами оправдан в судах об обжаловании, то тем самым признавалось, что все мои устные и письменные предложения правозаконны, а когда вы принимали мои отчеты, то тем самым не только утверждали отчет, но и признавали мою честность и неподкупность. Если все это было так, то какими же еще словами по справедливости подобало Ктесифонту говорить о моих делах? Неужто не теми самими, которые он уже слышал от народа и от присяжных судей? Неужто не теми, истинность которых была для всех заранее очевидна?

(251) «Да, – говорит обвинитель, – но вот Кефал превосходит тем, что никогда не бывал под судом». Конечно, превосходит и еще – клянусь Зевсом! – весьма удачлив. Но разве от этого справедливо порочить человека, пусть и часто бывавшего под судом, однако же ни разу не уличенного в преступлении? Впрочем, господа афиняне, тут для меня очень кстати похвала Кефалу, ибо на меня-то обвинитель никогда не жаловался и никак не преследовал меня по суду – выходит, ты сам признаешь меня не худшим гражданином, чем Кефал! (252) Откуда ни погляди, отовсюду видно твое невежество и коварство, но более всего из разглагольствований о счастье и злосчастье. Что до меня, то я почитаю сущим безумием, когда один человек попрекает другого его судьбою. Право, если даже тот, кто верит, что все у него идет отменно, и потому воображает, будто поймал удачу, все-таки не может знать, продлится ли удача его хотя бы до вечера, то стоит ли вообще говорить о ней и стоит ли корить ею других? Однако он твердит об этом предмете с такою же самонадеянностью, как и обо всем остальном, а если так, господа афиняне, то смотрите и думайте сами, насколько сообразнее с истиной и человечностью рассуждаю о судьбе я. (253) Я знаю, что городу нашему суждена благая доля и что возвестил вам это Зевс в Додонском своем прорицалище, но я знаю, что всем людям, которым досталось жить в наше время, судьба выпала тяжкая и горькая – и правда, неужто хоть кто-нибудь из

эллинов или варваров не претерпевает ныне множества бедствий? (254) Это так, и я почитаю благою судьбой нашего города уже то, что мы предпочли прекраснейшее, а живем куда как лучше тех эллинов, которые возомнили, будто станут благополучны, если нам изменят. Ну, а то, что нам не повезло и не все вышло как нам хотелось, я понимаю так, что городу нашему досталась причитавшаяся нам доля общего злосчастья. (255) О собственной же моей судьбе, да и о судьбе каждого из нас я думаю так, что дело это частное и говорить о нем положено соответственно. Таково мое мнение о судьбе, и мне – уверен, что и вам тоже, – оно кажется правильным и справедливым. А вот он объявляет, будто моя личная судьба важнее общей судьбы целого города, – это моя-то ничтожная и несчастная судьба важнее судьбы благой и великой! Возможно ли такое?

(256) Впрочем, раз уж ты, Эсхин, непременно хочешь поговорить о моей судьбе, то сравнивай ее со своею, и если моя окажется лучше, то перестань ее хаять. Итак, гляди с самого начала, но только – ради Зевса! – пусть никто не попрекнет меня злоречивостью. Право же, я не нахожу большого ума в людях, которые бранят бедность или хвастаются тем, что воспитаны в достатке, однако из-за облыжных обвинений этого клеветника поневоле обращаюсь именно к таким речам, хотя и постараюсь соблюсти приличия, сообразные с нынешними обстоятельствами.

(257) Так вот, Эсхин, у меня хватало достатка, чтобы измлада ходить к хорошим учителям и иметь все, что положено иметь тому, кого нужда не заставляет опускаться до позорных занятий, а затем, возмужав, я по-прежнему во всем соблюдал пристойность: нес хороустроительную повинность и судостроительную повинность, исправно платил подати и никому не уступал в делах чести, будь то дела частные или общие, но старался о пользе города и о пользе друзей. Наконец, когда я решил вступить на государственное поприще, то и тут вел все дела таким образом, что часто получал в награду венки от сограждан и от многих других эллинов, и даже вы, мои враги, не смели в ту пору говорить, будто не прекрасен избранный мною путь. (258) Вот такова моя судьба и такова моя жизнь – я мог бы еще многое о ней порассказать, однако остерегусь, как бы не досадить кому-нибудь хвастовством. Ну, а ты, хвастун, оплевывающий всех кругом, погляди теперь на свою судьбу и сравни ее с моею. Судьба твоя была такая, что рос ты в превеликой нужде и сидел вместе с отцом при школе, а там и чернила готовил, и скамейки отмывал, и подметал за дядьками – одним словом, содержался не как свободнорожденный отрок, но как дворовый раб. (259) Возмужав, ты был на побегушках у матери и, пока она

исправляла таинства, служил чтецом, а по ночам состоял при шкурах и кубках, и мыл посвящаемых, и обмазывал их грязью и отрубями, и напоминал сказать после очищения «бежал зла, нашел благо», да еще похвалялся, что никто-де не умеет завывать звончее. Этому последнему я вполне верю, и вы тоже не думайте, что если он теперь так орет, то не умеет еще и визжать лучше всех! (260) Ну, а днем водил он по улицам эти распрекрасные сонмища, и подопечные его были в укропных и тополевых венках, а сам он, зажав в кулаках толстошеих полозов, потрясал ими над головой, то вопя свои «эвоз-сабоз», то пускаясь в пляс под всякие «гиэс-аттес-ат-тес-гиэс». У старых бабок он звался и запевалой, и вожатым, и плющеносцем, и кошниценосцем, и прочими подобными именами, а в уплату за эти свои должности получал то сладкое печенье, то калач, то пирог – неужто не счастливец? Воистину всякий был бы счастлив такою удачей! (261) Наконец тебя внесли в окружной список. Как и когда это вышло, лучше не говорить, но в список ты попал и избрал себе благороднейшее занятие – пристроился писарем и был на посылках у чиновников поплоше, да только тебя прогнали даже и оттуда за те самые дела, в которых ты теперь обвиняешь других. Однако дальнейшей своей жизнью ты не посрамил – клянусь Зевсом, отнюдь не посрамил! – этих первых подвигов. (262) Ты нанялся к многослезным Симили и Сократу, именовавшим себя трагическими актерами, и получал у них третьи роли, да еще и батрачил, собирая чужие смоквы, чужой виноград и чужие маслины. От поденщины прибыли выходило больше, чем от театральных схваток, в коих сражались вы до последнего вздоха, ибо война ваша со зрителями была хоть и необъявленной, но непримиримой, – вполне понятно, что тебе, столько раз в этой войне раненному, трусом кажется всякий, кто не познал подобных опасностей. (263) Но не стану более говорить о том, чему причиною могла быть бедность, и обращусь к собственным твоим порокам. Когда ты решился все-таки вступить на государственное поприще, то, пока отечество было благополучно, предпочитал жить по-заячьи, в страхе, и в трепете, и в вечном ожидании, что будешь бит за преступления, о которых и сам отлично знаешь, но едва сограждане твои оказались в беде, ты сразу приободрился – уж это всем видно. (264) Тысячи граждан погибли, а этот бодр и весел – так чего же по справедливости заслужил он от тех, кто остался в живых? И еще многое мог бы я порассказать о нем, однако воздержусь, ибо не нахожу возможным пристойно поведать вам обо всех его мерзостях и гнусностях, о которых у меня имеются свидетельства, так что говорю только о том, о чем мне самому говорить не стыдно.

(265) Итак, Эсхин, попробуй-ка теперь без злобы и пристрастия сравнить твою жизнь с моею, а потом спроси любого присутствующего, которую из двух этих судеб избрал бы он для себя. Ты служил при школе – я учился в школе, ты посвящал в таинства – я приобщался таинству, ты записывал за другими – я заседал и решал, ты играл третьи роли – я смотрел представление, ты проваливался – я освистывал, ты помогал врагам – я трудился ради отечества. (266) О прочем умолчу, но вот сегодня утверждается постановление о венке для меня, однако и тут все согласны, что нет за мною никаких преступлений, а тебя общее мнение искони числит среди наемных доносчиков, так что беспокоиться ты можешь лишь о том, позволят ли тебе клеветать и дальше или придется с этим покончить, если вдруг не соберешь ты пятой части камешков. Благая у тебя судьба, неужто не видишь? И после такой-то жизни ты еще бранишь мою!

(267) А теперь, письмоводитель, неси сюда свидетельские показания об исполненных мною общественных повинностях, я их оглашу. Ты тоже подай голос, почитай стихи, которые коверкал – ну, вроде этих:

Иду от мертвых нор и черных врат...

– или вроде этих:

Я горевестник поневоле, верь... –

или еще:

Тебе, злодею, зло... –

да, злейшее зло пусть достанется тебе от богов и пусть вслед за богами отвергнут тебя вот они, ибо ты дрянной гражданин и дрянной скоморох. Читай свидетельство. [Читаются свидетельские показания.] (268) Вот каков я в городских делах, что же до частных дел, то если еще не всем вам известно, как я учтив и дружелюбен и всегда готов помочь в нужде, тогда мне остается молчать, ибо нет смысла рассказывать и доказывать, кого я выкупал из вражеского плена и чьим дочерям давал приданое – ни о чем подобном тогда и говорить не стоит. (269) Почему же я держусь такого мнения? А потому, что, по-моему, благодетельствованный должен помнить о благодеянии весь свой век, но благодетель пусть забывает об услуге своей сразу – только так и возможно, если первый соблюдает приличия, а второй не унижается до мелочности. Напоминать и разглагольствовать о своей благотворительности – все равно что пускаться в попреки. Потому-то я не удостою его ответом и говорить об этих своих делах не буду, но удовлетворюсь мнением, которое у вас на сей счет уже сложилось.

(270) Однако я хочу, оставив в стороне частные дела, сказать вам еще кое-что о делах государственных. Если во всем подсолнечном мире ты, Эсхин, отыщешь хотя бы одного человека – будь то эллин или варвар, – не страдавшего прежде от самодержавства Филиппа и не страждущего ныне от самодержавства Александра, тогда пусть будет по-твоему, а я соглашусь, что всему виною мое счастье или злосчастье, это уж как тебе угодно называть. (271) Но если даже там, где меня не видывали и не слыхивали, столь многим людям довелось претерпеть столь многие бедствия – и не отдельным людям, а целым городам и народам! – если так, то неужто не честнее и вернее полагать, что всему виною сделалось общее несчастье чуть ли не всего человечества и некое неудачное и горькое стечение обстоятельств? (272) Между тем ты с этим отнюдь не считаешься и винишь меня за мои советы вот им, хотя отлично знаешь, что таким образом – во всяком случае, в большой мере – огулом бранишь всех, а пуще всех самого себя. Если бы я принимал решения самовластно, то остальные могли бы сваливать вину на меня, (273) но вы-то всегда присутствовали на Народных собраниях, а именно там по городскому нашему уставу разбираются дела государственной важности, и с решением этих дел были тогда вполне согласны все, и ты первый. Впрочем, ты-то уступал мне уважение, и

почести, и благие надежды, и все прочее, что доставалось мне за тогдашние мои дела, отнюдь не из личной приязни, но, конечно же, только потому, что ничего не умел возразить и вынужден был отступать перед истиной. Если все это было так, то неужто теперь не совершаешь ты преступной подлости, попрекая меня за предприятия, взамен которых ты в свое время не предложил ничего лучшего? (274) Насколько мне известно, у всех людей для подобных случаев имеются твердые и определенные правила: тому, кто совершил умышленное преступление, – гнев и отмщение, тому, кто ошибся по нечаянности, – сочувствие и прощение, ну, а тому, кто не совершил ни преступления, ни даже ошибки, но отдал себя делу, которое все считали правым, и вместе со всеми потерпел неудачу, по справедливости достаются не брань и попреки, а общее сострадание. (275) Правила эти очевидны не только из законов, но уже из естественного порядка вещей, в коем подтверждаются всеми неписаными уставами и человеческими обычаями. Вот и выходит, что Эсхин обогнал всех людей лживостью и жестокостью – ведь он хотя и помнит об общих наших неудачах, но даже их ставит мне в вину.

(276) Мало того, в притворной своей искренности и благонамеренности он еще и посоветовал вам давеча с особой настойчивостью, чтобы вы меня остерегались и чтобы следили, как бы я вас не перехитрил и не заморочил, ибо я-де ловкач, и обманщик, и краснобай – как только он меня тут не обзывал! Можно подумать, будто достаточно успеть обозвать другого именами, которые подходят тебе самому, как сразу противник твой точно таким и станет, а тогда уж слушателям нипочем не разобраться, каков ты сам. Однако я уверен, что вы все отлично его знаете и уже поняли, насколько более присущи ему поименованные им же свойства. (277) Я уверен также и в том, что искусные мои речи – но довольно! Скажу одно: ясно, что слушатели по своей воле наделяют силою говорящего, и потому правою бывает признана та сторона, которой вы выказываете больше внимания и благорасположения. Так вот, если я хотя бы немного смыслю в речах, то все вы можете видеть, что я всегда пользовался этим своим искусством ради общего блага и ради вас, а ради собственной выгоды и во вред вам – никогда, он же, напротив, не только старается ради ваших врагов, но еще и нападает на всякого, кто чем-нибудь ему досадил или не угодил. Право же, искусство его бесчестное и городу от него пользы нет! (278) Честному и благородному гражданину не положено ради собственной корысти внушать судьям, явившимся сюда во исполнение гражданского долга, гнев, ненависть и прочие подлые чувства – не положено ему идти к вам с такими намерениями, а еще лучше и вовсе не питать таких намерений, но уж если это неизбежно, то надобно хотя бы

соблюдать пристойность и скромность. А все же бывает ли так, что приходится говорить и действовать с пылкой решимостью? Да, бывает, ибо когда опасность грозит самому существованию государства и когда народ вступает в схватку с врагом, то без честного и отважного гражданина обойтись нельзя. (279) Но стараться наказать меня, хотя за мною не числится никакого государственного – замечу, что частного тоже – преступления, и стараться об этом не ради города и даже не ради собственной выгоды, а явиться сюда и подстроить каверзное обвинение лишь для того, чтобы отнять у меня венок и похвалу, – вот это уже означает личную вражду, и зависть, и низость, но честности тут и близко нет! Ну, а уклониться от прямого суда со мною и вместо этого обвинять вот его – просто сущая подлость! (280) Остается предполагать, что ты, Эсхин, выбрал этот суд не для того, чтобы добиться кары преступнику, но лишь желая похвастаться, как красно ты говоришь и какой зычный у тебя голос. Ты уж поверь: говорящего уважают не за витийство и даже не за глотку, но за согласие с мнением народным и за то, что ненавидит он и любит вместе с отечеством. (281) Воистину, кто душою таков, тот и в речах неизменно будет благонамерен, а если кто угождает людям, от которых город ждет себе беды, тот уже не заодно с народом, а стало быть, и мнение его о безопасности несогласно с общим мнением. Гляди – вот я, и я выбрал: что им хорошо, то и мне хорошо! Верно говорю: никогда и ни в каком деле не искал я выгоды для себя одного. (282) А ты? Ты не таков, отнюдь не таков! Ты сразу после битвы отправился послом к Филиппу, главному виновнику тогдашних бедствий нашего отечества, а ведь до того ты всегда отказывался от посольской должности – уж это всем известно. Так кто же обманывает сограждан? Разве не тот, кто говорит одно, а думает другое? И кому по справедливости назначены проклятия глашатая? Разве не такому вот лжецу? Да и может ли тот, кто обращается к народу, совершить преступление гнуснее этого – говорить одно, а думать другое? Однако же ты, как стало теперь очевидно, такое преступление совершил. (283) Неужто после всего, что было, ты еще смеешь тут разглагольствовать, глядя в глаза судьям? Неужто ты воображаешь, будто им неведомо, каков ты есть? Или, по-твоему, все тут крепко спят и до того обеспамятели, что позабыли, какие слова говорил ты им во время войны, когда клялся и божился, будто нет у тебя с Филиппом ничего общего и будто я взвожу на тебя это облыжное обвинение единственно по личной злобе? (284) Однако, едва пришли известия о битве, ты сам же сразу и безо всякого смущения во всем признался, да еще объявил, что связан-де с Филиппом дружбою и гостеприимством – так ты именовал свою наемную службу. Чтобы Эсхин, рожденный бубенщицей Главкофеей, доводился другом, гостеприимцем или хотя бы знакомцем Филиппу Македонскому – возможно ли найти для

подобного дива пристойное и честное объяснение? Я такого объяснения не вижу, а вижу, что ты нанят, и нанят нарочно – вредить всякому полезному делу. И все-таки, хотя предательство твое и раньше было очевидно и несомненно, а потом в уже упомянутых обстоятельствах ты сам себя уличил, ты теперь попрекаешь и укоряешь меня тем, в чем вернее было бы винить всех остальных.

(285) Множество прекрасных и великих дел затеял и исполнил наш город благодаря мне, и дела эти не забыты, Эсхин. Вот тебе доказательства. Когда народ после всего случившегося решал открытым голосованием, кто скажет надгробное слово павшим, то ни ты не собрал голосов, хотя выговор у тебя звучный, ни Демад, хотя он только что заключил мир, ни Гегемон и никто другой из вашей братии, а назначили меня. Уж сколько бесстыжих грубостей наговорили на меня вы с Пифоклом – свидетелями Зевс и боги! – уж сколько взводили на меня обвинений, точно таких, как нынешняя твоя клевета, а все-таки я прошел большинством голосов, (286) и ты отлично понимаешь почему, однако я еще раз тебе об этом скажу. Люди знали вас и знали меня: про меня они знали, что я во всех делах являл усердие и благонамеренность, а про вас знали, что вы изменники. Сами вы в благополучную пору отрицали это, но когда город наш попал в беду, в измене своей признались. Вот тут-то, когда среди общего несчастья вы заговорили начистоту, все наконец поняли, что вы издавна были врагами отечества, а теперь даже и скрываться перестали. (287) Поэтому и было решено, что говорить над павшими согражданами и хвалить их доблесть никак невозможно тому, кто делил крышу и стол с неприятелем, и что почетная эта должность не для того, кто воротился домой, весело отпраздновав гибель эллинов вместе со своеручными их убийцами, и что оплакивать такое горе подобает не притворными причитаниями, но от души – и такую скорбь люди замечали у себя и у меня, но не у вас, (288) а потому избран был я, а не вы. Не только весь народ рассудил так, но еще и отцы и братья павших, которым народ поручил позаботиться о погребении: помимо прочего, им нужно было устроить тризну, и – это уж как водится – устроить ее в доме ближайшего для павших человека, то есть у меня. Да и правду сказать, хотя у каждого убитого были близкие родственники, но у каждого свои, а для всех сразу я был ближе, ибо кто наипаче старался об их спасении и преуспевании, тот и принимает на себя горчайшую долю общей скорби о постигшем их несчастье.

(289) Прочитай-ка ему надпись, которую город высек в память о погибших, чтобы ты, Эсхин, уже из самой этой надписи мог понять, какой ты невежда, клеветник и мерзавец. Читай.

Здесь починут мужи, мечи подъявшие к брани,

Дабы в чужой стороне вражью гордыню смирить,

Ярость и доблесть явив на поле битвенном, жизни

Не сберегли, низойдя в дольний Аидов удел,

Лишь бы Элладе не знать позора гнусной неволи,

Лишь бы эллин не гнул шею под рабский ярем.

Так, после многих трудов, покорствуя промыслу божью,

Канула смертная персть в лоно родимой земли.

Боги хранят от невзгод и боги даруют удачу,

Но неизбежной судьбы людям бежать не дано.

(290) Слышишь, Эсхин, как тут сказано: «Боги хранят от невзгод и боги даруют удачу», – то есть нет у советника силы даровать победу в бою, такая сила только у богов! Зачем же ты, мерзавец, клянешь меня за поражение? Пусть проклятия твои падут на голову тебе и твоим споспешникам!

(291) Впрочем, господа афиняне, хотя и взводил он на меня множество облыжных обвинений, но больше всего меня удивляли не они, а то, как он говорил о тогдашних наших бедах – совсем не так, как положено благонамеренному и честному гражданину. Он не изъявлял ни горя, ни сердечной скорби, но так шумно тут веселился и так драл глотку, что лишь по собственному своему мнению обвинял меня, а на деле сам позорился, показывая, что не разделяет общей печали о случившемся. (292) Уж если кто твердит, будто заботится о порядке и законности, – а он теперь твердит именно это! – тот должен, если ничего другого не умеет, хотя бы разделять с народом радость и горе, отнюдь не примыкая к вражескому строю в государственных своих устремлениях. Но ты – то был с врагами и теперь сам изъясняешь это со всей откровенностью, утверждая, будто я повинен во всех несчастьях и будто из-за меня город потерпел поражение, хотя в действительности вы начали помогать эллинам вовсе не по моим уговорам и советам. (293) Право, если бы вы решили почитать моею заслугою, что воспротивились порабощению эллинов, то даровали бы мне награду превыше всех дарованных прежде наград, однако сам я ни за что не сказал бы такого, ибо этим обидел бы вас, да и вы ни за что не согласились бы со мною, да и он – будь он честен! – не стал бы из ненависти ко мне унижать своей клеветой величие ваших подвигов.

(294) Впрочем, что толку попрекать его этим, когда он успел оклеветать меня еще гнуснее? Есть ли такое, чего не скажет тот, кто обвиняет меня в приверженности – о Земля! о боги! – в приверженности Филиппу? Клянусь Гераклом и всеми богами, если уж разобраться по правде и безо всякой лжи и злобы сказать наконец, кто же были на самом деле те люди, на которых по справедливости следовало возложить вину за происшедшее, то вы увидите, что повсюду эти люди во всем уподоблялись ему, а не мне. (295) Еще в ту пору, когда Филипп был слаб и не слишком влиятелен, а мы со своей стороны часто предупреждали, и убеждали, и объясняли, как надобно действовать, то именно они ради своей жалкой корысти презрели общую пользу, да притом каждый старался обманывать и растлевать собственных сограждан, пока не обратил их в рабов: таковы были у фессалийцев Даох, Киней и Фрасидей, у аркадян – Керкид, Гиероним и Евкампид, у аргосцев – Миртид, Теледам и Мнасей, у элидян – Евксифей, Клеотим и Аристехм, у мессенян – сыновья святотатца Филиада Неон и Фрасилох, у сикионцев – Аристрат и Эпихар, у коринфян – Динарх и Демарат, у мегарян – Птеодор, Геликс и Перилл, у фиванцев – Тимолай, Феогитон и Анемет, у евбейцев – Гиппарх, Клитарх и Сосистрат. (296) Начни я перечислять имена всех предателей, так и дня не хватит! Все они, господа

афиняне, стараются у себя дома о том же, о чем вот эти стараются у вас, и все они – мерзавцы, подхалимы, гибель рода человеческого, ибо каждый из них изувечил свое отечество, пропил свободу с Филиппом, а теперь пропивает с Александром, измеряет счастье обжорством и похотью, попирает вольность и независимость, кои в прежние времена были для эллинов пределом и образцом блага.

(297) Однако же, господа афиняне, в этом позорном и постыдном сговоре, в этой подлости, а лучше сказать – если говорить без обиняков – в этой распродаже эллинской свободы город наш перед всеми людьми благодаря моим государственным предприятиям остался неповинен, а я остался неповинен перед вами. И ты еще спрашиваешь меня, за какие такие подвиги заслужил я награду? (298) Ну, так я тебе отвечу: за то, что, пока все эллинские государственные люди – начиная с тебя! – продавались сначала Филиппу, а потом Александру, я ни в каких обстоятельствах не поддавался ни ласковым речам, ни щедрым посулам, ни надеждам, ни страху и ничему другому, никогда не соблазняясь изменить благу отечества и делу, которое почитал правым; а когда подавал я советы согражданам, то ни разу не уподобился вам и никакая взятка мнения моего не перевесила, но осталась речь моя прямой, честной и неподкупной; а когда возглавил я величайшее государственное дело своего времени, то и на этом поприще всегда действовал честно и здравомысленно, – (299) вот за это я и заслужил награду. Что же до осмеянного тут тобою устройства стен и рвов, то, по-моему, и за это я заслужил благодарность и похвалу, да почему бы и нет? Но, конечно же, это было не главным из моих государственных дел, и я сам вовсе не почитаю его величайшим, ибо не камнями и кирпичами оборонил я наш город. Уж если тебе угодно знать, что сделал я для обороны, то гляди: вот оружие, и города, и крепости, и гавани, и корабли, и кони, и воины, готовые сражаться за нас! (300) Столько сделал я для обороны Аттики, сколько посильно человеческому разумению, и укрепил всю страну, а не только поставил стены вокруг города и Пирея. Нет, не одолел меня Филипп ни расчетами, ни приготовлениями, но вышло так, что сама судьба одолела бойцов и союзных полководцев. Есть ли тому доказательства? Да, есть, ясные и неопровержимые.

Вот поглядите. (301) Что требовалось тогда от благонамеренного гражданина, усердно старающегося о благе отечества со всею возможною предусмотрительностью и добросовестностью? Разве не следовало загородить Аттику с моря Евбеей, с суши – Беотией, со стороны Пелопоннеса – пограничными его областями? (302) Разве не

следовало озаботиться подвозом хлеба, чтобы вплоть до Пирея хлебный путь проходил только через дружественные страны? Разве не следовало одни из подчиненных нам городов спасти, послав им военную помощь и объявив о том в особых постановлениях, как было с Проконнесом, и Херсонесом, и Тенедом, а другие привлечь к себе и сделать союзниками, как было с Византией, и Абидом, и Евбеей? Разве не следовало переманить на свою сторону могущественнейших вражеских союзников, добавив отечеству силы, которой ему не доставало? Всего этого я и достигнул своими постановлениями и другими государственными предприятиями, (303) а стало быть, господа афиняне, если разобраться в делах моих беспристрастно, то сразу обнаружится, что все было сделано верно и честно и что ни единой благоприятной возможности я не упустил, но каждую заметил и использовал, да и вообще успел все, что доступно силе и разумению одного человека. Ну, а если противление некоего демона, или злосчастье, или никчемность военачальников, или подлость изменников, предавших ваши города, или все это сразу было помехою делу, пока не сгубило его совершенно, то чем тут виноват Демосфен? (304) Найдись в ту пору в каждом из эллинских городов человек, подобный мне и занимающий такое же место, как я у вас, или, по крайности, если бы только в Фессалии и в Аркадии нашлось хотя бы по одному человеку, согласному с моими мнениями, то ни по какую сторону Фермопил эллины не оказались бы в нынешнем своем положении, но (305) остались бы свободны и независимы и благоденствовали бы без страха и тревог каждый в своем отечестве, почитая себя обязанными за таковое счастье вам и прочим афинянам, – а сделал бы все это я. Да притом знайте, что я во избежание чьей-нибудь зависти весьма приуменьшаю в своем рассказе величие содеянного, – в доказательство моих слов возьми-ка, письмоводитель, перечень подкреплений, добытых по моим постановлениям, и прочитай его погромче. [Читается перечень подкреплений.] (306) Вот, Эсхин, как подобало действовать честному и благородному гражданину, и если бы все исполнялось должным образом, то мы, безо всяких сомнений, достигли бы небывалого величия, да притом еще и послужили бы правому делу, но если уж вышло по-другому, то все-таки при нас осталась добрая слава, ибо никто не станет попрекать нас нашими намерениями, но можно лишь сетовать на судьбу, назначившую событиям такой исход. (307) Однако же – клянусь Зевсом! – честный гражданин ни за что не изменит благу отечества, чтобы, продавшись врагам, служить чужой выгоде в ущерб родному своему городу, и не станет он взводить клевету на человека, с неотступным постоянством устно и письменно утверждающего честь родного города, и не станет таить и лелеять обиду, если кто не угодит ему в каком-нибудь частном деле, но и не станет отмалчиваться вопреки

закону и общей пользе, как это частенько делаешь ты. (308) Конечно, молчание бывает согласно и с законом, и с общею пользой – вот так, то есть безо всякого коварства молчите вы, а вы составляете большинство. Однако он-то отмалчивается не так, совсем не так! Когда ему это бывает удобно – а такое бывает часто, – он отстраняется от государственных дел и выжидает, пока вам не надоест многословный советчик, или пока судьба не окажется к вам неблагоприятна, или пока не случится еще какая-нибудь неприятность – а у людей чего не случается? – и вот тогда-то он вдруг объявляется со своими речами, точно как ветер, вырвавшись из бездейственного покоя, и уж тут надрыгает глотку, витийствует, плетет словеса, кричит все подряд безо всякой передышки, а толку от этого не выходит, и нет никому от речей его никакого проку, но каждому гражданину по отдельности они приносят горе, а всем вместе – общий позор.

(309) Конечно, Эсхин, будь это твое многоупражненное витийство непритворным и предназначенным на благо отечества, от него произошли бы прекрасные и славные и для всех прибыльные плоды – союзы между городами, прибавление достатка, устройство торговли, полезное законодательство, разоблачение и одоление врагов.

(310) Всеми этими делами и в прежние времена испытывали граждан, а недавнее наше прошлое предоставляло честным и благородным людям множество возможностей отличиться, но ты-то тогда со всею откровенностью не стремился ни к первому, ни ко второму, ни к третьему, ни к четвертому, ни к пятому, ни к шестому месту и вообще ни к какому месту – ни на каком месте не хотел ты служить величию отечества. (311) Да и правда, каких союзников приобрел город твоими стараниями? Кому помог? У кого снискал уважение и приязнь? Отправлялось ли куда-нибудь хоть единое посольство? Оказана ли была кому-нибудь хоть единая услуга, добавившая городу нашему доброй славы? Устроилось ли благодаря тебе хоть что-нибудь тут у нас, или вообще у эллинов, или в чужих странах? Где твои боевые корабли? Где верфи? Где конница? Где заново отстроенные стены? Принес ли ты хоть какую-нибудь пользу? Помогал ли ты богатым или бедным из собственных или казенных средств? Ты вообще ничего не делал! (312) Ты мне ответишь, что и без того-де выказывал благонамеренность и усердие, а я тебя снова спрошу: где и когда? Нет, подлец из подлецов, ты даже тогда, когда все, хоть раз говорившие с помоста, давали деньги на спасение города и когда Аристоник отдал последнее, скопленное им для восстановления в правах, – так вот, даже тогда ты увильнул и ничего не дал, и вовсе не по бедности. Какая же бедность? Ты как раз

унаследовал состояние свойственника твоего Филона, а это больше пяти талантов, да еще два таланта тебе собрали в подарок старосты податных обществ за то, что ты мешал провести Закон о судостроителях. (313) Впрочем, об этом я не стану распространяться, не то – слово за слово – отвлекусь от нынешнего своего предмета. Итак, из сказанного ясно, что денег ты не дал отнюдь не по бедности, но из осторожности – опасаясь не угодить тем, ради кого затевал ты все свои дела. Так когда же ты ведешь себя молодцом и являешься во всем блеске? А вот когда надо навредить согражданам, тогда у тебя и голос самый зычный, и память самая крепкая, и притворства хоть отбавляй, ну точно трагический Феокрин!

(314) Еще ты тут поминал доблестных мужей старого времени, и это выходило у тебя отменно. Однако же, господа афиняне, вряд ли справедливо злоупотреблять вашим почтением к памяти усопших, чтобы судить обо мне, вашем современнике, в сравнении с ними! (315) Всякому известно, что живым непременно, хотя бы исподтишка, завидуют – иногда больше, иногда меньше, – а к усопшим не питают ненависти даже их бывшие враги. Так ведется от природы, тогда возможно ли судить обо мне тут и теперь на основании подобных примеров? Никак невозможно! Нет, Эсхин, твои примеры неуместны и недобросовестны, а лучше сравни-ка ты меня с самим собой или с любым из твоих товарищей, но только с живым. (316) Да еще поразмысли, что же будет лучше и полезнее для города: возносить бывшие подвиги – пусть великие, пусть несказанно великие – на такую высоту, чтобы нынешние дела остались в забвении и пренебрежении, или все-таки позволить всякому, кто делает дело свое усердно и честно, стяжать от сограждан почет и приязнь? (317) Впрочем, раз уж надобно мне говорить обо всем этом, то скажу, что государственные мои дела и предприятия явно сходятся с подвигами древле прославленных мужей, да и намерения у меня с ними были одинаковые, а вот ты столь же очевидно похож на платных доносчиков тех давних времен. Яснее ясного, что уже и тогда находились люди, которые ради унижения своих соперников восхваляли подвиги минувших дней, то есть пользовались для брани и клеветы именно твоими приемами, Эсхин. (318) И ты еще говоришь, будто я-де совсем не похож на великих пращуров! Уж не ты ли на них похож? Или твой братец? Или кто другой из нынешних говорунов? Вот я решительно утверждаю, что на них не похож вообще никто, однако ты, любезный, – уж не стану называть тебя иначе, – ты в своих рассуждениях сравнивай живых с живыми и современников с современниками, о ком бы ни шла речь, хотя бы даже о стихотворцах, или об актерах, или об атлетах. (319)

Разве Филаммон, который, конечно же, был слабее Главка Каристийского и других древних силачей, ушел из Олимпии без венка? Нет, он был объявлен победителем и получил венок, потому что бился лучше всех своих действительных соперников! Так и ты сравнивай меня с нынешними государственными людьми, сравнивай с самим собой и с кем тебе угодно из живых – вот тут я и слова поперек не скажу.

(320) Однако пока у города оставалась возможность избирать наилучшее и пока для всех было равно доступно состязаться в преданности отечеству, то самыми убедительными оказывались мои речи, и все устраивалось при помощи моих постановлений, моих законов и моих посольств, а из твоей братии никого и видно не было – ну разве что изредка, когда вам становилось невтерпех кому-нибудь напакостить. Но едва случилось то самое, чему лучше бы не случаться, и выбирать пришлось уже не советников, но холуев на посылки, которые всегда готовы за деньги услужать врагам отечества и с охотою пресмыкаются перед теми, перед кем велено пресмыкаться, вот тогда-то ты и все твои товарищи сразу оказались при деле и стали богаты табунами, а я оказался слаб. Да, слаб, с этим я согласен, но зато куда как более предан согражданам!

(321) Две обязанности, господа афиняне, есть у гражданина, по самому естеству своему добропорядочного – я именую себя так, чтобы уж вовсе никому не было завидно, – и первая обязанность в том, чтобы в пору благоденствия оберегать у сограждан рвение к подвигам и к первенству, а вторая в том, чтобы всегда и при всех обстоятельствах оставаться им верным, ибо верность врождена, а власть и сила приходят извне. Однако вы можете убедиться, что как раз верен-то я вам оставался и остаюсь всегда и во всем.

(322) Глядите сами. Чего только со мною не бывало: меня требовали выдать головой, меня стращали возмездием амфиктионов, мне угрожали, меня пытались подкупить, на меня натравливали этих вот гнусных тварей – но несмотря ни на что преданность моя вам пребывала неизменной. А почему? А потому, что, едва вступив на государственное поприще, сразу избрал я для себя прямой и честный путь – блюсти и неустанно приумножать силу и славу и преуспевание отечества. Такова моя служба. (323) Да, я не только не слоняюсь по площади, сияя от радости за чужие удачи и кидаясь с поздравлениями и рукопожатиями к тем, кто авось да оповестит обо мне кого следует, но я к тому же не щетинюсь от страха и не потупляю долу скорбных очей, слыша хорошие

для города нашего новости, – да, я не похож на этих вот мерзавцев. Это они позорят наш город – можно подумать, будто тем самым они не позорят себя! – это они глядят на сторону, восхваляя злосчастье эллинов и счастье чужаков, это они уговаривают всех сохранить нынешний порядок на веки вечные. (324) Но нет, не бывать такому! Я взываю ко всем богам вместе и к каждому особо: не позволяйте подобного! Лучше внушите этим нечестивцам здравый смысл и честное разумение, если же окажутся они неисправимы, то сделайте так, чтобы сгинули они без следа в безднах земных и в безднах морских, а нам, оставшимся, даруйте наискорейшее избавление от подступившей беды и мирную жизнь.

1 Речь «За Ктесифонта о венке», произнесенная в 330 году до Р. Х., – ответ Демосфена на высказанные против него обвинения Эсхина в незаконности присуждения венка. Отступая от традиции отвечать на обвинения последовательно, по всем пунктам, Демосфен начинает с последнего пункта обвинения и превращает речь в похвалу своей деятельности. В итоге более 4/5 судей проголосовало за Демосфена.

Речь о венке стала образцом античного ораторского мастерства и служила примером для подражания многим ораторам разных поколений.

Печатается по: Ораторы Греции. – Состав. М.Л. Гаспаров. – М., 1985. – Перевод с древнегреческого Е. Рабинович.

Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до Р.Х.)

- Первая речь против Катилины
- Вторая речь против Луция Сергия Катилины
- Третья речь против Луция Сергия Катилины

• Четвёртая речь против Луция Сергия Катилины

Родившись в провинциальном городке, Цицерон учился мастерству красноречия у греческих риториков. Уже в юности он стал известен в Риме благодаря речи «В защиту Сеста Росция из Америи». Всеобщая слава пришла к Цицерону после цикла разоблачительных «Речей против Гая Верреса» – погрязшего в коррупции всесильного наместника Сицилии. В 63 году до Р.Х. Цицерон достиг высшей должности в Римском государстве – консула. На этом посту он произнес четыре речи «Против Катилины».

В последние годы жизни, пережив и взлеты, и падения, Цицерон произносил «Филиппики» – четырнадцать речей против пришедшего к власти после убийства Цезаря Марка Антония. Пав жертвой предательства, Цицерон был убит во время неудавшегося побега из Рима наемниками Антония.

Первая речь против Катилины

[В сенате, в храме Юпитера Статора, 8 ноября 63 года до Р. Х.]

(I, 1) Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?1 Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? (2) О времена! О нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы,

храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия. Казнить тебя, Катилина, уже давно следовало бы, по приказанию консула, против тебя самого обратить губительный удар, который ты против всех нас уже давно готовишь. (3) Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть? О событиях далекого прошлого я, пожалуй, говорить не буду – например, о том, что Гай Сервилий Агала своей рукой убил Спурия Мелия, стремившегося произвести государственный переворот. Была, была некогда в нашем государстве доблесть, когда храбрые мужи были готовы подвергнуть гражданина, несущего гибель, более жестокой казни, чем та, какая предназначена для злейшего врага. Мы располагаем против тебя, Катилина, решительным и веским постановлением сената. Не изменяют государству ни мудрость, ни авторитет этого сословия; мы – говорю открыто – мы, консулы, изменяем ему. (II, 4) Сенат своим постановлением некогда обязал консула Луция Оппимия принять меры, дабы государство не понесло ущерба. Не прошло и ночи – и был убит, вследствие одного лишь подозрения в подготовке мятежа, Гай Гракх, сын, внук и потомок знаменитых людей; был предан смерти, вместе со своими сыновьями, консуляр Марк Фульвий. На основании такого же постановления сената защита государства была вверена консулам Гаю Марию и Луцию Валерию. Заставила ли себя ждать хотя бы один день смерть народного трибуна Луция Сатурнина и претора Гая Сервилия, вернее, кара, назначенная для них государством? А мы вот уже двадцатый день спокойно смотрим, как притупляется острие полномочий сената. Правда, и мы располагаем таким постановлением сената, но оно таится в записях и подобно мечу, вложенному в ножны; на основании этого постановления сената тебя, Катилина, следовало немедленно предать смерти, а между тем ты все еще живешь и живешь не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет, – чтобы укрепиться в ней. Хочу я, отцы-сенаторы, быть милосердным; не хочу, при таких великих испытаниях для государства, показаться безвольным; но я сам уже осуждаю себя за бездеятельность и трусость. (5) В самой Италии, на путях в Этрурию, устроен лагерь на гибель римскому народу; с каждым днем растет число врагов, а самого начальника этого лагеря, императора и предводителя врагов, мы видим в своих стенах, более того – в сенате; изо дня в день готовит он изнутри гибель государству. Если я тотчас же велю тебя схватить, Катилина, если я велю тебя казнить, то мне, несомненно, придется бояться, что все

честные люди признают мой поступок запоздалым, а не опасаться, что кто-нибудь назовет его слишком жестоким.

Но, что уже давно должно было быть сделано, я, имея на это веские основания, все еще не могу заставить себя привести в исполнение. Ты будешь казнен только тогда, когда уже не найдется ни одного столь бесчестного, столь низко павшего, столь подобного тебе человека, который не признал бы, что это совершенно законно. (6) Но пока есть хотя бы один человек, который осмелится тебя защищать, ты будешь жить, но так, как живешь ныне, – окруженный моей многочисленной и надежной стражей, дабы у тебя не было ни малейшей возможности даже пальцем шевельнуть во вред государству. Более того, множество глаз и ушей будет – незаметно для тебя, как это было также и до сего времени, – за тобой наблюдать и следить.

(III) И в самом деле, чего еще ждешь ты, Катилина, когда ни ночь не может скрыть в своем мраке сборище нечестивцев, ни частный дом – удержать в своих стенах голоса участников твоего заговора, если все становится явным, все прорывается наружу? Поверь мне, уже пора тебе изменить свой образ мыслей; забудь о резне и поджогах. Ты окружен со всех сторон; света яснее нам все твои замыслы, которые ты можешь теперь обсудить вместе со мной. (7) Разве ты не помнишь, как за одиннадцать дней до ноябрьских календ я говорил в сенате, что в определенный день, а именно за пять дней до ноябрьских календ, возьмется за оружие Гай Манлий, твой приверженец и орудие твоей преступной отваги? Разве я ошибся, Катилина, не говорю уже – в том, что произойдет такое ужасное и невероятное событие, но также – и это должно вызывать гораздо большее изумление, – в определении его срока? И я же сказал в сенате, что ты назначил резню оптиматов на день за четыре дня до ноябрьских календ – тогда, когда многие из первых наших граждан бежали из Рима не столько ради того, чтобы избежать опасности, сколько для того, чтобы не дать исполниться твоим замыслам. Можешь ли ты отрицать, что в тот самый день ты, окруженный со всех сторон моими отрядами, благодаря моей бдительности не смог ни шагу сделать против государства, но, по твоим словам, ввиду отъезда всех остальных ты был бы вполне удовлетворен, если бы тебе удалось убить одного меня, коль скоро я остался в Риме? (8) А потом? Когда ты был уверен, что тебе в самые ноябрьские календы удастся ночью, одним натиском, захватить Пренесту, не понял ли ты тогда, что колония эта, именно по моему приказанию, была обеспечена войсками, охраной, ночными дозорами? Ты ничего не можешь ни сделать, ни

затянуть, ни задумать без того, чтобы я об этом не услышал, более того – этого не увидел и ясно не ощутил.

(IV) Припомни же, наконец, вместе со мной события достопамятной позапрошлой ночи и ты сразу поймешь, что я с гораздо большим усердием неусыпно охраняю благополучие государства, чем ты готовишь ему гибель. Я утверждаю, что ты в эту ночь пришел на улицу Серповщиков – буду говорить напрямик – в дом Марка Леки; там же собралось множество соучастников этого безрассудного преступления. Смеешь ли ты отпираться? Что ж ты молчишь? Докажу, если вздумаешь отрицать. Ведь я вижу, что здесь, в сенате, присутствует кое-кто из тех, которые были вместе с тобой. (9) О бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живем? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира! И я, консул, вижу их здесь, даже предлагаю им высказать свое мнение о положении государства и все еще не решаюсь уязвить словами людей, которых следовало бы истребить мечом.

Итак, ты был у Леки в эту ночь, Катилина! Ты разделил на части Италию, ты указал, кому куда следовало выехать; ты выбрал тех, кого следовало оставить в Риме, и тех, кого следовало взять с собой; ты распределил между своими сообщниками кварталы Рима, предназначенные для поджога, подтвердил, что ты сам в ближайшее время выедешь из города, но сказал, что ты все же еще не надолго удержишься, так как я еще жив. Нашлись двое римских всадников, выразивших желание избавить тебя от этой заботы и обещавших тебе в ту же ночь, перед рассветом, убить меня в моей постели. (10) Обо всем этом я узнал, как только было распущено ваше собрание. Дом свой я надежно защитил, усилив стражу; не допустил к себе тех, кого ты ранним утром прислал ко мне с приветствиями; впрочем, ведь пришли как раз те люди, чей приход – и притом именно в это время – я уже заранее предсказал многим виднейшим мужам.

(V) Теперь, Катилина, продолжай идти тем путем, каким ты пошел; покинь, наконец, Рим; ворота открыты настежь, уезжай. Слишком уж долго ждет тебя, императора, твой славный Манлиев лагерь. Возьми с собой и всех своих сторонников; хотя бы не от всех, но от возможно большего числа их очисти Рим. Ты избавишь меня от сильного страха, как только мы будем отделены друг от друга городской стеной. Находиться среди нас ты уже

больше не можешь; я этого не потерплю, не позволю, не допущу. (11) Великую благодарность следует воздать бессмертным богам и, в частности, этому вот Юпитеру Статору, древнейшему стражу нашего города, за то, что мы уже столько раз были избавлены от столь отвратительной язвы, столь ужасной и столь пагубной для государства. Отныне благополучию государства не должна уже угрожать опасность от одного человека. Пока ты, Катилина, строил козни мне, избранному консулу, я защищался от тебя не с помощью официально предоставленной мне охраны, а принимая свои меры предосторожности. Но когда ты, во время последних комиций по выбору консулов, хотел меня, консула, и своих соискателей убить на поле, я пресек твою нечестивую попытку, найдя защиту в лице многочисленных друзей, не объявляя, однако, чрезвычайного положения официально. Словом, сколько раз ни пытался ты нанести мне удар, я отражал его сам, хотя и понимал, что моя гибель была бы большим несчастьем для государства. (12) Но теперь ты уже открыто хочешь нанести удар государству в целом; уже и храмы бессмертных богов, городские дома, всех граждан, всю Италию обрекаешь ты на уничтожение и гибель. Поэтому, коль скоро я все еще не решаюсь совершить то, что является моей первой обязанностью и на что дает мне право предоставленный мне империй и заветы наших предков, я прибегну к каре более мягкой, но более полезной для всеобщего спасения. Если я прикажу тебя казнить, то остальные люди из шайки заговорщиков в государстве уцелеют; но если ты, к чему я уже давно тебя склоняю, уедешь, то из Рима будут удалены обильные и зловердные подонки государства в лице твоих приверженцев. (13) Что же, Катилина? Неужели же ты колеблешься сделать по моему приказанию то, что ты был готов сделать добровольно? Консул велит врагу удалиться из Рима. Ты спрашиваешь меня – неужели в изгнание? Я тебе не велю, но, раз ты меня спрашиваешь, советую так поступить.

(VI) И в самом деле, Катилина, что еще может радовать тебя в этом городе, где, кроме твоих заговорщиков, пропащих людей, не найдется никого, кто бы тебя не боялся, кто бы не чувствовал к тебе ненависти? Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в своей частной жизни? Каким только непристойным зрелищем не осквернил ты своих глаз, каким деянием – своих рук, какой гнусностью – всего своего тела? Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению или же факела на пути к разврату? (14) Разве недавно, когда ты, смертью своей первой жены, приготовил свой опустевший дом для нового брака, ты не добавил к

этому злодеянию еще другого, невообразимого? Не стану о нем говорить – пусть лучше о нем молчат, – дабы не казалось, что в нашем государстве такое чудовищное преступление могло произойти или же остаться безнаказанным. Не буду говорить о твоём полном разорении, всю тяжесть которого ты почувствуешь в ближайшие дни. Перехожу к тому, что относится не к твоей позорной и порочной частной жизни, не к твоим семейным бедствиям и бесчестию, а к высшим интересам государства, к нашему существованию и всеобщему благополучию.

(15) Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты в консульство Лепида и Тулла, в канун январских календ стоял на комиций с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа? Я и об этом не стану распространяться; ибо это ни для кого не тайна, а ты и впоследствии совершил немало преступлений. Сколько раз покушался ты на мою жизнь, пока я был избранным консулом, сколько раз – во время моего консульства! От скольких твоих нападений, рассчитанных так, что, казалось, не было возможности их избежать, я спасся, как говорится, лишь чуть-чуть отклонившись в сторону! Ничего тебе не удастся, ничего ты не достигаешь, но все-таки не отказываешься от своих попыток и стремлений. (16) Сколько раз уже вырывали кинжал у тебя из рук! Сколько раз он случайно выскальзывал у тебя из рук и падал на землю! Не знаю, во время каких таинств, каким обетом ты посвятил его богам, раз ты считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула.

(VII) А теперь какова твоя жизнь? Ведь я теперь буду говорить с тобой так, словно мной движет не ненависть, что было бы моим долгом, а сострадание, на которое ты не имеешь никакого права. Ты только что явился в сенат. Кто среди этого многочисленного собрания, среди стольких твоих друзей и близких приветствовал тебя? Ведь этого – с незапамятных времен – не случалось ни с кем; и ты еще ждешь оскорбительных слов, когда само это молчание – уничтожающий приговор! А то, что после твоего прихода твоя скамья опустела, что все консулы яры, которых ты в прошлом не раз обрекал на убийство, пересели, оставив незанятыми скамьи той стороны, где сел ты? Как ты можешь это терпеть?

(17) Если бы мои рабы боялись меня так, как тебя боятся все твои сограждане, то я, клянусь Геркулесом, предпочел бы покинуть свой дом. А ты не считаешь нужным покинуть Рим? И если бы я видел, что я – пусть даже незаслуженно – навлек на себя такое тяжкое подозрение и неприязнь сограждан, то я отказался бы от общения с ними, только бы не чувствовать ненависти в их взглядах. Ты же, зная за собой свои злодеяния и признавая всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься, бежать ли тебе от взоров и от общества тех людей, чьи умы и чувства страдают от твоего присутствия? Если бы твои родители боялись и ненавидели тебя и если бы тебе никак не удавалось смягчить их, ты, мне думается, скрылся бы куда-нибудь с их глаз. Но теперь отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства. И ты не согласишься перед ее решением, не подчинишься ее приговору, не испугаешься ее могущества? (18) Она так обращается к тебе, Катилина, и своим молчанием словно говорит: «Не было в течение ряда лет ни одного преступления, которого не совершил ты; не было гнусности, учиненной без твоего участия; ты один безнаказанно и беспрепятственно убивал многих граждан, притеснял и разорял наших союзников; ты оказался в силах не только пренебрегать законами и правосудием, но также уничтожать их и попираť. Прежние твои преступления, хотя они и были невыносимы, я все же терпела, как могла; но теперь то, что я вся охвачена страхом из-за тебя одного, что при малейшем лязге оружия я испытываю страх перед Катилиной, что каждый замысел, направленный против меня, кажется мне порожденным твоей преступностью, – все это нестерпимо. Поэтому удались и избавь меня от этого страха; если он справедлив – чтобы мне не погибнуть; если он ложен – чтобы мне, наконец, перестать бояться». (VIII, 19) Если бы отчизна говорила с тобой так, неужели ты не должен был бы повиноваться ей, даже если бы она не могла применить силу?

А то, что ты сам предложил взять тебя под стражу, что ты, дабы избежать подозрения, заявил о своем желании жить в доме у Мания Лепида? Не принятый им, ты даже ко мне осмелился явиться и меня попросил держать тебя в моем доме. Получив и от меня ответ, что я никак не могу чувствовать себя в безопасности, находясь с тобой под одним кровом, потому что подвергаюсь большой опасности, уже находясь с тобой в одних и тех же городских стенах, ты пришел к претору Квинту Метеллу; отвергнутый им, ты переселился к своему сотоварищу, отличнейшему человеку, Марку Метеллу, которого ты, очевидно, считал крайне исполнительным в деле охраны, в высшей степени проницательным в его

подозрениях и непоколебимым при наказании. Итак, долго ли до тюрьмы и оков тому, кто уже сам признал себя заслуживающим заключения под стражу? (20) И при таких обстоятельствах, Катилина, ты, если у тебя нет сил спокойно покончить с жизнью, еще не знаешь, стоит ли тебе уехать в какую-либо страну и жизнь свою, которую ты спасешь от множества мучений, вполне тобой заслуженных, влачить в изгнании и одиночестве?

«Доложи, – говоришь ты, – об этом сенату». Ведь ты этого требуешь и выражаешь готовность, если это сословие осудит тебя на изгнание, ему повиноваться. Нет, я докладывать не буду – это против моих правил – и все-таки заставлю тебя понять, что думают о тебе присутствующие. Уезжай из Рима, Катилина; избавь государство от страха; в изгнание – если ты именно этого слова ждешь от меня – отправляйся. Что же теперь? Ты еще чего-то ждешь? Разве ты не замечаешь молчания присутствующих? Они терпят, молчат. К чему ждать тебе их приговора, если их воля ясно выражена их молчанием? (21) Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку, Публию Сестию, или же храбрейшему мужу, Марку Марцеллу, то сенат в этом же храме, с полным правом, на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; храня молчание, громко говорят; и так поступают не только эти вот люди, чей авторитет ты, по-видимому, высоко ценишь, но чью жизнь не ставишь ни во что, но также и вон те римские всадники, глубоко почитаемые и честнейшие мужи, и другие храбрейшие граждане, стоящие вокруг этого храма; ведь ты мог видеть, сколь они многочисленны, почувствовать их рвение, а недавно и услышать их возгласы. Мне уже давно едва удается удержать их от вооруженной расправы с тобой, но я с легкостью подвигну их на то, чтобы они – в случае, если ты будешь оставлять Рим, который ты уже давно стремишься уничтожить, – проводили тебя до самых ворот.

(IX, 22) Впрочем, к чему я это говорю? Разве возможно, чтобы тебя что-либо сломило? Чтобы ты когда-либо исправился, помыслил о бегстве, подумал об изгнании? О, если бы бессмертные боги внушили тебе это намерение! Впрочем, я понимаю, какая страшная буря ненависти – в случае, если ты, уstraшенный моими словами, решишь удалиться в изгнание – угрожает мне если не в настоящее время, когда память о твоих злодеяниях еще свежа, то, во всяком случае, в будущем. Но пусть будет так, только бы это несчастье обрушилось на меня одного и не грозило опасностью государству! Однако требовать от тебя, чтобы тебя привели в ужас твои собственные пороки, чтобы ты побоялся законной

кары, чтобы ты подумал об опасном положении государева, не приходится. Не таков ты, Катилина, чтобы совесть удержала тебя от подлости, страх – от опасных действий или же здравый смысл – от безумия. (23) Итак – говорю это уже не в первый раз, – уезжай, причем, если ты, как ты заявляешь, хочешь разжечь ненависть ко мне, своему недругу, то уезжай прямо в изгнание. Тяжко будет мне терпеть людскую молву, если ты так поступишь; тяжело будет мне выдерживать лавину этой ненависти, если ты уедешь в изгнание по повелению консула. Но если ты, напротив, предпочитаешь меня возвеличить и прославить, то покинь Рим вместе с наглой шайкой преступников, отправляйся к Манлию и призови пропащих граждан к мятежу, порви с честными людьми, объяви войну отчизне, предайся нечестивому разбою, дабы казалось, что ты выехал из Рима не изгнанный мною к чужим, но приглашенный к своим.

(24) А впрочем, зачем мне тебе это предлагать, когда ты – как я знаю – уже послал вперед людей, чтобы они с оружием в руках встретили тебя вблизи Аврелиева Форума; когда ты – как я знаю – назначил определенный день для встречи с Манлием; более того, когда ты даже того серебряного орла, который, я уверен, губительным и роковым окажется именно для тебя самого и для всех твоих сторонников и для которого у тебя в доме была устроена нечестивая божница, когда ты этого самого орла, как я знаю, уже послал вперед? Как ты сможешь и долее обходиться без него, когда ты не раз возносил к нему моления, отправляясь на резню, и после прикосновения к его алтарю твоя нечестивая рука так часто переходила к убийству граждан?

(X, 25) И вот ты наконец отправишься туда, куда твоя необузданная и бешеная страсть уже давно тебя увлекает. Ведь это не только не удручает тебя, но даже доставляет тебе какое-то невыразимое наслаждение. Для этого безрассудства тебя природа породила, твоя воля воспитала, судьба сохранила. Никогда не желал ты, не говорю уже – мира, нет, даже войны, если только эта война не была преступной. Ты набрал себе отряд из бесчестного сброда пропащих людей, потерявших не только все свое достоинство, но также и всякую надежду. (26) Какую радость будешь ты испытывать, находясь среди них, какому ликованию предаваться! Какое наслаждение опьянит тебя, когда ты среди своих столь многочисленных сторонников не услышишь и не увидишь ни одного честного человека! Ведь именно для такого образа жизни ты и придумал свои знаменитые лишения – лежать на голой земле не только, чтобы насладиться беззаконной страстью, но и чтобы совершить злодеяние; бодрствовать, злоумышляя не только против спящих мужей, но и

против мирных богатых людей. У тебя есть возможность блеснуть своей хваленой способностью переносить голод, холод, всяческие лишения, которыми ты вскоре будешь сломлен. (27) Отняв у тебя возможность быть избранным в консулы, я, во всяком случае, достиг одного: как изгнанник ты можешь покушаться на государственный строй, но как консул ниспровергнуть его не можешь – твои злодейские действия будут названы разбоем, а не войной.

(XI) Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны, прошу вас внимательно выслушать меня с тем, чтобы мои слова глубоко запали вам в душу и в сознание. В самом деле, если отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия, все государство мне скажут: «Марк Туллий, что ты делаешь? Неужели тому, кого ты разоблачил как врага, в ком ты видишь будущего предводителя мятежа, кого, как ты знаешь, как императора ожидают во вражеском лагере – зачинщику злодейства, главарю заговора, вербовщику рабов и граждан губителю, ты позволишь удалиться, так что он будет казаться не выпущенным тобой из Рима, а впущенным тобой в Рим? Неужели ты не повелишь заключить его в тюрьму, повлечь на смерть, предать мучительной казни? (28) Что, скажи, останавливает тебя? Уж не заветы ли предков? Но ведь в нашем государстве далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель.

Или существующие законы о казни, касающиеся римских граждан? Но ведь в нашем городе люди, изменившие государству, никогда не сохраняли своих гражданских прав. Или ты боишься ненависти потомков? Поистине прекрасно воздашь ты благодарность римскому народу, который тебя, человека, известного только личными заслугами и не порученного ему предками, так рано вознес по ступеням всех почетных должностей к высшей власти, если ты, боясь ненависти и страхась какой-то опасности, пренебрежешь благополучием своих сограждан. (29) Но если в какой-то мере и следует опасаться ненависти, то разве ненависть за проявленную суровость и мужество страшнее, чем ненависть за слабость и трусость? Когда война начнет опустошать Италию, когда будут рушиться города, пылать дома, что же, тогда, по-твоему, не сожжет тебя пламя ненависти?» (XII) Отвечу коротко на эти священные слова государства и на мысли людей, разделяющих эти взгляды. Да, отцы-сенаторы, если бы я считал наилучшим решением покарать Катилину смертью, я этому гладиатору и часа не дал бы прожить. И в самом деле, если выдающиеся мужи и самые известные граждане не только не запятнали себя,

но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка, а также многих предшественников их, то мне, конечно, нечего было бояться, что казнь этого братоубийцы, истребляющего граждан, навлечет на меня ненависть грядущих поколений. Как бы ни была сильна эта угроза, я все же всегда буду убежден в том, что ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой.

(30) Впрочем, кое-кто в этом сословии либо не видит того, что угрожает нам, либо закрывает глаза на то, что видит. Люди эти снисходительностью своей обнадеживали Катилину, а своим недоверчивым отношением благоприятствовали росту заговора при его зарождении. Опираясь на их авторитет, многие не только бесчестные, но просто неискушенные люди – в случае, если бы я Катилину покарал, – назвали бы мой поступок жестоким и свойственным разве только царю. Но теперь я полагаю, что если Катилина доберется до лагеря Манлия, в который он стремится, то никто не будет столь глуп, чтобы не увидеть ясно, что заговор действительно существует, и никто – столь бесчестен, чтобы это отрицать. Я понимаю, что, казнив одного только Катилину, можно на некоторое время ослабить эту моровую болезнь в государстве, но навсегда уничтожить ее нельзя. Если же он сам удалится в изгнание, уведет с собой своих приверженцев и захватит с собой также и прочие подонки, им отовсюду собранные, то будут окончательно уничтожены не только эта, уже застарелая болезнь государства, но также и корень и зародыш всяческих зол. (XIII, 31) И в самом деле, отцы-сенаторы, ведь мы уже давно живем среди опасностей и козней, связанных с этим заговором, но почему-то все злодейства, давнишнее бешенство и преступная отвага созрели и вырвались наружу именно во время моего консульства. Если из такого множества разбойников будет устранен один только Катилина, то нам, пожалуй, на какое-то короткое время может показаться, что мы избавлены от тревоги и страха; но опасность останется и будет скрыта глубоко в жилах и теле государства. Часто люди, страдающие тяжелой болезнью и мечущиеся в бреду, если выпьют ледяной воды, вначале чувствуют облегчение, но затем им становится гораздо хуже; так и эта болезнь, которой страдает государство, ослабевшая после наказания Катилины, усилится еще более, если остальные преступники уцелеют.

(32) Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Пусть они перестанут покушаться на жизнь консула у него в доме, стоять вокруг

трибунала городского претора, осаждать с мечами в руках курию, готовить зажигательные стрелы и факелы для поджога Рима; пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы – такой авторитет, римские всадники – такое мужество, все честные люди – такую сплоченность, что после отъезда Катилины все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблаченными, подавленными и понесшими должную кару.

(33) При этих предзнаменованиях, Катилина, на благо государству, на беду и на несчастье себе, на гибель тем, кого с тобой соединили всяческие братоубийственные преступления, отправляйся на нечестивую и преступную войну. А ты, Юпитер, чью статую Ромул воздвиг при тех же авспициях, при каких основал этот вот город, ты, которого мы справедливо называем оплотом нашего города и державы, отразишь удар Катилины и его сообщников от своих и от других храмов, от домов и стен Рима, от жизни и достояния всех граждан; а недругов всех честных людей, врагов отчизны, опустошителей Италии, объединившихся в злодейском союзе и нечестивом сообществе, ты обречешь – живых и мертвых – на вечные муки.

1 Речи против Луция Сергия Катилины – образец красноречия Цицерона. Не имея реальных улик против Катилины, Цицерон, тем не менее, добился отъезда своего политического противника из Рима. Когда были схвачены сторонники Катилины, у них обнаружили письма, свидетельствовавшие о заговоре. По инициативе Цицерона заговорщики были казнены. Сам Катилина погиб вместе с отрядом верных ему людей 5 января 62 года до Р. Х. во время сражения с правительственными войсками.

Печатается по: Марк Туллий Цицерон. Речи: В 2-х томах. – М., 1993. – Т. 1. – Перевод В. Горенштейн.

Вторая речь против Луция Сергия Катилины

[На форуме, 9 ноября 63 года до Р. Х.]

(I, 1) На этот раз, квинтиты, Луция Катилину, безумствующего в своей преступности, злодейством дышащего, гибель отчизны нечестиво замышляющего, мечом и пламенем вам и этому городу угрожающего, мы, наконец, из Рима изгнали или, если угодно, выпустили, или, пожалуй, при его добровольном отъезде проводили напутственным словом. Он ушел, удалился, бежал, вырвался. Этот выродок, это чудовище уже не будет внутри городских стен готовить гибель этим самым стенам. И этого главаря междоусобной войны мы, бесспорно, победили. Уже не будет угрожать нашей груди этот кинжал; ни на поле, ни на форуме, ни в курии, ни, наконец, в своем собственном доме не будем мы трепетать в страхе. С позиции сбит он тем, что удален из Рима. Теперь нам уже никто не помешает по всем правилам вести войну с врагом. Без всякого сомнения, мы уже погубили его и одержали над ним блестящую победу, заставив его от тайных козней перейти к открытому разбою. (2) А тем, что он не обнажил своего окровавленного меча, как хотел, тем, что он удалился, а мы остались живы, тем, что мы вырвали оружие у него из рук, что граждане остались невредимыми, а город целым, – скажите, насколько должен он быть всем этим убит и удручен. Лежит он теперь поверженный, квинтиты, и чувствует себя пораженным и отброшенным и, конечно, то и дело оборачиваясь, бросает взгляды на этот город, вырванный, к его прискорбию, у него из пасти; а Рим, как я полагаю, радуется тому, что изверг и выбросил вон эту пагубу.

(II, 3) Но если кто-нибудь, придерживаясь такого образа мыслей, какого вам всем следовало бы держаться, станет укорять меня именно за тот мой поступок, который побуждает меня теперь выступать с речью ликующей и торжествующей, – за то, что такого смертельного врага я отпустил, вместо того чтобы схватить его, – то это вина не моя, квинтиты, а обстоятельств. Предать Луция Катилину смерти и подвергнуть его жесточайшей казни следовало уже давно, этого от меня требовали и заветы наших предков, и суровость моего империя, и положение государства. Но сколько – как вы думаете – было людей, не склонных верить в справедливость моих обвинений? Сколько

было таких, которые даже защищали Катилину? [Сколько было таких, которые, по своей недалекости, его не считали врагом; сколько было таких, которые, по своей бесчестности, ему сочувствовали?] Если бы я полагал, что я, уничтожив его, избавлю вас от всякой опасности, то я уже давно уничтожил бы Луция Катилину, рискуя, не говорю уже – навлечь на себя ненависть, но даже поплатиться жизнью: (4) Но я понимал, что если я, пока даже не все вы убеждены в его виновности, покараю его смертью, как он этого заслужил, то вызову против себя ненависть и уже не смогу преследовать его сообщников; поэтому я и довел дело до нынешнего положения, дабы вы могли открыто бороться с ним, воочию видя в нем врага. Сколь страшным считаю я этого врага, находящегося уже вне пределов города, квинтиты, вы можете понять из того, что я огорчен даже тем, что он покинул Рим с небольшим числом спутников. О, если б он увел с собой все свои войска! Тонгилия, видите ли, которым он прельстился, когда тот еще носил претексту, он с собой увел, а также Публиция и Минуция; за ними осталось по харчевням немало долгов, но это никак не могло вызвать волнений в государстве. Но каких людей он оставил здесь! Какими долгами обременены они! Сколь они влиятельны, сколь знатны!

(III, 5) Поэтому, сравнивая его войско с нашими легионами, находящимися в Галии, с войсками, набранными Квинтом Метеллом в Пиценской и Галльской областях, и с теми военными силами, которые мы снаряжаем изо дня в день, я отношусь к этому войску с полным презрением; ведь оно собрано из стариков, которым уже терять нечего, из деревенщины, склонной к мотовству, из поселян, любителей тратить деньги, из людей, которые предпочли не являться в суд, а вступить в его войско. Если я им покажу, не говорю уже – наше войско в боевом строю, нет, хотя бы эдикт претора, они рухнут наземь. Что же касается этих вот людей, которые, я вижу, снуют по форуму, стоят перед курией и даже приходят в сенат, которые умащены благовониями, щеголяют в пурпурной одежде, то я предпочел бы, чтобы Катилина увел их с собой как своих солдат; коль скоро они остаются здесь, нам – помните это – следует страшиться не столько его войска, сколько этих людей, покинувших его войско. При этом их надо бояться еще потому, что они, хотя и понимают, что я знаю их помыслы, все же ничуть этим не обеспокоены. (6) Знаю я, кому при дележе досталась Апулия, кто получил Этрурию, кто Пиценскую, кто Галльскую область, кто потребовал для себя права остаться в засаде в Риме с целью резни и поджогов. Они понимают, что все планы, составленные позапрошлой ночью, мне сообщены; вчера я раскрыл их в сенате. Сам Катилина испугался и спасся бегством. А

они чего ждут? Как бы им не ошибиться в надежде на то, что моя бывшая мягкость останется неизменной.

(IV) Той цели, какую я себе поставил, я уже достиг; вы все видите, что заговор против государства устроен открыто; ведь едва ли кто-нибудь из вас предполагает, что люди, подобные Катилине, не разделяют его взглядов. Теперь уже мягкость неуместна; суровости требуют сами обстоятельства. Но одну уступку я готов сделать даже теперь: пусть они удалятся, пусть уезжают; не допускать же им, чтобы несчастный Катилина чах от тоски по ним. Пусть я им укажу: он выехал по Аврелиевой дороге; если они захотят поторопиться, к вечеру догонят его. (7) О, какое счастье будет для государства, если только оно извергнет эти подонки Рима! Мне кажется, клянусь Геркулесом, что государство, избавившись даже от одного только Катилины, свободно вздохнуло и вернуло себе силы. Можно ли представить или вообразить себе какое-либо зло или преступление, какого бы не придумал он? Найдется ли во всей Италии отравитель, гладиатор, убийца, братоубийца, поддельватель завещаний, злостный обманщик, кутила, мот, прелюбодей, беспутная женщина, развратитель юношества, испорченный или пропащий человек, которые бы не признались, что их связывали с Катилиной тесные дружеские отношения? Какое убийство совершено за последние годы без его участия, какое нечестивое прелюбодеяние – не при его посредстве? (8) Далее, кто когда-либо обладал такой способностью завлекать юношей, какой обладает он? Ведь к одним он сам испытывал постыдное влечение, для других служил орудием позорнейшей похоти, третьим сулил удовлетворение их страстей, четвертым – смерть их родителей, причем он не только подстрекал их, но даже помогал им. А теперь? С какой быстротой собрал он огромные толпы пропащих людей не только из города Рима, но и из деревень! Не было человека, не говоря уже – в Риме, даже в любом закоулке во всей Италии, который, запутавшись в долгах, не был бы вовлечен им в этот небывалый союз злодейства.

(V, 9) А чтобы вы могли ознакомиться с его различными наклонностями, столь непохожими одна на другую, я скажу, что в школе гладиаторов не найдется ни одного человека с преступными стремлениями, который бы не объявил себя близким другом Катилины; в театре нет ни одного низкого и распутного актера, который бы, по его словам, не был чуть ли не его товарищем. Постоянно предаваясь распутству и совершая злодеяния, он привык переносить холод, голод и жажду и не спать по ночам, и именно за эти качества весь этот сброд превозносил его как храбреца, между тем он тратил силы

своего тела и духа на разврат и преступления. (10) Если спутники Катилины последуют за ним, если удалятся из Рима преступные шайки людей, которым нечего терять, то какая это будет для нас радость, какое счастье для государства, как прославится мое консульство! Ибо безмерны преступные страсти этих людей; нет, это уже не люди, и дерзость их нестерпима! Они не помышляют ни о чем другом, кроме резни, поджогов и грабежей. Свое родовое имущество они промотали и свои имения заложили давно, но распутство, каким они отличались в дни своего богатства, у них остается неизменным. Если бы они, пьянствуя и играя в кости, не искали ничего другого, кроме пирушек и общества распутниц, то, будучи, конечно, людьми пропащими, они все же были бы еще терпимы; но можно ли мириться с тем, что бездельники злоумышляют против храбрейших мужей, безумцы – против умнейших, пьяные – против трезвых, неисправимые лентяи – против бдительных? Возлежа на пирушках, они, обняв бесстыдных женщин, упившись вином, объевшись, украсившись венками, умастившись благовониями, ослабев от разврата, грозят истребить честных людей и поджечь города. (11) Я убежден, что им не уйти от их судьбы и что кара, уже давно заслуженная ими за их бесчестность, подлость, преступления и разврат, над ними уже нависла или, во всяком случае, уже близка. Если мое консульство, не будучи в состоянии их исправить, их уничтожит, оно укрепит государство не на какой-нибудь краткий срок, а на многие века. Ведь нет народа, которого бы мы боялись, нет царя, который бы мог объявить войну римскому народу; за рубежом, на суше и на море, все умиротворено мужеством одного человека; остается междоусобная война, внутри государства строятся козни, изнутри нам грозит опасность, внутри находится враг. С развращенностью, с безрассудством, с преступностью должны мы вести борьбу, и полководцем в этой войне обязуюсь быть я, квириды! Вражду этих пропащих людей я принимаю на себя; что поддастся исправлению, буду лечить, чем только смогу; а что надо будет отсечь, того я не оставлю на погибель государству. Итак, пусть они либо удалятся из Рима, либо сидят смирно, либо – если они останутся в Риме, но от своих намерений не откажутся – пусть ожидают того, чего заслуживают.

(VI, 12) Но все еще находятся люди, квириды, которые все-таки говорят, что Катилина мной изгнан. Если бы я мог добиться этого одним своим словом, я изгнал бы именно тех, кто это болтает. Катилина, этот робкий или, лучше, скромнейший человек, не мог, видимо, вынести голоса консула: как только ему велели удалиться в изгнание, он повиновался. Вчера, после того как меня чуть не убили в моем собственном доме, я созвал сенат в храме Юпитера Статора и доложил отцам-сенаторам о положении государства. Туда

пришел Катилина. Кто из сенаторов заговорил с ним, кто приветствовал его, кто, наконец, своим взглядом не осудил его как негодного гражданина, более того – как опаснейшего врага? Мало того, первые люди в этом сословии даже пересели с тех скамей, к которым он подошел, и оставили их незанятыми. (13) Тогда я, рьяный консул, одним словом своим посылающий граждан в изгнание, спросил Катилину, участвовал ли он в ночном собрании в доме у Марка Леки или не участвовал. Когда он, при всей своей наглости, сначала промолчал, сознавая свою преступность, я разоблачил другие его поступки. Что делал он в ту ночь, что назначил он на прошлую ночь, как был разработан план всего мятежа – все я изложил. Он медлил, был смущен. Тогда я спросил, почему он не решается отправиться туда, куда уже давно собирается, коль скоро туда, как мне известно, уже послано оружие, секиры, ликторские связки, трубы, военные знаки, тот знаменитый серебряный орел, для хранения которого он даже устроил божницу в своем доме. (14) Значит, это я заставил удалиться в изгнание того, кто, как я видел, уже вступил на путь войны? Следовательно, этот центурион Манлий, ставший лагерем под Фезулами, конечно, от своего имени объявил войну римскому народу, и этот лагерь ныне не ждет Катилины в качестве полководца, а он, изгнанник, направляется в Массилию, как говорят, а не в этот лагерь.

(VII) О, сколь жалко положение того, кто, не говоря уже – управляет государством, но даже спасает его! Если теперь Луций Катилина, которого я, своей бдительностью, своими трудами, подвергаясь опасностям, окружил и лишил возможности действовать, внезапно испугается, изменит свои намерения, покинет своих сторонников, откажется от своего замысла начать войну и, сойдя с этого пути преступной войны, обратится в бегство и направится в изгнание, то не будут говорить, что я отнял у него оружие, приготовленное им для дерзостного преступления, привел его в замешательство и устранил своей бдительностью, что я отнял у него надежды и пресек его попытки, а скажут, что он, не будучи ни осужден, ни виновен, был изгнан консулом, применившим силу и угрозы; и если он поступит так, еще найдутся люди, склонные считать его не бесчестным, но несчастным человеком, а меня – не бдительнейшим консулом, но жесточайшим тираном! (15) Я готов, квириды, выдержать эту бурю незаслуженной и несправедливой ненависти, лишь бы только избавить вас от опасности этой ужасной и преступной войны. Пожалуй, пусть говорят, что он был мной выслан, лишь бы он удалился в изгнание. Но не уйдет он в изгнание, поверьте мне. Ради того только, чтобы утихла ненависть ко мне, я никогда не стану, квириды, просить бессмертных богов о том, чтобы до вас дошла весть, что Катилина взялся за оружие и ведет на вас вражеское войско; но через три дня вы об этом

услышите. Гораздо больше боюсь я другого: меня когда-нибудь могут упрекнуть в том, что я выпустил его из Рима, а не изгнал. Но если теперь находятся люди, утверждающие, что он изгнан, – хотя он уехал добровольно, – то что стали бы говорить они, будь он казнен? (16) Впрочем, те, которые твердят, что Катилина держит путь в Массилию, не столько на это сетуют, сколько этого опасаются. Ни один из них не жалостлив в такой степени, чтобы пожелать ему отправиться в Массилию, а не к Манлию. А сам он, клянусь Геркулесом, даже если бы он заранее не обдумал того, что будет делать, все же предпочел бы быть казнен как разбойник, а не жить как изгнанник. Но теперь, коль скоро с ним до сего времени не случилось ничего, что не совпало бы с его желанием и замыслами, – кроме того, что он уехал из Рима, оставив меня живым, – пожелаем лучше, чтобы он отправился в изгнание, вместо того чтобы нам на это сетовать.

(VIII, 17) Но почему мы столько времени толкуем об одном враге и притом о таком, который уже открыто признает себя врагом и которого я не боюсь, так как нас отделяет от него городская стена, – чего я всегда хотел, – а о тех людях, которые скрывают свою вражду, остаются в Риме и находятся среди нас, не говорим ничего? Именно их, если только это возможно, я стараюсь не столько покарать, сколько излечить ради них самих, примирить с государством и не вижу причины, почему бы это не было возможно, если только они согласятся меня выслушать. Итак, я изложу вам, квириды, какого рода люди составляют войска Катилины; затем, если смогу, попытаюсь каждого из них излечить советами и уговорами.

(18) Одни из них – это люди, при своих больших долгах, все же обладающие еще более значительными владениями, привязанность к которым никак не дает им возможности выпутаться из этого положения. По внешнему виду они – люди почтенные (ведь они богаты), но их стремления и притязания совершенно бесстыдны. И вы, имея в избытке земли, дома, серебряную утварь, рабов, разное имущество, не решаетесь расстаться с частью своей собственности и вернуть себе всеобщее доверие? Чего вы ждете? Войны? А дальше? Не думаете ли вы, что, когда все рухнет, именно ваши владения останутся священными и неприкосновенными? Или вы ждете введения новых долговых записей? Заблуждаются люди, ожидающие их от Катилины. Нет, мной будут выставлены новые записи, но только насчет продажи с аукциона; ведь люди, обладающие собственностью, не могут привести свои дела в порядок никаким другим способом. Если бы они захотели это сделать более своевременно, вместо того чтобы покрывать проценты доходами со

своих имений, – что крайне неразумно, – они и сами были бы богаче, а как граждане – полезнее для государства. Но именно этих людей, по моему мнению, менее всего следует страшиться, так как их либо возможно переубедить, либо они, если и останутся верны себе, мне кажется, скорее будут посылать государству проклятия, чем возьмутся за оружие против него.

(IX, 19) Другие, хотя они и обременены долгами, все же рассчитывают достигнуть власти, хотят стать во главе государства и думают, что почетных должностей, на которые им нечего рассчитывать при спокойствии в государстве, они смогут добиться, вызвав в нем смуту. Им следует дать такое же наставление, какое, очевидно, следует дать и всем другим: пусть откажутся от надежды, что они добьются того, чего пытаются добиться. Прежде всего, я сам бдителен, твердо стою на своем посту и на страже государства. Затем, великим мужеством воодушевлены все честные мужи, велико согласие между ними, [огромна их численность], велики, кроме того, и наши военные силы. Наконец, и бессмертные боги придут на помощь нашему непобедимому народу, прославленной державе и прекрасному городу в их борьбе против столь страшного преступления. Но даже если вообразить себе, что эти люди уже достигли того, к чему они стремятся в своем неистовом бешенстве, то неужели они надеются на пепле Рима и на крови граждан – а ведь именно этого пожелали они своим преступным и нечестивым умом – сделаться консулами и диктаторами, вернее, даже царями? Разве они не понимают, что, даже если они и достигнут того, чего желают, им все-таки неминуемо придется уступить все это какому-нибудь беглому рабу или гладиатору?

(20) Третьи – люди уже преклонного возраста, но испытанные и сильные; из их среды вышел Манлий, которого сменяет теперь Катилина. Это люди из колоний, учрежденных Суллой. Я знаю, что колонии эти, по большей части, заселены честнейшими гражданами и храбрейшими мужами, но все же это те колонии, которые, нежданно-негаданно получив имущество, жили чересчур пышно и не по средствам. Они возводят такие постройки, словно обладают несметными богатствами; их радует устройство образцовых имений, множество челяди, великолепные пирушки, и поэтому они запутались в таких значительных долгах, что им, если бы они захотели с ними разделаться, пришлось бы вызвать из царства мертвых самого Суллу. Они даже подали кое-кому из сельских жителей, бедным и неимущим людям, надежду на такие же грабежи, какие происходили в прошлом. И тех и других людей я отношу к одному и тому же разряду грабителей и

расхитителей имущества, но советую им перестать безумствовать и помышлять о проскрипциях и диктатурах. Ведь от тех времен в сердцах наших граждан сохранилась такая жгучая боль, что всего этого, мне думается, теперь не вытерпят, не говорю уже – люди, нет, даже скот.

(X, 21) Четвертые – это множество людей крайне разнообразного, смешанного и пестрого состава. Они уже давно испытывают затруднения и никогда уже не смогут встать на ноги; отчасти по лености, отчасти вследствие дурного ведения ими своих дел, отчасти также и из-за своей расточительности они по уши в старых долгах; они измучены обязательствами о явке в суд, судебными делами, описью имущества; очень многие из них – и из города Рима и из сел, – по слухам, направляются в тот лагерь. Вот они-то, по моему мнению, не столько спешат в бой, сколько медлят с уплатой долгов. Пусть эти люди, раз они не могут устоять на ногах, погибнут возможно скорее, но так, чтобы этого не почувствовало, уже не говорю – государство, нет – даже их ближайшие соседи. Ибо я не понимаю одного: если они не могут жить честно, то почему они хотят погибнуть с позором, вернее, почему они считают гибель вместе с многими другими людьми менее мучительной, чем гибель в одиночестве?

(22) Пятые – это братоубийцы, головорезы, наконец, всякие преступники; их я не пытаюсь отвлечь от Катилины, да их и невозможно оторвать от него. Пусть же погибнут они, занимаясь разбоем, так как их столько, что тюрьма вместить их не может. Перейду к последнему роду людей – последнему не только по счету, но и по их характеру и образу жизни; это – самые близкие Катилине люди, его избранники, более того, его любимцы и наперсники; вы видите их, тщательно причесанных, вылощенных, либо безбородых, либо с холеными бородками, в туниках с рукавами и до пят, закутанных в целые паруса вместо тог. Все их рвение и способность бодрствовать по ночам обнаруживаются ими только на пирушках до рассвета. (23) В этой своре находятся все игроки, все развратники, все грязные и бесстыдные люди. Эти изящные и изнеженные мальчики обучены не только любить и удовлетворять любовные страсти, плясать и петь, но и кинжалы в ход пускать, и подсыпать яды. Если они не покинут Рим, если они не погибнут, то – знайте это – даже в случае гибели самого Катилины в нашем государстве останется этот рассадник Катилин. И на что рассчитывают эти жалкие люди? Неужели они думают повезти с собой в лагерь своих бабенок? Но как смогут они без них обойтись, особенно в эти ночи? И как они перенесут пребывание на Апеннине с его стужей и снегами? Или они, быть может,

думают, что им потому будет легче переносить зимнюю стужу, что они научились плясать нагими во время пирушек?

(XI, 24) О, как должна страшить нас эта война, когда у Катилины будет эта преторская когорта из блудников и блудниц! Выстройте же теперь в боевом порядке, квириты, против столь славных сил Катилины свои гарнизоны и войска и, прежде всего, против этого истрепанного и израненного гладиатора выставьте своих консулов и императоров; затем против этой шайки отверженного и жалкого отребья двиньте цвет и опору всей Италии. Право, даже города в наших колониях и муниципиях могут померяться силами с Катилиной, укрывающимся на лесистых холмах. Мне, конечно, нет надобности сопоставлять ваши остальные богатые средства снабжения, ваше снаряжение и гарнизоны с бессильным и необеспеченным войском этого пресловутого разбойника. (25) Но если мы, даже не говоря обо всем том, чем располагаем мы и чего Катилина лишен, – я имею в виду сенат, римских всадников, город Рим, эрарий, государственные доходы, всю Италию, все провинции, чужеземные народы – если мы, не говоря обо всем этом, захотим сравнить наше дело с его делом (ведь они вступают в борьбу, одно с другим), то мы сможем понять, как низко пали наши противники. Ведь на нашей стороне сражается чувство чести, на той – наглость; здесь – стыдливость, там – разврат; здесь – верность, там – обман; здесь – доблесть, там – преступление; здесь – непоколебимость, там – неистовство; здесь – честное имя, там – позор; здесь – сдержанность, там – распущенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, леностью, безрассудством, всяческими пороками; наконец, изобилие сражается с нищетой, порядочность – с подлостью, разум – с безумием, наконец, добрые надежды – с полной безнадежностью. Неужели при таком столкновении, вернее, в такой битве сами бессмертные боги не даруют этим прославленным доблестям победы над столькими и столь тяжкими пороками?

(XII, 26) При этих обстоятельствах, квириты, сами защищайте свои дома, неся ночные караулы и охрану, как и до сей поры. Я, со своей стороны, позаботился и принял все меры, чтобы обеспечить город надежной охраной, не вызывая чувства тревоги у вас и не объявляя чрезвычайного положения. Всем колонам и вашим землякам из муниципиев, извещенным мной об этом поспешном ночном отъезде Катилины, будет легко защитить свои города и земли. Гладиаторы, на которых он рассчитывал как на свой надежнейший

отряд, – хотя они и похрабрее, чем часть наших патрициев, – все же будут в нашей власти. Квинт Метелл, которого я, предвидя эти события, заранее послал в Галльскую и Пиценскую области, либо разобьет Катилину, либо воспрепятствует передвижению его сил и его действиям. Об остальных мерах, которые понадобится принять, ускорить, осуществить, я доложу сенату, который я, как видите, созываю.

(27) Что же касается людей, которые застряли в Риме или, вернее, были оставлены Катилиной на погибель Риму и всем вам в городе, то я, хотя это и враги, все же, коль скоро они родились гражданами, хочу настоятельно предостеречь их. Я при своей мягкости, которая до сего времени кое-кому могла показаться слабостью, ждал только, чтобы вырвалось наружу то, что оставалось скрытым. Но отныне я уже не могу забыть, что здесь моя отчизна, что я – консул этих вот людей, что мой долг – либо вместе с ними жить, либо за них умереть. У городских ворот нет сторожей, на дороге нет засад. Если кто-нибудь захочет уехать, я могу на это закрыть глаза. Но тот, кто в Риме хотя бы чуть-чуть шевельнется, тот, за кем я замечу, не говорю уже – какое-либо действие, но даже стремление или попытку действовать во вред отчизне, поймет, что в этом городе есть бдительные консулы, есть достойные должностные лица, есть стойкий сенат, что в нем есть оружие, есть тюрьма, которая, по воле наших предков, карает за нечестивые преступления, когда они раскрыты.

(XIII, 28) И все эти меры будут проведены так, чтобы величайшие угрозы были устранены при ничтожнейших потрясениях, огромные опасности – без объявления чрезвычайного положения, чтобы междоусобная и внутренняя война, жесточайшая и величайшая из всех, какие помнят люди, была закончена мной одним, единственным полководцем и императором, носящим тогу. Я буду так руководить этим, квириды, чтобы – если только это окажется возможным – даже бесчестный человек не понес кары за свое преступление в стенах этого города. Но если какой-либо открытый дерзостный поступок, если опасность, грозящая нашей отчизне, заставят меня по необходимости отказаться от моей душевной мягкости, то я непременно добьюсь того, на что при такой трудной войне, среди стольких козней едва ли можно надеяться: ни один честный человек не погибнет, и кара, которой подвергнутся немногие, принесет спасение всем вам. (29) Обещаю это вам, квириды, полагаясь не на свою проницательность и не на человеческую мудрость, а на многочисленные и притом несомненные знамения бессмертных богов. Ведь ими руководясь, я и возымел эту надежду и принял это решение. Уже не издали, как это

некогда бывало, и не от внешнего врага, находящегося далеко от нас, защищают они свои храмы и дома Рима; нет, они защищают их, находясь здесь, изъявлением своей воли и своей помощью. Им должны вы молиться, их почитать и умолять о том, чтобы этот город, по их воле ставший самым прекрасным, самым счастливым и самым могущественным, они после побед, одержанных нами на суше и на море над силами всех наших врагов, защитили от нечестивого злодеяния преступнейших граждан.

Третья речь против Луция Сергия Катилины

[На форуме, вечером 3 декабря 63 года до Р. Х.]

(I, 1) Государство, ваша жизнь, имущество и достояние, ваши жены и дети, квириды, и этот оплот прославленной державы – богатейший и прекрасный город сегодня, по великому благоволению бессмертных богов, моими трудами и разумными решениями, а также ценой опасностей, которым я подвергался, у вас на глазах, как видите, спасены от огня и меча, можно сказать, вырваны из пасти рока, сохранены и возвращены вам. (2) И если дни нашего избавления нам не менее приятны и радостны, чем день нашего рождения, так как спасение приносит несомненную радость, а рождение обрекает нас на неизвестное будущее, так как мы рождаемся, не сознавая этого, а избавляясь от опасности, испытываем радость, то, коль скоро мы с благоговением превознесли того, кто этот город основал, и причислили его к бессмертным богам, вы и потомки ваши, конечно, должны оказать почет тому, кто этот же город, уже основанный и разросшийся, спас. Ибо факелы, грозившие пожаром всему Риму, его храмам, святилищам, домам и городским стенам, которые окружают его со всех сторон, мы потушили, удары мечей, обнаженных против государства, отразили, а их клинки, направленные вам в грудь, оттолкнули.

(3) Так как в сенате все это мной уже разъяснено, раскрыто и установлено, то я изложу это вам вкратце, дабы вы, находившиеся до сего времени в неведении и ожидании, могли

ныне узнать, сколь важно и сколь очевидно все происшедшее и каким путем я напал на след и все обнаружил.

Итак, как только Катилина немного дней назад бежал из Рима, оставив в городе своих соучастников в преступлении, рьяных полководцев в этой нечестивой войне, я непрестанно бодрствовал и принимал меры предосторожности, чтобы вы могли уцелеть, несмотря на столь страшные и столь глубоко затаенные козни. (II) Когда я пытался изгнать Катилину из Рима (ведь я уже не боюсь, что это слово вызовет ненависть против меня; скорее меня могут осудить за то, что он ушел живым), итак, когда я хотел удалить его из нашего города, я думал, что вместе с ним уйдет также и остальная шайка заговорщиков или же что оставшиеся будут без него бессильны и слабы. (4) Но как только я увидел, что именно те люди, которые, по моим сведениям, были воспламенены преступным безумием, остались в Риме среди нас, я стал день и ночь наблюдать за ними, чтобы выследить их и раскрыть их действия и замыслы и чтобы – коль скоро вы могли, ввиду невероятной тяжести их преступления, отнестись к моим словам недоверчиво – захватить преступников с поличным; ведь только тогда вы воочию увидите самое злодейство, вы примете меры в защиту своей жизни. И вот, как только я узнал, что Публий Лентул, желая вызвать войну в заальпийских странах и взбунтовать галлов, подстрекает послов аллоброгов, что их отправляют в Галлию к их согражданам, дав им письма и поручения, по тому же пути, который ведет к Катилине, а их спутником будет Тит Вольтурций, с которым также посылают письма к Катилине, я решил, что мне представился случай выполнить труднейшую задачу, которую я всегда просил у бессмертных богов, – раскрыть все преступление так, чтобы оно стало явным не только для меня, но также для сената и для вас.

(5) Поэтому я вчера призвал к себе преторов Луция Флакка и Гая Помптина, мужей храбрейших и преданнейших государству. Я изложил им все обстоятельства и объяснил им, что нам следует делать. Они как честные граждане, одушевленные великой любовью к государству, без колебаний и промедления взялись за дело и, когда стало вечереть, тайком подошли к Мульвиеву мосту и расположились в ближайших усадьбах по обеим сторонам Тибра и моста. Туда же и они сами, не вызвав ни у кого подозрения, привели многих храбрых людей, да и я послал из Реатинской префектуры вооруженный мечами отряд отборных молодых людей, к помощи которых я всегда прибегаю при защите государства. (6) Тем временем, к концу третьей стражи, когда послы аллоброгов вместе с

Вольтурцием и со своей многочисленной свитой уже вступили на Мульвиев мост, на них было совершено нападение; обе стороны обнажили мечи. Одни только преторы знали, в чем дело; прочие были в неведении. (III) Затем подоспели Помптин и Флакк и прекратили схватку. Все письма, какие только оказались у свиты, с неповрежденными печатями были переданы преторам; самих послов задержали и на рассвете привели ко мне. Я тотчас же велел позвать самого бесчестного зачинщика всех этих преступлений – Кимвра Габиния, еще ничего не подозревавшего; затем был вызван также Луций Статилий, а после него – Цетег. Позже всех пришел Лентул, мне думается, потому, что он, занятый составлением писем, вопреки своему обыкновению, не спал всю прошлую ночь.

(7) Хотя виднейшие и прославленные мужи из числа наших сограждан, при первом же известии о случившемся собравшиеся в большом числе у меня в доме рано утром, советовали мне вскрыть письма до того, как я доложу о них сенату, чтобы – в случае, если в них не будет найдено ничего существенного, – не оказалось, что я необдуманно вызвал такую сильную тревогу среди граждан, я ответил, что не считаю возможным представить государственному совету улики насчет опасности, угрожающей государству, иначе, как только в нетронутom виде. И в самом деле, квиниты, даже если бы то, о чем мне сообщили, не было раскрыто, все же, по моему мнению, при такой большой угрозе существованию государства мне не следовало бы опасаться, что бдительность с моей стороны покажется чрезмерной. Как вы видели, я быстро созвал сенат в полном составе. (8) Кроме того, по совету аллоброгов, я тут же послал претора Гая Сульпиция, храброго мужа, забрать из дома Цетега оружие, если оно там окажется; он изъяс много кинжалов и мечей.

(IV) Я велел ввести Вольтурция без галлов. По решению сената я заверил его в неприкосновенности и предложил ему дать без всякого страха показания обо всем, что знает. С трудом победив свой сильный страх, он сказал, что получил от Публия Лентула письма и поручения к Катилине: Катилина должен прибегнуть к помощи рабов и возможно скорее двинуться с войском на Рим; последнее – с тем, чтобы, после того как они подожгут город со всех сторон, как это было заранее указано каждому, и перебьют бесчисленное множество граждан, он оказался на месте и мог перехватывать беглецов и соединиться с вожаками, оставшимися в городе. (9) Галлы, когда их ввели, сказали, что Публий Лентул, Цетег и Статилий дали им клятвенное обещание и письма к их племени, причем сами они и Луций Кассий велели галлам послать конницу в Италию возможно

скорее; пехоты у них самих хватит. Лентул, по словам галлов, утверждал, что на основании предсказаний Сивиллы и ответов гаруспиков он – тот третий Корнелий, которому должны достаться царская власть и империй в этом городе: до него ими обладали Цинна и Сулла. При этом он сказал, что нынешний год – роковой и принесет гибель нашему городу и державе, так как это десятый год после оправдания дев-весталок, а после пожара Капитолия – двадцатый. (10) Наконец, они сообщили о разногласиях между Цетегом и прочими заговорщиками: Лентул и другие считали нужным устроить резню и поджечь город в Сатурналии, Цетегу же этот срок казался слишком долгим.

(V) Буду краток, квинтиты: я велел подать дощечки с письмами, которые, как говорили галлы, были им вручены каждым из заговорщиков. Сначала я показал Цетегу печать; он ее признал за свою. Я разрезал нить и прочитал письмо: он собственноручно писал сенату аллоброгов и народу, что сделает то, в чем он ранее заверил их послов; он просит, чтобы и они выполнили обязательства, данные ему их послами. Тогда Цетег, который незадолго до того все-таки пытался дать какие-то объяснения насчет мечей и кинжалов, найденных у него в доме, и говорил, что всегда был любителем хороших клинков, после прочтения писем смутился и, мучимый совестью, вдруг замолчал. Статилий, когда его ввели, признал свою печать и свою руку. Было прочитано его письмо почти такого же содержания, как и письмо Цетега; он сознался. Затем я показал письмо Лентулу и спросил его, узнает ли он печать; он подтвердил это кивком головы. «Это, – говорю я, – несомненно, всем хорошо знакомая печать, изображение твоего деда, прославленного мужа, горячо любившего отечество и своих сограждан; уже одно оно, хотя и немое, должно было бы удержать тебя от такого преступления ».(11) Было прочитано его письмо к сенату аллоброгов такого же содержания. Я дал ему возможность сказать по этому поводу, что он найдет нужным. Сперва он отказался; но через некоторое время, когда все показания были изложены и прочитаны, он встал и спросил галлов, какие же дела могли быть у него с ними и зачем они приходили к нему на дом. Об этом же он спросил и Вольтурция. Когда же они коротко и твердо ответили, кто их к нему приводил и сколько раз, и спросили его, не говорил ли он им о предсказаниях Сивиллы, то он внезапно, обезумев в преступном неистовстве, доказал нам, как могущественна совесть; ибо, хотя он и мог это отрицать, он внезапно, вопреки всеобщему ожиданию сознался. Таким образом, ему изменили не только его способности и находчивость в речах, в чем он всегда был силен; нет, его ужасное преступление было столь явно и

очевидно, что ему изменило даже его бесстыдство, которым он превосходил всех, даже его бесчестность. (12) Вольтурций же вдруг велел принести и вскрыть письмо, которое, по его словам, Лентул дал ему к Катилине. Тут уже Лентул окончательно растерялся, но все-таки признал и печать и свою руку. Письмо было безымянное, но гласило: «Кто я, узнаешь от человека, которого я к тебе посылаю; будь мужем и обдумай, как далеко ты зашел; решай, что тебе теперь делать; обеспечь себе всеобщую поддержку, даже со стороны людей самого низкого положения». Затем ввели Габиния; вначале он отвечал нагло, но под конец не стал уже ничего отрицать из того, в чем его обвиняли галлы. (13) Что касается меня лично, квириды, то, сколь ни убедительны были все улики и доказательства совершенного преступления – письма, печати, почерк, наконец, признание каждого из заговорщиков, мне показались еще более убедительными их бледность, выражение их глаз и лиц, их молчание. Ведь они так остолбенели, так упорно смотрели в землю, такие взгляды время от времени украдкой бросали друг на друга, что казалось, будто не другие показывали против них, а они сами – против себя.

(VI) Когда показания были изложены и прочитаны, квириды, я спросил сенат, какие меры считает он нужным принять в защиту безопасности государства. Первоприсутствующие сенаторы высказались в высшей степени сурово и решительно, и сенат без всяких колебаний примкнул к ним. Так как постановление сената еще не составлено, я по памяти изложу вам, квириды, что сенат решил. (14) Прежде всего в самых лестных выражениях воздается благодарность мне за то, что моей доблестью, мудростью и предусмотрительностью государство избавлено от величайших опасностей. Затем преторам Луцию Флакку и Гаю Помптину за то, что они своей храбростью и преданностью оказали мне помощь, высказывается заслуженная и справедливая хвала. Кроме того, храбрый муж, мой коллега удостоился похвалы за то, что он порвал с участниками этого заговора всякие личные и официальные отношения. Кроме того, было решено, чтобы Публий Лентул, сложив с себя обязанности претора, был взят под стражу, а также чтобы Гай Цетег, Луций Статилий и Публий Габиний, которые все находились налицо, были взяты под стражу; то же было решено насчет Луция Кассия, выпросившего для себя поручение поджечь город; насчет Марка Цепария, которому, согласно показаниям, была назначена Апулия с тем, чтобы он подстрекал пастухов к мятежу; насчет Публия Фурия, принадлежавшего к числу тех колонов, которых Луций Сулла вывел в Фезулы; насчет Квинта Анния Хилона, который вместе с этим Фурием все время склонял аллоброгов к участию в заговоре; насчет вольноотпущенника Публия Умбрена, который, как было

установлено, первый привел галлов к Габинию. При этом сенат проявил величайшее мягкосердечие, квириды, и, несмотря на столь значительный заговор и такое множество внутренних врагов, все же признавал, что, коль скоро государство спасено, то кара, которая постигнет девятерых преступнейших человек, остальных сможет излечить от безумия. (15) Кроме того, бессмертным богам за их исключительную милость было назначено молебствие от моего имени, причем, со времени основания Рима, из людей, носивших тогу, этого впервые удостоился я; молебствие было назначено в следующих выражениях: «Так как я избавил Рим от поджогов, от резни – граждан, Италию – от войны...» Если сравнить это молебствие с другими, то видно, в чем их различие: те были назначены за оказанные государству услуги и одно лишь это – за его спасение. Затем было совершено и доведено до конца то, что надо было сделать прежде всего. Публий Лентул, хотя он на основании неопровержимых показаний, своего собственного признания и решения сената утратил права не только претора, но и гражданина, все же от своей должности отказался сам; таким образом, религиозный запрет, который, правда, не помешал Гаю Марию, прославленному мужу, убить претора Гая Главцию, чье имя в постановлении сената даже не было названо, – этот запрет не будет нам препятствовать покарать Публия Лентула, отныне частное лицо.

(VII, 16) Но теперь, квириды, коль скоро нечестивые зачинщики преступнейшей и опаснейшей войны схвачены и находятся в ваших руках, вы можете быть уверены, что с устранением этих опасностей, угрожавших Риму, все военные силы Катилины уничтожены, и все его надежды и средства погибли. Право, изгоняя его из Рима, я предвидел, квириды, что после удаления Катилины мне не придется страшиться ни сонливого Публия Лентула, ни тучного Луция Кассия, ни бешено безрассудного Гая Цетега. Из всех этих людей стоило бояться одного только Катилины, но и его – лишь пока он находился в стенах Рима. Он знал все, умел подойти к любому человеку; он мог, он осмеливался привлекать к себе людей, выведывать их мысли, подстрекать их; он обладал способностью задумать преступное деяние, и этой способности верно служили и его язык и его руки. Для выполнения определенных задач он располагал определенными людьми, отобранными и назначенными им, причем он, дав им какое-нибудь поручение, не считал его уже выполненным; решительно во все он входил сам, за все брался сам; был бдителен и рьян; холод, жажда и голод были ему нипочем. (17) Если бы этого человека, столь деятельного, столь отважного, столь предприимчивого, столь хитрого, столь осторожного при совершении им злодейств, столь неутомимого в преступлениях, я не

заставил отказаться от козней в стенах Рима и вступить на путь разбойничьей войны (говорю то, что думаю, квириды!), мне нелегко было бы отвратить страшную беду, нависшую над вашими головами. Уж он, конечно, не назначил бы нашего истребления на день Сатурналий, не объявил бы государству за столько времени вперед о роковом дне его уничтожения и, наконец, не допустил бы, чтобы были захвачены его печать и письма, эти неопровержимые свидетельства его преступления. Теперь же в его отсутствие все дело повели так, что кражу в частном доме, пожалуй, никогда не удавалось раскрыть с такой очевидностью, с какой был обнаружен и раскрыт этот страшный заговор, угрожавший государству. И если бы Катилина оставался в государстве и по сей день, то, хотя я, пока он был здесь, оказывал ему сопротивление и боролся со всеми его замыслами, все же (выражусь очень мягко) нам пришлось бы сразиться с ним, причем мы никогда – если бы этот враг все еще находился в Риме – не избавили бы государство от таких больших опасностей, сохранив при этом мир, спокойствие и тишину. (VIII, 18)

Впрочем, все это, квириды, было сделано мной так, что кажется свершившимся по решению, по воле и промыслу бессмертных богов. Мы потому можем прийти к такому заключению, что человеческому разуму едва ли могло быть доступно управление такими важными событиями; кроме того, боги в то время своим непосредственным присутствием оказали нам такое содействие и помощь, что мы, можно сказать, могли видеть их воочию. Если не говорить о том, что в ночное время на западе были видны вспышки света и зарево на небе; если удары молнии и землетрясения оставить без внимания; если не упоминать о других, столь многочисленных знамениях, наблюдавшихся в мое консульство, когда бессмертные боги, казалось, предвещали нынешние события, то, конечно, нельзя ни пропустить, ни оставить без внимания, квириды, того, о чем я сейчас буду говорить. (19) Вы, конечно, помните, что в консульство Котты и Торквата в Капитолии много предметов было поражено молнией, причем изображения богов сброшены с их оснований, статуи живших в старину людей низвергнуты, а медные доски с записью законов расплавлены. Это коснулось даже основателя нашего города, Ромула, чья позолоченная статуя, где он изображен в виде грудного ребенка, тянущегося к сосцам волчицы, как вы помните, стояла в Капитолии. Гаруспики, собравшиеся в те времена из всей Этрурии, предсказали, что надвигаются резня, пожары, уничтожение законов, гражданская и междоусобная война, падение Рима и всей нашей державы, если только бессмертные боги, которых надо умиловить всем, чем только возможно, волей своей не отклонят этих судеб. (20) Поэтому тогда, на основании их ответов, были устроены игры в течение десяти дней и не было упущено ничего такого, что могло бы умиловить

богов. Кроме того, гаруспики велели изваять изображение Юпитера больших размеров, установить его на более высоком подножии и, не в пример прошлому, обратить его лицом к востоку; они, по их словам, надеялись, что если эта статуя, которую вы видите, будет смотреть на восходящее солнце, на форум и на Курию, то замыслы, тайно составленные во вред благополучию Рима и нашей державы, будут настолько разоблачены, что станут вполне ясны сенату и римскому народу. На сооружение этой статуи консулы в ту пору сдали подряд, но работы производились так медленно, что ни в консульство моих предшественников, ни в мое статуя так и не была воздвигнута.

(IX, 21) Кто может быть столь враждебен истине, квинтиты, столь безрассуден, столь безумен, чтобы отрицать, что все находящееся перед нашими глазами, а особенно этот вот город управляется волей и властью бессмертных богов? И в самом деле, тогда нам был дан ответ, что готовятся – и притом нашими же гражданами – резня, поджоги и уничтожение государства, но кое-кому из вас все это в ту пору казалось слишком тяжким злодеянием и поэтому чем-то невероятным; теперь же вы воочию увидели, что нечестивые граждане не только задумали все это, но и приступили к выполнению. А разве не явным доказательством воли Юпитера Всеблагого Величайшего служит то, что, когда сегодня рано утром, по моему приказанию, заговорщиков и доносчиков вели через форум в храм Согласия, именно в это время воздвигали статую? Как только она была установлена и обращена лицом к вам и к сенату, все замыслы против всеобщего благополучия, как вы убедились, были разоблачены и раскрыты. (22) Тем большей ненависти и тем более мучительной казни достойны те люди, которые не только ваши жилища и дома, но храмы и святилища богов пытались предать губительному и нечестивому пламени.

Если я скажу, что это я погасил его, я припишу себе чересчур много и притязания мои будут нестерпимы. Это он, это Юпитер погасил пламя: это он хотел, чтобы Капитолий, эти храмы, весь город, все вы были спасены. Я же, под водительством бессмертных богов, поставил себе эту цель, принял это решение и добыл эти столь важные улики. Право, ни Лентул, ни другие внутренние враги не стали бы с таким безрассудством подстрекать аллоброгов и, конечно, никогда не доверили бы такого важного дела неизвестным им людям и притом варварам и не вручили бы им писем, если бы бессмертные боги не отняли разума у них, полных столь преступной отваги. Как? Неужели можно допустить, что галлы, притом происходящие из не вполне покоренной общины (ведь это –

единственное племя, которое может и вовсе не прочь начать войну против римского народа), пренебрегли надеждой на независимость и на огромные выгоды, которую им добровольно подали патриции, и предпочли ваше опасение своей пользе, если не предположить, что все это произошло по промыслу богов, тем более, что галлы могли нас победить, не сражаясь с нами, а лишь храня молчание?

(X, 23) Вот почему, коль скоро молебствие назначено перед ложами всех богов, отпразднуйте, квириты, эти дни вместе со своими женами и детьми; ибо много раз бессмертным богам оказывали вполне заслуженные ими и должные почести, но более заслуженных, конечно, им не было оказано никогда; ибо вы избавлены от самой мучительной и самой жалкой гибели, избавлены без резни, без кровопролития, без участия войска, без боев; вы, носящие тогу, с носящим тогу императором во главе, одержали победу. (24) И в самом деле, припомните, квириты, все раздоры между нашими гражданами – не только те, о которых вы слыхали, но также те, которые вы сами помните и видели. Луций Сулла Публия Сульпиция уничтожил; Гая Мария, стража этого города, и многих храбрых мужей – одних изгнал, других казнил. Консул Гней Октавий, применив оружие, изгнал из Рима своего коллегу; все это место было покрыто горами тел и полито кровью граждан. Потом победили Цинна и Марий; и вот тогда убиты были знаменитейшие мужи, и этим погашены светила государства. За жестокость этой победы в дальнейшем отомстил Сулла; не стоит даже говорить, сколько граждан погибло при этом и как велики были бедствия государства. Марк Лепид вступил в борьбу с прославленным и храбрейшим мужем, Квин-том Катулом; не столько гибель самого Лепида, сколько гибель многих других людей причинила горе государству. (25) Но все-таки все эти раздоры имели своей целью не уничтожение государства, а изменение государственного строя; все те люди не хотели полного уничтожения государства, но хотели главенствовать в том государстве, которое существовало. И не предать этот город огню хотели они, а наслаждаться властью в нем. (И все же всем этим смутам, из которых ни одна не имела целью уничтожить государство, был положен конец не путем восстановления согласия, а ценой истребления граждан). Напротив, во время этой войны, величайшей и жесточайшей из всех войн, происходивших на памяти людей, во время беспримерной войны, какой даже варвары никогда не вели со своим народом, во время войны, когда Лентул, Катилина, Цетег и Кассий установили правилом считать врагом всякого, кто мог бы остаться невредимым, если невредимым сохранится Рим, я предпринял, квириты, все, чтобы спасены были все вы, и, хотя ваши враги и думали, что уцелеет лишь столько

граждан, сколько их спасется от беспощадной резни, а Рим уцелеет лишь настолько, насколько его не удастся уничтожить огнем, я сохранил и город и граждан целыми и невредимыми.

(XI, 26) За эти столь великие деяния, квириты, ни награды за мужество, ни знаков почета, ни памятника в честь моих заслуг не требую я от вас. Нет, пусть этот день будет для вас памятным навеки. Я хочу, чтобы в сердцах ваших были запечатлены и сохранились все мои триумфы, все мои почетные награды, памятники славы и знаки моих заслуг. Никакой немой, никакой безмолвный памятник не порадует меня и ничто из того, чего могут добиться даже люди, менее достойные. В памяти вашей, квириты, будут жить мои деяния, в речах ваших расти, в памятниках слова приобретут долговечную славу. Я думаю, судьбой назначен один и тот же срок, который, надеюсь, продлится вечно, – и для благоденствия Рима, и для памяти о моем консульстве, когда в нашем государстве одновременно оказалось двое граждан, один из которых провел границы нашей державы не по земле, а по небу, а другой спас оплот и средоточие этой державы.

(XII, 27) Совершив эти подвиги, я нахожусь, однако, в иных условиях и в ином положении по сравнению с полководцами, которые воевали с внешними врагами, так как мне придется жить среди людей, которых я победил и смирил, между тем как их враги либо истреблены, либо покорены. Поэтому, квириты, от вас зависит, чтобы – в то время как другие получают заслуженную награду за свои подвиги – мои деяния рано или поздно не оказались пагубными для меня. Принять меры, чтобы злодейские и нечестивые замыслы преступнейших людей не могли повредить вам, было моим делом; принять меры, чтобы они не повредили мне, – дело ваше. Впрочем, квириты, мне повредить они уже не могут; ибо сильна охрана со стороны честных людей, навсегда обеспеченная мне; велик авторитет государства, который всегда будет молча защищать меня; велика сила совести – и те, которые ею пренебрегут, когда захотят посягнуть на меня, сами выступят против себя. (28) Я обладаю достаточным мужеством, квириты, чтобы не только не отступать ни перед чьей дерзкой отвагой, но, по собственному побуждению, всегда также и нападать на всех бесчестных людей. И если весь натиск внутренних врагов, отраженный мной от вас, обратится против меня одного, то вам, квириты, придется решать, в каком положении впредь окажутся те люди, которые, защищая ваше благополучие, навлекут на себя ненависть и подвергнутся всяческим опасностям. Что касается меня лично, то каких радостей в жизни мог бы я еще пожелать? Ведь не осталось никакой более высокой цели,

которой стоило бы добиваться, после того как я стяжал от вас почет и славу за свою доблесть. (29) Я, конечно, и далее буду действовать так, квириты, чтобы все то, что я совершил во время своего консульства, я продолжал защищать и укреплять как частное лицо – с тем, чтобы ненависть, которую я, быть может, на себя навлек, спасая государство, обратилась против самих ненавистников, а моей славе способствовала. Словом, в своей государственной деятельности я всегда буду памятовать о том, что я совершил, и стараться, чтобы это представлялось совершенным мной благодаря моей доблести, а не по милости случая.

Вы же, квириты, так как уже наступила ночь, с чувством благоговения к Юпитеру, хранителю этого города и вашему, расходитесь по домам и, хотя опасность уже устранена, все же, как и в прошлую ночь, защитите их стражей и ночными дозорами. Чтобы вам не пришлось долго так поступать и чтобы вы могли наслаждаться ничем не нарушаемым миром, – об этом позабочусь я, квириты!

Четвёртая речь против Луция Сергия Катилины

[В сенате, в храме Согласия, 5 декабря 63 года до Р. Х.]

(I,1) Я вижу, отцы-сенаторы, что вы все обернулись в мою сторону и устремили на меня свои взоры. Вижу, что не только опасность, угрожающая вам и государству, но – даже если бы удалось ее устранить – также и опасность, которая угрожает мне лично, вас тревожит. Приятно мне среди бедствий и дорого в скорби видеть ваше доброе отношение ко мне. Но – во имя бессмертных богов! – отбросьте его и, забыв о моем благополучии, думайте о себе и о своих детях. Если именно мне в течение моего консульства суждено вынести все горькие беды, все страдания и муки, то я перенесу их не только мужественно, но и с радостью, лишь бы труды мои доставили вам и римскому народу славу и благоденствие.

(2) Я – тот консул, отцы-сенаторы, для которого и форум, средоточие всего правосудия, и поле, освященное консульскими авспициями, и Курия, высший оплот всех народов, и дом, убежище для каждого человека, и ложе, предназначенное для отдохновения, и, наконец, это вот почетное место всегда таили в себе смертельную опасность и козни. О многом я молчал, многое претерпел, во многом уступил и ценой своих тревог избавил вас от многого, внушавшего вам страх. Но теперь, коль скоро бессмертным богам угодно, чтобы я завершил свое консульство спасением вашим и римского народа от ужасов резни; ваших жен и детей, а также и дев-весталок – от жесточайших мучений; храмов и святилищ и этой прекрасной нашей общей отчизны – от губительного пламени; всей Италии – от опустошительной войны, то, какая бы участь меня ни ожидала, я готов один принять ее. И в самом деле, если Публий Лентул, основываясь на предсказаниях, решил, что его имя, по велению судьбы, станет роковым для государства, то почему бы мне не радоваться тому, что мое консульство, можно сказать, по велению рока, оказалось спасительным для народа? (II, 3) Поэтому заботьтесь о себе, отцы-сенаторы; думайте о будущем нашей отчизны; берегите себя, своих жен, детей и достояние; имя и благополучие римского народа защищайте, но меня щадить и обо мне думать перестаньте. Ибо я прежде всего должен надеяться на то, что все боги, покровители этого города, вознаградят меня в меру моих заслуг; затем, если что-нибудь случится, я готов умереть спокойно; ведь смерть не может быть ни позорной для храброго мужа, ни преждевременной для консуляра, ни жалкой для мудрого человека. Но я не такой уж черствый человек, чтобы меня не трогало горе присутствующего здесь моего дорогого и горячо любящего брата и слезы всех этих вот людей, которые, как видите, меня окружают. Мысленно я все время переносусь в свой дом к убитой горем жене, к измученной страхом дочери и малютке-сыну, которого – я сказал бы – государство держит в своих объятиях как залог моей верности обязанностям консула. Переносусь мысленно также и к тому человеку, который, как я вижу, стоя вон там, ждет окончания нынешнего дня, к своему зятю. Все это волнует меня, но пусть мои родные останутся невредимы вместе с вами, а не погибнут вместе с нами всеми от одной и той же моровой язвы, грозящей государству уничтожением.

(4) Поэтому, отцы-сенаторы, напрягите все свои силы ради спасения государства; подумайте обо всех бурях, с которыми мы столкнемся, если вы не примете мер предосторожности. Не Тиберий Гракх за свое желание быть избранным в народные трибуны во второй раз, не Гай Гракх за свою попытку призвать сторонников земельных

законов к восстанию, не Луций Сатурнин за убийство Гая Меммия привлечены к ответственности и отданы на ваш строгий суд. Схвачены те, кто остался в Риме, чтобы поджечь город, истребить всех вас, принять Катилину; у нас в руках их письма с печатями и собственноручными подписями; наконец, все они сознались; они подстрекали аллоброгов, рабов призывали к мятежу, Катилину призывали в Рим; коротко говоря, вот что они задумали: истребив всех, не оставить никого, кто бы мог хотя бы оплакивать римский народ и сокрушаться о гибели такой великой державы. (III, 5) Все это сообщили доносчики, в этом сознались виновные, вы сами уже признали это многими своими решениями; прежде всего тем, что в самых лестных выражениях высказали мне благодарность и установили, что я своим мужеством и бдительностью раскрыл заговор преступников; далее тем, что вы заставили Публия Лентула отказаться от претуры; тем, что вы сочли нужным его и других, о которых вы вынесли решения, взять под стражу; но особенно тем, что вы назначили от моего имени молебствие, а этот почет ни одному должностному лицу, носящему тогу, до меня оказан не был; наконец, вы вчера щедро наградили послов аллоброгов и Тита Вольтурция. Все эти решения свидетельствуют о том, что люди, поименно взятые под стражу, без всякого сомнения, вами осуждены.

(6) Но я решил доложить вам, отцы-сенаторы, обо всем деле так, словно оно еще не начато, и просить вас вынести решение о происшедшем и назначить кару. Начну с того, что подобает сказать консулу. Да, я уже давно увидел, что в государстве нарастает какое-то страшное безумие, и понял, что затевается и назревает какое-то зло, неведомое доселе, но я никогда не думал, что этот столь значительный, столь губительный заговор устроили граждане. Теперь во что бы то ни стало, к чему бы вы ни склонялись в своих мнениях и предложениях, вы должны вынести постановление еще до наступления ночи. Сколь тяжко деяние, переданное на ваше рассмотрение, вы видите. Если вы полагаете, что в нем замешаны лишь немногие люди, то вы глубоко заблуждаетесь. Много шире, чем думают, распространилось это зло; оно охватило не только Италию, оно перешло через Альпы и, расползаясь в потемках, уже поразило многие провинции. Уничтожить его отсрочками и оттяжками совершенно невозможно. Какой бы способ наказания вы ни избрали, вы должны быстро покарать преступников.

(IV, 7) Я вижу, что до сего времени внесено два предложения: одно – Децимом Силаном, который полагает, что людей, пытавшихся уничтожить наше государство, следует покарать смертью; другое – Гаем Цезарем, который отвергает смертную казнь, но

предлагает любое из других тягчайших наказаний. И тот и другой в соответствии со своим достоинством и с важностью дела проявляют величайшую суровость. Первый считает, что люди, сделавшие попытку всех нас лишиться жизни, разрушить нашу державу, уничтожить имя римского народа, не должны больше ни мгновения наслаждаться жизнью и дышать этим воздухом, нашим общим достоянием; он напоминает нам, что бесчестных граждан в нашем государстве не раз подвергали каре этого рода. Второй полагает, что бессмертные боги определили, чтобы смерть была не казнью, а либо законом природы, либо отдохновением от трудов и несчастий. Поэтому мудрые люди всегда встречали ее спокойно, а храбрые – часто даже с радостью. Но тюремное заключение и притом на вечные времена, несомненно, придумано как высшая кара за нечестивое преступление. Цезарь предлагает распределить преступников по муниципиям, но предложение это несправедливо, если муниципиям прикажут, и трудно выполнимо, если к ним обратятся с просьбой. Впрочем, если угодно, пусть будет принято такое решение. (8) Я поищу и, надеюсь, найду людей, которые сочтут несовместимым со своим достоинством отказаться от того, что вы постановите ради всеобщего благополучия. Далее Цезарь предлагает дополнительно назначить тяжкое наказание жителям муниципиев, если кто-нибудь из них окажет содействие побегу преступников. Он предусматривает строжайшее заключение, достойную кару за преступление, совершенное пропащими людьми; он устанавливает, что никто – ни по постановлению сената, ни по решению народа – не вправе облегчить кару, назначенную тем, кого он предлагает осудить, он даже отнимает у них надежду, которая только одна и утешает человека в его несчастьях. Кроме того, он предлагает продать их имущество в пользу казны; одну только жизнь сохраняет он нечестивцам; если бы он отнял у них также и ее, он сразу избавил бы их от многих страданий души и тела и от всех наказаний за злодеяния. Поэтому люди древности, желая, чтобы бесчестные люди хотя бы чего-нибудь боялись при жизни, утверждали, что нечестивцам назначены в подземном царстве какие-то ужасные мучения, так как они, по-видимому, понимали, что без угрозы в виде таких наказаний смерть сама по себе не страшна.

(V, 9) Я теперь хорошо понимаю, отцы-сенаторы, какое из решений выгодно мне. Если вы последуете предложению Гая Цезаря, избравшего в своей государственной деятельности путь, считающийся защитой интересов народа, то мне, пожалуй, – при том, что это предложение вносит и защищает именно он, – в меньшей степени придется страшиться нападков сторонников народа. Если же вы последуете другому предложению, то у меня

могут возникнуть значительно большие затруднения. Но все же пусть благо государства будет выше соображений о моей личной безопасности. Ведь Цезарь, как этого требовали его личное достоинство и слава его предков, внес предложение, являющееся как бы залогом его неизменной преданности государству. Стало понятным все различие между ничтожностью крикунов на народных сходках и подлинной преданностью народу и заботой о его благе. (10) Я вижу, что кое-кто из тех, которые хотят считаться сторонниками народа, не явился сюда, видимо, чтобы не выносить смертного приговора римским гражданам, а между тем те же лица отдали третьего дня римских граждан под стражу и голосовали за молебствие от моего имени, а вчера щедро наградили доносчиков; но ведь если человек голосовал за содержание заговорщиков под стражей, за вынесение благодарности должностному лицу, производившему следствие, за награждение доносчиков, то уже едва ли можно сомневаться насчет его приговора по поводу всех событий разбираемого дела. Гай Цезарь, скажут мне, хорошо понимает, что Семпрониев закон касается римских граждан, но тот, кто является врагом государства, быть гражданином никак не может; наконец, сам автор Семпрониева закона понес – без повеления народа – кару за свое преступление против государства. Далее Цезарь полагает, что Лентул, несмотря на всю щедрость и расточительность, не может уже быть назван сторонником народа, коль скоро он с такой жестокостью, с такой беспощадностью задумал истребить римский народ и уничтожить этот город. Поэтому Цезарь, при всем своим мягкосердечии и благожелательности, без всяких колебаний обрекает Публия Лентула на пожизненное заключение в мрачной тюрьме и закрепляет эту кару также и на будущее время с тем, чтобы никто не мог впредь хвалиться, что облегчил это мучительное наказание, и римскому народу на погибель впоследствии выставлять себя сторонником народа. Кроме того, Цезарь предлагает продать имущество заговорщиков в пользу казны, дабы все мучения их души и тела сопровождались также бедностью и нищетой. (VI, 11) Итак, если вы примете предложение Цезаря, то вы дадите мне для выступления на народной сходке спутника, любимого народом и удобного ему. Если же вы предпочтете последовать предложению Силана, то римский народ едва ли станет упрекать меня и вас в жестокости, а я докажу, что сама эта жестокость была проявлением мягкосердечия. Впрочем, можно ли говорить о жестокости, отцы-сенаторы, когда речь идет о наказании за такое страшное преступление? Я лично сужу на основании того, что чувствую сам. Да будет мне дозволено вместе с вами наслаждаться благоденствием нашего государства в такой же мере, в какой я проявляю непримиримость в этом деле, руководствуясь отнюдь не чувством жестокости (право, кто более мягкий человек, чем

я?), но, напротив, исключительной, так сказать, добротой и состраданием. Мне кажется, я вижу, как наш город, светоч всего мира и оплот всех народов, внезапно уничтожается огромным пожаром; я воображаю себе лежащие в погребенной отчизне груды жалких тел непогребенных граждан; перед моими глазами встает исступленное лицо Цетега, ликующего при виде того, как вас убивают. (12) А когда я представляю себе, что Лентул царствует, на что он, по его собственному признанию, надеялся, ссылаясь на волю судьбы, что Габиний в пурпурном одеянии находится при нем, что Катилина привел сюда свое войско, то я содрогаюсь при мысли о стенаниях матерей, о бегстве девушек и детей, о надругательстве над девами-весталками. И так как все эти несчастья потрясают меня и внушают мне чувство сострадания, то к людям, добивавшимся этого, я буду суров и непреклонен. И в самом деле, скажите мне: если отец, глава семьи, найдя своих детей убитыми рабом, жену зарезанной, а дом сожженным, не подвергнет своих рабов жесточайшей казни, то кем сочтем мы его – милосердным ли и сострадательным или же бесчувственным и жестоким? Мне лично кажется отвратительным и бессердечным тот, кто не облегчит своих страданий и мук, покарвав преступника. Таково и наше положение по отношению к этим людям, которые хотели убить нас, наших жен и детей, пытались разрушить наши дома и это государство, наше общее обиталище, старались поселить на развалинах нашего города и на пепелище сожженной ими державы племя аллоброгов: если мы будем беспощадны к ним, то нас сочтут людьми сострадательными; если же мы захотим оказать им снисхождение, то молва осудит нас за величайшую жестокость к нашей отчизне и согражданам, которым грозила гибель. (13) Или, быть может, Луций Цезарь, храбрейший и глубоко преданный государству муж, третьего дня показался кому-либо чересчур жестоким, когда признал, что муж его сестры, достойнейшей женщины, должен быть казнен, и заявил это в его присутствии, и также когда он назвал законным совершенное по приказанию консула убийство своего деда и смерть его юного сына, присланного отцом для переговоров и казненного в тюрьме? А между тем разве их поступки можно сравнить с виной этих людей? Разве у них было намерение уничтожить государство? Тогда в стране было стремление произвести раздачу земли и происходила, так сказать, борьба сторон. Но в то же время дед нашего Лентула, прославленный муж, с оружием в руках преследовал Гракха. Он тогда даже был тяжело ранен, защищая государственный строй. А вот внук его, желая разрушить устои государства, призывает галлов, подстрекает рабов, зовет Катилину, Цетегу поручает истребить нас, Габинию – перерезать других граждан, Кассию – сжечь город, Катилине – опустошить и разграбить всю Италию. Да, уж действительно вам следует опасаться, что ваше постановление о

таком ужасном и нечестивом преступлении может кому-то показаться чересчур суровым! Нет, гораздо больше нам следует опасаться, как бы нам, если мы смягчим наказание, не оказаться жестокими по отношению к отечеству, а вовсе не того, что мы, проявив суровость при выборе нами кары для них, окажемся слишком беспощадны к своим заклятым врагам.

(VII, 14) Но я не могу скрыть, отцы-сенаторы, того, что мне приходится слышать. До моего слуха доносятся голоса тех, кто, видимо, сомневается, достаточно ли у меня военной силы, чтобы привести в исполнение те решения, которые вам сегодня предстоит принять. Все предусмотрено, подготовлено и устроено, отцы-сенаторы, благодаря моей величайшей заботливости и бдительности и особенно благодаря твердой решительности римского народа, желающего сохранить в своих руках высший империй и спасти достояние всех граждан. Все они находятся здесь: это люди из всех сословий, всех слоев населения, наконец, люди любого возраста; ими полон форум, полны все храмы вокруг форума, полны все пути, ведущие к этому храму и к этому месту. Со времени основания Рима это – единственное дело, в котором все вполне единодушно, за исключением тех людей, которые, видя, что они обречены на гибель, предпочли погибать вместе со всеми гражданами, а не в одиночестве. (15) Их я охотно исключаю и отделяю от всех прочих людей и думаю, что их следует относить даже не к числу бесчестных граждан, а к числу заклятых врагов. Но другие! Бессмертные боги! – как много их, с какой преданностью, с каким мужеством единодушно выступают они в защиту всеобщего благополучия и достоинства! Упомянуть ли мне здесь о римских всадниках? Ведь они, если и уступают вам в сословных правах, соперничают с вами в преданности государству. После их многолетних раздоров с сенаторским сословием нынешний день и это дело возвратили их к союзу и согласию с вами; если это единение, закрепленное во время моего консульства, мы сохраним в государстве навсегда, то впредь – заверяю вас – никакие внутренние гражданские распри ничем не будут угрожать государству. С таким же ревностным стремлением защищать государство, вижу я, сошлись сюда эрарные трибуны, храбрейшие мужи; также и все писцы, именно сегодня собравшиеся по особому случаю около эрария, вижу я, не стали дожидаться исхода жеребьевки и бросились на защиту всеобщего благополучия. (16) Здесь присутствуют все многочисленные свободнорожденные люди, даже беднейшие. В самом деле, найдется ли человек, которому бы эти вот храмы, вид Рима, права свободы, наконец, сам солнечный свет и почва нашего общего отечества не были дороги, более того – не казались сладостными и

восхитительными? (VIII) Стоит обратить внимание, отцы-сенаторы, и на рвение, проявленное вольноотпущенниками, которые, благодаря своим заслугам приобщившись к судьбе нашего государства, считают его своей подлинной отчизной, между тем как некоторые люди, рожденные здесь и притом происходящие из знатнейших родов, сочли его не своей отчизной, а вражеским городом. Но зачем я говорю об этих сословиях и об этих людях, которых к защите отечества побудили забота об их личном благополучии, польза государства и, наконец, свобода, самое ценное наше достояние? Раба не найдется, который – если только его положение как раба терпимо – не испытывал бы чувства ужаса перед преступностью граждан, не желал бы сохранения нынешнего положения и, насколько смеет и насколько может, не способствовал бы успеху дела всеобщего спасения. (17) Поэтому, если кого-нибудь из вас сильно беспокоят слухи о том, что какой-то сводник, сторонник Лентула бродит вокруг торговых рядов в надежде, что ему удастся путем подкупа вызвать волнения среди неимущих и неискушенных людей, то нужно сказать, что такая попытка действительно была сделана, но не нашлось ни одного бедняка, ни одного пропащего человека, который бы не желал сохранить в целостности место, где он трудится, сидя на своей скамье, и изо дня в день зарабатывает себе на хлеб, сохранить свое жилище и свою постель, словом, свою спокойную жизнь. И действительно, огромное большинство тех, кто владеет лавками, вернее, все они (ибо это более правильно) горячо стоят за спокойствие. Ведь всякий источник существования, всякий труд и заработок поддерживаются спросом и процветают в условиях мира. Если доходы этих людей уменьшаются, когда их лавки на запоре, то что, скажите мне, будет, если эти лавки сожгут?

(18) При этих обстоятельствах, отцы-сенаторы, римский народ вас без поддержки не оставляет; но вам следует принять меры, дабы римский народ не остался без вашей поддержки. (IX) У вас есть консул, уцелевший среди многочисленных опасностей и козней, грозивших ему, вернее, спасшийся от угрожавшей ему смерти не для того, чтобы самому остаться в живых, а чтобы спасти вас. Для спасения государства объединились все сословия своими помыслами, волей, высказываниями. Наша общая отчизна, которой угрожают факелы и оружие нечестивого заговора, с мольбой простирает к вам свои руки; вам препоручает она себя, вам – жизнь всех граждан, вам – крепость и Капитолий, вам – алтари Пенатов, вам – вон тот неугасимый огонь Весты, вам – храмы и святилища всех богов, вам – городские стены и дома. Наконец, вам сегодня предстоит вынести приговор, от которого будет зависеть ваша жизнь, существование ваших жен и детей, достояние

всех граждан, целость ваших жилищ и домашних очагов. (19) У вас есть руководитель, помнящий о вас и забывающий о себе, – случай, который не всегда бывает. Перед вами все сословия, все люди, весь римский народ, и все они вполне единодушны, что в пору гражданской смуты сегодня произошло впервые. Подумайте, какими трудами была основана наша держава, какой доблестью была укреплена свобода, сколь велика милость богов, благодаря которой были созданы и накоплены эти богатства, – и всего этого едва не уничтожила одна ночь. Чтобы граждане впредь не могли, не говорю уже – совершить подобную попытку, но даже помыслить о ней – вот о чем должны вы позаботиться сегодня. И я это сказал не с целью возбудить ваше рвение – вы, пожалуй, в этом отношении даже превосходите меня, – но для того, чтобы мой голос, который должен звучать как первый в государстве, соответствовал моему званию консула.

(X, 20) Теперь, прежде чем переходить к голосованию, скажу несколько слов о себе самом. Я вижу, что численность недругов, которых я приобрел, равна численности шайки заговорщиков, а она, как видите, очень велика; но недругов своих я считаю людьми презренными, слабыми и отверженными. Но даже если эта шайка при подстрекательстве со стороны какого-нибудь бешеного и преступного человека когда-либо окажется сильнее вашего авторитета и достоинства государства, то все же я, отцы-сенаторы, никогда не стану раскаиваться в своих решениях. И в самом деле, смерть, которой они, быть может, мне угрожают, ожидает нас всех, между тем таких высоких похвал, каких вы своими постановлениями удостоили меня при жизни, не достигал никто; ведь другим вы своим постановлением воздавали благодарность за подвиги, совершенные во славу государства, и только мне – за его спасение. (21) Да будет славен Сципион, благодаря мудрому руководству и доблести которого Ганнибал был вынужден покинуть Италию и возвратиться в Африку; пусть воздают высокую хвалу второму Африканскому, разрушившему два города, которые были злейшими врагами нашей державы, – Карфаген и Нуманцию; пусть превозносят Павла, за чьей колесницей шел один из некогда самых могущественных и самых знаменитых царей – Персей; вечная слава Марию, дважды избавившему Италию от врагов и от угрозы порабощения; выше всех пусть возносят Помпея, чьи подвиги и чья доблесть охватывают все страны и все пределы, какие посещает солнце. Среди похвал, воздаваемых этим людям, конечно, найдется место и для моей славы, если только завоевывать для нас провинции, где мы можем расселяться, большая заслуга, чем позаботиться о том, чтобы у отсутствующих было куда возвратиться после побед. (22) Впрочем, в этом отношении победа над внешним врагом

выгоднее победы над внутренним: чужеземные враги в случае своего поражения либо становятся рабами, либо, встретив милостивое отношение к себе, чувствуют себя обязанными нам; что же касается граждан, которые в своем безрассудстве однажды оказались врагами отчизны, то их – если им не дали погубить государство – невозможно ни принудить силой, ни смягчить милосердием. Поэтому я, как вижу, вступил с дурными гражданами в вечную войну. Но помощь ваша и всех честных людей и воспоминание об огромных опасностях, которое всегда будет храниться в преданиях и в памяти не только нашего народа, спасенного мной, но и всех племен, могут – я в этом уверен – с легкостью отразить угрозу этой войны от меня и от моих родных. И, конечно, не найдется столь великой силы, которая могла бы разорвать и поколебать ваше единение с римскими всадниками и тесный союз между всеми честными людьми.

(XI, 23) Коль скоро это так, взамен империя, взамен войска, взамен провинции, от которой я отказался, взамен триумфа и других знаков славы, отвергнутых мной из желания быть на страже благополучия Рима и вашего, взамен отношений клиентелы и уз гостеприимства, которые я мог бы завязать в провинциях и которые я все же средствами, находящимися в моем распоряжении в Риме, оберегаю с таким же старанием, с каким их создаю, словом, взамен всего этого, в воздаяние за мое исключительное рвение, за мою всем вам ведомую бдительность, направленную на спасение государства, я ничего от вас не требую, кроме того, чтобы вы помнили об этом дне и обо всем моем консульстве; пока вы будете твердо хранить в своих сердцах память об этом, я буду считать себя за крепчайшей стеной; но если надежда меня обманет, а сила бесчестных людей восторжествует, то поручаю вам своего малолетнего сына; поистине, если вы будете помнить, что он – сын того, кто спас наше государство, подвергая опасности одного себя, то это не только охранит его от гибели, но и откроет ему путь к почестям. (24) Итак, обдуманно и смело, как вы вели себя с самого начала, выносите постановление о самом существовании своем и римского народа, о своих женах и детях, об алтарях и домашних очагах, о святилищах и храмах, о домах и зданиях всего Рима, о нашей державе и свободе, о благополучии Италии, о государстве в целом. У вас есть консул, который без колебаний подчинится вашим постановлениям и, пока будет жив, сможет их защитить и сам за них постоять.

Апостол и Евангелист Матфей (?-60)

- От Матфея Святое благовествование

Матфей жил в восточносредиземноморской провинции Галилея и работал мытарем – сборщиком пошлин и налогов. Встретившись с Иисусом Христом, Матфей оставил свое занятие и последовал за Ним. Христос призвал Матфея в число самых близких своих учеников – он был одним из двенадцати апостолов. В начале 40-х годов Матфей первым из учеников Иисуса написал Евангелие, обращенное к иудеям, принявшим христианство.

Апостол Матфей после вознесения Христа пятнадцать лет проповедовал в Иерусалиме иудеям, затем побывал с проповедями в Сирии, Персии, Индии, где принял мученическую смерть.

От Матфея Святое благовествование

ГЛАВА 51

Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его.

2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески несправедливо злословить за Меня;

12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

13 Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.

14 Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

15 И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

17 Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить.

18 Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.

19 Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.

20 Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то не войдете в Царство Небесное.

21 Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду».

22 А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедрionу; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

23 Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,

24 Оставь там дар твой пред жертвенником и пойдй, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.

25 Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;

26 Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

27 Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй».

28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

30 И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

31 Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

32 А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

33 Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои».

34 А Я говорю вам: не клянись вовсе; ни небом, потому что оно Престол Божий;

35 Ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

36 Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

37 Но да будет слово ваше: «да – да», «нет – нет»; а что сверх этого, то от лукавого.

38 Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб».

39 А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

40 И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

41 И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

42 Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

43 Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».

44 А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

45 Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

46 Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

47 И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

48 Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

ГЛАВА 6

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

2 Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

3 У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

4 Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

5 И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

6 Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

7 А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;

8 Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

9 Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

10 Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

11 Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

12 И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

13 И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

14 Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный;

15 А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

16 Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

17 А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,

18 Чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

19 Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут;

20 Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут;

21 Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

22 Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло;

23 Если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

24 Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

25 Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды?

26 Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

27 Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

28 И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут;

29 Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них;

30 Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!

31 Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?»

32 Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

33 Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

34 Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

ГЛАВА 7

Не судите, да не судимы будете;

2 Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.

3 И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?

4 Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего»; а вот в твоем глазе бревно?

5 Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

6 Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

7 Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

8 Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

9 Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?

10 И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?

11 Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный дает блага просящим у Него.

12 Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

13 Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;

14 Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

15 Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные:

16 По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?

17 Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые:

18 Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

19 Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

20 Итак, по плодам их узнаете их.

21 Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

22 Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?»

23 И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие».

24 Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне;

25 И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне.

26 А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке;

27 И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

28 И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его,

29 Ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

1 Представленная часть Евангелия от Матфея называется Нагорной проповедью. Здесь Иисус Христос выступает как преобразователь ветхозаветных законов и устанавливает

правила жизни благочестивого человека Нового Завета. Нагорная проповедь – блестящий образец ораторского искусства Христа.

Печатается по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Издание Московской патриархии. – Перевод под редакцией Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова).

Апостол и Евангелист Марк (?-63)

- От Марка Святое благовествование

Марк, будучи по происхождению иудеем, принял христианство благодаря апостолу Петру и оставался одним из ближайших его помощников и сподвижников. Марк принадлежал ко второму кругу учеников Христа и был одним из семидесяти апостолов. Вслед за Матфеем он в первой половине 40-х годов написал Евангелие, обращенное к язычникам.

Апостол Марк проповедовал сначала на берегах Адриатического моря, затем в Египте, Северной и Западной Африке. Он стал основателем Церкви в Александрии, где и принял мученическую смерть от язычников.

От Марка Святое благовествование

ГЛАВА 11

1 Иоанн Креститель prepares путь. 9 Крещение Иисуса. 12 Испытание в пустыне и проповедь в Галилее. 16 Призвание первых четырех апостолов. 21 Проповедь и исцеления в Капернауме и Галилее; исцеление прокаженного.

Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия,

2 Как написано у пророков: «вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою».

3 «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

4 Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов.

5 И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне; и крестились от него все в реке Иордане, исповедуя грехи свои.

6 Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед.

7 И проповедывал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я не достоин наклонившись развязать ремень обуви Его;

8 Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым.

9 И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.

10 И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него.

11 И глас был с небес: Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение.

12 Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню.

13 И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему.

14 После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия

15 И говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие, покайтесь и веруйте в Евангелие.

16 Проходя же близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы.

17 И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков.

18 И они тотчас, оставивши свои сети, последовали за Ним.

19 И прошед оттуда немного, Он увидел Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также в лодке починивающих сети,

20 И тотчас призвал их. И они, оставивши отца своего Зеведея в лодке с работниками, последовали за Ним.

21 И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил.

22 И дивились Его учению, ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники.

23 В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал:

24 Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий.

25 Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него.

26 Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него.

27 И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?

28 И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее.

29 Вышедши вскоре из синагоги, пришли в дом Симона и Андрея с Иаковом и Иоанном.

30 Теща же Симонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней.

31 Подошед Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.

32 При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых.

33 И весь город собрался к дверям.

34 И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов и не позволял бесам говорить, что они знают, что Он Христос.

35 А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.

36 Симон и бывшие с ним пошли за Ним;

37 И, нашедши Его, говорят Ему: все ищут Тебя.

38 Он говорит им: пойдем в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедывать, ибо Я для того пришел.

39 И Он проповедывал в синагогах их по всей Галилее и изгонял бесов.

40 Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить.

41 Иисус, умиловшись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься.

42 После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист.

43 И посмотрев на него строго, тотчас отослал его

44 И сказал ему: смотри, никому ничего не говори; но пойди, покажись священнику и принеси за очищение твое, что повелел Моисей, во свидетельство им.

45 А он вышед начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что Иисус не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду.

ГЛАВА 2

1 Исцеление расслабленного; «власть прощать грехи». 13 Призвание Левия. 18 О посте: новое вино в новые мехи. 23 «Сын Человеческий есть господин и субботы».

Чрез несколько дней опять пришел Он в Капернаум; и слышно стало, что Он в доме.

2 Тотчас собрались многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово.

3 И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо;

4 И, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопавши ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный.

5 Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои.

6 Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих:

7 Что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?

8 Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших?

9 Что легче? сказать ли расслабленному: «прощаются тебе грехи»? или сказать: «встань, возьми свою постель и ходи»?

10 Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному:

11 Тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой.

12 Он тотчас встал и, взяв постель, вышел пред всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали.

13 И вышел Иисус опять к морю; и весь народ пошел к Нему, и Он учил их.

14 Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он встав последовал за Ним.

15 И когда Иисус возлежал в доме его, возлежали с ним и ученики Его и многие мытари и грешники; ибо много их было, и они следовали за Ним.

16 Книжники и фарисеи, увидевши, что Он ест с мытарями и грешниками, говорили ученикам Его: как это Он ест и пьет с мытарями и грешниками?

17 Услышав сие, Иисус говорит им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

18 Ученики Иоанновы и фарисейские постились. Приходят к Нему и говорят: почему ученики Иоанновы и фарисейские постятся, а Твои ученики не постятся?

19 И сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься.

20 Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни.

21 Никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленной ткани: иначе вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже.

22 Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые.

23 И случилось Ему в субботу проходить засеянными полями, и ученики Его дорогою начали срывать колосья.

24 И фарисеи сказали Ему: смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать!

25 Он сказал им: неужели вы никогда не читали, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?

26 Как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним?

27 И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы;

28 Посему Сын Человеческий есть господин и субботы.

ГЛАВА 3

1 Исцеление сухорукого в субботу; «за Ним последовало множество народа». 13 Назначение двенадцати апостолами. 20 «Как может сатана изгонять сатану»? 31 «Мать и братья» Иисуса.

И пришел опять в синагогу; там был человек, имевший иссохшую руку.

2 И наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его.

3 Он же говорит человеку, имевшему иссохшую руку: стань на средину.

4 А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали.

5 И возрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая.

6 Фарисеи, вышедши, немедленно составили с иродианами совещание против Него, как бы погубить Его.

7 Но Иисус с учениками Своими удалился к морю, и за Ним последовало множество народа из Галилеи, Иудеи,

8 Иерусалима, Идумеи и из-за Иордана. И живущие в окрестностях Тира и Сидона, услышавши, что Он делал, шли к Нему в великом множестве.

9 И сказал ученикам Своим, чтобы готова была для Него лодка, по причине многолюдства, дабы не теснили Его.

10 Ибо многих Он исцелил, так что имевшие язвы бросались к Нему, чтобы коснуться Его.

11 И духи нечистые, когда видели Его, падали пред Ним и кричали: Ты – Сын Божий.

12 Но Он строго запрещал им, чтобы не делали Его известным.

13 Потом взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему.

- 14 И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь,
- 15 И чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов:
- 16 Поставил Симона, нарекши ему имя Петр;
- 17 Иакова Зеведеева и Иоанна, брата Иакова, нарекши им имена Воанергес, то есть «сыны Громы»;
- 18 Андрея, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Фому, Иакова Алфеева, Фаддея, Симона Кананита
- 19 И Иуду Искаротского, который и предал Его.
- 20 Приходят в дом; и опять сходится народ, так что им невозможно было и хлеба есть.
- 21 И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя.
- 22 А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя.
- 23 И призвав их, говорил им притчами: как может сатана изгонять сатану?
- 24 Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то;
- 25 И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот;
- 26 И если сатана восстал на самого себя и разделился, не может устоять, но пришел конец его.
- 27 Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, – и тогда расхитит дом его.

28 Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили;

29 Но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению.

30 Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух.

31 И пришли Мать и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его.

32 Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Мать Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя.

33 И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои?

34 И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои;

35 Ибо, кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать.

ГЛАВА 4

1 Притча о сеятеле и семени. 21 «Замечайте, что слышите». 26 Притча о растущем семени, горчичном зерне. 35 «И ветер и море повинуются Ему».

И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле у моря.

2 И учил их притчами много и в учении Своем говорил им:

3 Слушайте: вот, вышел сеятель сеять;

4 И когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то;

5 Иное упало на каменистое место, где не много было земли, и скоро возшло, потому что земля была не глубока;

6 Когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло;

7 Иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода;

8 И иное упало на добрую землю и дало плод, который возшел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто.

9 И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит!

10 Когда же остался без народа, окружающие Его вместе с двенадцатью спросили Его о притче.

11 И сказал им: вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах,

12 Так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи.

13 И говорит им: не понимаете этой притчи? как же вам уразуметь все притчи?

14 Сеятель слово сеет.

15 Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их.

16 Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его,

17 Но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются.

18 Посеянное в тернии означает слышащих слово,

19 Но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода.

20 А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат.

21 И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике?

22 Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.

23 Если кто имеет уши слышать, да слышит!

24 И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет вам слушающим.

25 Ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет.

26 И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю,

27 И спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он;

28 Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе:

29 Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва.

30 И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какою притчею изобразим его?

31 Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле;

32 А когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные.

33 И таковыми многими притчами проповедывал им слово, сколько они могли слышать;

34 Без притчи же не говорил им, а ученикам наедине изъяснял все.

35 Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону.

36 И они, отпустивши народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки.

37 И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою,

38 А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?

39 И встав Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина.

40 И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры?

41 И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?

ГЛАВА 5

1 Иисус изгоняет легион бесов; входят в стадо свиней; 21 Воскрешение дочери Иаира; исцеление страдавшей двенадцать лет.

И пришли на другой берег моря, в страну Гадаринскую.

2 И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек, одержимый нечистым духом;

3 Он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями;

4 Потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его;

5 Всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни.

6 Увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему,

7 И, вскричав громким голосом, сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Заклинаю Тебя Богом, не мучь меня!

8 Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека.

9 И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.

10 И много просили Его, чтобы не высылал их вон из страны гой.

11 Паслось же там при горе большое стадо свиней.

12 И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них.

13 Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч; и потонули в море.

14 Пасущие же свиней побежали и рассказали в городе и в деревнях. И жители вышли посмотреть, что случилось.

15 Приходят к Иисусу и видят, что бесновавшийся, в котором был легион, сидит и одет, и в здоровом уме; и уstraшились.

16 Видевшие рассказали им о том, как это произошло с бесноватым, и о свиньях.

17 И начали просить Его, чтобы отошел от пределов их.

18 И когда Он вошел в лодку, бесновавшийся просил Его, чтоб быть с Ним.

19 Но Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя.

20 И вошел в начал проповедывать в Десятиградии, что сотворил с ним Иисус. И все дивились.

21 Когда Иисус опять переправился в лодке на другой берег, собралось к Нему множество народа. Он был у моря.

22 И вот, приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, падает к ногам Его

23 И усиленно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива.

24 Иисус пошел с ним. За Ним следовало множество народа, и теснили Его.

25 Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет,

26 Много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние, –

27 Услышавши об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его;

28 Ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею.

29 И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни.

30 В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?

31 Ученики сказали Ему: Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне?

32 Но Он смотрел вокруг, чтобы видеть ту, которая сделала это.

33 Женщина в страхе и трепете, зная, что с нею произошло, подошла, пала пред Ним и сказала Ему всю истину.

34 Он же сказал ей: дочь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей.

35 Когда Он еще говорил сие, приходят от начальника синагоги и говорят: дочь твоя умерла; что еще утруждаешь Учителя?

36 Но Иисус, услышав сии слова, тотчас говорит начальнику синагоги: не бойся, только веруй.

37 И не позволил никому следовать за Собою, кроме Петра, Иакова и Иоанна, брата Иакова.

38 Приходит в дом начальника синагоги и видит смятение, и плачущих и вопиющих громко.

39 И вошед говорит им: что смущаетесь и плачете? девица не умерла, но спит.

40 И смеялись над Ним. Но Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала.

41 И взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа-куми», что значит: «девица, тебе говорю, встань».

42 И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати. Видевшие пришли в великое изумление.

43 И Он строго приказал им, чтобы никто об этом не знал, и сказал, чтобы дали ей есть.

ГЛАВА 6

1 «Не бывает пророк без чести...» 7 Двенадцать посланы на служение. 14 Иоанн Креститель обезглавлен Иродом. 30 Насыщение 5000. 45 Хожение по воде. 53 Исцеление многих.

Оттуда вышел Он и пришел в Свое отечество; за Ним следовали ученики Его.

2 Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге; и многие слышавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его?

3 Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? не здесь ли между нами Его сестры? И соблазнялись о Нем.

4 Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем.

5 И не мог совершить там никакого чуда; только, на немногих больных возложив руки, исцелил их.

6 И дивился неверию их. Потом ходил по окрестным селениям и учил.

7 И, призвав двенадцать, начал посылать их по два и дал им власть над нечистыми духами.

8 И заповедал – ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе,

9 Но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд.

10 И сказал им: если где войдете в дом, оставайтесь в нем, доколе не выйдете из того места.

11 И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу.

12 Они пошли и проповедывали покаяние;

13 Изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли.

14 Царь Ирод, услышав об Иисусе, – ибо имя Его стало гласно, – говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им.

15 Другие говорили: это Илия. А иные говорили: это пророк, или как один из пророков.

16 Ирод же услышав сказал: это Иоанн, которого я обезглавил; он воскрес из мертвых.

17 Ибо сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней.

18 Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего.

19 Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла.

20 Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берёг его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его.

21 Настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего, делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским.

22 Дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним. Царь сказал девице: проси у меня чего хочешь, и дам тебе.

23 И клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства.

24 Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя.

25 И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя.

26 Царь опечалился; но, ради клятвы и возлежавших с ним, не захотел отказать ей.

27 И тотчас послав оруженосца, царь повелел принести голову его.

28 Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей.

29 Ученики его, услышавши, пришли и взяли тело его и положили его во гробе.

30 И собрались Апостолы к Иисусу и рассказали Ему все, и что сделали, и чему научили.

31 Он сказал им: пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного. Ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда.

32 И отправились в пустынное место в лодке одни.

33 Народ увидел, как они отправлялись, и многие узнали их; и бежали туда пешие из всех городов, и предупредили их, и собрались к Нему.

34 Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря; и начал учить их много.

35 И как времени прошло много, ученики Его, приступивши к Нему, говорят: место здесь пустынное, а времени уже много;

36 Отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе хлеба; ибо им нечего есть.

37 Он сказал им в ответ: вы дайте им есть. И сказали Ему: разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть?

38 Но Он спросил их: сколько у вас хлебов? Пойдите, посмотрите. Они, узнавши, сказали: пять хлебов и две рыбы.

39 Тогда повелел им рассадить всех отделениями на зеленой траве.

40 И сели рядами по сто и по пятидесяти.

41 Он взял пять хлебов и две рыбы, возрев на небо, благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали им; и две рыбы разделил на всех.

42 И ели все и насытились;

43 И набрали кусков хлеба и остатков от рыб двенадцать полных коробов.

44 Было же евших хлебы около пяти тысяч мужей.

45 И тотчас понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону к Вифсаиде, пока Он отпустит народ.

46 И отпустив их, пошел на гору помолиться.

47 Вечером лодка была посреди моря, а Он один на земле.

48 И увидел их бедствующих в плавании, потому что ветер им был противный; около же четвертой стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их.

49 Они, увидевши Его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали.

50 Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь; это Я, не бойтесь.

51 И вошел к ним в лодку; и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились.

52 Ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено.

53 И переправившись прибыли в землю Геннисаретскую и пристали к берегу.

54 Когда вышли они из лодки, тотчас жители, узнавши Его,

55 Обежали всю окрестность ту и начали на постелях приносить больных туда, где Он, как слышно было, находился.

56 И куда ни приходил Он, в селения ли, в города ли, в деревни ли, клали больных на открытых местах и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись.

ГЛАВА 7

1 Предания старцев, обвинение фарисеев; исходящее из человека оскверняет его. 24 «Псы под столом едят крохи у детей». 31 Исцеление глухого косноязычного.

Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима;

2 И увидевши некоторых из учеников Его, евших хлеб нечистыми, то есть, неумытыми руками, укоряли.

3 Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умывши тщательно рук;

4 И пришедши с торга, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей.

5 Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?

6 Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас лицемерах Исайя, как написано: «люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня;

7 Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим»;

8 Ибо вы, оставивши заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное.

9 И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание?

10 Ибо Моисей сказал: «почитай отца своего и мать свою»; и: «злословящий отца или мать смертью да умрет».

11 А вы говорите: кто скажет отцу или матери: «корван, то есть, дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался», –

12 Тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей,

13 Устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное.

14 И призвав весь народ, говорил им: слушайте Меня все и разумейте.

15 Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека.

16 Если кто имеет уши слышать, да слышит!

17 И когда Он от народа вошел в дом, ученики Его спросили Его о притче.

18 Он сказал им: неужели и вы так непонятливы? неужели не разумеете, что ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его?

19 Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища.

20 Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека;

21 Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства,

22 Кражи, лихоимства, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство.

23 Все это зло изнутри исходит, и оскверняет человека.

24 И отправившись оттуда, пришел в пределы Тирские и Сидонские; и вошед в дом, не хотел, чтобы кто узнал; но не мог утаиться.

25 Ибо услышала о Нем женщина, у которой дочь одержима была нечистым духом, и пришедши припала к ногам Его;

26 А женщина та была язычница, родом Сирофиникиянка; и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери.

27 Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям; ибо не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам.

28 Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей.

29 И сказал ей: за это слово, пойдя; бес вышел из твоей дочери.

30 И пришедши в свой дом, она нашла, что бес вышел и дочь лежит на постели.

31 Вышед из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому чрез пределы Десятиградия.

32 Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку.

33 Иисус, отведши его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его;

34 И воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа», то есть «отверзись».

35 И тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто.

36 И повелел им не сказывать никому. Но, сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали.

37 И чрезвычайно дивились и говорили: все хорошо делает: и глухих делает слышащими и немых – говорящими.

ГЛАВА 8

1 Насыщение 4000. 11 Фарисеи ищут знамение. 14 «Берегитесь закваски фарисейской». 22 Исцеление слепого в Вифсаиде. 27 Петр исповедует Иисуса Христом. 31-9:1 Свой крест, сбереженная и потерянная жизнь.

В те дни, когда собралось весьма много народа и нечего было им есть, Иисус, призвав учеников Своих, сказал им:

2 Жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть;

3 Если не евшими отпущу их в дома их, ослабеют в дороге, ибо некоторые из них пришли издалека.

4 Ученики Его отвечали Ему: откуда мог бы кто взять здесь в пустыне хлебов, чтобы накормить их?

5 И спросил их: сколько у вас хлебов? Они сказали: семь.

6 Тогда велел народу возлечь на землю; и взяв семь хлебов и «оздав благодарение, преломил и дал ученикам Своим, чтобы они раздали, и они раздали народу.

7 Было у них и немного рыбок: благословив, Он велел раздать и их.

8 И ели и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин.

9 Евших же было около четырех тысяч. И отпустил их.

10 И тотчас вошед в лодку с учениками Своими, прибыл в пределы Далмануфские.

11 Вышли фарисеи, начали с Ним спорить и требовали от Него знамения с неба, искушая Его.

12 И Он, глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения? истинно говорю вам, не дастся роду сему знамение.

13 И оставив их, опять вошел в лодку и отправился на ту сторону.

14 При сем ученики Его забыли взять хлебов и кроме одного хлеба не имели с собою в лодке.

15 А Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой.

16 И рассуждая между собою, говорили: это значит, что хлебов нет у нас.

17 Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце?

18 Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите? И не помните?

19 Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч человек, сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать.

20 А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали: семь.

21 И сказал им: как же не разумеете?

22 Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему.

23 Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его, видит ли что?

24 Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья.

25 Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно.

26 И послал его домой, сказав: не заходи в селение и не рассказывай никому в селении.

27 И пошел Иисус с учениками Своими в селения Кесарии Филипповой. Дорогою Он спрашивал учеников Своих: за кого почитают Меня люди?

28 Они отвечали: за Иоанна Крестителя, другие же – за Илию, а иные – за одного из пророков.

29 Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Петр сказал Ему в ответ: Ты – Христос.

30 И запретил им, чтобы никому не говорили о Нем.

31 И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.

32 И говорил о сем открыто. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему.

33 Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.

34 И подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною;

35 Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее;

36 Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

37 Или какой выкуп даст человек за душу свою?

38 Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами.

ГЛАВА 9

2 Преображение. 14 Исцеление одержимого духом немым. 30 Иисус снова говорит о Своей смерти и воскресении. 33 Первенство чрез служение всем. 43 Причина соблазна и геена огненная.

И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе.

2 И по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился пред ними:

3 Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

4 И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом.

5 При сем Петр сказал Иисусу: Равви! Хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии.

6 Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе.

7 И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте.

8 И внезапно посмотревши вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса.

9 Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

10 И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых.

11 И спросили Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?

12 Он сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену;

13 Но говорю вам, что и Илия пришел, и поступили с ним, как хотели, как написано о нем.

14 Пришед к ученикам, увидел много народа около них и книжников, спорящих с ними.

15 Тотчас, увидев Его, весь народ изумился, и, подбегая, приветствовали Его.

16 Он спросил книжников: о чем спорите с ними?

17 Один из народа сказал в ответ: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым:

18 Где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет; говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли.

19 Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне.

20 И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену.

21 И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства;

22 И многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам.

23 Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему.

24 И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию.

25 Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немый и глухий! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него.

26 И вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался как мертвый, так что многие говорили, что он умер.

27 Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал.

28 И как вошел Иисус в дом, ученики Его спрашивали Его наедине: почему мы не могли изгнать его?

29 И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста.

30 Вышедши оттуда, проходили чрез Галилею; и Он не хотел, чтобы кто узнал.

31 Ибо учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и по убиении в третий день воскреснет.

32 Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись.

33 Пришел в Капернаум; и когда был в доме, спросил их: о чем дорогою вы рассуждали между собою?

34 Они молчали, потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше.

35 И сев призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою.

36 И взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им:

37 Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но пославшего Меня.

38 При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами: и запретили ему, потому что не ходит за нами.

39 Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня.

40 Ибо кто не против вас, тот за вас.

41 И кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей.

42 А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море.

43 И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый,

44 Где червь их не умирает и огонь не угасает.

45 И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромоту, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый,

46 Где червь их не умирает и огонь не угасает.

47 И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную,

48 Где червь их не умирает и огонь не угасает.

49 Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится.

50 Соль – добрая [вещь]; но ежели соль не солона будет, чем вы ее поправите? Имейте в себе соль, и мир имейте между собою.

ГЛАВА 10

1 Поучение о разводе. 13 Иисус благословляет детей. 17 Вопрос имеющего большое имение о вечной жизни. 32 Предсказания Иисуса о Его смерти. 35 Сыновья Зеведеевы; «Не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить». 46 Исцеление слепого Вартимея.

Отправившись оттуда, приходит в пределы Иудейские за Иорданскою стороною. Опять собирается к Нему народ, и, по обычаю Своему, Он опять учил их.

2 Подошли фарисеи и спросили, искушая Его: позволительно ли разводиться мужу с женою?

3 Он сказал им в ответ: что заповедал вам Моисей?

4 Они сказали: Моисей позволил писать разводное письмо и разводиться.

5 Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь.

6 В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их.

7 Посему оставит человек отца своего и мать

8 И прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть.

9 Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

10 В доме ученики Его опять спросили Его о том же.

11 Он сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее;

12 И если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует.

13 Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих.

14 Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие.

15 Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него.

16 И, обняв их, возложил руки на них и благословил их.

17 Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

18 Иисус сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог.

19 Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать.

20 Он же сказал Ему в ответ: Учитель! всё это сохранил я от юности моей.

21 Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал ему: одного тебе недостает: пойдя, всё, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест.

22 Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

23 И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!

24 Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!

25 Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.

26 Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись?

27 Иисус, возрев на них, говорит: человекам это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу.

28 И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили всё и последовали за Тобою.

29 Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия,

30 И не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной.

31 Многие же будут первые последними, и последние первыми.

32 Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним:

33 Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам,

34 И поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет.

35 Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим.

36 Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам?

37 Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей.

38 Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?

39 Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься;

40 А дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано.

41 И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна.

42 Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими.

43 Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою;

44 И кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом.

45 Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

46 Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни.

47 Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня.

48 Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня.

49 Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя.

50 Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу.

51 Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть.

52 Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге.

ГЛАВА 11

1 Торжественный въезд в Иерусалим; «осанна в вышних!». 12-14, 19-25 Проклятие бесплодной смоковницы. 15 Очищение храма. 27 Вопрос первосвященника о власти Иисуса.

Когда приблизились к Иерусалиму, к Виффагии и Вифании, к горе Елеонской, Иисус посылает двух из учеников Своих

2 И говорит им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдете привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите.

3 И если кто скажет вам: что вы это делаете? – отвечайте, что он надобен Господу; и тотчас пошлет его сюда.

4 Они пошли, и нашли молодого осла, привязанного у ворот на улице, и отвязали его.

5 И некоторые из стоявших там говорили им: что делаете? зачем отвязываете осленка?

6 Они отвечали им, как повелел Иисус; и те отпустили их.

7 И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него.

8 Многие же постлали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с деревьев и постлали по дороге.

9 И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен Грядущий во имя Господне!

10 Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!

11 И вошел Иисус в Иерусалим и в храм; и, осмотрев всё, как время уже было позднее, вышел в Вифанию с двенадцатью.

12 На другой день, когда они вышли из Вифании, Он взалкал;

13 И, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев, ибо еще не время было собирания смоков.

14 И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И слышали то ученики Его.

15 Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул;

16 И не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь.

17 И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников.

18 Услышали это книжники и первосвященники, и искали, как бы погубить Его, ибо боялись Его, потому что весь народ удивлялся учению Его.

19 Когда же стало поздно, Он вышел вон из города.

20 Поутру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня.

21 И, вспомнив, Петр говорит Ему: Равви! посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла.

22 Иисус, отвечая, говорит им:

23 Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет.

24 Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.

25 И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши.

26 Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших.

27 Пришли опять в Иерусалим. И когда Он ходил в храме, подошли к Нему первосвященники и книжники, и старейшины

28 И говорили Ему: какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал власть делать это?

29 Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я вас об одном, отвечайте Мне; тогда и Я скажу вам, какою властью это делаю.

30 Крещение Иоанново с небес было, или от человеков? отвечайте Мне.

31 Они рассуждали между собою: если скажем: с небес, – то Он скажет: почему же вы не поверили ему?

32 А сказать: от человеков – боялись народа, потому что все полагали, что Иоанн точно был пророк.

33 И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Тогда Иисус сказал им в ответ: и Я не скажу вам, какою властью это делаю.

ГЛАВА 12

1 Притча о злых виноградарях. 13 Подать кесарю? 18 Вопрос саддукеев о браке на небесах. 28 Наибольшие заповеди. 35 Вопросы книжникам и предостережение против них. 41 Две лепты бедной вдовы.

И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился.

2 И послал в свое время к виноградарям слугу – принять от виноградарей плодов из виноградника.

3 Они же, схватив его, били и отослали ни с чем.

4 Опять послал к ним другого слугу; и тому камнями разбили голову и отпустили его с бесчестьем.

5 И опять иного послал: и того убили; и многих других то били, то убивали.

6 Имея же еще одного сына, любезного ему, напоследок послал и его к ним, говоря: постыдятся сына моего.

7 Но виноградары сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его, и наследство будет наше.

8 И, схватив его, убили и выбросили вон из виноградника.

9 Что же сделает хозяин виноградника? – Придет и предаст смерти виноградарей, и отдаст виноградник другим.

10 Неужели вы не читали сего в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла;

11 Это от Господа, и есть дивно в очах наших.

12 И старались схватить Его, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу; и, оставив Его, отошли.

13 И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить Его в слове.

14 Они же, придя, говорят Ему: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли давать подать кесарю или нет? давать ли нам или не давать?

15 Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его.

16 Они принесли. Тогда говорит им: чье это изображение и надпись? Они сказали Ему: кесаревы.

17 Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему.

18 Потом пришли к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его, говоря:

19 Учитель! Моисей написал нам: если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит семя брату своему.

20 Было семь братьев: первый взял жену и, умирая, не оставил детей.

21 Взял ее второй и умер, и он не оставил детей; также и третий.

22 Брали ее за себя семеро и не оставили детей. После всех умерла и жена.

23 Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели ее женою?

24 Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией?

25 Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах.

26 А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова?

27 Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь.

28 Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей?

29 Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый;

30 И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею – вот первая заповедь!

31 Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет.

32 Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его;

33 И любить Его всем сердцем и всем умом, и всею душою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжения и жертв.

34 Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его.

35 Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов?

36 Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.

37 Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему? И множество народа слушало Его с услаждением.

38 И говорил им в учении Своем: остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях,

39 Сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах,

40 Сии, посядающие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тягчайшее осуждение.

41 И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много.

42 Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант.

43 Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу,

44 Ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое.

ГЛАВА 13

1 Предсказание о разрушении Иерусалима. 9 Указание на испытания, дни страдания, лжехристов. 28 «Никто не знает» дня пришествия

Сына Человеческого; «бодрствуйте и молитесь».

И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!

2 Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

3 И когда Он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей:

4 Скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда всё сие должно совершиться?

5 Отвечая им, Иисус начал говорить: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас,

6 Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я; и многих прельстят.

7 Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это еще не конец.

8 Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это – начало болезней.

9 Но вы смотрите за собою, ибо вас будут предавать в судилища и бить в синагогах, и перед правителями и царями поставят вас за Меня, для свидетельства перед ними.

10 И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие.

11 Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой.

12 Предаст же брат брата на смерть, и отец – детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их.

13 И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется.

14 Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, – читающий да понимает, – тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы;

15 А кто на кровле, тот не сходи в дом и не входи взять что-нибудь из дома своего;

16 И кто на поле, не обращайся назад взять одежду свою.

17 Горе беременным и питающим сосцами в те дни.

18 Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою.

19 Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже доныне, и не будет.

20 И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни.

21 Тогда, если кто вам скажет: вот, здесь Христос, или: вот, там, – не верьте.

22 Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

23 Вы же берегитесь. Вот, Я наперед сказал вам всё.

24 Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего,

25 И звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются.

26 Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою.

27 И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба.

28 От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето.

29 Так и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях.

30 Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как всё это будет.

31 Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут.

32 О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец.

33 Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время.

34 Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать.

35 Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру;

36 Чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими.

37 А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.

ГЛАВА 14

1 Помазание Иисуса драгоценным миром. 10 Вечеря Господня; хлеб и вино. 26 Предсказание об отречении Петра. 32 Молитва в Гефсимании. 43 Предательство Иуды; бегство учеников. 53 Иисус пред первосвященниками и синедрионом; отречение Петра.

Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков. И искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить;

2 Но говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущения в народе.

3 И когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, – пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову.

4 Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира?

5 Ибо можно было бы продать его более нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее.

6 Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дело сделала для Меня.

7 Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете.

8 Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению.

9 Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала.

10 И пошел Иуда Искарот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать Его им.

11 Они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники. И он искал, как бы в удобное время предать Его.

12 В первый день опресноков, когда закалывали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? мы пойдем и приготовим.

13 И посылает двух из учеников Своих и говорит им: пойдите в город; и встретится вам человек, несущий кувшин воды; последуйте за ним,

14 И куда он войдет, скажите хозяину дома того: Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?

15 И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую: там приготовьте нам.

16 И пошли ученики Его, и пришли в город, и нашли, как сказал им; и приготовили пасху.

17 Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью.

18 И, когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня.

19 Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? и другой: не я ли?

20 Он же сказал им в ответ: один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо.

21 Впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы тому человеку не родиться.

22 И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое.

23 И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все.

24 И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая.

25 Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божиим.

26 И, воспев, пошли на гору Елеонскую.

27 И говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы.

28 По воскресении же Моем, Я предварю вас в Галилее.

29 Петр сказал Ему: если и все соблазняются, но не я.

30 И говорит ему Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня.

31 Но он еще с большим усилием говорил: хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекись от Тебя. То же и все говорили.

32 Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь.

33 И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать.

34 И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте.

35 И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей;

36 И говорил: Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты.

37 Возвращается и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час?

38 Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

39 И, опять отойдя, молился, сказав то же слово.

40 И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели, и они не знали, что Ему отвечать.

41 И приходит в третий раз и говорит им: вы всё еще спите и поживаете? Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников.

42 Встаньте, пойдём; вот, приблизился предающий Меня.

43 И тотчас, как Он ещё говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и книжников и старейшин.

44 Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно.

45 И пришед тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его.

46 А они возложили на Него руки свои и взяли Его.

47 Один же из стоявших тут извлек меч, ударил раба первосвященникова и отсек ему ухо.

48 Тогда Иисус сказал им: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня.

49 Каждый день бывал Я с вами в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания.

50 Тогда, оставив Его, все бежали.

51 Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его.

52 Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них.

53 И привели Иисуса к первосвященнику; и собрались к нему все первосвященники и старейшины и книжники.

54 Петр издали следовал за Ним, даже внутрь двора первосвященникова; и сидел со служителями, и грелся у огня.

55 Первосвященники же и весь синедрион искали свидетельства на Иисуса, чтобы предать Его смерти; и не находили.

56 Ибо многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны.

57 И некоторые, встав, лжесвидетельствовали против Него и говорили:

58 Мы слышали, как Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный.

59 Но и такое свидетельство их не было достаточно.

60 Тогда первосвященник стал посреди и спросил Иисуса: что Ты ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют?

61 Но Он молчал и не отвечал ничего. Опять первосвященник спросил Его и сказал Ему: Ты ли Христос, Сын Благословенного?

62 Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

63 Тогда первосвященник, разорвав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей?

64 Вы слышали богохульство; как вам кажется? Они же все признали Его повинным смерти.

65 И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам.

66 Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника

67 И, увидев Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином.

68 Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух.

69 Служанка, увидев его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них.

70 Он опять отрекся. Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твоё сходно.

71 Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите.

72 Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня; и начал плакать.

ГЛАВА 15

1 Иисус пред Пилатом; «распни Его». 16 Бичевание, насмешки; Голгофа. 22 Смерть на кресте и ее свидетели. 42 Погребение Иисуса.

Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату.

2 Пилат спросил Его: Ты Царь Иудейский? Он же сказал ему в ответ: ты говоришь.

3 И первосвященники обвиняли Его во многом.

4 Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений.

5 Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился.

6 На всякий же праздник отпускал он им одного узника, о котором просили.

7 Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство.

8 И народ начал кричать и просить Пилата о том, что он всегда делал для них.

9 Он сказал им в ответ: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?

10 Ибо знал, что первосвященники предали Его из зависти.

11 Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы отпустил им лучше Варавву.

12 Пилат, отвечая, опять сказал им: что же хотите, чтобы я сделал с Тем, Которого вы называете Царем Иудейским?

13 Они опять закричали: распни Его.

14 Пилат сказал им: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее закричали: распни Его.

15 Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие.

16 А воины отвели Его внутрь двора, то есть в преторию, и собрали весь полк,

17 И одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него;

18 И начали приветствовать Его: радуйся, Царь Иудейский!

19 И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему.

20 Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его.

21 И заставили проходящего некоего Киринаеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его.

22 И привели Его на место Голгофу, что значит: Лобное место.

23 И давали Ему пить вино со смирною; но Он не принял.

24 Распявшие Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять.

25 Был час третий, и распяли Его.

26 И была надпись вины Его: Царь Иудейский.

27 С Ним распяли двух разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону Его.

28 И сбылось слово Писания: и к злодеям причтен.

29 Проходящие злословили Его, кивая головами своими и говоря: э! разрушающий храм, и в три дня созидающий!

30 Спаси Себя Самого и сойди со креста.

31 Подобно и первосвященники с книжниками, насмехаясь, говорили друг другу: других спасал, а Себя не может спасти.

32 Христос, Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем. И распятые с Ним поносили Его.

33 В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого.

34 В девятом часу возопил Иисус громким голосом: «Элои! Элои! ламма савахфани?» – что значит: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

35 Некоторые из стоявших тут, услышав, говорили: вот, Илию зовут.

36 А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его.

37 Иисус же, возгласив громко, испустил дух.

38 И завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу.

39 Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий.

40 Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия,

41 Которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим.

42 И как уже настал вечер, – потому что была пятница, то есть день перед субботой,

43 Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова.

44 Пилат удивился, что Он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли умер?

45 И, узнав от сотника, отдал тело Иосифу.

46 Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба.

47 Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали.

ГЛАВА 16

1 Жены у пустого гроба. 9 Явление Иисуса ученикам; «Идите по всему миру». 19 Вознесение.

По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его.

2 И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца,

3 И говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?

4 И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик.

5 И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись.

6 Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен.

7 Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам.

8 И, выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись.

9 Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов.

10 Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим;

11 Но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили.

12 После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение.

13 И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили.

14 Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили.

15 И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари.

16 Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет.

17 Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками;

18 Будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы.

19 И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо и воссел одесную Бога.

20 А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями. Аминь.

1 Евангелие от Марка обращено к язычникам и написано простым и доступным для них языком. Речи и проповеди Иисуса Христа, приводимые здесь, представляют собой

образец проповеднического мастерства и наглядно показывают отличие христианского ораторского искусства от языческого.

Печатается по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Издание Московской патриархии. – Перевод под редакцией Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова).

Апостол и Евагелист Лука (I в.)

- Деяния святых апостолов

Точные даты жизни Луки неизвестны. Он родился и жил в Сирии и был одним из самых образованных людей своего времени. Врач, художник, ученый и путешественник, Лука принял христианство, услышав проповедь Христа в Иерусалиме, и стал одним из круга семидесяти апостолов.

На рубеже 40–50-х годов апостол Лука создал Евангелие, которое считается наиболее полным и хронологически точным. В 59 году, прибыв с апостолом Павлом в Рим, Лука написал книгу «Деяния святых апостолов», в которой повествовал о трудах апостолов после вознесения Христова.

Апостолу Луке принадлежит также около семидесяти икон Богородицы, среди которых Владимирская икона – национальная святыня России.

Как и другие апостолы, Лука принял мученическую смерть за проповедь христианства.

Деяния святых апостолов

1 Первая книга автора. 9 Иисус повелевает апостолам быть Его свидетелями и возносится на небо. 12 Они возвращаются в Иерусалим. 15 Избрание Матфия апостолом на место Иуды Искарота.

1 Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала

2 До того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал,

3 Которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим.

4 И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня,

5 Ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым.

6 Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?

7 Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти,

8 Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли.

9 Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их.

10 И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде

11 И сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

12 Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути.

13 И, придя, вошли в горницу, где и пребывали, Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова.

14 Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами и Мариєю, Материю Иисуса, и с братьями Его.

15 И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал, –

16 Было же собрание человек около ста двадцати: мужи братия! Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса;

17 Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего;

18 Но приобрел землю неправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его;

19 И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови.

20 В книге же Псалмов написано: «да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем»; и: «достоинство его да примет другой».

21 Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус,

22 Начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его.

23 И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия;

24 И помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал

25 Принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место.

26 И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

ГЛАВА 2

1 Пятидесятница. Апостолы исполнены Духом Святым. Смятение от языков. 14 Слово Петра к народу. 41 Принявшие слово его крестились. Общение верующих и взаимное служение.

1 При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.

2 И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.

3 И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

4 И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать.

5 В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом.

6 Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием.

7 И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне?

8 Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились.

9 Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии,

10 Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты,

11 Критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?

12 И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?

13 А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина.

14 Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим:

15 Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня;

16 Но это есть предреченное пророком Иоилем:

17 И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

18 И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать.

19 И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма.

20 Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный.

21 И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется.

22 Мужи Израильские! послушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете,

23 Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили;

24 Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его.

25 Ибо Давид говорит о Нем: видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался.

26 Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании,

27 Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления.

28 Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим.

29 Мужа братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня.

30 Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его,

31 Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления.

32 Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели.

33 Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите.

34 Ибо Давид не восшел на небеса; но сам говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня,

35 Доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.

36 Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли.

37 Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?

38 Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа.

39 Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш.

40 И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря: спасайтесь от рода сего развращенного.

41 Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч.

42 И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах.

43 Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме.

44 Все же верующие были вместе и имели всё общее.

45 И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого.

46 И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца,

47 Хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви.

ГЛАВА 3

1 Исцеление хромого Петром и Иоанном при дверях храма. 12 Петр призывает народ к покаянию.

1 Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый.

2 И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм.

- 3 Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни.
- 4 Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас.
- 5 И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь.
- 6 Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.
- 7 И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колени,
- 8 И вскочив, стал, и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога,
- 9 И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога;
- 10 И узнали его, что это был тот, который сидел у Красных дверей храма для милостыни; и исполнились ужаса и изумления от случившегося с ним.
- 11 И как исцеленный хромой не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбегался к ним в притвор, называемый Соломонов.
- 12 Увидев это, Петр сказал народу: мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?
- 13 Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его.
- 14 Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу
- 15 А Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели.

16 И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие перед всеми вами.

17 Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению;

18 Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил.

19 Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши,

20 Да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа,

21 Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века.

22 Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам;

23 И будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа.

24 И все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии.

25 Вы сыны пророков и завета, который завещевал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: «и в семени твоём благословятся все племена земные».

26 Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших.

ГЛАВА 4

1 Арест апостолов, многие уверовали. 5 Свидетельство Петра об Иисусе перед синедрионом. 13 Синедрион пригрозил Петру и Иоанну и отпускает их. 23 Радость и молитва церкви. 32 «Все у них было общее». Дар Иосии (Варнавы).

1 Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи,

2 Досадуя на то, что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых;

3 И наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер.

4 Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч.

5 На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины, и книжники,

6 И Анна первосвященник, и Каиафа, и Иоанн, и Александр, и прочие из рода первосвященнического;

7 И, поставив их посреди, спрашивали: какою силою или каким именем вы сделали это?

8 Тогда Петр, исполнившись Духа Святого, сказал им: начальники народа и старейшины Израильские!

9 Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен,

10 То да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав.

11 Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения,

12 Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись.

13 Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом;

14 Видя же исцеленного человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки.

15 И, приказав им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою,

16 Говоря: что нам делать с этими людьми? Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего;

17 Но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей.

18 И, призвав их, приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса.

19 Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?

20 Мы не можем не говорить того, что видели и слышали.

21 Они же, пригрозив, отпустили их, не находя возможности наказать их, по причине народа; потому что все прославляли Бога за происшедшее.

22 Ибо лет более сорока было тому человеку, над которым сделалось сие чудо исцеления.

23 Быв отпущены, они пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины.

24 Они же, выслушав, единодушно возвысили голос к Богу и сказали: Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и всё, что в них!

25 Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мнутя язычники, и народы замышляют тщетное?

26 Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его.

27 Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским,

28 Чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой.

29 И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое,

30 Тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса.

31 И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого, и говорили слово Божие с дерзновением.

32 У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее.

33 Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их.

34 Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного

35 И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду.

36 Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения, левит, родом Кипрянин,

37 У которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов.

ГЛАВА 5

1 Анания и Сапфира, их ложь и смерть. 12 Народ прославляет апостолов за исцеления. 17 Арест апостолов и освобождение их ангелом. 26 Их свидетельство перед синедрионом. 33 Совет Гамалиила принят.

1 Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение,

2 Утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов.

3 Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?

4 Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу.

5 Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это.

6 И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили.

7 Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся.

8 Петр же спросил ее: скажи мне, за сколько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько.

9 Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут.

10 Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее.

11 И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это.

12 Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса; и все единомысленно пребывали в притворе Соломоновом.

13 Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их.

14 Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин,

15 Так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осеняла кого из них.

16 Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все.

17 Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти,

18 И наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу.

19 Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал:

20 Идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни.

21 Они, выслушав, вошли утром в храм и учили. Между тем первосвященник и некоторые с ним, придя, созвали синедрин и всех старейшин из сынов Израилевых и послали в темницу привести Апостолов.

22 Но служители, придя, не нашли их в темнице и, возвратившись, донесли,

23 Говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими перед дверями; но, отворив, не нашли в ней никого.

24 Когда услышали эти слова первосвященник, начальник стражи и прочие первосвященники, недоумевали, что бы это значило.

25 Пришел же некто и донес им, говоря: вот, мужи, которых вы заключили в темницу, стоят в храме и учат народ.

26 Тогда начальник стражи пошел со служителями и привел их без принуждения, потому что боялись народа, чтобы не побили их камнями.

27 Приведя же их, поставили в синедрине; и спросил их первосвященник, говоря:

28 Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека.

29 Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам.

30 Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе.

31 Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов.

32 Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему.

33 Слышав это, они разрывались от гнева и умышляли умертвить их.

34 Встав же в синагогине, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести Апостолов на короткое время,

35 А им сказал: мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать.

36 Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли.

37 После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались.

38 И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится,

39 А если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками.

40 Они послушались его; и, призвав Апостолов, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их.

41 Они же пошли из синагоги, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие.

42 И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе.

ГЛАВА 6

1 Назначение семерых «пещись о столах». 8 Обвинение Стефана в богохульстве перед синагорионом.

1 В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей.

2 Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах.

3 Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости; их поставим на эту службу,

4 А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова.

5 И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святого, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников;

6 Их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки.

7 И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере.

8 А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе.

9 Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном;

10 Но не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил.

11 Тогда научили они некоторых сказать: мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога.

12 И возбудили народ и старейшин и книжников и, напав, схватили его и повели в синедрион.

13 И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон.

14 Ибо мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей.

15 И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела.

ГЛАВА 7

1 Речь Стефана перед синедрионом. 54 Избиение Стефана камнями.

1 Тогда сказал первосвященник: так ли это?

2 Но он сказал: мужи братия и отцы! послушайте. Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран,

3 И сказал ему: выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойдя в землю, которую покажу тебе.

4 Тогда он вышел из земли Халдейской и поселился в Харране; а оттуда, по смерти отца его, переселил его Бог в сию землю, в которой вы ныне живете.

5 И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги, а обещал дать ее во владение ему и потомству его по нем, когда еще был он бездетен.

6 И сказал ему Бог, что потомки его будут переселенцами в чужой земле и будут в порабощении и притеснении лет четыреста.

7 Но Я, сказал Бог, произведу суд над тем народом, у которого они будут в порабощении; и после того они выйдут и будут служить Мне на сем месте.

8 И дал ему завет обрезания. По сем родил он Исаака и обрезал его в восьмой день; а Исаак родил Иакова, Иаков же двенадцать патриархов.

9 Патриархи, по зависти, продали Иосифа в Египет; но Бог был с ним,

10 И избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона, который и поставил его начальником над Египтом и над всем домом своим.

11 И пришел голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания.

12 Иаков же, услышав, что есть хлеб в Египте, послал туда отцов наших в первый раз.

13 А когда (они пришли) во второй раз, Иосиф открылся братьям своим, и известен стал фараону род Иосифов.

14 Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и все родство свое, душ семьдесят пять.

15 Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши;

16 И перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова.

17 А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте,

18 До тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа.

19 Сей, ухищряясь против рода нашего, притеснял отцов наших, принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых.

20 В это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом. Три месяца он был питаем в доме отца своего.

21 А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына.

22 И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах.

23 Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых.

24 И, увидев одного из них обижаемого, вступился и отметил за оскорбленного, поразив Египтянина.

25 Он думал, поймут братья его, что Бог рукою его дает им спасение; но они не поняли.

26 На следующий день, когда некоторые из них дрались, он явился и склонял их к миру, говоря: вы братья; зачем обижаете друг друга?

27 Но обижающий ближнего оттолкнул его, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей над нами?

28 Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина?

29 От сих слов Моисей убежал и сделался пришельцем в земле Мадямской, где родились от него два сына.

30 По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста.

31 Моисей, увидев, дивился видению; а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень:

32 Я Бог отцов твоих, Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть.

33 И сказал ему Господь: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая.

34 Я вижу притеснение народа Моего в Египте, и слышу стенание его, и нисшел избавить его: итак пойдя, Я пошлю тебя в Египет.

35 Сего Моисея, которого они отвергли, сказав: кто тебя поставил начальником и судьей? сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем.

36 Сей вывел их, сотворив чудеса и знамения в земле Египетской, и в Чермном море, и в пустыне в продолжение сорока лет.

37 Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте.

38 Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам,

39 Которому отцы наши не хотели быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими к Египту,

40 Сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам; ибо с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что случилось.

41 И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих.

42 Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: дом Израилев! приносили ли вы Мне заклания и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне?

43 Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им: и Я переселю вас далее Вавилона.

44 Скиния свидетельства была у отцов наших в пустыне, как повелел Говоривший Моисею сделать ее по образцу, им виденному.

45 Отцы наши с Иисусом, взяв ее, внесли во владения народов, изгнанных Богом от лица отцов наших. Так было до дней Давида.

46 Сей обрел благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова.

47 Соломон же построил Ему дом.

48 Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк:

49 Небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?

50 Не Моя ли рука сотворила всё сие?

51 Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы.

52 Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, –

53 Вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили.

54 Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами.

55 Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога,

56 И сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога.

57 Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него,

58 И, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла,

59 И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой.

60 И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего; И, сказав сие, почил.

ГЛАВА 8

1 Преследование Иерусалимской церкви и ее рассеяние. 4 Проповедь Филиппа и исцеления в Самарии. 14 Петр и Иоанн в Самарии; Симон волхв. 26 Обращение евнуха эфиоплянина чрез Филиппа.

1 Савл же одобрял убиение его. В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме; и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии.

2 Стефана же погребли мужи благоговейные, и сделали великий плач по нем.

3 А Савл терзал церковь, входя в дома и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу.

4 Между тем рассеявшиеся ходили и благовествовали слово.

5 Так Филипп пришел в город Самарийский и проповедывал им Христа.

6 Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя, какие он творил чудеса.

7 Ибо нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем, а многие расслабленные и хромы исцелялись.

8 И была радость великая в том городе.

9 Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого.

10 Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия.

11 А внимали ему потому, что он немалое время изумлял их волхвованиями.

12 Но, когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божиим и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины.

13 Уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа; и, видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся.

14 Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна,

15 Которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святого.

16 Ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса.

17 Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго.

18 Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый, принес им деньги,

19 Говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго.

20 Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги.

21 Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом.

22 Итак покайся в сем грехе твоём, и молись Богу: может быть, опустится тебе помысел сердца твоего;

23 Ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды.

24 Симон же сказал в ответ: помолитесь вы за меня Господу, дабы не постигло меня ничто из сказанного вами.

25 Они же, засвидетельствовав и проповедав слово Господне, обратно пошли в Иерусалим и во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие.

26 А Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста.

27 Он встал и пошел. И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения,

28 Возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаяю.

29 Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице.

30 Филипп подошел и, услышав, что он читает пророка Исаяю, сказал: разумеешь ли, что читаешь?

31 Он сказал: как могу разуместь, если кто не наставит меня? и попросил Филиппа взойти и сесть с ним.

32 А место из Писания, которое он читал, было сие: «как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих.

33 В уничижении Его суд Его совершился. Но род Его кто разъяснит? ибо возьмется от земли жизнь Его».

34 Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом?

35 Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе.

36 Между тем, продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься?

37 Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.

38 И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его.

39 Когда же они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь.

40 А Филипп оказался в Азоте и, проходя, благовествовал всем городам, пока пришел в Кесарию.

ГЛАВА 9

1 Явление Господа Савлу по пути в Дамаск. 10 Видение Анании относительно Савла; исцеление и крещение Савла. 19 Первая проповедь Савла в Дамаске. 23 Савл спасается в корзине от опасности в Дамаске, приходит в Иерусалим, проповедует там, отправлен в Таре. 31 Исцеление Петром Енея и воскрешение Серны.

1 Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику

2 И выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим.

3 Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба.

4 Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

5 Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.

6 Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать.

7 Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя.

8 Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск.

9 И три дня он не видел, и не ел, и не пил.

10 В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи.

11 Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится,

12 И видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел.

13 Анания отвечал: Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме;

14 И здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое.

15 Но Господь сказал ему: иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми.

16 И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое.

17 Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа.

18 И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился,

19 И, приняв пищи, укрепился. И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске.

20 И тотчас стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий.

21 И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие? да и сюда за тем пришел, чтобы вязать их и вести к первосвященникам.

22 А Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос.

23 Когда же прошло довольно времени, Иудеи согласились убить его.

24 Но Савл узнал об этом умысле их. А они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его.

25 Ученики же ночью, взяв его, спустили по стене в корзине.

26 Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик.

27 Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа, и что говорил ему Господь, и как он в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса.

28 И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме, и смело проповедывал во имя Господа Иисуса.

29 Говорил также и состязался с Еллинистами; а они покушались убить его.

30 Братия, узнав о сем, отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс.

31 Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святого Духа, умножались.

32 Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде.

33 Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении.

34 Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал.

35 И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу.

36 В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь.

37 Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице.

38 А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил прийти к ним.

39 Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними.

40 Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села.

41 Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою.

42 Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа.

43 И довольно дней пробыл он в Иоппии у некоторого Симона кожевника.

ГЛАВА 10

1 Видение Корнилия в Кесарии. 9 Видение Петра в Иоппии. 17 Посланные Корнилием прибыли в Иоппию. 23 Петр идет с ними в Кесарию. 34 Проповедь Петра о Христе в доме Корнилия. 44 Излияние Духа Святого на этих язычников.

1 В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским,

2 Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу.

3 Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий!

4 Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал: что, Господи? Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом.

5 Итак пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром.

6 Он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой.

7 Когда Ангел, говоривший с Корнилием, отошел, то он, призвав двоих из своих слуг и благочестивого воина из находившихся при нем

8 И, рассказав им все, послал их в Иоппию.

9 На другой день, когда они шли и приближались к городу, Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться.

10 И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем, как приготавливали, он пришел в исступление

11 И видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю;

12 В нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные.

13 И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь.

14 Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого.

15 Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым.

16 Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо.

17 Когда же Петр недоумевал в себе, что бы значило видение, которое он видел, – вот, мужи, посланные Корнилием, расспросив о доме Симона, остановились у ворот,

18 И, крикнув, спросили: здесь ли Симон, называемый Петром?

19 Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя;

20 Встань, сойди и иди с ними, нисколько не сомневаясь; ибо Я послал их.

21 Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете; за каким делом пришли вы?

22 Они же сказали: Корнилий сотник, муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским, получил от святого Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих.

23 Тогда Петр, пригласив их, угостил. А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братии Иоппийских пошли с ним.

24 В следующий день пришли они в Кесарию. Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей.

25 Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, пав к ногам его.

26 Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек.

27 И, беседуя с ним, вошел в дом, и нашел многих собравшихся.

28 И сказал им: вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплемеником; но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым.

29 Посему я, будучи позван, и пришел беспрекословно. Итак спрашиваю: для какого дела вы призвали меня?

30 Корнилий сказал: четвертого дня я постился до теперешнего часа, и в девятом часу молился в своем доме, и вот, стал предо мною муж в светлой одежде,

31 И говорит: «Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом.

32 Итак пошли в Иоппию и призови Симона, называемого Петром; он гостит в доме кожевника Симона при море; он придет и скажет тебе».

33 Тотчас послал я к тебе, и ты хорошо сделал, что пришел. Теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога.

34 Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен,

35 Но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему.

36 Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех.

37 Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном:

38 Как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним.

39 И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесив на древе.

40 Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться

41 Не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых.

42 И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых.

43 О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его.

44 Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святый сошел на всех, слушавших слово.

45 И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников,

46 Ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога. Тогда Петр сказал:

47 Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?

48 И велел им креститься во имя Иисуса Христа. Потом они просили его пробыть у них несколько дней.

ГЛАВА 11

1 Упреки обрезанных Петру в Иерусалиме; их радость после рассказа Петра о событиях в Ионии и Кесарии. 19 Основание Варнавой и Савлом церкви в Антиохии Сирийской;

ученики здесь впервые стали называться христианами. 27 Отсюда послана помощь чрез Варнаву и Савла церкви в Иерусалиме.

1 Услышали Апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие.

2 И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его,

3 Говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними.

4 Петр же начал пересказывать им по порядку, говоря:

5 В городе Иоппии я молился, и в исступлении видел видение: сходил некоторый сосуд, как бы большое полотно, за четыре угла спускаемое с неба, и спустилось ко мне.

6 Я посмотрел в него и, рассматривая, увидел четвероногих земных, зверей, пресмыкающихся и птиц небесных.

7 И услышал я голос, говорящий мне: встань, Петр, заколи и ешь.

8 Я же сказал: нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои.

9 И отвечал мне голос вторично с неба: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым.

10 Это было трижды, и опять поднялось всё на небо.

11 И вот, в тот самый час три человека стали перед домом, в котором я был, посланные из Кесарии ко мне.

12 Дух сказал мне, чтобы я шел с ними, нимало не сомневаясь. Пошли со мною и сии шесть братьев, и мы пришли в дом того человека.

13 Он рассказал нам, как он видел в доме своем Ангела (святого), который стал и сказал ему: пошли в Иоппию людей и призови Симона, называемого Петром;

14 Он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой.

15 Когда же начал я говорить, сошел на них Дух Святый, как и на нас вначале.

16 Тогда вспомнил я слово Господа, как Он говорил: «Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым».

17 Итак, если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?

18 Выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь.

19 Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев.

20 Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса.

21 И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу.

22 Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию.

23 Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем;

24 Ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святого и веры. И приложилось довольно народа к Господу.

25 Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию.

26 Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами.

27 В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки.

28 И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии.

29 Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее,

30 Что и сделали, послав собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла.

ГЛАВА 12

1 Царь Ирод убил Иакова и посадил в темницу Петра. 6 Петр освобожден ангелом, зашел к молящимся и удалился. 20 Речь Ирода и его смерть. 24 Рост Слова Божия. 25 Возвращение в Антиохию Варнавы и Савла с Марком.

1 В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло,

2 И убил Иакова, брата Иоаннова, мечом.

3 Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, – тогда были дни опресноков, –

4 И, задержав его, посадил в темницу, и приказал четверем четверицам воинов стеречь его, намереваясь после Пасхи вывести его к народу.

5 И так, Петра стерегли в темнице, между тем церковь прилежно молилась о нем Богу.

6 Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу.

7 И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его.

8 И сказал ему Ангел: опояшся и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною.

9 Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение.

10 Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним.

11 Тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский.

12 И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились.

13 Когда же Петр постучался у ворот, то вышла послушать служанка, именем Рода,

14 И, узнав голос Петра, от радости не отворила ворот, но, вбежав, объявила, что Петр стоит у ворот.

15 А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое. Они же говорили: это Ангел его.

16 Между тем Петр продолжал стучать. Когда же отворили, то увидели его и изумились.

17 Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы, и сказал: уведоьте о сем Иакова и братьев. Потом, выйдя, пошел в другое место.

18 По наступлении дня между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром.

19 Ирод же, поискав его и не найдя, судил стражей и велел казнить их. Потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался.

20 Ирод был раздражен на Тирян и Сидонян; они же, согласившись, пришли к нему и, склонив на свою сторону Власта, постельника царского, просили мира, потому что область их питалась от области царской.

21 В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним;

22 А народ восклицал: это голос Бога, а не человека.

23 Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер.

24 Слово же Божие росло и распространялось.

25 А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком.

ГЛАВА 13

1 Варнава и Савл отделены церковью в Антиохии на Служение. 4 Их проповедь на Кипре. Сергей Павел. Елима волхв, его слепота. 13 Они следуют чрез Пергию в Антиохию Писидийскую. 16 Слово Павла в синагоге в Антиохии. 42 Толпы народа в следующую

субботу. 46 Соппротивление иудеев Савлу, который «обращается к язычникам». Иудеи изгнали его.

1 В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл.

2 Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их.

3 Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их.

4 Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр;

5 И, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских; имели же при себе и Иоанна для служения.

6 Пройдя весь остров до Пафа, нашли они некоторого волхва, лжепророка, Иудеянина, именем Вариисуса,

7 Который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие.

8 А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры.

9 Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святаго и устремив на него взор,

10 Сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?

11 И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого.

12 Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню.

13 Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию, в Памфилии. Но Иоанн, отделившись от них, возвратился в Иерусалим.

14 Они же, проходя от Пергии, прибыли в Антиохию Писидийскую и, войдя в синагогу в день субботний, сели.

15 После чтения закона и пророков, начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите.

16 Павел, встав и дав знак рукою, сказал: мужи Израильтяне и боящиеся Бога! послушайте.

17 Бог народа сего избрал отцов наших и возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее,

18 И около сорока лет времени питал их в пустыне.

19 И, истребив семь народов в земле Ханаанской, разделил им в наследие землю их.

20 И после сего, около четырехсот пятидесяти лет, давал им судей до пророка Самуила.

21 Потом просили они царя, и Бог дал им Саула, сына Кисова, мужа из колена Вениаминова. Так прошло лет сорок.

22 Отринув его, поставил им царем Давида, о котором и сказал, свидетельствуя: нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, который исполнит все хотения Мои.

23 Из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса.

24 Перед самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому.

25 При окончании же поприща своего, Иоанн говорил: за кого почитаете вы меня? я не тот; но вот, идет за мною, у Которого я недостоин развязать обувь на ногах.

26 Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего.

27 Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу,

28 И, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его.

29 Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб.

30 Но Бог воскресил Его из мертвых.

31 Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом.

32 И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса,

33 Как и во втором псалме написано: Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя.

34 А что воскресил Его из мертвых, так что Он уже не обратится в тление, о сем сказал так: Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно.

35 Посему и в другом месте говорит: не дашь Святому Твоему увидеть тление.

36 Давид, в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим, и увидел тление;

37 А Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления.

38 Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов;

39 И во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий.

40 Берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков:

41 Смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам.

42 При выходе их из Иудейской синагоги язычники просили их говорить о том же в следующую субботу.

43 Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией.

44 В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие.

45 Но Иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел.

46 Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам.

47 Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли.

48 Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуставлены к вечной жизни.

49 И слово Господне распространялось по всей стране.

50 Но Иудеи, подстрекнув набожных и почетных женщин и первых в городе людей, воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов.

51 Они же, отрясши на них прах от ног своих, пошли в Иконию.

52 А ученики исполнялись радости и Духа Святого.

ГЛАВА 14

1 Продолжительное служение в Икониі окончилось нападением иудеев и язычников. 8 Исцеление хромого в Листре; попытка народа совершить жертвоприношение Варнаве и Павлу, как богам; апостолы воспротивились. 19 Иудеи избивают Павла камнями. 21 Проповедуя и рукополагая пресвитеров по церквам, апостолы возвратились в Анти-охию Сирийскую.

1 В Икониі они вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Еллинов.

2 А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников.

3 Впрочем они пробыли здесь довольно времени, смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей, творил руками их знамения и чудеса.

4 Между тем народ в городе разделился: и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне Апостолов.

5 Когда же язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями,

6 Они, узнав о сем, удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их,

7 И там благовествовали.

8 В Листре некоторый муж, не владевший ногами, сидел, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил.

9 Он слушал говорившего Павла, который, взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления,

10 Сказал громким голосом: тебе говорю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо. И он тотчас вскочил и стал ходить.

11 Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам.

12 И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове.

13 Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведя к воротам волов и принеся венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение.

14 Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили:

15 Мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них,

16 Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями,

17 Хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши.

18 И, говоря сие, они едва убедили народ не приносить им жертвы и идти каждому домой. Между тем, как они, оставаясь там, учили,

19 Из Антиохии и Иконии пришли некоторые Иудеи и, когда Апостолы смело проповедывали, убедили народ отстать от них, говоря: они не говорят ничего истинного, а все лгут. И, возбудив народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим.

20 Когда же ученики собрались около него, он встал и пошел в город, а на другой день удалился с Варнавою в Дервию.

21 Проповедав Евангелие сему городу и приобретя довольно учеников, они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию,

22 Утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.

23 Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали.

24 Потом, пройдя через Писидию, пришли в Памфилию,

25 И, проповедав слово Господне в Пергии, сошли в Атталию;

26 А оттуда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело, которое и исполнили.

27 Прибыв туда и собрав церковь, они рассказали всё, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам.

28 И пребывали там немалое время с учениками.

ГЛАВА 15

1 Павел и Варнава отправлены в Иерусалим на совещание относительно обрезания. 6 Свидетельство Петра и Иакова о язычниках и законе. 22 Послание апостолов и пресвитеров уверовавшим из язычников. 30 Иуда и Сила доставили послание церкви в Антиохию. 26 Варнава отплыл с Марком на Кипр; Павел с Силой отправились в Сирию и Киликию.

1 Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись.

2 Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим.

3 Итак, быв провожены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях.

4 По прибытии же в Иерусалим они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили всё, что Бог сотворил с ними и как отверз дверь веры язычникам.

5 Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев.

6 Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела.

7 По долгом рассуждении Петр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали;

8 И Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам;

9 И не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их.

10 Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?

11 Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они.

12 Тогда умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников.

13 После же того, как они умолкли, начал речь Иаков и сказал: мужи братия! послушайте меня.

14 Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое.

15 И с сим согласны слова пророков, как написано:

16 Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее,

17 Чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие.

18 Ведомы Богу от вечности все дела Его.

19 Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников,

20 А написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе.

21 Ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу.

22 Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братьями,

23 Написав и вручив им следующее: «Апостолы и пресвитеры и братия – находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников: радоваться.

24 Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали,

25 То мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом,

26 Человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа.

27 Итак мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно.

28 Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого:

29 Воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы».

30 Итак, отправленные пришли в Антиохию и, собрав людей, вручили письмо.

31 Они же, прочитав, возрадовались о сем наставлении.

32 Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братьям и утвердили их.

33 Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены были братьями к Апостолам.

34 Но Силе рассудилось остаться там. (А Иуда возвратился в Иерусалим).

35 Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя, вместе с другими многими, слово Господне.

36 По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут.

37 Варнава хотел взять с собою Иоанна, называемого Марком.

38 Но Павел полагал не брать отставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы.

39 Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр;

40 А Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией,

41 И проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви.

ГЛАВА 16

1 Вторичное посещение церковей Павлом; обрезание Тимофея. 6 Призыв из Македонии в видении Павлу и отправка его в Филиппы. 11 Крещение Лидии и принятие ею в дом Павла и его спутников. 16 Исцеление служанки-прорицательницы; избиевание и арест Павла и Силы. 25 Освобождение их чрез землетрясение; обращение темничного стража. 35 Уход из Филипп по просьбе воевод.

1 Дошел он до Дервии и Листры. И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин,

2 И о котором свидетельствовали братья, находившиеся в Листре и Икони.

3 Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин.

4 Проходя же по городам, они предавали верным соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме.

5 И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом.

6 Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Азии.

7 Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их.

8 Миновав же Мисию, сошли они в Троаду.

9 И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам.

10 После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там.

11 Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь,

12 Оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония. В этом городе мы пробыли несколько дней.

13 В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами.

14 И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел.

15 Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедила нас.

16 Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим.

17 Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения.

18 Это она делала много дней, Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час.

19 Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам.

20 И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город

21 И проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять.

22 Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками

23 И, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их.

24 Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду.

25 Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их.

26 Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели.

27 Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали.

28 Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь.

29 Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе,

30 И, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?

31 Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой.

32 И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его.

33 И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его.

34 И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога.

35 Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей.

36 Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак выйдите теперь и идите с миром.

37 Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас.

38 Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышав, что это Римские граждане.

39 И, придя, извинились перед ними и, выведя, просили удалиться из города.

40 Они же, выйдя из темницы, пришли к Лидии и, увидев братьев, поучали их, и отправились.

ГЛАВА 17

1 Проповедь Павла в синагоге в Фессалониках; иудеи подняли восстание против Павла и Силы. 10 Посещение Верии; многие уверовали; Павел отправился в Афины. 16 Павел проповедует «Иисуса и воскресение». 22 Речь к афинянам в ареопаге; жертвенник «неведомому богу». 32 Некоторые насмехались, иные уверовали.

1 Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога.

2 Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний,

3 Открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам.

4 И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало.

5 Но неверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу.

6 Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда,

7 А Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса.

8 И встревожили народ и городских начальников, слушавших это.

9 Но сии, получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их.

10 Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую.

11 Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так.

12 И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало.

13 Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ.

14 Тогда братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там.

15 Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились.

16 В ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов.

17 Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися.

18 Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение.

19 И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?

20 Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое?

21 Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.

22 И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны.

23 Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам.

24 Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет

25 И не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и всё.

26 От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию,

27 Дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас:

28 Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род».

29 Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого.

30 Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться,

31 Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых.

32 Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время.

33 Итак, Павел вышел из среды их.

34 Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними.

ГЛАВА 18

1 Служение Павла в Коринфе полтора года; Крисп. 12 Проконсул Галлион прогнал иудеев с жалобой на Павла. 18 Возвращение Павла в Сирию; оттуда в Галатию и Фригию. 24 Аполлос в Ефесе.

1 После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф;

2 И, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришел к ним;

3 И, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток.

4 Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов.

5 А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос.

6 Но как они противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам.

7 И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту, которого дом был подле синагоги.

8 Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим, и многие из Коринфян, слушая, уверовали и крестились.

9 Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай,

10 Ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе.

11 И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию.

12 Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище,

13 Говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону.

14 Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас,

15 Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом.

16 И прогнал их от судилища.

17 А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том.

18 Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братьями и отплыл в Сирию, – и с ним Акила и Прискилла, – остригши голову в Кенхреях, по обету.

19 Достигнув Ефеса, оставил их там, а сам вошел в синагогу и рассуждал с Иудеями.

20 Когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился,

21 А простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса. (Акила же и Прискилла остались в Ефесе).

22 Побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию.

23 И, проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников.

24 Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес.

25 Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново.

26 Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень.

27 А когда он вознамерился идти в Ахаию, то братья послали к тамошним ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью,

28 Ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос.

ГЛАВА 19

1 Павел находит в Ефесе учеников, незнакомых с Духом Святым; научает их и крестит. 13 Нападение бесноватого на иудейских заклинателей; сожжение ценных чародейских книг. 21 Планы Павла относительно дальнейших посещений. 23 Мятеж ефесян под руководством серебряника Димитрия.

1 Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников,

2 Сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой.

3 Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение.

4 Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса.

5 Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса,

6 И, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать.

7 Всех их было человек около двенадцати.

8 Придя в синагогу, он не боязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверяя о Царствии Божиим.

9 Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень перед народом, то он, оставив их, отделил учеников, и ежедневно проповедывал в училище некоего Тиранна.

10 Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины.

11 Бог же творил немало чудес руками Павла,

12 Так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них.

13 Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует.

14 Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы.

15 Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?

16 И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома.

17 Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса.

18 Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои.

19 А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм.

20 С такою силою возрастало и возмогало слово Господне.

21 Когда же это совершилось, Павел положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим.

22 И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Азии.

23 В то время произошел немалый мятеж против пути Господня,

24 Ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль,

25 Собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше;

26 Между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги.

27 А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и опровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная.

28 Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!

29 И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище.

30 Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его.

31 Также и некоторые из Асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище.

32 Между тем одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались.

33 По предложению Иудеев, из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу.

34 Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос, и около двух часов кричали: велика Артемида Ефесская!

35 Блюститель же порядка, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?

36 Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво.

37 А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили.

38 Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга.

39 А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании.

40 Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище.

41 Сказав это, он распустил собрание.

ГЛАВА 20

1 Путь Павла чрез Македонию и Грецию. 7 Воскрешение Евтиха в Троаде. 13 Начало путешествия Павла в Иерусалим. 17 Его слово в Милите к пресвитерам из Ефеса; их прощание.

1 По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию.

2 Прошед же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу.

3 Там пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться чрез Македонию.

4 Его сопровождали до Азии Сосипатр Пирров, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гаий Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим.

5 Они, пошедши вперед, ожидали нас в Троаде.

6 А мы после дней опресночных отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней.

7 В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи.

8 В горнице, где мы собрались, было довольно светильников.

9 Во время продолжительной беседы Павловой один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым.

10 Павел, сошед, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем.

11 Взошед же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел.

12 Между тем отрока привели живого, и немало утешились.

13 Мы пошли вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком.

14 Когда же он сошелся с нами в Ассе, то, взяв его, мы прибыли в Митилину.

15 И, отплывши оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывавши в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милит,

16 Ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Азии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме.

17 Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви,

18 И, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами,

19 Работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев;

20 Как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам,

21 Возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа.

22 И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною;

23 Только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня.

24 Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией.

25 И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие.

26 Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех,

27 Ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию.

28 Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею.

29 Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада;

30 И из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою.

31 Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас.

32 И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными.

33 Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал:

34 Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии.

35 Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать».

36 Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился.

37 Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его,

38 Скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля.

ГЛАВА 21

1 Путешествие Павла прервано в Тире. 7 В Кесарии Агав предсказывает узы Павловы. 15 Прибытие Павла в Иерусалим и собрание с пресвитерами. 20 Их совет Павлу о соблюдении иудейского обряда. 27 Избавление Павла римскими солдатами от иудейской толпы в храме. 37 Разрешение говорить к народу.

1 Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару,

2 И, нашедши корабль, идущий в Финикию, взошли на него и отплыли.

3 Бывши в виду Кипра и оставивши его слева, мы плыли в Сирию, и пристали в Тире, ибо тут надлежало сложить груз с корабля.

4 И, нашедши учеников, пробыли там семь дней. Они, по внушению Духа, говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим.

5 Проведши эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонив колени, помолились.

6 И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой.

7 Мы же, совершивши плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовавши братьев, пробыли у них один день.

8 А на другой день Павел и мы, бывшие с ним, выйдя, пришли в Кесарию и, вшедши в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него.

9 У него были четыре дочери девицы, пророчествующие.

10 Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав,

11 И, вошед к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников.

12 Когда же мы слышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим.

13 Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса.

14 Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказавши: да будет воля Господня!

15 После сих дней, приготовившись, пошли мы в Иерусалим.

16 С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам жить.

17 По прибытии нашем в Иерусалим братия радушно приняли нас.

18 На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры.

19 Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его.

20 Они же, выслушавши, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона.

21 А о тебе слышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям.

22 Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел.

23 Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет.

24 Взяв их, очистись с ними, и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон.

25 А об уверовавших язычниках мы писали, положивши, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда.

26 Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошел в храм и объявил окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них приношение.

27 Когда же семь дней оканчивались, тогда Асийские Иудеи, увидевши его в храме, возмутили весь народ и наложили на него руки,

28 Крича: мужи Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие.

29 Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввел в храм.

30 Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схвативши Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери.

31 Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился.

32 Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидевши тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла.

33 Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал.

34 В народе одни кричали одно, а другие другое. Он же, не могши по причине смятения узнать ничего верного, повелел вести его в крепость.

35 Когда же он был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа,

36 Ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!

37 При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-гречески?

38 Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?

39 Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу.

40 Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу; и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так:

ГЛАВА 22

1 Павел описывает свое обращение и призвание. 22 Римское гражданство избавляет его от бичевания. 30 Павел доставлен в синагогон.

1 Мужья братья и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами.

2 Услышавши же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще более утихли. Он сказал:

3 Я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне.

4 Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин,

5 Как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от которых и письма взяв к братьям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание.

6 Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба.

7 Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

8 Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь.

9 Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали.

10 Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать.

11 А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск.

12 Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске,

13 Пришел ко мне и, подошед, сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его.

14 Он же сказал мне: Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его,

15 Потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал.

16 Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса,

17 Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление,

18 И увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне.

19 Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах,

20 И когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убийство его и стерег одежды побивавших его.

21 И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам.

22 До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить.

23 Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух,

24 Тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него.

25 Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда?

26 Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? этот человек – Римский гражданин.

27 Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да.

28 Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем.

29 Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его.

30 На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону и, выведя Павла, поставил его перед ними.

ГЛАВА 23

1 Синедрион разделился. Видение ободрило Павла. 12 Заговор убить Павла открыт его племянником. 23 Решение тысяченачальника отправить Павла ночью в Кесарию. 31 Правитель Феликс задержал Павла до прихода обвинителей.

1 Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня.

2 Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам.

3 Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня.

4 Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь?

5 Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь.

6 Узнав же Павел, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят.

7 Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось.

8 Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое.

9 Сделался большой крик; и, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу.

10 Но как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость.

11 В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме.

12 С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел, и заклились не есть и не пить, доколе не убьют Павла.

13 Было же более сорока сделавших такое заклание.

14 Они, пришедши к первосвященникам и старейшинам, сказали: мы клятвою заклились не есть ничего, пока не убьем Павла.

15 Итак ныне же вы с синедрионом дайте знать тысяченачальнику, чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нем; мы же, прежде нежели он приблизится, готовы убить его.

16 Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой пришел и, вошед в крепость, уведомил Павла.

17 Павел же, призвав одного из сотников, сказал: отведи этого юношу к тысяченачальнику, ибо он имеет нечто сказать ему.

18 Тот, взяв его, привел к тысяченачальнику и сказал: узник Павел, призвав меня, просил отвести к тебе этого юношу, который имеет нечто сказать тебе.

19 Тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне?

20 Он отвечал, что Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они хотят точнее исследовать дело о нем.

21 Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, которые заклились не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения.

22 Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому не говори, что ты объявил мне это.

23 И, призвав двух сотников, сказал: приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию.

24 Приготовьте также ослов, чтобы, посадивши Павла, препроводить его к правителю Феликсу.

25 Написал и письмо следующего содержания:

26 «Клавдий Лисий достойному правителю Феликсу – радоваться.

27 Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, пришед с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин.

28 Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их

29 И нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков.

30 А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров».

31 Итак воины, по данному им приказанию, взявши Павла, повели ночью в Антипатриду.

32 А на другой день, предоставивши конным идти с ним, возвратились в крепость.

33 А те, пришедши в Кесарию и отдавши письмо правителю, представили ему и Павла.

34 Правитель, прочитав письмо, спросил, из какой он области, и, узнав, что из Киликии, сказал:

35 Я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории.

ГЛАВА 24

1 Тертулл обвиняет пред правителем Феликсом. 10 Павел опровергает обвинения. 22 Отсрочка Феликсом решения на два года.

1 Через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, которые жаловались правителю на Павла.

2 Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его, говоря:

3 Всегда и везде со всякою благодарностью признаём мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению благоустроением сего народа.

4 Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением.

5 Нашедши сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси,

6 Который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону.

7 Но тысяченачальник Лисий, пришед, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе,

8 Повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе. Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его.

9 И Иудеи подтвердили, сказавши, что это так.

10 Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело.

11 Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения.

12 И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение,

13 И не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня.

14 Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках,

15 Имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают.

16 Посему и сам подвигаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми.

17 После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения.

18 При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом.

19 Это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня.

20 Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом,

21 Разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами.

22 Выслушав это, Феликс отсрочил дело их, сказав: рассмотрю ваше дело, когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении.

23 А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему.

24 Через несколько дней Феликс, пришед с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса.

25 И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойдй, а когда найду время, позову тебя.

26 Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним.

27 Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах.

ГЛАВА 25

1 Павел на суде Феста, требует суда кесарева. 13 Дело Павла представлено Фестом Агриппе. 23 Начало разбора дела царем Агриппой.

1 Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим.

2 Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобой на Павла и убеждали его,

3 Прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге.

4 Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда.

5 Итак, сказал он, которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его.

6 Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла.

7 Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать.

8 Он же в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря.

9 Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?

10 Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь.

11 Ибо, если я не прав и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева.

12 Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.

13 Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста.

14 И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах,

15 На которого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобой явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его.

16 Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения.

17 Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека.

18 Обступивши его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал;

19 Но они имели некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив.

20 Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом?

21 Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю.

22 Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его.

23 На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел.

24 И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! вы видите того, против которого всё множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить.

25 Но я нашел, что он не сделал ничего, достойного смерти; и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его к нему.

26 Я не имею ничего верного написать о нем государю; посему привел его пред вас, и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать.

27 Ибо, мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него.

ГЛАВА 26

1 Защита Павла пред царем Агриппой. 24 Замечания Феста и Агриппы. 30 «Этот человек ничего достойного смерти или уз не делает».

1 Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя. Тогда Павел, простерши руку, стал говорить в свою защиту:

2 Царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи,

3 Тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно.

4 Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи;

5 Они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению.

6 И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам,

7 Которого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи.

8 Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?

9 Правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея.

10 Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос;

11 И по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах.

12 Для сего, идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников,

13 Среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною.

14 Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна.

15 Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь.

16 Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе,

17 Избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя,

18 Открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными.

19 Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению,

20 Но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтобы они покались и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния.

21 За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать.

22 Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет,

23 То есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам.

24 Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия.

25 Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла.

26 Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило.

27 Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь.

28 Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином.

29 Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз.

30 Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали;

31 И, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает.

32 И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю.

ГЛАВА 27

1 Путь Павла в Рим: от Кесарии до Крита. 13 Буря на море: Павел всех ободряет. 27 Кораблекрушение. 39 Все спаслись на берег.

1 Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию.

2 Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники.

3 На другой день пристали к Сидону. Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием.

4 Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров,

5 И, переплывши море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские.

6 Там сотник нашел Александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него.

7 Медленно плавая многие дни и едва поровнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне.

8 Пробравшись же с трудом мимо него, прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ которого был город Ласея.

9 Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал,

10 Говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни.

11 Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла.

12 А как пристань не была приспособлена к зимовке, то многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финика, пристани Критской, лежащей против юго-западного и северо-западного ветра, и там перезимовать.

13 Подул южный ветер, и они, подумавши, что уже получили желаемое, отправились, и поплыли поблизости Крита.

14 Но скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон.

15 Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись волнам.

16 И, набежавши на один островок, называемый Клавдой, мы едва могли удержать лодку.

17 Поднявши ее, стали употреблять пособия и обвязывать корабль; боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус и таким образом носились.

18 На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз.

19 А на третий мы своими руками побросали с корабля вещи.

20 Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалась немалая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению.

21 И как долго не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда.

22 Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль.

23 Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь

24 И сказал: не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою.

25 Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано.

26 Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров.

27 В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле,

28 И, вымеривши глубину, нашли двадцать сажень; потом на небольшом расстоянии, вымерив опять, нашли пятнадцать сажень.

29 Опасаясь, чтобы не попасть на каменистые места, бросили с кормы четыре якоря, и ожидали дня.

30 Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа,

31 Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись.

32 Тогда воины отсекли веревки у лодки, и она упала.

33 Перед наступлением дня Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего.

34 Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы.

35 Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть.

36 Тогда все ободрились и также приняли пищу.

37 Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ.

38 Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море.

39 Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий отлогий берег, к которому и решились, если можно, пристать с кораблем.

40 И, поднявши якоря, пошли по морю и, развязавши рули и поднявши малый парус по ветру, держали к берегу.

41 Попали на косу, и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн.

42 Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал.

43 Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю,

44 Прочим же спастись кому на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все спаслись на землю.

ГЛАВА 28

1 Павел зимует на Мелите. Ехидна. Павел исцеляет. 11 Прибытие узника Павла в Рим. 17 Павел удостоверяет римских иудеев об Иисусе. 30 Проповедует и учит в Риме в течение двух лет.

1 Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит.

2 Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас.

3 Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его.

4 Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить.

5 Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда.

6 Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог.

7 Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружелюбно угощал.

8 Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе; Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его.

9 После сего события и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы,

10 И оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным.

11 Через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове,

12 И, приплывши в Сиракузы, пробыли там три дня.

13 Оттуда отплывши, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол,

14 Где нашли братьев, и были упрощены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим.

15 Тамошние братья, услышавши о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился.

16 Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его.

17 Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян.

18 Они, судивши меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти;

19 Но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ.

20 По этой причине я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами.

21 Они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого.

22 Впрочем желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этом учении везде спорят.

23 И, назначивши ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков.

24 Одни убеждались словами его, а другие не верили.

25 Будучи же не согласны между собою, они уходили, когда Павел сказал следующие слова: хорошо Дух Святой сказал отцам нашим через пророка Исайю:

26 «Пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите.

27 Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их».

28 Итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат.

29 Когда он сказал это, Иудеи ушли, много споря между собою.

30 И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему,

31 Проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно.

1 «Деяния святых апостолов» – единственный письменный памятник I века, где приводятся речи и проповеди апостолов Петра, Филиппа и особенно Павла, архидиакона Стефана, законоучителя Гамалиила.

Печатается по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Издание Московской патриархии. – Перевод под редакцией Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова).

Апостол Павел (?-67)

- Первое послание к Коринфянам
- Послание К Ефессянам
- Послание к Колоссянам
- Первое послание к Тимофею

Павел – один из наиболее ярких проповедников христианства в первые десятилетия по вознесении Христа. Он родился в семье богатых иудеев и получил блестящее образование, в том числе риторическое. Павел, носивший до принятия христианства иудейское имя Савл, активно участвовал в гонениях на первых христиан, но после происшедшего с ним чуда на пути из Иерусалима в Дамаск стал ревностным поборником нового учения. Павел – единственный из апостолов, никогда не видевший Христа в дни Его земной жизни, посвятил себя миссионерским путешествиям, проповедям и писательским трудам. Речь Павла (например, в афинском ареопаге, перед царем

Агриппой) – блестящие образцы раннехристианского ораторского искусства, вобравшего в себя лучшие черты античной, языческой риторики. Послания Павла являются одним из древнейших образцов письменной христианской публицистики.

Павел был казнен в Риме по приказу Нерона во время гонений на христиан.

Первое послание к Коринфянам

ГЛАВА 11

1 Павел приветствует церковь в Коринфе. 4 Благодарит за данную им благодать. 10 Увещевает, чтобы между ними не было разделений; «разве разделился Христос»? 18 Христос распятый – сила Божия и премудрость Божия.

1 Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат,

2 Церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас:

3 Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

4 Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе.

5 Потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием, –

6 Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас, –

7 Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании, ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа,

8 Который и утвердит вас до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа.

9 Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего.

10 Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.

11 Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры.

12 Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов».

13 Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?

14 Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия,

15 Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя.

16 Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю.

17 Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова.

18 Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия.

19 Ибо написано: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну».

20 Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?

21 Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.

22 Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости;

23 А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие,

24 Для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость;

25 Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.

26 Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных;

27 Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное;

28 И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, –

29 Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.

30 От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением,

31 Чтоб было, как написано: «хвалящийся хвались Господом».

ГЛАВА 2

1 Заявление Павла, что он благовествует только Иисуса Христа распятого. 6 «Возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами».

1 И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости,

2 Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого;

3 И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете.

4 И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы,

5 Чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.

6 Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих,

7 Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей,

8 Которой никто из властей века сего не познал; ибо, если бы познали, то не распяли бы Господа славы.

9 Но, как написано: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

10 А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божий.

11 Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия.

12 Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога,

13 Что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным.

14 Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно.

15 Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может.

16 Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.

ГЛАВА 3

1 «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог». 10 «Никто не может положить другого основания». 16 «Вы храм Божий». 18 «Никто не хвались человеками, ибо все ваше».

1 И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе.

2 Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах,

3 Потому что вы еще плотские. Ибо, если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете?

4 Ибо, когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы?

5 Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители, чрез которых вы уверовали, и притом по скольку каждому дал Господь».

6 Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог;

7 Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий.

8 Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду.

9 Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение.

10 Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем, но каждый смотри, как строит.

11 Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос.

12 Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, –

13 Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть.

14 У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду;

15 А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня.

16 Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

17 Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят; а этот храм – вы.

18 Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым.

19 Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: «уловляет мудрых в лукавстве их».

20 И еще: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны».

21 Итак никто не хвались человеками, ибо все ваше:

22 Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше;

23 Вы же – Христовы, а Христос – Божий.

ГЛАВА 4

1 «Судия мне Господь». 6 «Мы безумны Христа ради». 14 Павел, будучи их отцом, вразумляет и предостерегает их.

1 Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих;

2 От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным.

3 Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе.

4 Ибо, хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь.

5 Посему не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога.

6 Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один пред другим.

7 Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?

8 Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!

9 Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти; потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков.

10 Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии.

11 Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся,

12 И трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим;

13 Хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне.

14 Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих.

15 Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов: я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.

16 Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу.

17 Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе Иисусе, как я учу везде во всякой церкви.

18 Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились;

19 Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу,

20 Ибо Царство Божие не в слове, а в силе.

21 Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?

ГЛАВА 5

1 Блудник должен быть отлучен. 9 Суд над внешними и внутренними.

1 Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего.

2 И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело.

3 А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело,

4 В собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа,

5 Предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа.

6 Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?

7 Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы безквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан запас.

8 Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.

9 Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками;

10 Впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего;

11 Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе.

12 Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли судите?

13 Внешних же судит Бог. Итак извергните развращенного из среды вас.

ГЛАВА 6

1 Суд неверных над верующими. 12 «Вы куплены дорогою ценою... прославляйте Бога в телах ваших».

1 Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?

2 Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?

3 Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?

4 А вы, когда имеете житейские тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значущих в церкви.

5 К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?

6 Но брат с братом судится, и притом пред неверными.

7 И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?

8 Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.

9 Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники,

10 Ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют.

11 И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего.

12 Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною.

13 Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела.

14 Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею.

15 Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет!

16 Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «два будут одна плоть».

17 А соединяющийся с Господом есть один дух (с Господом).

18 Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела.

19 Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?

20 Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божий.

ГЛАВА 7

1 О браке. 8 Пусть безбрачный и брачный остаются так, как они есть. 17 «Каждый поступай так, как Бог ему определил». 25 О браке девицы и вдовы.

1 А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины.

2 Но, в избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.

3 Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу.

4 Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена.

5 Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим.

6 Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление.

7 Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.

8 Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я;

9 Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

10 А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, –

11 Если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей.

12 Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее;

13 И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его;

14 Ибо неверующий муж освящается женою (верующею), и жена неверующая освящается мужем (верующим); иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы.

15 Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь.

16 Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?

17 Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал; так я повелеваю по всем церквам.

18 Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся.

19 Обрезание ничто и необрезание ничто, но все – в соблюдении заповедей Божиих.

20 Каждый оставайся в том звании, в котором призван.

21 Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся.

22 Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов.

23 Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков.

24 В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.

25 Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным.

26 По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так.

27 Соединен ли ты с женою? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены.

28 Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль.

29 Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие;

30 И плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие;

31 И пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего.

32 А я хочу, чтоб вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу;

33 А женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею:

34 Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтоб быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу.

35 Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения.

36 Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет, – не согрешит; пусть таковые выходят замуж.

37 Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, – тот хорошо поступает.

38 Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше.

39 Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе.

40 Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия.

ГЛАВА 8

1 Об идоложертвенных яствах. 7 Свобода не должна послужить соблазном для немощных.

1 О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание. Но знание надмевает, а любовь назидает.

2 Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать;

3 Но кто любит Бога, тому дано знание от Него.

4 Итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого.

5 Ибо, хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, – так как есть много богов и господ много, –

6 Но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им.

7 Но не у всех такое знание: некоторые и доныне с совестью, признающею идолов, едят идоложертвенное, как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется.

8 Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем.

9 Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных.

10 Ибо, если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?

11 И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос.

12 А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа.

13 И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего.

ГЛАВА 9

1 Павел имел право жить от благовествования, но не пользовался им. 19 «Для всех я сделался всем, чтобы спасти... некоторых». 24 О порабощении тела.

1 Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе?

2 Если для других я не Апостол, то для вас Апостол, ибо печать моего апостольства – вы в Господе.

3 Вот мое защищение против осуждающих меня.

4 Или мы не имеем власти есть и пить?

5 Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?

6 Или один я и Варнава не имеем власти не работать?

7 Какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?

8 По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит и закон?

9 Ибо в Моисеевом законе написано: «не заграждай рта у вола молотящего». О волах ли печется Бог?

10 Или, конечно, для нас говорится? Так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое.

11 Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?

12 Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сею властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды благовествованию Христову.

13 Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?

14 Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.

15 Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня; ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою.

16 Ибо, если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!

17 Ибо, если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение.

18 За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании.

19 Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести:

20 Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных;

21 Для чуждых закона – как чуждый закона – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона;

22 Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.

23 Сие же делаю для Евангелия, чтоб быть соучастником его.

24 Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.

25 Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного.

26 И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух;

27 Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.

ГЛАВА 10

1 Примеры: думая, что стояли, пали. 14 «Убегайте идолослужения». 23 Об идоложертвенном; не искать своей пользы.

1 Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море;

2 И все крестились в Моисея в облаке и в море;

3 И все ели одну и ту же духовную пищу;

4 И все пили одно и то же духовное питье, ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

5 Но не о многих из них благоволил Бог; ибо они поражены были в пустыне.

6 А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы.

7 Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: «народ сел есть и пить, и встал играть».

8 Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи.

9 Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей.

10 Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя.

11 Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков.

12 Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.

13 Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести.

14 Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения.

15 Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю;

16 Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?

17 Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба.

18 Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?

19 Что же я говорю? то ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь?

20 Нет; но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу; но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами.

21 Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской.

22 Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?

23 Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает.

24 Никто не ищи своего, но каждый пользы другого.

25 Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести;

26 Ибо Господня земля, и что наполняет ее.

27 Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, – то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести.

28 Но если кто скажет вам: «это идоложертвенное», – то не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести; ибо Господня земля, и что наполняет ее.

29 Совесть же разумею не свою, а другого; ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?

30 Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю?

31 Итак, едите ли, пьете ли, или (иное) что делаете, все делайте в славу Божию.

32 Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией,

33 Так как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись.

ГЛАВА 11

1 Покрывало для молящейся или пророчествующей жены. 17 О порядке при вечере Господней; как Господь Иисус взял хлеб и чашу.

1 Будьте подражателями мне, как я Христу.

2 Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам.

3 Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог.

4 Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову;

5 И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая;

6 Ибо, если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается.

7 Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа.

8 Ибо не муж от жены, но жена от мужа;

9 И не муж создан для жены, но жена для мужа.

10 Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов.

11 Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе.

12 Ибо, как жена от мужа, так и муж чрез жену; все же – от Бога.

13 Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?

14 Не сама ли природа учит вас, что, если муж растит волосы, то это бесчестье для него,

15 Но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?

16 А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божий.

17 Но, предлагая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее.

18 Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю.

19 Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные.

20 Далее, вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню;

21 Ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается.

22 Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похвалю.

23 Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб

24 И, возблагодарив, преломил и сказал: «приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание».

25 Также и чашу после вечери, и сказал: «сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание».

26 Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет.

27 Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней.

28 Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей.

29 Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем.

30 Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает.

31 Ибо, если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы;

32 Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.

33 Посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите.

34 А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение. Прочее устрою, когда приду.

ГЛАВА 12

1 «Дары различны, но Дух один». 12 Тело Христово и его члены.

1 Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных.

2 Знаете, что, когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам – так, как бы вели вас.

3 Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым.

4 Дары различны, но Дух один и тот же;

5 И служения различны, а Господь один и тот же;

6 И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех.

7 Но каждому дается проявление Духа на пользу:

8 Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом;

9 Иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом;

10 Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков.

11 Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.

12 Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос.

13 Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело. Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом.

14 Тело же не из одного члена, но из многих.

15 Если нога скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не рука», то неужели она потому не принадлежит к телу?

16 И если ухо скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не глаз», то неужели оно потому не принадлежит к телу?

17 Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?

18 Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно.

19 А если бы все были один член, то где было бы тело?

20 Но теперь членов много, а тело одно.

21 Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны».

22 Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее,

23 И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения;

24 И неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение,

25 Дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге.

26 Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.

27 И вы – тело Христово, а порознь – члены.

28 И иных Бог поставил в Церкви во-первых Апостолами, во-вторых пророками, в-третьих учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.

29 Все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы?

30 Все ли имеют дары исцелений? все ли говорят языками? все ли истолкователи?

31 Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.

ГЛАВА 13

1 Духовные дары без любви ничто. 4 Проявления любви. 8 Любовь никогда не перестает; вера, надежда, любовь.

1 Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий.

2 Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

3 И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы.

4 Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

5 Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

6 Не радуется неправде, а сорадуется истине;

7 Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

8 Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

9 Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем;

10 Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

11 Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

12 Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

13 А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

ГЛАВА 14

1 «Языки» без истолкования не назидают. 20 Неверующий обличается «пророчествованием». 20 Как говорить и пророчествовать в церкви – «благопристойно и чинно».

1 Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать.

2 Ибо, кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу, потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом;

3 А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение.

4 Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь.

5 Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали, ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание.

6 Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?

7 И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслях?

8 И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?

9 Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер.

10 Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения;

11 Но, если я не понимаю значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец.

12 Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви.

13 А потому говорящий на незнакомом языке молись о даре истолкования.

14 Ибо, когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода.

15 Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом.

16 Ибо, если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь.

17 Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается.

18 Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками;

19 Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке.

20 Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни.

21 В законе написано: «иными языками и иными устами буду говорить народу сему, но и тогда не послушают Меня, говорит Господь».

22 Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих.

23 Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, – то не скажут ли, что вы беснуетесь?

24 Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится,

25 И таким образом тайны сердца его обнаруживаются; и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: «истинно с вами Бог».

26 Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию.

27 Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй.

28 Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу.

29 И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают;

30 Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи.

31 Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение.

32 И духи пророческие послушны пророкам,

33 Потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквах у святых.

34 Жёны ваши в церквах да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит.

35 Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви.

36 Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?

37 Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да понимает, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни;

38 А кто не понимает, пусть не понимает.

39 Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками;

40 Только все должно быть благопристойно и чинно.

ГЛАВА 15

1 Многие и различные свидетели воскресения Христова. 12 «Если Христос не воскрес... то тщетна вера ваша». 35 «Как воскреснут мертвые»? 50 «Мы все изменимся». 54 «Смерть! где твое жало»? «Труд ваш не тщетен».

1 Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились,

2 Которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете, так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали.

3 Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию,

4 И что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию,

5 И что явился Кифе, потом двенадцати;

6 Потом явился более нежели пятистам братии в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили;

7 Потом явился Иакову, также всем Апостолам;

8 А после всех явился и мне, как (некоему) извергу.

9 Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.

10 Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился; не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною.

11 Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали.

12 Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет Воскресения мертвых?

13 Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес;

14 А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша.

15 Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают;

16 Ибо, если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес;

17 А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших;

18 Поэтому и умершие во Христе погибли.

19 И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.

20 Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших.

21 Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых.

22 Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут,

23 Каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его.

24 А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу;

25 Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои.

26 Последний же враг истребится – смерть,

27 Потому что все покорил под ноги Его; когда же сказано, что Ему все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все.

28 Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем.

29 Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?

30 Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?

31 Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашей, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем.

32 По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!

33 Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы.

34 Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога.

35 Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут?

36 Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет;

37 И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое;

38 Но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело.

39 Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц.

40 Есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных;

41 Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе.

42 Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении;

43 Сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе;

44 Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное.

45 Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущею»; а последний Адам есть дух животворящий.

46 Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.

47 Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба.

48 Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные;

49 И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.

50 Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления.

51 Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся

52 Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся;

53 Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие.

54 Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «погложена смерть победою».

55 «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»

56 Жало же смерти – грех; а сила греха – закон.

57 Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!

58 Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом.

ГЛАВА 16

1 Планы Павла о «сборах» и дальнейших посещениях. 10 О посещении Тимофея и Аполлоса. 13 Наставления и приветствия.

1 При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатииских:

2 В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду.

3 Когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим.

4 А если прилично будет и мне отправиться, то они со мною пойдут.

5 Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду чрез Македонию.

6 У вас же, может быть, поживу, или и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду.

7 Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пребыть у вас несколько времени, если Господь позволит.

8 В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы,

9 Ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много.

10 Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтоб он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я;

11 Посему никто не пренебрегай его, но проводите его с миром, чтоб он пришел ко мне; ибо я жду его с братьями.

12 А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтоб он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно.

13 Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды;

14 Все у вас да будет с любовью.

15 Прошу вас, братия: вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии, и что они посвятили себя на служение святым;

16 Будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся.

17 Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше,

18 Ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых.

19 Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью.

20 Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием.

21 Мое Павлове приветствие собственноручно.

22 Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема; маранафа.

23 Благодать Господа (нашего) Иисуса Христа с вами,

24 И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

1 Первое послание жителям греческого города Коринфа было написано апостолом Павлом в Ефесе во время своего третьего путешествия. Очевидно, между Павлом и коринфянами шла регулярная переписка; до нас же дошли только два письма-послания апостола.

Послание К Ефесянам

ГЛАВА 5¹

1 «Живите в любви, как и Христос возлюбил вас». 3 Не участвуйте в делах тьмы. 15 Поступайте осторожно. 22 Христос и церковь – пример для мужей и жен.

1 Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные,

2 И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное.

3 А блуд и всякая нечистота и любодеяние не должны даже именоваться у вас, как прилично святым.

4 Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение;

5 Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любодеятель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога.

6 Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления;

7 Итак, не будьте сообщниками их.

8 Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света,

9 Потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине.

10 Испытывайте, что благоугодно Богу,

11 И не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте.

12 Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить.

13 Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть.

14 Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».

15 Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые,

16 Дорожа временем, потому что дни лукавы.

17 Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия.

18 И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом,

19 Назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу,

20 Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа,

21 Повинуясь друг другу в страхе Божиим.

22 Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу,

23 Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела.

24 Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем.

25 Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее,

26 Чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова;

27 Чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна.

28 Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя.

29 Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь,

30 Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его.

31 Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.

32 Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви.

33 Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа.

ГЛАВА 6

1 О детях, отцах, матерях, рабах, господах. 10 «Облекитесь во всеоружие Божие». 21 Последнее слово и благословение.

1 Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость.

2 «Почитай отца твоего и мать», это первая заповедь с обетованием:

3 «Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле».

4 И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем.

5 Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу,

6 Не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души,

7 Служа с усердием, как Господу, а не как человекам,

8 Зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный.

9 И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицеприятия.

10 Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его.

11 Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских,

12 Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной.

13 Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять.

14 Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности,

15 И обув ноги в готовность благовествовать мир;

16 А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого;

17 И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.

18 Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых

19 И о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования,

20 Для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедывал, как мне должно.

21 А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель,

22 Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши.

23 Мир братиям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа.

24 Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа.
Аминь.

¹ Послание жителям Ефеса – одно из четырех посланий, написанных апостолом Павлом в узах, скорее всего, в ожидании суда кесаря в Риме. В приводимом отрывке Павел касается вопросов взаимоотношений между мужем и женой, родителями и детьми.

Послание к Колоссянам

ГЛАВА 31

1 «Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге». 5 «Совлекшись ветхого человека... облекшись в нового». «Нет ни еллина, ни иудея... но все и во всем Христос». 16 «Слово Христово да вселяется в вас обильно», жены, мужья, дети, отцы, рабы, господа.

1 Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога;

2 О горнем помышляйте, а не о земном.

3 Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.

4 Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе.

5 Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостязание, которое есть идолослужение,

6 За которые гнев Божий грядет на сынов противления,

7 В которых и вы некогда обращались, когда жили между ними.

8 А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших;

9 Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его

10 И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его,

11 Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.

12 Итак облекитесь, как избранные Божий, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение,

13 Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы.

14 Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства.

15 И да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны.

16 Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу.

17 И всё, что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца.

18 Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе.

19 Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы.

20 Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу.

21 Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали.

22 Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога.

23 И всё, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей,

24 Зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу.

25 А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде, у Него нет лицеприятия.

1 Послание жителям малоазиатского города Колоссы также написано апостолом Павлом в узах. Приводимый отрывок посвящен практическому учению. Павел подходит к разным формам взаимоотношений людей с точки зрения послушания в Боге.

Первое послание к Тимофею

ГЛАВА 2

1 Увещание молиться за всех человеков, особенно за начальствующих. 9 Об одеянии жен и их поведении.

1 Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков,

2 За царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте,

3 Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу,

4 Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

5 Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус,

6 Предавший Себя для искупления всех. Таково было в свое время свидетельство,

7 Для которого я поставлен проповедником и Апостолом, – истину говорю во Христе, не лгу, – учителем язычников в вере и истине.

8 Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения;

9 Чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою,

10 Но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

11 Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью;

12 А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии.

13 Ибо прежде создан Адам, а потом Ева;

14 И не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление;

15 Впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием.

Амвросий Медиоланский (340-397)

- Письмо об алтаре Победы

Амвросий родился в знатной римской семье и, получив юридическое образование, стал судебным оратором. Вскоре после принятия крещения он был избран епископом в Милане (Медиолане) и там прославился разнообразными проповедями, нацеленными прежде всего на ослабление язычества, борьбу с ересями, утверждение среди своей паствы строгих нравственных правил.

По авторитету и влиянию на Западе Амвросий Медиоланский сопоставим с Василием Великим и Иоанном Златоустом на Востоке.

Письмо об алтаре Победы

Письмо XVIII1

Епископ Амвросий благочестивейшему принцепсу и всемилостивейшему императору Валентиниану Августу.

1. Когда славнейший Симмах, префект города, обратился к твоей милости с просьбой вернуть на прежнее место алтарь, удаленный из курии сената города Рима, ты, император, ветеран веры, несмотря на свою молодость и неопытность, не одобрил просьбы язычников. Как только я узнал об этом, я послал тебе письмо, в котором, хотя и высказал все, что мне казалось необходимым, однако просил дать мне экземпляр реляции Симмаха.

2. Поэтому, не подвергая сомнению твою веру, но проявляя предусмотрительность и уверенный в доброжелательном внимании, я отвечаю в этом документе на доводы реляции, обращаясь к тебе с единственной просьбой не искать здесь изящества выражений, а принимать во внимание лишь силу фактов. Ибо, как учит Священное Писание, язык мудрых и ученых людей – золото; он сверкает красивыми, звонкими фразами, как бы отражая его драгоценный блеск, пленяя глаза видимостью красоты и ослепляя их этим внешним сиянием. Но золото это на поверку оказывается ценностью только снаружи, внутри же оно – простой металл. Прошу тебя, взвесь и исследуй высказывания язычников; они говорят весомо и возвышенно, но защищают то, что далеко от истины. Они говорят о Боге, а поклоняются идолам.

3. Итак, славнейший префект города в своей реляции выдвинул три положения, которые он считает неоспоримыми: он говорит, что Рим требует исполнения своих старых обрядов, что весталкам и жрецам нужно платить жалованье и что отказ платить жрецам повлечет за собой всеобщий голод.

4. Рим, как говорит Симмах в первой части своей реляции, истекает слезами, жалобно моля восстановить старые обряды. По его словам, языческие святыни отогнали Ганнибала от стен города и не допустили галлов в Капитолий. В действительности же, пока проявилась сила святынь, слабость предала их. Ганнибал долго оскорблял римские святыни и, хотя боги боролись с ним, дошел завоевателем до самых стен города. Почему боги допускали, чтобы Рим подвергался осаде? За кого они сражались?

5. В самом деле, что мне сказать о галлах, которым римские реликвии не помешали бы проникнуть в святая святых Капитолия, если бы их не выдал испуганный крик гусей? Какие великолепные защитники у римских храмов! А где тогда был Юпитер? Или это его голос слышался в гусином крике?

6. Но зачем мне отрицать, что их святыни сражались за римлян? Ведь и Ганнибал поклонялся тем же самым богам! Стало быть, боги могут выбрать, кого хотят. И если святыни победили у римлян, то, следовательно, у карфагенян они были побеждены, и если они торжествовали победу у карфагенян, то, значит, они не принесли удачи римлянам.

7. Итак, эта отвратительная жалоба римского народа исчерпана. Рим не поручал язычникам ее произносить. Напротив, он обращается к ним с совсем иными словами. Для чего, – говорит он, – вы ежедневно обагряете меня кровью, принося в жертву целые стада невинных животных? Не в гаданиях по внутренностям, а в доблести воинов залог вашей победы. Иным искусством я покорил мир. Моим солдатом был Камилл, который оттеснил победителей – галлов с Тарпейской скалы и сорвал их знамена, уже вознесенные над Капитолием: тех, кого не одолели языческие боги, победила воинская доблесть. А что мне сказать об Аттилии, самая смерть которого была исполнением воинского долга? Африканец добыл свой триумф не среди алтарей Капитолия, а в боевом строю, сражаясь с Ганнибалом. Зачем вы так настаиваете на религиозных обрядах наших предков? Я ненавижу веру, которую исповедовал Нерон. А что я могу сказать об императорах на два месяца и о конце их правления, столь близком к началу? И разве для варваров это ново – выйти за пределы своих границ? Ведь не христианами были те двое, с которыми произошел беспримерно несчастный случай, когда один из них, попавший в плен император, и другой, получивший власть над миром, заявили, что обряды, обещавшие победу, оказались ложными. Разве тогда не было алтаря Победы? Я сожалею о своих заблуждениях: на моей седой голове красный отблеск позорного кровопролития. Но я, старик, не стыжусь переродиться вместе со всем миром. Учиться истине никогда не поздно. Пусть стыдится тот, кто не в состоянии исправиться на старости лет. В преклонном возрасте похвалы достойна не седина, а характер. Не стыдно меняться к лучшему.

В одном только я был подобен варварам – что до сих пор не знал Бога. Ваше жертвоприношение есть обряд окропления кровью животных. Почему вы ищете глас Божий в мертвых животных? Придите и присоединитесь к небесному воинству на земле. Здесь мы живем, а там будем сражаться. Тайнам небесным пусть учит меня сам Бог, который меня создал, а не человек, не сумевший познать самого себя. Чьим словам о Боге я могу верить больше, чем Самому Богу? И как я могу поверить вам, которые признаются сами, что не знают, кому поклоняются?

8. К познанию великой тайны, утверждает Симмах, можно прийти не одним путем. Я же говорю: всему, что вы знаете, научил нас Сам Бог. То, что вы силитесь разгадать, нам открыла Сама воплотившаяся Божественная Премудрость. Ваши пути отличаются от наших. Вы просите у императора мира для своих богов, мы же испрашиваем у Христа мира для самих императоров. Вы поклоняетесь деянию рук своих, мы же считаем оскорблением видеть Бога в том, что может быть сделано человеческими руками. Бог не хочет, чтобы его почитали в камне. В конце концов, даже ваши философы смеялись над этим.

9. Поэтому, если вы отрицаете, что Христос есть Бог, поскольку вы не верите в Его смерть (ведь вам неизвестно, что умерла лишь плоть, а не божество, и что теперь уже никто из верующих не умрет совсем), то кто может быть неразумней вас, чье почитание содержит оскорбление, а оскорбление – почитание? О, это почитание, полное оскорбления! Вы не верите, что Христос мог умереть. О, это полное почитания упрямство!

10. Нужно вернуть, говорит Симмах, идолам – алтари, а храмам – их древние украшения. Пусть они требуют этого, но лишь от тех, кто разделяет их суеверия: христианский император привык почитать алтарь одного Христа. Зачем они принуждают благочестивые руки и верные уста пособничать им в их святотатстве? Пусть голос нашего императора произносит имя одного Христа и говорит только о Нем, Которого он чувствует, ибо «сердце царя в руке Господа». Разве какой-нибудь языческий император воздвигал алтарь Христу? И, пока язычники требуют восстановить то, что было, их пример напоминает нам, с каким уважением христианские императоры должны относиться к религии, которой они следуют; ведь некогда языческие императоры все приносили в жертву своим суевериям.

11. Мы начали свое дело давно, а они уже давно хватаются за то, чего нет. Мы гордимся пролитой кровью, их волнуют расходы. Никогда язычники не принесли нам большей пользы, чем в то время, когда по их приказу мучили, изгоняли и убивали христиан. Религия сделала наградой то, что неверие считало наказанием. Какое величие души! Мы выросли благодаря потерям, благодаря нужде, благодаря жертвам, они же не верят, что их обычаи сохранятся без денежной помощи...

1 Представленное 18-е письмо – одно из цикла писем, направленных Амвросием Медиоланским против восстановления в курии римского сената золотой статуи языческой богини Победы. Глава партии язычников Симмах, к которому обращено настоящее письмо, предлагал восстановить убранный императором Грацианом языческий идол как символ и реликвию прошедших эпох. Амвросий приводит в ответ на доводы Симмаха контраргументы и доказывает, что христианство – более высокая ступень развития цивилизации по сравнению с язычеством.

Печатается по: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. – Под редакцией С.С. Аверинцева и М.Л. Гаспарова. – М., 1998. – Перевод И.П. Стрельниковой. Иероним Стридонский (340–420)

- Письмо к Магну, великому оратору города Рима

На Иеронима большое влияние оказало полученное в Риме гуманитарное образование. Первым примером юноше служило творчество Цицерона. Приняв иночество, Иероним продолжил учебу, отдавая предпочтение изучению греческого, а затем еврейского языков. Главным итогом этих трудов стал перевод Нового Завета на латынь, который получил название Вульгата. Затем Иероним перевел Ветхий Завет.

Кабинетную ученость Иероним умело сочетал с активной публицистической и проповеднической деятельностью. До нас дошло около двухсот его писем. Иероним организовал в Риме женский кружок, в котором знатные матроны изучали под его руководством Библию.

Умер Иероним в глубокой старости, что

Письмо к Магну, великому оратору города Рима

О том, что наш Себезий исправился, мы узнали не столько из твоего письма, сколько из его раскаяния.¹ И, удивительно, насколько приятней стал исправившийся, чем был неприятен заблуждающийся. Снисходительность отца и благонравие сына соревновались между собою: в то время как один не помнил прошлого, другой давал добрые обещания на будущее. Потому и мне, и тебе нужно радоваться вместе: я снова получил сына, ты – ученика.

В конце письма ты спрашиваешь, зачем я в своих сочинениях иногда привожу примеры из светских наук и белизну Церкви оскверняю нечистотами язычников. Вот тебе на это краткий ответ. Ты никогда бы не спрашивал об этом, если бы тобою всецело не владел Цицерон, если бы ты читал Священное Писание и, оставив Волкация, просматривал его толкователей. В самом деле, кому неизвестно, что и у Моисея, и в писаниях Пророков есть заимствования из языческих книг и что Соломон предлагал вопросы и отвечал философам из Тира? Поэтому в начале книги Притчей он увещевает, чтобы мы понимали премудрость, лукавство слов, притчи и темные речи, изречения мудрецов и загадки – что преимущественно свойственно диалектикам и философам. Но и апостол Павел в послании к Титу употребил стих из поэта Эпименида: «Критяне всегда лживы, злые звери, утробы праздные» (Тит. 1, 12), полустишие, впоследствии употребленное Каллимахом. На латинском языке буквальный перевод не сохраняет ритма, но это и неудивительно: даже Гомер бессвязен в переводе на прозу того же самого языка. В другом послании он приводит также шестистопный стих Менандра: «Злые беседы растлевают добрые нравы». И, выступая перед афинянами в Ареопаге, приводит свидетельство Арата: «его же и род есмы», что и составляет полустишие гекзаметра. И, кроме этого, вождь христианского воинства и непобедимый оратор,

защищая перед судом дело Христа, даже случайную надпись употребляет в доказательство веры.

У верного Давида научился он исторгать меч из рук врагов и голову надменнейшего Голиафа отсекал его собственным мечом. Во Второзаконии (гл. 21) он читал повеление Господа, что у пленной жены нужно обрить голову и брови, обрезать все волосы и ногти на теле и тогда вступать с нею в брак. Что же удивительного, если и я за прелесть выражения и красоту членов хочу сделать светскую мудрость из рабыни и пленницы израильтянку, отсекая или отрезаю все мертвое у ней – идолопоклонство, сластолюбие, заблуждение, разврат – и, соединившись с ее чистейшим телом, рождая от нее детей Господу Саваофу?..

Против нас писали Цельс и Порфирий; весьма мужественно противостояли им: первому – Ориген, второму – Мефодий, Евсевий и Апполинарий... Почитай их – и ты увидишь, что я, в сравнении с ними, очень мало знаю и, проведя столько времени в праздности, как сквозь сон припоминаю только то, чему учился в детстве. Юлиан Август во время парфянского похода изbleвал семь книг против Христа и, по басням поэтов, умертвил себя своим мечом. Если я попытаюсь писать против него, неужели ты запретишь мне бить эту бешеную собаку палкой Геркулеса – учением философов и стоиков?.. Иосиф, доказывая древность иудейского народа, написал две книги против Апиона, александрийского грамматика; в них представляет он столько свидетельств из светских писателей, что мне кажется чудом, каким образом еврей, с детства воспитанный на Священном Писании, перечитал всю библиотеку греков. Что же сказать о Филоне, которого критики называют вторым, или иудейским, Платоном?..

Перехожу к писателям латинским. Кто его образованнее, кто остроумнее Тертуллиана? Его «Апологетик» и книги «Против язычников» включают в себя всю языческую ученость. Минуций Феликс, адвокат с римского форума, в книге под заглавием «Октавий» и в другой, «Против математиков» (если только надпись не ошибается, называя автора), что оставил нетронутым из сочинений язычников? Арнобий издал семь книг против язычников и столько же опубликовал его ученик Лактанций, написавший еще две книги: «О гневе» и «О деянии Господа». Если ты захочешь прочитать эти книги, ты найдешь в них не что иное, как сокращение диалогов Цицерона...

Иларий, исповедник и епископ моего времени, и в слогe и в числе сочинений подражал двенадцати книгам Квинтилиана, и в коротенькой книжке против врача

Диоскора показал, что он силен в светских науках. Пресвитер Ювенк при Константине в стихах изобразил историю Господа Спасителя: не побоялся он величие Евангелия подчинить законам метра. Умалчиванию о других, как живых, так и умерших, в сочинениях которых очевидны как их познания, так и их стремления.

И не обманывайся ложной мыслью, что это позволительно только в сочинениях против язычников и что в других рассуждениях нужно избегать светской учености – потому что книги всех их, кроме тех, которые, как Эпикур, не изучали наук, изобилуют сведениями из светских наук и философии. Я привожу здесь только то, что приходит на ум при диктовке, и уверен, что ты сам знаешь, что всегда было в употреблении у людей ученых.

Однако я думаю, что через тебя этот вопрос предлагает мне другой, который, может быть, – припоминаю любимые рассказы Саллюстия – носит имя Кальпурний, по прозвищу Шерстобой. Пожалуйста, скажи ему, чтобы он, беззубый, не завидовал зубам тех, кто ест, и, сам будучи слеп, как крот, не унижал бы зрения диких коз. На этот счет, как видишь, можно рассуждать долго, но, по недостатку места для письма, пора кончать.

¹ Письмо к Магну написано в 397 году в Вифлееме, где Иероним провел более двадцати лет жизни.

Печатается по: Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. – Под редакцией С.С. Аверинцева и М.Л. Гаспарова. – М., 1998. – Перевод И.П. Стрельниковой.

Василий Великий (329–379)

- О пресмыкающихся

Будущий великий проповедник получил широкое и всестороннее образование в языческих школах Константинополя и Афин. После нескольких лет адвокатской деятельности он принял крещение и вскоре стал отшельником. Религиозные споры заставили Василия покинуть уединение и обратиться к слову.

Большая часть бесед и речей Василия Великого посвящена борьбе с ересями и еретиками. Став епископом, он силой убеждения заставил византийского императора прекратить гонения на христиан. Присвоенное Василию прозвище Великий красноречиво свидетельствует о его авторитете и всеобщем признании.

О пресмыкающихся

Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую.¹ Этим показано тебе, что плавающие животные имеют естественное сродство с водою: поэтому рыбы, надолго разлученные с водою, умирают, ибо не имеют дыхания, чтобы втягивать в себя воздух. Что для земных животных воздух, то для породы плавающих – вода. Причина тому очевидна. У нас есть легкие, наполненные пустотами, и грудная клетка, которая, через расширение груди, принимая в себя воздух, проветривает и прохлаждает внутренний жар, у них же расширение и сжатие жабр, принимающих и выпускающих воду, служит дыханием.

У рыб собственное свое назначение, собственная своя природа, отдельная пища, своеобразная жизнь. Поэтому ни одно из плавающих животных не может сделаться ручным и вообще терпеть прикосновения человеческой руки. Много несходства в образе жизни, много различий в расположении каждой породы. Большая часть рыб не насиживают яиц, как птицы, не вьют гнезд, не вскармливают с трудом детенышей, но вода, приняв икру, производит из нее животное. У каждой породы способ размножения неизменен и бывает без смешения с другою природою. Невозможно такое же размножение рыб, как размножаются лошади на суше, невозможны такие же сокопления, какие бывают у некоторых птиц, производящих от себя смешанные породы. Между рыбами нет вооруженных зубами, как у нас вол и овца. Но все рыбы

снабжены весьма частыми и острыми зубами, чтобы пища при продолжительном жевании не растекалась; ибо если бы не была быстро раздробляема и передаваема чреву, то во время самого измельчения могла бы быть уносима водою. Пища же различным рыбам определена различная, по роду каждой. Одни питаются илом, иные довольствуются травами, растущими в воде, большая же часть пожирают друг друга, и меньшая из них служит пищею большей. Иногда случается, что овладевшая меньшею себя делается добычею другой, и обе переходят в одно чрево последней.

Не иное ли делаем и мы – люди, угнетая низших? Чем различается от сей последней рыбы тот, кто по ненасытному богатолюбию во всепоглощающие недра своего лихоимства поглощает бессильных? Он овладел достоянием нищего, а ты, уловив его самого, сделал частью своего стяжания. Ты оказался несправедливее несправедливого и любостяжательнее любостяжательного. Смотри, чтобы и тебя не постиг одинаковый конец с рыбами – уда, верша или сеть. Без сомнения, и мы, совершив много неправд, не избежим последнего наказания.

Примечая даже в слабом животном много хитрости и лукавства, желаю, чтобы ты избегал подражания делающим зло. Рак жаден до мяса устрицы; но ему трудно поймать эту добычу, у которой оболочка – раковина. Сама природа несокрушимым оплотом обезопасила нежную плоть устрицы: две вогнутые раковины, плотно приложенные одна к другой, совершенно закрывают устрицу, и клещи рака, по необходимости, остаются недействительными. Что же он делает? Как только видит, что устрица в безветренном месте с наслаждением греется и открывает половинки своей раковины солнечным лучам, – неprimетно вбросив в них камень, препятствует им закрыться и овладевает добычею, тем самым заменив недостаток силы выдумкою. Такова злоумышленность в животных, не одаренных ни разумом, ни словом!

А я хочу, чтобы ты, подражающий умению и ловкости раков отыскивать пищу, удерживался от вреда ближним. Таков тот, кто с коварством приходит к брату, содействует невзгодам ближнего, увеселяется чужими бедами. Бегай того, чтобы подражать людям предосудительным, и довольствуйся собственным. Нищета, при истинном самодовольстве, для целомудренных предпочтительнее всякого наслаждения.

Не могу умолчать о лукавстве и вороватости полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому легко пристаёт, поэтому многие рыбы, плавая без опасения, приближаются к полипу, точно к камню, и делаются добычею хитреца. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, удобно делаются то тем, то другим: с целомудренными уважают целомудрие, с невоздержными невоздержны, в угодность всякому меняют расположения. От таких людей нелегко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются в одеждах овечьих (Мф. 7,15).

Бегай от изворотливого и многоличинного нрава, домогайся истины, искренности и простоты. Змея пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведник не лукав, как и Иаков (Быт. 25, 27). Посему Бог вселяет единомышленных в дом (Пс. 67, 7). Это – море великое и пространное: там гады, коим нет числа, животные малые с великими (Пс. 103, 25). Однако же у них есть мудрый и благоустроенный порядок. Мы не только осуждать должны рыб: у них есть нечто и достойное подражания. Каким образом каждая порода рыб, получив в удел удобную для себя страну, не делает нашествий на другие породы, но живет в собственных своих пределах? Ни один землемер не отводил им жилищ, они не ограждены стенами, не отделены рубежами, но бесспорно каждой породе уступлено полезное. Один залив прокармливает такие породы рыб, а другой – другие; во множестве водящиеся здесь рыбы – редки в других местах. Не разделяет гора, возносящая острые вершины, не пересекает перехода река; но есть какой-то закон природы, который равно и правдиво, сообразно с потребностями каждой породы, распределяет им места жительства. Но мы не таковы. Из чего это видно? Из того, что пренебрегаем словом Писания: не передвигай межи давней, которую провели отцы твои (Притч. 22, 28). Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места (Ис. 5, 8). Есть и перемещающиеся рыбы. Они как бы по общему совещанию, собравшись на переселение, все отправляются под одним знаменем. Ибо как только наступит определенное для них время чадородия, поднявшись из разных заливов и побуждаемые общим законом природы, поспешают в северное море. Во время этого восхождения увидишь рыб, соединенных как бы в один поток и текущих через Пропонтиду (Мраморное море) в Евксинский Понт (Черное море). Кто же их движет? Какое царское повеление, какие указы, прибитые на площади, извещают о наступившем сроке? Кто у

них проводники? Видишь, как Божие распоряжение все заменяет собою и доходит до самых малых тварей! Рыба не прекословит Божью закону; а мы, люди, не соблюдаем спасительных наставлений. Не презирай рыб потому, что они совершенно безгласны и неразумны; но бойся, чтобы не сделаться тебе неразумнее и рыб чрез противление постановлению Творца.

Видел я это – и дивился во всем Божией премудрости. Если неразумные твари догадливы и искусны в попечении о собственном своем спасении, и если рыба знает, что ей избрать и чего ей избегать, что скажем мы, отличенные разумом, наставленные законом, побужденные обетованиями, умудренные Духом и при всем том распоряжающиеся своими делами неразумнее рыб? Ибо они умеют промышлять некоторым образом о будущем, а мы, отринув надежду на будущее, губим жизнь в скотском сластолюбии.

Рыба меняет столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство; что же скажешь ты, препровождающий жизнь в праздности? Праздность – начало злых дел. Никто да не извиняется неведением. В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а вредное от себя удалять.

Не перестану представлять в пример морских обитателей, потому что они подлежат нашему рассмотрению. Слышал я от одного приморского жителя, что морской еж, животное, конечно, малое и презренное, часто дает знать пловцам о тишине и буре. Когда он предчувствует волнение от ветров, то, взойдя на какой-нибудь значительный камень, на нем, как на якорю, с твердостью выносит бурю, потому что тяжесть камня препятствует увлечь его волнам. И как только мореходцы усматривают этот признак, то знают, что надо ожидать сильного движения ветров. Никакой звездочет, никакой халдей, предугадывающий по восхождению звезд волнения в воздухе, не учил этому ежа, но Господь моря и ветров и на малом животном положил ясные следы великой Своей премудрости. У Бога ничто не оставлено без промышления и попечения; все назирает Сие недремленное Око, всему Оно присуще, предустроя спасение каждой твари. Если и ежа не исключил Бог из Своего надзора, то как не надзирать Ему за твоею жизнью?

Мужья, любите своих жен (Еф. 5, 25), хотя бы вы были чужды друг другу, когда вступали в брачное общение! Сей узел естества, сие иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими! Ехидна, самая лютая из пресмыкающихся, для

брака сходится с морскою муреною и, свистом извещая о своем приближении, вызывает ее из глубин для супружеского объятия. И та слушается, и вступает в соединение с ядовитою ехидной. К чему клонится сия речь? К тому, что если даже суров, даже дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза. Он буен? Но муж. Он – пьяница? Но соединен по естеству. Он груб и своенравен? Но твой уже член и даже – драгоценнейший из членов. Да выслушает и муж приличное ему наставление! Ехидна, уважая брак, предварительно извергает свой яд; неужели же ты, из уважения к союзу, не отложишь жестокосердия и бесчеловечия?

Но пример ехидны, может быть, и иначе послужит нам на пользу; потому что соединение ехидны с муреною есть некоторое прелюбодеяние в природе. Да вразумятся же те, которые посягают на чужое брачное ложе – какому из пресмыкающихся уподобляются они? У меня одна цель: все обращать в назидание Церкви. Да укротятся страсти невоздержных, обуздываемые примерами, взятыми с суши и моря!

1 «О пресмыкающихся» – седьмая беседа из книги «Беседы на Шестоднев», представляющей собой цикл бесед о сотворении мира. «Беседы на Шестоднев» были произнесены Василием в период между 364 и 370 годами без предварительной подготовки. В образе жизни, привычках пресмыкающихся оратор преподавал нравственные уроки для человека.

Печатается по: Святоотеческая хрестоматия / Составитель Н. Благоразумов. – М., 2001. – Автор перевода неизвестен.

Иоанн Златоуст (344–407)

- Слово огласительное
- Письма к Олимпиаде

Иоанн Златоуст по праву считается одним из величайших учителей и проповедников Церкви. Получив блестящее языческое образование, он стал адвокатом, но вскоре порвал с миром, принял монашество и провел шесть лет в пустыне, готовя себя к будущим трудам и подвигам.

Звание священнослужителя было для отца Иоанна званием проповедника. Двенадцать лет он ежедневно проповедовал в Антиохии, затем – в Константинополе, собирая массы слушателей и обращая их ко Христу. Слава о его красноречии распространилась далеко за пределы Восточной Римской империи. За силу проповеди его и прозвали Златоустом.

Иоанн Златоуст является автором чина православного богослужения – Литургии, многих молитв, а также слов и писем.

Став жертвой интриг придворных, недовольных обличениями проповедника, Златоуст был отправлен в ссылку, где и умер.

Слово огласительное

Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоустаго, Слово Огласительное, во святой и светносный день преславнаго и спасительнаго Христа Бога нашего Воскресения.¹

Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего добраго и светлаго торжества. Аще кто раб благоразумный, да внидет, радуясь, в радость Господа своего. Аще кто потруится постясь, да воспримет ныне динарий. Аще кто от перваго часа делал есть, да приимет днесь праведный долг. Аще ко по третьем часе прииде, благодаря да празднует. Аще кто по шестом часе достиже, ничтоже да сумнится; ибо ничем отщетевається. Аще

кто лишился и девятого часа, да приступит, ничтоже сумняся, ничтоже бояся. Аще кто точию достиже и во едионадесятый час, да не устрашится замедления: любочестив бо Сый Владыка, приемлет последняго, яко же и перваго: упокоевает в едионадесятый час при-шедшаго, якоже делавшего от перваго часа; и последняго милует, и первому угождает, и оному дает, и сему дарствует; и дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит. Темже убо вниде вси в радость Господа своего: и первии, и вторици, мзду примите. Богатии и убозии, друг со другом ликуйте. Воздержницы и ленивии, день почитите. Постившийся и не постившийся, возвеселитесь днесь. Трапеза исполнена, на-сладитесь вси. Телец упитанный, никтоже да изыдет алчай; вси насладитесь пира веры; вси восприимите богатство благодати. Никтоже да рыдает убожества: явился бо общее Царство. Никтоже да плачет прегрешений, прощение бо от гроба возсия. Никтоже да убоится смерти, свободи бо нас Спасова смерть. Угаси ю, Иже от нея держимый. Пленя ада, Сошедый во ад. Огорчи ада, вкусивша плоти его. И сие предприимый Исаия возопи: ад, глаголет, огорчися, срет Тя доле. Огорчися, ибо упразднился, огорчися, ибо поруган бысть. Огорчися, ибо умертвился. Огорчися, ибо низложися. Огорчися, ибо связася. Прият тело, и Богу приразися.

Прият землю и срет небо. Прият, еже видяше, и впаде во еже не видяше. Где твое, смерти, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низверглся еси. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь жительствует. Воскресе Христос, и мертвый ни един во гробе. Христос бо, восстав от мертвых, Начаток усопших бысть. Тому слава и держава во веки веков. Аминь.

1 «Слово огласительное» – одно из известнейших слов Иоанна Златоуста. Популярность «Слова» была столь велика, что оно со временем вошло в богослужбное употребление и до сих пор читается священником с амвона на каждой Пасхальной утрени. Текст приводится на церковнославянском языке.

Печатается по: Настольная книга священнослужителя. – М., 2001. Т. 4. – Автор перевода неизвестен.

Письма к Олимпиаде

Госпоже моей достопочтеннейшей и боголюбнейшей диакониссе Олимпиаде, епископ Иоанн, о Господе радоваться¹

Письмо I

1 Хочу излечить рану твоего уныния и рассеять мысли, собирающие это облако скорби. Что, в самом деле, смущает твой дух, почему ты печалишься и скорбишь? Потому, что сурова и мрачна эта буря, которой подверглись церкви? Потому, что все превратила она в безлунную ночь и день ото дня все более усиливается, причиняя тяжкие кораблекрушения? Потому, что растет гибель вселенной? Знаю это и я, да и никто не будет прекословить этому. Если желаешь, я изображу даже тебе картину того, что теперь происходит, чтобы сделать для тебя более ясными настоящие печальные события. Мы видим, что море бурно вздымается от самого дна; одни корабельщики плавают по поверхности вод мертвые, другие ушли на дно; корабельные доски развязываются, паруса разрываются, мачты разламываются, весла повыпадали из рук гребцов, кормчие сидят, вместо рулей, на палубах, обнимают руками колена и только рыдают, громко кричат, плачут и сетуют о своем безысходном положении; они не видят ни неба, ни моря, а повсюду лишь такую глубокую, беспросветную и мрачную тьму, что она не позволяет им замечать даже и находящихся вблизи, слышится шумное рокотание волн, и морские животные отовсюду устремляются на пловцов. Но до коих пор, впрочем, гнаться нам за недостижимым? Какое бы подобие ни нашел я для настоящих бедствий, слово слабеет пред ними и умолкает. Впрочем, хотя я и вижу все это, я все-таки не отчаиваюсь в надежде на лучшие обстоятельства, памятуя о Том Кормчем всего этого, Который не искусством одерживает верх над бурей, но одним мановением прекращает волнение моря. Если же Он делает это не с самого начала и не тотчас, то потому, что таков у Него обычай: не прекращать опасностей вначале, а тогда уже, когда они усилятся и дойдут до последних пределов, и когда потеряет уже надежду; тогда-то Он, наконец, совершает

чудесное и неожиданное, проявляя и собственное Свое могущество и приучая к терпению подвергающихся опасностям. Итак, не падай духом.

Ведь одно только, Олимпиада, страшно, одно искушение, именно только грех, – и я не перестаю до сих пор напоминать тебе это слово, – все же остальное – басня, – укажешь ли ты на козни или на ненависть, или на коварство, на ложные допросы или бранные речи и обвинения, на лишение имуществ или изгнания, или заостренные мечи, или морскую бездну, или войну всей вселенной. Каково бы все это ни было, оно и временно и скоропреходяще, и имеет место в отношении к смертному телу и нисколько не вредит трезвой душе. Поэтому и блаженный Павел, желая показать ничтожество радостей и печалей, приключаящихся в настоящей жизни, разъяснил все одним изречением: видимая бо временна (2 Кор. IV, 18). Итак, зачем тебе бояться временного, протекающего подобно речным потокам? – потому что таково настоящее, все равно – будет ли оно радостно или печально. Другой же пророк все человеческое счастье сравнил не с травой даже, а с другим, более ничтожным веществом, назвавши все вместе цветом травы, и счел (этим цветом) не часть только счастья, например – только богатство, или только роскошь, или обладание властью, или почести; но все, что у людей считается славным, обняв одним именем «славы», уподобил затем траве, сказав: всяко слава человека, яко цвет травный (Ис. XL, 6).

2 Однако ужасно и тяжело, скажешь, несчастье. Но смотри, как и оно, в свою очередь, приравнивается пророком к другому образу, – и относись с презрением и к нему. Именно, уподобляя бранные речи, оскорбления, укоризны, насмешки со стороны врагов и злые замыслы изветшавшей одежде и изъеденной молью шерсти, пророк говорил: не бойтесь укорения человека и похулению их не покоряйтесь, потому что состареются, как риза, и будут изъедены, как шерсть молью (Ис. LI, 7-8). Итак, пусть не смущает тебя ничто из того, что происходит. Перестань звать на помощь то того, то другого, и гнаться за тенями (а такова человеческая помощь), но призывай непрестанно Иисуса, Которому ты служишь, чтобы Он только благоизволил: и все бедствия прекратятся в один миг. Если же ты призывала, а бедствие не устранено, то таков у Бога обычай: не сначала (я повторю то, что сказал выше) удалять бедствия, но когда они достигнут наибольшей высоты, когда усилятся, когда враждующие изольют почти всю свою злость, – тогда, наконец, все сразу изменять в состояние тишины и производить неожиданные перемены. Он может произвести не только те блага, каких мы ожидаем и надеемся (получить), но гораздо

большие и бесконечно ценнейшие. Поэтому и Павел говорил: Могущему же паче вся творити то преизбыточеству, ихже просим или разумеем (Еф. III, 20). Разве Он не мог, в самом деле, сначала же не допустить трем отрокам подвергнуться искушению (Дан. III)? Мог, но не пожелал, чтобы доставить им чрез это большую выгоду. С этой целью Он допустил и то, чтобы они были преданы в руки иноплеменников, и – чтобы печь была разожжена до несказанной степени, и – чтобы гнев царский пылал сильнее печи, и – чтобы крепко связаны были их руки и ноги, и – чтобы, наконец, ввергнуты они были в огонь: и когда все, созерцавшие их, отчаялись в их спасении, тогда-то нежданно и вопреки всякой надежде проявилось чудное дело превосходнейшего Художника – Бога, и просияло с превосходною силою. Именно, – огонь связывался, а узники разрешались; печь сделалась храмом молитвы, источником и росой, и стала почетнее царских дворцов, – и над огнем, этой всепожирающей силой, которая преодолевает и железо, и камни, и побеждает всякое вещество, одержала верх природа волос. И здесь стоял согласный хор святых, призывавших всю тварь, и небесную и земную, к дивному песнопению: они пели, воссылая благодарственные гимны за то, что были связаны, за то, что – насколько это зависело от врагов – были сожигаемы, за то, что были изгнаны из отечества, за то, что стали пленниками, за то, что были лишены свободы, за то, что сделались не имеющими городов, бесприютными и переселенцами, за то, что жили в чужой и иноплеменной земле, – таково свойство благодарной души. И вот, когда и злодеяния врагов были кончены (что еще могли бы они предпринять после смерти?), и добродетель борцов проявилась во всей своей полноте, когда сплетен был для них венец, собраны были награды, и ничего уже не осталось больше для их прославления, – тогда-то именно бедствия устраняются, и тот, кто возжег печь и предал отроков столь великой муке, начинает дивно прославлять этих святых борцов и делается вестником необычайного чуда Божия, посылает во все стороны вселенной письма, полные благохваления, повествуя в них о случившемся, и делается таким образом достоверным вестником чудес дивнотворца Бога, потому что если он сам (прежде) был врагом и неприятелем, то писанное им не возбуждало уже в себе подозрения и у врагов.

3 Видишь искусство Бога? Видишь Его мудрость? Видишь, что Он совершает не то, что согласно с обычными мнениями и ожиданиями? Видишь Его человеколюбие и попечительность? Поэтому не смущайся и не тревожься, но пребывай постоянно, благодаря Бога за все, славословь Его, призывай, проси, умоляй, и хотя бы наступили бесчисленные смятения и волнения, или происходили пред глазами твоими бури, пусть

ничто это не смущает тебя. Господь ведь у нас не сообразуется с затруднительностью обстоятельств, даже если все впадает в состояние крайней гибели, так как Ему возможно поднять упавших, вывести на дорогу заблудших, исправить подпавших соблазну, исполненных бесчисленных грехов освободить от них и сделать праведными, оживотворить лишенных жизни, восстановить еще с большим блеском то, что разрушено до основания и обветшало. В самом деле, если Он делает, что рождается то, чего не было, и дарует бытие тому, что нигде вовсе не проявлялось, то гораздо скорее Он исправит существующее уже и происшедшее. Но, скажешь, много погибающих, много соблазняющихся? Много и подобного часто уже случалось; но впоследствии все однако получало соответствующее исправление, исключая тех, кто упорно пребывал в неисцелимой болезни и после перемены обстоятельств. Зачем ты смущаешься и грустишь, если тот изгнан, а тот, напротив, возвращен? Христа распинали и требовали освобождения разбойника Вараввы, возвращенный народ кричал, что лучше должен быть спасен человекоубийца, чем Спаситель и Благодетель. Скольких людей, ты думаешь, это тогда соблазнило? Скольких это тогда погубило? Но лучше следует повести речь с более ранних событий. Этот Распятый не тотчас ли по Своем рождении сделался переселенцем и беглецом, и со всем Своим домом, находясь еще в колыбели, переселялся в чужую землю, отводимый в страну иноплеменников, отделенную (от Его родины) столь большим пространством пути? И вот по этой причине явились потоки крови, незаконные убийства и заклание; все только что явившееся на свет поколение убивалось, как бы в бою на войне; дети, отрываемые от сосцов, предавались закланию, и когда еще было молоко в гортани, вонзался меч чрез горло и шею. Что тяжелее этого печального события? И это делал искавший убить Христа; и долготерпеливый Бог терпел, когда дерзко измышлялось такое ужасное злодеяние, когда лилось столько крови, – терпел, хотя мог бы воспрепятствовать, показывая столь великое долготерпение вследствие тайных и мудрых Своих планов. Когда, затем (Христос) возвратился из страны иноплеменников и вырос, против Него начала возбуждаться вражда отовсюду. Сначала недоброжелательствовали и завидовали ученики Иоанна, хотя сам Иоанн относился с почтением к делу Его, и говорили, что Иже бе с тобою обон пол-Иордана, се Сей крещает и вси грядут к Нему (Ин. III, 26); это были слова людей, находившихся в состоянии раздражения, одержимых завистью и изнуряемых этою болезнью. Потому-то один из учеников, сказавших эти слова, даже спорил с некоторым иудеянином и состязался об очищении, крещение сравнивая с крещением, крещение Иоанново – с крещением учеников Христа. Бысть, говорится, стязание от учеников Иоанновых с

некоторым иудеянином о очищении (Ин. III, 25). Когда опять Христос начал творить знамения, сколько было злословия? Одни называли Его самарянином и беснующимся, говоря, что самарянин еси Ты, и беса имаши (Ин. VIII, 48), другие – обманщиком, говоря: несть Сей от Бога, но льстит народ (Ин. VII, 12), иные – волшебником, говоря, что о князе бесовstem Веельзевуле изгонит бесы (Мф. IX, 34), и это повторяли постоянно; называли врагом Богу и любящим есть и служить чреву, любящим пить вино и другом людей порочных и развращенных: прииде, говорится, сын человеческий ядый и пия, и говорят: вот сей человек ядца и винопийца, друг мытарем и грешником (Лк. VII, 34). Когда же беседовал с блудницею, называли Его лжепророком; аще бы, был пророк, говорится, то знал бы, кто эта женщина, говорящая с Ним (Лк. VII, 39); и ежедневно изощрали зубы против Него. И не иудеи только так враждовали против Него, но и те сами, которые, казалось, были братьями его, не относились к Нему искренно, и из среды домашних была возбуждаема против Него вражда. Как растленны были и они, это усматривай из слов, какие сказал евангелист: ни братия бо Его вероваху в Него (Ин. VII, 5).

4 Если затем, ты вспоминаешь, что многие соблазняются и вводятся в заблуждение теперь, то (спрошу тебя): сколько, думаешь ты, из учеников Его соблазнилось во время креста? Один предал, другие убежали, третий отрекся, и когда все отстали – был ведом только один связанный. Сколько, ты думаешь, соблазнилось в то время из тех, которые недавно зрели Его творящим знамения, воскрешающим мертвых, очищающим прокаженных, изгоняющим бесов, источающим хлебы и совершающим другие чудеса (соблазнилось при виде того), как Его только вели связанным, когда Его окружали ничтожные воины, и священники иудейские следовали за Ним, производя шум и смятение, при виде того, что все враги только, захватив Его, держат в своей среде, и что предатель присутствует при этом и торжествует? А что, когда Его бичевали? И вероятно, при этом присутствовало бесчисленное множество людей, потому что был славный праздник, который собирал всех, а городом, приившим это зрелище беззакония, была столица, и происходило это в самый полдень. Итак, сколько людей, думаешь, присутствовало тогда и соблазнялось, видя, как Он был связан, подвергнут бичеванию, обливался кровью, испытывался судилищем игемона, и при этом не было никого из Его учеников? А что, когда совершались над Ним разнообразные издевательства, следовавшие непрерывно одно за другим, когда то увенчивали Его тернием, то облакали в хламиду, то давали в руки трость, то, падая, поклонялись Ему, проявляя все виды издевательства и осмеяния? Сколько людей, ты думаешь, соблазнялось, сколько

приходило в смущение, сколько приводилось в замешательство, когда били Его по ланите и говорили: прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя? (Мф. XXVI, 68). Когда водили Его туда и сюда, истратили весь день на остроты и ругательства, на издевательство и осмеяние, и это – в середине иудейского зрелища? А что, когда раб архиерея ударял Его? А что, когда воины разделяли Его одежды? А когда Он, обнаженный, был вознесен на крест со следами бичей на спине, и был распинаем? Ведь даже и тогда эти дикие звери не смягчались, но делались еще более бешеными, и злодеяния усугублялись, и издеательства усиливались. Одни говорили: разорь церковь, и тремя денми созидай ю (Мф. XXVII, 40). Другие говорили: иные спасе, Себе ли не может спасти (ст. 42)? Иные говорили: аще Сын еси Божий, сними со креста и уверуем в Тебя (ст. 40, 42). А что, когда напивавши губу желчию и уксусом, оскорбляли Его? А что, когда разбойники поносили Его? А что (о чем я и прежде говорил: о том страшном и беззаконнейшем деле), когда говорили, что более достойно требовать освобождения не Его, а того разбойника, вора и виновника бесчисленных убийств, и, получивши от судьи право выбора, предпочли Варавву, желая не только распять Христа, но и запятнать Его худою славою? Думали, что отсюда можно сделать вывод, что Он был хуже разбойника, и так беззаконен, что Его не могли спасти ни человеколюбие, ни достоинство праздника. Ведь все они делали ради того, чтобы переменить мнение о Нем в худую сторону; потому-то распяли вместе с Ним и двух разбойников. Но истина не осталась скрытою, а просияла даже сильнее. И в присвоении царской власти обвиняли Его, говоря: всяк, иже царя себе творит, не друг Кесарю (Ин. XIX, 12), – на Того, Кто не имел, где приклонить главу, возводя обвинение в желании царской власти. И в богохульстве делали ему ложное обвинение: первосвященник разодрал свои одежды, говоря: хулу глагола: что еще требуем свидетелей? (Мф. XXVI, 65). А смерть какова? Разве не насильственная? Разве не смерть осужденных? Не смерть проклятых? Разве не самая постыдная? Разве не смерть самых последних беззаконников, недостойных даже испустить и дыхание на земле? А устройство погребения не совершается ли в качестве милости? Некто, придя, испрашивал себе Его тело. Таким образом, даже и погребающий Его не был из числа близких, благодетельствованных Им, из числа учеников, насладившихся столь полной близостью к Нему и вкусивших спасения, так как все они сделались беглецами, все убежали. А та худая молва, которую распустили по воскресении, сказавши, что пришли ученики Его и украдоша Его (Мф. XXVIII, 13), сколь многих соблазнила, сколь многих ввела в обман? Эта молва тогда находила доверие, и хотя она была ложна и куплена за деньги, все же возымела силу в сознании некоторых, после печатей, после столь великой

очевидности истины. Народ же и не знал учения о воскресении. Это и неудивительно, когда и сами ученики не верили: тогда они и не знали, говорится, яко подобает Ему из мертвых воскреснути (Ин. XX, 9). Итак, сколько, думаешь, соблазнилось в те дни? Но долготерпеливый Бог переносил, все устрояя по Своей неизглаголанной мудрости.

5 Потом, после трех дней, ученики опять скрываются, прячутся, становятся изгнанниками, пребывают в трепете и постоянно меняют место за местом, чтобы укрыться, и после пятидесяти дней начав показываться и творить знамения, даже и тогда не пользовались безопасностью. Но и среди более слабых происходило множество соблазнов, когда ученики были подвергаемы плетям, когда Церковь была потрясаема, когда ученики изгонялись, когда враги во многих местах делались сильными и производили смятения. Так, когда, благодаря знамениям, ученики приобрели большее дерзновение, тогда опять смерть Стефана причинила тяжелое преследование, рассеяла всех и ввергла церковь в смятение; ученики опять в страхе, опять в бегстве, опять в тревоге. И все же дела церкви постоянно росли, процветали чрез знамения, светлели вследствие (положенных в их основание) начал. Один был спущен чрез окно, и таким образом избежал рук начальника; других вывел Ангел, и таким образом освободил от уз; иных, изгоняемых теми, которые обладали могуществом, принимали и услуживали всяким образом торговцы и ремесленники, торгующие пурпуром женщины, приготавливающие палатки и кожевники, живущие на самых окраинах городов, подле самого берега моря. А часто ученики Христовы даже не осмеливались и показываться в середине городов; если же они сами и осмеливались, то не дерзали оказавшие им гостеприимство. Так-то текли дела посреди искушений, посреди успокоений, и раньше соблазненные, впоследствии поправлялись, заблудшие приводились опять на путь и разрушенное до основания устраивалось еще лучше. Поэтому когда св. Павел просил, чтобы проповедь распространялась только среди тишины, всеумудрый и все прекрасно устрояющий Бог не сделал по воле ученика, не внял ему, несмотря и на частые его просьбы, но сказал: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается (2 Кор. XII, 9). Если желаешь и теперь поразмыслить наряду с печальными событиями и о радостных, то увидишь много если не знамений и чудес, то во всяком случае похожего на знамения и неизреченное множество доказательств великого Промышления Божия и помощи. Но, чтобы ты не все услышала от нас без всякого труда, эту часть я оставляю тебе, дабы ты тщательно собрала все (радостное) и сопоставила с печальным, и, занявшись прекрасным делом, отклонила себя таким образом от уныния, потому что и отсюда ты получишь большое утешение. Утешь

весь твой благословенный дом, передав от нас великое приветствие. Пребывай сильною и радостною, достопочтеннейшая и боголюбезнейшая моя госпожа!

Если желаешь писать мне пространно, то извести меня об этом, не обманывая меня однако, что ты оставила всякое уныние и проводишь жизнь в спокойствии. В том ведь и заключается лекарство моих писем, чтобы доставить тебе большую радость: и ты будешь получать от меня письма постоянно. Но не пиши мне опять: «я получаю большое утешение от твоих писем», потому что знаю и я; (пиши) – что получаешь такое (утешение), какое я хочу, что не смущаешься, не плачешь, а проводишь жизнь в спокойствии и радости.

К ней же письмо IX

Всякий раз как я увижу толпы мужей и женщин, которые высыпают на дорогах, на станциях, по городам, и смотрят на нас, и плачут, я понимаю, как обстоит дело у вас. В самом деле, если эти, увидевши нас теперь в первый раз, так сокрушаются унынием, что не могут легко прийти в себя, и несмотря на наши мольбы, просьбы и советы проливают горячие источники слез, то у вас, очевидно, буря еще суровее. Но чем суровее буря, тем больше и награды, если вы постоянно переносите ее с благодарением и с подобающим мужеством, как действительно вы и переносите. Так и кормчие, когда дует сильный ветер, если распустить паруса свыше надлежащей меры, опрокидывают корабль, а если станут управлять им соответственным образом и как следует, то плывут с полной безопасностью. Итак, зная это, моя боголюбезнейшая госпожа, не отдай себя во власть уныния, но рассудком одерживай верх над бурей: ведь ты в состоянии, и буря не больше твоего искусства. Посылай нам письма, извещая об этом, чтобы мы, живя в чужой земле, получили большую радость, узнав, что ты перенесла это уныние с подобающим тебе благоразумием и мудростью. Это я написал твоей честности, когда уже шел близ Кесарии.

К ней же письмо XVI

И то и другое – дело неизреченного человеколюбия Бога, – как то, что Он попускает навести на тебя столь великие и до такой степени непрерывные искушения, чтоб блистательнее были для тебя венцы, так и то, что Он делает весьма скорое

освобождение от них, чтоб ты, с другой стороны, не мучилась продолжительностью причиняемых бедствий. Так точно Бог управлял жизнью и тех благородных мужей, разумею апостолов и пророков, то позволяя волнам возбуждаться, то запрещая морю зол и после тягостной бури производя приятную тишину. Поэтому перестань плакать и мучить себя печалью и не смотри только на причиняемые непрерывные и частые несчастья, а смотри и на весьма быстрое освобождение от них и на рождающуюся для тебя отсюда неизреченную награду и воздаяние. Все нанесенные тебе несчастья сравнительно с теми наградами, которые за них должны быть даны тебе, не что иное, как паутина, тень и дым, или и того еще ничтожнее. Что, в самом деле, значит быть изгнана из города и менять места за местами, быть отовсюду гониму, терпеть лишение имущества, быть влачимым по судилищам, подвергаться терзаниям со стороны воинов, терпеть страдания от получивших бесчисленные благодеяния, и быть оскорбляему и от слуг, и от свободных, – что это значит, когда наградой за это будет небо и те чистые блага, которых нельзя и выразить словом, которые не имеют конца, но доставляют собою вечное наслаждение? Итак, перестав размышлять о кознях, оскорблениях, лишении имущества, постоянных переселениях, проведении жизни в чужой земле, и попирая это легче всякой грязи, думай о тех сокровищах, которые собраны тебе за это на небесах, о прибыли неизживаемой и богатстве неприкосновенном. Но тело твоё вследствие этих трудов и бедствий приведено в плохое состояние, и козни врагов причинили болезнь? Опять указываешь мне основание для другой награды, великой и неизреченной. Ты знаешь, знаешь ясно, что значит благородно и с благодарностью перенести болезнь тела. Это, о чем я часто говорил, увенчало Лазаря, это опозорило диавола при состязаниях, какие вел Иов, и явило борца, благодаря такому терпению, более славным. Это прославило его еще больше и любви к бедным, и презрения имущества, и той внезапной потери детей, и бесчисленных напастей, и совершенно заградило бесстыдные уста того злого демона. Итак, и сама непрестанно размышляй об этом, радуйся и веселись, доведя до конца величайший подвиг и кротко перенося главное из испытаний, прославляя за это человеколюбивого Бога, Который хотя и может все сразу уничтожить, но попустил этому быть, чтобы эта прекрасная прибыль была для тебя более блестящею. Потому и мы не перестаем ублажать тебя. Мы обрадовались, что ты, освободившись от тяжб и хлопот, как тебе подобало, положила делу конец и порешила его, – ни малодушно не отвергая их (тяжб и хлопот), ни упорно не настаивая на них, и не втянувши себя в суды и проистекающие от них бедствия, а прошла средним путем, получив приличную тебе свободу и во всем показав большое благоразумие, доказав и долготерпение, и твердость,

и стойкость, и способность твоего благоразумия не поддаваться обману.

1 Святая Олимпиада – духовная дочь Иоанна Златоуста, его помощница в церковных делах. Ко времени написания «Писем» (начало V века) Олимпиада пребывала в ссылке. Златоуст, сам будучи в изгнании, призывает свою духовную дочь к терпению и вере.

Печатается по: Святой Иоанн Златоуст. Письма к Олимпиаде. – М., 1997. – Автор перевода неизвестен.